

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

К 300-летию Российской академии наук

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

PERSONALITY PSYCHOLOGY

To the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences

Vol. XXI, Issue 4, 2024

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

Том XXI

Выпуск 4, 2024

Хабаровск, 2024

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

Vol. XXI

Issue 4, 2024

Khabarovsk, 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Н.И. Мартишина**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **С.М. Пак**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
Ю.А. Тюрина, д-р социол. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
Ж.В. Петрунина, д-р ист. наук, проф.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф.; **И.В. Пахно**, канд. психол. наук, доц.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

В.В. Халиман (web-мастер); **Е.В. Листопадова**, канд. социол. наук, доц. (технический секретарь);
М.А. Никитина, канд. филол. наук, доц. (переводчик)

*Научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке»
включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки»
по следующим отраслям научного знания и научным специальностям:*

*10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки);
10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки);
5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2. История философии (философские науки);
5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер
и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy), Editor-in-chief

Andrei P. Zabayko, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)

Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Natalya I. Martishina, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor

Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)

Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor

Svetlana M. Pak, Doctor of Science (Philology), Professor

Nobuyuki Honna, PhD (Japan)

Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor

Raymond Hickey, PhD (Germany)

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Klarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)

Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor

Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor

Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor

Laura Rogers, PhD (USA)

Martin Koschorke, PhD (Germany)

Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,

Executive Editor (Problems of the Far East), Deputy Editor

Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor

Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor

Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Executive Secretary)

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor

Zh.V. Petrunina, Doctor of Science (History), Professor

MANAGING EDITORS

Klarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor

Irina V. Pakhno, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor

EDITORIAL STAFF

V.V. Haliman (Web Designer); **E.V. Listopadova**, Candidate of Science (Sociology), Associate Professor (Technical Secretary);

M.A. Nikitina, Candidate of Science (Philology), Associate Professor (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Far Eastern State Transportation University»
Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision:
Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

О Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы психологии личности»..... 10

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Маниковская М.А. Идея личности: существо способа её экзистенции..... 14

Стрижицкая О.Ю., Стрельников Г.И. Проактивный подход к старению: взгляд Восток – Запад..... 22

Королёв А.Д. Ловушки нашего времени (новая реальность и инфантильное сознание)..... 31

Павлова Е.В. Вовлеченность личности в пространство жизнеосуществления:
общая характеристика проблемного поля исследования..... 36

Вторушина Ю.С. Психологический конструкт «образ мира» как универсальный инструмент изучения
восточноазиатской этнической группы..... 44

Березовская С.М. Оценка политической личности на основе интегративной теории Теодора Миллона..... 49

Будрина Е.Г. Когнитивный стиль полезависимость/полenezависимость
в старшем подростковом возрасте: сравнение показателей на интервале 20 лет..... 56

Воробьёва И.А. Использование арт-терапии для диагностики состояния тоски 63

Антонова А.И. Проблема жизнестойкости: аналитический обзор психологических исследований 70

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕСУРСНОГО ПОДХОДА

Пилипенко Т.С., Чепиков Е.В. Субъектные характеристики феномена самопринятия..... 76

Анчукова Н.И., Масленникова К.А. Самоотношение и self-система личности
в контексте проблемы личностных ресурсов переживания стресса..... 81

Григорьева Н.Г., Шустрова А.А. Ответственность как актуальный личностный ресурс
современного молодого человека 87

Харчевникова Е.В., Нефёдова В.В. Стратегии когнитивной регуляции эмоций у психологов
с разным типом проявления жизнестойкости..... 93

Галактионов И.В., Гребенник И.Д. Половые и гендерные особенности Я-концепции
и самоотношения в старшем подростковом возрасте 98

Болванович С.А. Проблема формирования психоэмоциональных и когнитивных оснований
жизнестойкости субъекта в перинатальный период его жизни 104

ЛИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Гончарова Е.В., Путинцева Е.И. Индивидуально-личностные предикторы эскапизма
пользователей социальных сетей 114

Браженская Н.Е. Развитие семейных ценностей студентов в цифровую эпоху..... 120

Маховская О.И. Феномен материнской агрессии в контексте цифровой социализации 124

Злобина О.Г., Карякин Р.В. Влияние цифровых технологий обучения
на личность студентов технических специальностей 132

ЛИЧНОСТЬ И ПРОФЕССИЯ

Никитина А.А. Переживание смысла деятельности у педагогов высшей школы
с разным уровнем профессиональной востребованности личности 138

<i>Бадалян Ю.В., Зенина С.Р.</i> Психологическая компетентность педагога: структура, содержание, факторы развития	146
<i>Ермакова Е.С.</i> Профессиональное выгорание и личностные характеристики педагогов дошкольного образования	153
<i>Кора Н.А.</i> Преподавательская профессия в Китае: мотивы профессиональной деятельности и удовлетворенность трудом	161
<i>Кулеш Е.В.</i> Самоорганизация педагога в условиях межкультурного взаимодействия полиэтнического региона	169
<i>Леженина А.А., Ишмухаметова А.Д.</i> Личностные ресурсы противодействия профессиональному выгоранию сотрудников наркоконтроля.....	176
<i>Зенина С.Р., Бадалян Ю.В.</i> Удовлетворенность трудом как фактор субъективного благополучия менеджеров.....	183

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Ким А.С., Свирид Д.И.</i> Социально-экономические аспекты раннего предупреждения социальной напряжённости на Дальневосточных территориях (на примере Хабаровского края)	191
<i>Комарова В.В., Леженина А.А., Леженина А.Д.</i> Социально-психологические факторы закрепления и удержания молодёжи на Дальнем Востоке России	196
<i>Пляскин А.К., Агранат Ю.В.</i> Роль образовательного партнерства в модели формирования компетенций студентов (на примере образовательных проектов Дальневосточного государственного университета путей сообщения)	203
<i>Резанова Н.В., Помченко М.А., Ахмолина В.Ю.</i> Взаимосвязь эмоционального выгорания с субъективным благополучием личности педагогов (на примере педагогических работников сельских школ Дальнего Востока)	210
<i>Тимошенко В.Н., Паламар В.Н.</i> Отказ от политики самообороны и реакция стран Азиатско-Тихоокеанского региона на усиление Японии	217
<i>Фалеева Е.В., Тумилевич Е.Н., Фалеев М.Д.</i> Использование технологии блокчейн в управлении организациями Дальнего Востока России.....	223
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ	228
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ (2024)	229

CONTENTS

Introduction	10
--------------------	----

PERSONALITY PSYCHOLOGY

METHODOLOGICAL AND THEORETICAL PROBLEMS OF PERSONALITY PSYCHOLOGY

<i>Manikovskaya M.A.</i> The Idea of Personality: the Essence of Its Mode of Existence.....	14
<i>Strizhitskaya O.Yu., Strelnikov G.I.</i> Proactive Approach to Aging: East – West Perspective.....	22
<i>Korolev A.D.</i> The Pitfalls of Our Time (New Reality and Infantile Consciousness).....	31
<i>Pavlova E.V.</i> Involvement of the Individual in the Space of Life-Realization: General Characteristics of the Problematic Field of Research	36
<i>Vtorushina Yu.S.</i> The Psychological Construct "The Image of the World" as a Universal Tool for Studying the East Asian Ethnic Group.....	44
<i>Berezovskaya S.M.</i> Assessment of a Political Personality Based on Theodore Millon's Integrative Theory.....	49
<i>Budrina E.G.</i> Cognitive Style of Field Dependence/Independence in Late Adolescence: a Comparison of Indicators Over a 20-year Period.....	56
<i>Vorobeva I.A.</i> The Implementation of Art Therapy to Diagnose the State of Anguish.....	63
<i>Antonova A.I.</i> The Problem of Resilience: an Analytical Review of Psychological Research	70

ISSUES IN PERSONALITY PSYCHOLOGY IN THE CONTEXT OF THE RESOURCE APPROACH

<i>Pilipenko T.S., Chepikov E.V.</i> Subjective Characteristics of the Phenomenon of Self-Acceptance	76
<i>Anchukova N.I., Maslennikova K.A.</i> Self-Attitude and Self-System of Personality in the Context of the Problem of Personal Resources for Experiencing Stress	81
<i>Grigoryeva N.G., Shustrova A.A.</i> Responsibility as an Actual Personal Resource of a Modern Young Person.....	87
<i>Harchevnikova E.V., Nefedova V.V.</i> Cognitive Emotion Regulation Strategies Among Psychologists With Different Types of Manifestations of Resilience	93
<i>Galaktionov I.V., Grebennik I.D.</i> Sexual and Gender Features of Self-Concept and Self-Attitude in Senior Adolescence.....	98
<i>Bolvanovich S.A.</i> The Problem of Forming Psycho-Emotional and Cognitive Foundations of Resilience in the Perinatal Period.....	104

PERSONALITY IN THE DIGITAL AGE

<i>Goncharova E.V., Putintseva E.I.</i> Individual-Personal Predictors of Social Media Users' Escapism	114
<i>Brazhenskaya N.E.</i> Development of Students' Family Values in the Digital Age.....	120
<i>Makhovskaya O.I.</i> The Phenomenon of Mothers' Aggression in Digital Socialization	124
<i>Zlobina O.G., Karyakin R.V.</i> The Impact of Digital Technologies on Students of Technical Specialties	132

PERSONALITY AND PROFESSION

<i>Nikitina A.A.</i> Experience of the Meaning of Activity Among Lecturer at the Higher School With Different Levels of Professional Relevance	138
<i>Badalyan Yu.V., Zenina S.R.</i> Psychological Competence of a Teacher: Structure, Content, Factors of Development.....	146
<i>Ermakova E.S.</i> Professional Burnout and Personal Characteristics of Preschool Teachers.....	153

<i>Kora N.A.</i> Teaching Profession in China: Motives for Professional Activity and Job Satisfaction	161
<i>Kulesh E.V.</i> Teachers' Self-Organization in the Context of Intercultural Interaction in a Multi-Ethnic Region	169
<i>Lezhenina A.A., Ishmukhametova A.D.</i> Personnel Resources to Counter the Professional Burnout of Drug Control Officers	176
<i>Zenina S.R., Badalyan Yu.V.</i> Job Satisfaction as a Factor of Subjective Well-Being of Employees	183

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Kim A.S., Svirid D.I.</i> Socio-Economic Aspects of Early Warning of Social Tension in the Far Eastern Territories (Using the Example of the Khabarovsk Territory)	191
<i>Komarova V.V., Lezhenina A.A., Lezhenina A.D.</i> Social and Psychological Factors for Retaining Youth in the Russian Far East.....	196
<i>Plyaskin A.K., Agranat Yu.V.</i> The Role of Educational Partnerships in Increasing the Competence of Students (On the Example of Educational Projects of the Far Eastern State Transport University)	203
<i>Rezanova N.V., Pomchenko M.A., Akhmolina V.U.</i> The Relationship Between Emotional Burnout and the Subjective Well-Being of Teachers (on the Example of Teaching Staff in Rural Schools in the Far East)	210
<i>Timoshenko V.N., Palamar V.N.</i> Reaction of APAC Countries to the Strengthening of Japan	217
<i>Faleeva E.V., Tumilevich E.N., Faleev M.D.</i> Using Blockchain Technology in Managing Organizations in the Far East.....	223
AUTHORS GUIDELINES.....	228
ARTICLE INDEX (2024)	236

О ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «Актуальные проблемы психологии личности»

24–25 октября 2024 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы психологии личности». Организаторы конференции: кафедры «Общая, инженерная и юридическая психология» и «Философия, социология и право» Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Дальневосточный институт психологии и психоанализа, Дальневосточное отделение Всероссийского психологического общества, Хабаровское отделение научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований.

Корреспондент журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» встретился с председателем программного комитета конференции **Воробьевой Кларисой Ивановной**, доктором психологических наук, профессором, ректором Дальневосточного института психологии и психоанализа, с заместителем председателя **Сердюковым Юрием Михайловичем**, доктором философских наук, профессором кафедры «Философия, социология и право» ДВГУПС, председателем Хабаровского отделения научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, и с участником конференции **Стрижицкой Ольгой Юрьевной**, доктором психологических наук, профессором, завкафедрой психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

Воробьева Клариса Ивановна

Корреспондент: Клариса Ивановна, эта была потрясающе интересная конференция. Удивительно, что ДВГУПС как технический вуз организует такие мероприятия. Что Вы скажете?

К.И. Воробьева: Это не удивительно, потому что двадцать пять лет назад, когда я работала здесь, ректор Григоренко Виктор Григорьевич, который пригласил меня создать кафедру психологии, сказал так: «Железнодорожник тоже человек. С ним должны работать специалисты, которые будут помогать в сохранении психологического, психического здоровья таких профессионалов, как машинисты и другие сотрудники железной дороги». И я поняла его запрос. Именно в направлении инженерной психологии, психологии труда здесь идёт работа вот уже более двадцати лет. На кафедре работают профессионалы в области инженерной психологии и эргономики. В прошлом году Татьяна Николаевна Соболева защитила докторскую диссертацию, на основе которой была создана программа-тренажер по принятию адекватного решения в экстремальной ситуации машинистом электропоезда. Она внедрена на всех дорогах России, и автор получила награду от министерства транспорта. Это я как пример привожу, для чего в техническом вузе нужна психология.

Корреспондент: Конференция состоялась. Что бы Вам как одному из организаторов конференции хотелось отметить?

К.И. Воробьева: Во-первых, соответствие конференции заявленному формату. Действительно, было всероссийское представительство. Я выражаю свою признательность и благодарность коллегам из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Благовещенска и других городов России за проявленный интерес к нашей конференции и участие в заседаниях. Межрегиональный обмен мнениями полезен всем. Он позволяет преодолевать стереотипы научного мышления, увидеть разнообразные подходы к исследованиям. Во-вторых, следует отметить, что в конференции приняли активное участие молодые ученые Дальнего Востока: достойно выступали на секционных заседаниях, задавали толковые вопросы выступающим на пленарном заседании, продемонстрировав таким образом свой интерес к психологической науке и практике.

Корреспондент: А какие, на Ваш взгляд, наиболее важные сегодня темы были подняты на конференции?

К.И. Воробьева: Сегодня суперважная тема — это психология жизнестойкости и жизнеспособности человека. Что это за способность, которая позволяет человеку в самых невероятно трудных ситуациях оставаться самим собой и идти вперед? Мы

говорим, что жизнеустойчивый человек – это тот, который выходит из боя возвышенным, стремящимся идти дальше, а не униженным, оскорбленным, избитым и не желающим дальше жить. На пленарном заседании Махнач Александр Валентинович, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Института психологии РАН по научной работе, представил доклад «Жизнеспособность профессионала: социально-психологические исследования в России», в котором сделал глубокий научный анализ развития теории и практики изучения жизнеустойчивости. А вообще все темы докладов были актуальны. Например, целая серия выступлений была посвящена проблемам личности в цифровом пространстве. Это новое направление в психологии личности. Здесь есть что изучать и над чем размышлять нашим психологам.

Корреспондент: Спасибо, Клариса Ивановна.

К.И. Воробьева: Спасибо Вам.

Сердюков Юрий Михайлович

Корреспондент: Юрий Михайлович, Дальневосточный государственный университет путей сообщения привычно ассоциируется с инженерным, техническим образованием, с железнодорожной отраслью. А когда мы слышим, что человек пошел изучать психологию в железнодорожный университет, как будто картинка не складывается. Вот что Вы можете сказать тем людям, которые сомневаются – идти изучать сюда психологию или не идти?

Ю.М. Сердюков: Назову два важных фактора. Первый: именно в Дальневосточном государственном университете путей сообщения с 2001 г. функционировал первый за Байкалом диссертационный совет по психологическим наукам. Я долгое время был членом этого Совета, и могу с уверенностью сказать, что профессиональное психологическое сообщество Дальнего Востока и Забайкалья во многом сформировалось под влиянием тех людей, ко-

торые получили ученые степени кандидата и доктора наук здесь, в нашем университете. Второе: в психологии есть очень серьезное и важное направление – «Психология труда». Это обширная предметная область в диапазоне от психологической подготовки космонавтов до психологической подготовки и реабилитации сотрудников спецслужб. Чрезвычайно важное направление психологии труда – подготовка работников транспортной отрасли. Например, машинистов поездов, помощников машинистов, на которых лежит ответственность за жизни пассажиров, за судьбу грузов и которые испытывают серьезные психологические нагрузки. С начала 2000-х гг. эта область психологии труда развивается именно здесь, в ДВГУПС. Было время, когда на кафедре психологии одновременно работали шесть докторов психологических наук! Среди них Людмила Викторовна Яссман, Тамара Хасьямовна Невструева, Клариса Ивановна Воробьева, Римма Дугаровна Санжаева. Именно они создали школу, которая занималась психологией труда в транспортной отрасли на высоком профессиональном уровне. Оппонентов, научных руководителей часто привлекали из ведущих организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Иркутска. Поэтому не удивительно, что именно в ДВГУПС происходила и происходит подготовка специалистов в области психологии, и что именно здесь состоялась наша конференция.

Корреспондент: На Ваш взгляд, какие важные проблемы психологии поднимались в докладах конференции?

Ю.М. Сердюков: Профессиональное психологическое обсуждение проблемы личности должно быть многоплановым. Именно поэтому, когда мы задумывали данную конференцию, то пытались совместить в её рамках различные подходы и направления. И в результате сложился комплекс интересных тем, начиная от психологических портретов политических лидеров ФРГ и заканчивая проблемами виртуальной идентичности субъекта. Были замечательные доклады из Института философии РАН (Москва), Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), Института психологии РАН (Москва).

Корреспондент: 2020 г. показал, насколько профессия психолога важна в нашей жизни, что сейчас очень сложно справляться с жизненными ситуациями без помощи специалиста. Как Вы считаете, действительно ли 2020 г. стал переломным в понимании того, что эти специалисты поистине нужны?

Ю.М. Сердюков: Совершенно верно. Конференция показала, что востребованность профессиональной психологической поддержки и реабилитации непрерывно растет. Было отмечено, что в ней прежде всего нуждаются жители мегаполисов:

Москвы и Санкт-Петербурга, где социальное и информационное давление на человека часто является причиной хронического стресса. Что касается ковида, то его пандемия, безусловно, обострила и актуализировала эту ситуацию. Люди, привыкшие жить в определенной социально-психологической ситуации, одновременно оказались предоставленными самим себе, в изоляции, к которой психологически были не готовы. Естественно, начали проявляться различные фобии, зависимости, и влияние психолога, востребованность психологической поддержки серьезно выросли с тех пор.

Есть еще одна ситуация, о которой обязательно надо упомянуть. 24 февраля 2022 г. началась специальная военная операция. Пока мы не имеем общей картины того, какое влияние боевые действия оказали и продолжают оказывать на наших военнослужащих, часто находящихся в ситуации хронического стресса и иногда возвращающихся с СВО с серьезными нарушениями психики, а также на их жен, детей, родителей, близких. Я об этом говорю не понаслышке, поскольку хорошо знаю, насколько сейчас востребована помощь квалифицированных психологов в стабилизации внутренней жизни этих людей, их психического состояния.

Корреспондент: Спасибо, Юрий Михайлович.

Ю.М. Сердюков: Спасибо Вам.

Стрижицкая Ольга Юрьевна

Корреспондент: Здравствуйте, эта конференция посвящена 300-летию образования Академии наук. Скажите, пожалуйста, чего Вы ожидали и сложилось ли это с реальностью? Как оно должно было быть и как оно случилось?

О.Ю. Стрижицкая: Не было четкого понимания, как должно это выглядеть. Очень интересно, разнообразно представлены доклады, которые мы услышали. Они различаются не только тематикой, но и специалистами, которые их представляют:

специалисты из технических наук, философии и психологической науки, т.е. конференция получилась в полной мере не только психологической, но и междисциплинарной.

Корреспондент: Согласны ли Вы, что сейчас психология востребована абсолютно во всех сферах. Я журналист, и для того, чтобы получился разговор, важно расположить человека к себе. Я должна понимать, что это за человек. Что Вы скажете?

О.Ю. Стрижицкая: Психология изучает, объясняет, интерпретирует и прогнозирует человеческое поведение. Это то, что лежит на поверхности. Это и более сложные внутренние психические процессы. Мне сложно представить, в какой сфере психология не нужна, даже если мы берем айти-специалистов, которые всегда работают удаленно, в системе «человек-знак», у них есть определенные психологические потребности, им нужна мотивация, им свойственно выгорание.

Корреспондент: Как Вы считаете, насколько обосновано внедрение психологии в технические специальности? Конечно, Вы уже сказали, что это должно быть везде, но, тем не менее, тесное взаимодействие технических моментов в разработке приложений, гаджетов и взаимодействие с гуманитарными науками – насколько это сейчас стоит на передовой?

О.Ю. Стрижицкая: На самом деле, я думаю, разработка приложений для человека, начиная с фитнес-приложений, стресс-приложений и заканчивая приложениями на основе искусственного интеллекта, которые пытаются бороться с мошенниками – все это требует понимания психологических процессов и механизмов. Другой вопрос, что касается мошенников, то мне кажется, что это гонка за своим хвостом, потому что мошенники придумывают схему, психологи и инженеры изобретают, как с ней бороться, и как только она перестает работать, мошенники должны придумать какую-то новую схему. И мы видим, что в последнее время, в связи с развитием технологий схемы появляются очень быстро, они настолько сложные, что даже психологам их не просто распознать. Нужно понимать, что этот процесс бесконечный.

Корреспондент: А что Вы можете сказать про специфику региона?

О.Ю. Стрижицкая: Я вчера немного об этом говорила, нам нужно глубже погружаться в специфику регионов: культурную, историческую, для того, чтобы наши исследования в большей степени отражали происходящее. У нас очень большая завязка на западные исследования, и это огромный пласт в психологии, который бессмысленно и не нужно отрицать, но также его нельзя брать под копирку. То есть мы должны видеть те связи, которые

получаются на западе, но мы должны их воспринимать через призму нашей российской действительности и специфику регионов, потому что у нас очень большая страна, она разнообразна, культурно богата. Она не сводится к Петербургу, Москве, и для того, чтобы принимать процессы, прежде всего, психологические, нужно понимать специфику тех мест, откуда люди родом.

Корреспондент: Я задам еще один вопрос, возможно, он будет не совсем корректным, но, тем не менее, Вы сказали про специфику региона. Мне хочется услышать Ваше мнение: чем мы, дальневосточники, психологически отличаемся от людей из центральных регионов?

О.Ю. Стрижицкая: Как мне кажется, с точки зрения среды, в которой Вы находитесь, это больше пространства, это больше открытости. Люди, которых я здесь вижу, очень открытые, более доброжелательные, гостеприимные. Здесь есть такая душевность, которая в больших городах с их темпом, ритмом, постоянной усталостью, вечной гонкой, вечными дедлайнами слегка затирается, слегка пропадает. А здесь есть возможность немножко вздохнуть и почувствовать жизнь, шагать чуть медленнее. И знаете, когда мы говорим про ресурсы, про восстановление, мы очень часто вспоминаем о том, что важно видеть жизнь вокруг тебя. Не просто бежать на работу сломя голову, ничего не видя, ничего не замечая. Уметь увидеть синицу на дереве, уметь увидеть какой-то рисунок на стене, уметь почувствовать запах осенних листьев. Мне кажется, что здесь есть возможность все это почувствовать. Пространство накладывает отпечаток на наше восприятие действительности.

Корреспондент: Вопрос про стереотипы. Питер – это всегда серо и хмуро. Хабаровск почти всегда солнечный город. Чувствуете ли Вы эту разницу на людях? Вы уже сказали, что да, мы гостеприимные, открытые. Питер – это депрессия, меланхолия, а Хабаровск солнечный такой и веселый. Есть ли такие ощущения? Я про поверхностные ощущения сейчас спрашиваю.

О.Ю. Стрижицкая: Вот для меня, знаете, Питер серый и меланхолия – это скорее для приезжих, которые ещё и неудачно попали в Питер, потому

что каждый местный житель знает, что в Питере очень много солнца, оно бывает практически каждый день. Я, например, никогда без солнечных очков из дома не выхожу. Потому что даже если за окном льет как из ведра, это не значит, что через полчаса не будет яркого солнца. Для меня самое большое различие в том, что Питер очень плоский. Он один из самых плоских городов не то что в России, вообще в мире, которые я видела. И когда приезжаешь сюда, для меня главное отличие – это рельеф. У нас всё такое гладенькое и какое-то спокойное. А здесь вот эти вечные сопки, вдали горы, в общем, какое-то есть ощущение сложности ландшафта.

Корреспондент: Да, и скажу Вам еще, что жить тут действительно не так уж и просто. Лето очень жаркое, зима очень холодная, москиты, цены и куча других всяких обстоятельств. Но мы шутим на тему того, что если пожить здесь полгода, то можно выжить где угодно. Дальневосточники могут вообще все. Как Вы думаете, мы правы или нет?

О.Ю. Стрижицкая: Я думаю, что это, конечно, касается в принципе всех российских регионов. Те, кто приезжают в Петербург, помимо красот, культуры, выставок и всего такого видят очень много дождя, и мы часто слышим: «вот опять дождь», «для печати фотографий из Петербурга не нужен цветной принтер», «все черно-белое», «тысяча оттенков серого». Например, людям из южных регионов очень сложно в Петербурге, потому что им не хватает солнца, не хватает тепла. И опять-таки, те, кто прожил в Петербурге долго, с нашей сменой погоды, с нашими белыми ночами, с нашими темными зимами и так далее, могут выжить практически где угодно. Вот это и есть специфика. Сибирь тоже. У нас в принципе большая часть страны находится в особых климатических зонах, где человек, возможно, и может жить, но не должен. Поэтому у нас есть определенная стойкость, есть у нас и готовность бороться за своё выживание, начиная с наших далеких предков, которым приходилось эти земли осваивать и выживать, и заканчивая нами. Условия не идеальные, но мы всё равно их любим.

Корреспондент: Спасибо большое, Ольга Юрьевна, за интервью.

О.Ю. Стрижицкая: Спасибо Вам и успехов!

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ
PERSONALITY PSYCHOLOGY
METHODOLOGICAL AND THEORETICAL PROBLEMS OF PERSONALITY PSYCHOLOGY

Научная статья

УДК 008:001

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-14-21

ИДЕЯ ЛИЧНОСТИ: СУЩЕСТВО СПОСОБА ЕЁ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Мария Алексеевна Маниковская

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, mary.manikovskaya@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-9165-5444>

Аннотация. В современных условиях динамично развивающегося и вместе с тем нестабильного мира гораздо острее проявляются экзистенциальные последствия усложняющихся социальных трансформаций и одновременно возрастает потребность осмысления и обоснования необходимости активирования личностного потенциала как рефлексивного ответственного поступка. Это в свою очередь инициирует прояснение способов валидной реализации идеи личности, которые благодаря регулятивному принципу обеспечат в полной мере творческое самоосуществление личности.

Ключевые слова: идея личности, личностный потенциал, экзистенция, поступок, регулятивный принцип, нравственность

Original article

THE IDEA OF PERSONALITY: THE ESSENCE OF ITS MODE OF EXISTENCE

Mariya A. Manikovskaya

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, mary.manikovskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9165-5444>

Abstract. In the modern conditions of a dynamically developing and at the same time unstable world, the existential consequences of increasingly complex social transformations are becoming much more apparent, and at the same time the demand for understanding and justifying the necessity for activation of personal potential as a reflexive responsible action is growing. This, in turn, initiates the clarification of the methods of valid realization of the idea of personality. Thanks to the regulatory principle these methods will fully ensure the creative self-realization of the individual.

Keywords: the idea of personality, personal potential, existence, action, regulatory principle, morality

Введение

Тематизация идеи личности детерминирована нынешней ситуацией, вследствие чего современный человек оказался в трагедийном средоточии «бытовых и бытийных тревог» (В. Библер). На повестке дня остро стоит вопрос о будущем человечества, еще острее – о возможности антропологической перспективы. Журнал, как мы полагаем, чутко реагируя на вызовы времени, заявил тему, исключительная актуальность которой возрастает быстрыми темпами. Довольно широкий проблемный контекст, обусловивший напряжение образованного эпистемологического поля, отчетливо демонстрирует свои притязания на определенную роль своей

значимости в трансформации современного мира в ближайшем будущем. Различия между очевидными детерминантами ведут к немыслимому прежде развитию техники и цифровых технологий. Безусловно, будущее человечества невозможно без этого порождения «хитрости разума» (Гегель). Не нужно обладать особой прозорливостью, ибо и на уровне обыденного сознания зримо ошеломляющие метаморфозы всех сфер человеческой жизни благодаря преобразующей силе новейших технологий, эффективное развитие которых обещает заманчивую перспективу преобразования не только экономики, становящейся безграничной цифровой сферой, но и человека вследствие совершенство-

вания искусственного интеллекта. Однако уже сегодня стало понятно, что современная эпоха своей все возрастающей технической мощностью поставила под вопрос подлинность человека, его идентичность, вызванную инструментализацией человеческого бытия, обусловленного цифровизацией всех сфер общества. К числу наиболее существенных рисков исследователи и эксперты относят возможную дегуманизацию общества, расчеловечивание человека, деформацию его идентичности и даже сведение к профайлу («цифровому человеку»), девальвацию морали и этики. Свидетельством нарастания рисков, порожденных новейшими технологиями, являются неоднозначно трактуемый трансгуманизм, либеральная евгеника, биохакинг.

Если исходить из проекта трансгуманизма, то его содержание будет реализовано уже к середине текущего столетия. Согласно радикально ориентированным представителям трансгуманизма цель антропологической перспективы – неочеловечество. Бессмертие человека станет возможным благодаря искусственному интеллекту, способному изменить природу человека с помощью созданной им трансгуманистической медицины. Основанная на технологиях кибернетических искусственных органов и систем, она призвана обеспечить перенос индивидуального сознания человека на небологический субстрат – искусственное тело [1].

Амбициозные притязания – и у либеральной евгеники, которая благодаря спровоцированному биотехнологическому вмешательству в природу человека способна таким образом её трансформировать, что человек лишается права быть автором собственной жизни [2].

Претензией на создание новой антропологии в конечном счете является и позиция биохакеров. Биохакинг позиционирует себя как надежное и перспективное применение новейших технологий для совершенствования естественных потенциальных возможностей человека во имя его здоровой, долгой и плодотворной жизни. Само название этого явления свидетельствует о том, что его поборники «взламывают» естественную, но привычную природу человека с целью её биологического улучшения на основе научных достижений. Как представляется, это довольно амбициозная позиция, преследующая более радикальные цели, в отличие от устоявшегося и принятого в настоящее время механизма использования научных достижений в области биологии человека. Биохакинг вызывает сомнение в возможности сохранения идентичности человека, поскольку следствием его «миссии» станет отредактированный человек.

Полагаем, есть основания признать, что попытки создания новой антропологии оборачиваются, скажем, используя мыслеобраз нашего современника – философа В.Г. Буданова, «диссоциацией личности», её растворением, утратой целостности и, следовательно, переходом к «новому биологическому виду».

Следует иметь в виду, что и отечественные, и зарубежные мыслители, исходя из глубокого анализа происходящих изменений, предвидели риски, обусловленные научно-техническим прогрессом. Так, М. Хайдеггер не без оснований предупреждал: «Мы зависим от технических приспособлений, они даже подвигают нас на новые успехи. Но внезапно, и не осознавая этого, мы оказываемся настолько крепко связанными ими, что попадаем к ним в рабство» [3: с. 109].

Концептуальное исследование масштабных трансформаций современного мира и его возможных перспектив позволило аналитикам дать происходящим эпохальным переменам новые терминологические обозначения. Венгерский философ Эрвин Ласло в 2004 г. ввел понятие *Макросдвига*. Отечественные теоретики и эксперты эти радикальные трансформации глубоко и всесторонне охарактеризовали как *Большой антропологический переход* в коллективной монографии «Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного Макросдвига» [4].

Вследствие Макросдвига человек оказывается погруженным в «сверхсложную реальность» (В. Буданов), обнажившую экзистенциальные вызовы, от которых невозможно уклониться. Обстоятельства времени в равной мере *актуализируют* как потребность в ответственной рефлексивной позиции и осмыслении особого потенциала человека, позволяющего ему устоять в условиях «сверхсложной реальности», не утратить свою идентичность, так и необходимость выявления существа способов реализации этого потенциала.

1. Становление идеи и понятия личности

Сразу зафиксируем, что в качестве особого потенциала, который гарантирует человеку возможность быть иным при сохранении самоидентичности, является идея личности и аутентичный способ её экзистенции. Идея личности и понятие личности как мыслительные формы близки по смыслу, но не тождественны. Слово «идея», пришедшее из греческого языка, обозначает то, что видно, образ. Будучи философским термином, идея есть образ, включающий цель и стремление к ней. Исходя из идеи личности как образа, имеющего цель, мы предполагаем и должны учитывать, что её достижению уготована

небеспрепятственная перспектива, в связи с чем воплощение идеи имеет различные версии.

Понятие личности, как известно, является базовым и для философии, и для психологии. В каждой из названных областей знания существует значительный корпус работ, посвященных этому феномену. Доминирующая, по крайней мере, в отечественных исследованиях советского периода тенденция «римской» традиции в интерпретации понятия личности определила характер содержания учебного материала. Это принципиальное замечание, которое объясняет необходимость экскурса в становление интересующего нас понятия и уместность в данном случае его пропедевтики. Понятие личности находится в одном ряду с понятиями «индивид», «человек», «индивидуальность». Носитель этих определений – един, но каждое из них характеризует различающиеся определенности. Термин «индивид» фиксирует единичный родовой признак – принадлежность к человеческому роду. Трудность совместить всю многомерность человека в единой категории объясняет такие конструкции его определения, как «космо-био-социо-культурно-экзистенциально-духовное существо» [5: с. 7]. Природа человека и его сущность не тождественные понятия. Если первое включает указание на социальное плюс генетические связи, то сущность человека «есть совокупность всех общественных отношений» (К. Маркс). Человек, рассматриваемый в плане его социальной сущности, есть личность. Данное понятие фиксирует социально значимое в человеке. Как видим, понятие личности не покрывается измерением всего человека.

Понятия «личность» и «индивидуальность» близки по смыслу, поэтому порой их употребляют как равнозначные. Однако они фиксируют разные стороны, разные измерения социально значимого в человеке. Разъяснением этого может служить рассуждение С.Л. Рубинштейна: «Человек есть индивидуальность в силу наличия у него особенных, единичных, неповторимых свойств», человек есть личность, поскольку у него есть свое лицо и поскольку даже в самых трудных жизненных обстоятельствах он не теряет лица [6: с. 122–123].

Как правило, в учебной литературе (да и не только в ней) преобладала интерпретация понятия личности как социально значимого в человеке. Такая трактовка личности, имеющая историческое и теоретическое оправдание, необходима и важна, но только к ней не сводится. Отмеченное представление отсылает условно к «римской» традиции. Помимо секулярной модели личности есть и другая – богословская, которая до настоящего вре-

мени оставалась на периферии общественного сознания и не находила места в учебной литературе. Данная ситуация объясняется тем, что идея личности имеет богословское происхождение. Её истоки – в патристической мысли христианских богословов греческого Востока. В святоотеческом учении, восходящем к IV в., впервые личность была обозначена как ипостась человека, который благодаря свободному выбору в процессе своей жизни развивает нравственные свойства. В силу этого он обретает богоподобие и становится личностью [7].

Отмечая превалирование в секулярном обществе, в том числе и в нашем, «римской» традиции, ориентирующей личность на социум и социальные роли, следует иметь в виду, что в русской философии и русской культуре получила оригинальное и всестороннее развитие богословская традиция личности, святоотеческое учение о её духовно-нравственном становлении, которое нашло художественное воплощение в русской литературе. Выдающиеся русские художники слова, переживая напряженные духовные поиски истины, смысла жизни, сверяя их с божественными заповедями отца небесного, воплощали эти искания в земном пути личностей своих героев. Этот творческий прием позволяет исследователям реконструировать психологию личности самого автора, её особенности. Так, опора на святоотеческие тексты и художественное творчество Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова дала возможность профессиональному психологу Е.Ю. Коржовой раскрыть и обосновать своеобразие психологии этих писателей. Благодаря этому обстоятельству каждый из классиков, как полагает исследователь, представил оригинальную одухотворенную версию закономерности личностного бытия, особенности воплощения мироощущения русского человека. Логика перехода, осуществленная Е.Ю. Коржовой от «мира Чехова» к «миру Гоголя» и затем к «миру Достоевского», позволила ей увидеть сложную жизнь души в неустанных поисках «от проблесков прекрасного через трудную лестницу духовного восхождения...» до «... истинной красоты в человеке» [8 : с. 15].

Понимание в секулярном обществе богословских корней идеи личности не только обогатило представление о ней, но и позволило осознать многообразие способов её экзистенции.

Плодотворным философско-методологическим ориентиром в осмыслении способов экзистенции идеи личности служит концептуальное представление о многослойности бытия человека, которое является неизбежным продуктом исторической последовательности формообразований, раскры-

вающей различие смысловых уровней становления. Согласно этой новации «...Каждая последующая фаза развития *наслаивается* на прежнюю историческую форму. При этом прежняя форма не ликвидируется, ... но продолжает жить в своей прежней логике... В этой ситуации формы обречены на сосуществование» [9: с. 10]. В экзистенции идеи личности, её свободном и творческом самоосуществлении сосуществуют три смысловых уровня. Смыслом исходного уровня – экзистенциального – является жажда в существовании Иного для своего собственного существования. На втором смысловом уровне – символическом – возникает рефлексирующее самосознание, свидетельствующее о самореференции – способности ставить идеальные цели, полагая их должными. Третий смысловой уровень, совпадающий с «римским» представлением о личности как социальном субъекте, несущем ответственность за последствия принятых решений, имеет значение для понимания полноты экзистенции идеи личности, которое, как правило, преобладало в учебной литературе, но которое не стоит умалять. «Важно только понимать, что социальный облик личности завершает её строение. И если не замечается, *что* завершает и оформляет социальное лицо, социальная личность становится ущербной» [10: с. 146–148].

Аналитика экзистенции идеи личности как социальной ориентирует учитывать логику формообразования: видеть следы предшествующих форм и то, как генетически последующий уровень обогащает и укрепляет предыдущий. Все уровни бытия личности в полной мере воплощены в её свободном и творческом самоосуществлении.

2а. Личность как субъект поступания

Как уже было выше замечено, личностью не рождаются, ею становятся в процессе социализации. Однако для становления личности недостаточно только биологического и психического развития, а также быть носителем конкретных исторических общественных отношений. Человек становится личностью в той мере, в какой у него формируется особая рефлексивная позиция и активное намерение реализовать её в общественно значимой полезной деятельности.

По мысли М. Бахтина, философски глубоко отрефлексированной, *личность – субъект поступания*. В этом определении рассматриваемого феномена концептуальное значение имеют оба понятия, выявляющие сущность личности и существо способа её экзистенции, понимаемой как особое состояние личности, в котором она наиболее отчетливо осознает истоки и смысл своего существования.

Несмотря на то, что понятие субъекта имеет различную семантику, довольно длительную и непростую историю становления категориального статуса и значения, нам важно его сущностное содержание как источника активности, самодетерминации, авторства, личной позиции. Именно эти определяющие свойства характеризуют суть личностного потенциала. Экзистенция манифестирует осознание личностного призвания: целенаправленного, творческого самоосуществления посредством поступка. Поступок не сводится просто к деятельности как социально обусловленной активности человека, направленной на предметный мир. Поступок – категория этическая, как принято говорить – клеточка нравственной деятельности, которая характеризует отношение человека к иному, его действия, которые затрагивают интересы других людей. Моральная ценность поступка рассматривается с точки зрения единства мотива и последствий, намерений и дел, целей и средств.

Философская аналитика поступка представлена в работе М. Бахтина, название которой об этом прямо и заявляет «К философии поступка» [11]. Это произведение имеет принципиальное значение для экспликации заявленной темы, поскольку раскрывает способ экзистенции личности – поступок, который одновременно проясняет и суть личности как субъекта поступания, рефлексивно несущего ответственность за себя, свое бытие и со-бытие с миром других людей. Нужно согласиться с С.Л. Братченко, заметившим, что у М. Бахтина нет развернутого описания личности, однако все произведения философа проникнуты «пафосом личности» [1: с. 68]. Так, в «Эстетике словесного творчества» М. Бахтина представлено: «Определение субъекта (личности) в межсубъектных отношениях: конкретность (имя), целостность, ответственность и т.п., неисчерпаемость, незавершенность, открытость» [13: с. 343]. На страницах этого труда в разных его частях философ раскрывает обозначенные характерные черты личности (субъекта). Лейтмотивом выступает отрефлексирующая ответственность.

Феномен поступка принципиален. Его концептуальное значение детерминировано философскими изысканиями М. Бахтина. Намерение преодолеть «роковой теоретизм», «печальное наследие» философского рационализма в познании и показать, что в этом процессе участвует целостный человек, а не гносеологический субъект, приводит русского мыслителя к необходимости вводить новые понятия, понятия-образы, позволяющие адекватно выразить авторское понимание многомерности познающего мышления. Новые и переосмыс-

ленные понятия-образы: «ответственно поступающий мыслью», «участное сознание», «автор и герой», «живое и живущее сознание» и другие – свидетельствуют о принципиальной позиции М. Бахтина, в соответствии с которой цельный человек являет себя в «бытии-событии», в поступке, который не сводится к теоретико-мыслительной деятельности. «Поступок в его целостности более чем рационален – он *ответственен*. Рациональность только момент ответственности...» [11 : с. 103]. Ответственность гарантирует внутреннюю целостность личности. А поскольку интенцией «участного мышления» является целостное постижение мира, то, следовательно, оно имеет и эстетическое измерение. «Действительное поступающее мышление есть эмоционально-волевое мышление, интонирующее мышление, и эта интонация существенно проникает во все содержательные моменты мысли. Эмоционально-волевой тон обтекает все смысловое содержание мысли в поступке и относит его к единственному бытию-событию» [11 : с. 107].

Понятие ответственного поступка у М. Бахтина имеет широкое толкование, усиливающее объяснение целостности личности: «Таким поступком должно быть все во мне, каждое движение, жест, переживание, мысль, чувство» [11: с. 15]. Рефлексивный поступок – свидетельство осознания личностного призвания : ответственности за себя и других в свободном творческом самоосуществлении. Осознавая саму себя, личность располагает собой как некоей поставленной перед собой задачей, которую она сама себе выбрала и намерена решить, – есть проявление её экзистенции. Отсутствие свободы и ответственности чревато превращением личности в марионетку, замещением самодетерминации неким кукловодом. Личность, по определению, актуализирует возможность свободного творческого поступка. Актуализация – это культура разума, полагающая, что каждая личность – потенциально целостная, способная бесконечно развивать себя, – культура [14: с. 296]. Свобода творчества полагает новые и актуализирует старые формы осуществления личностного потенциала. При этом исключительно насущна мысль В.С. Библера о том, что «свобода самоопределения человеческих поступков труднопереносима» [14: с. 275]. Действительно, поступок требует мобилизации и концентрации всех личностных качеств, в особых случаях – самоотверженности и жертвенности. Сегодня актуализируется святоотеческая мысль о великодушии, но не прямо, а посредством выявления её обшей значимой ценности, заключающейся в том, что личность дарит, а не присваивает. Смещение акцента с

творческой ответственной активности в сторону присвоения готового продукта, не только материального, но и духовного, который и продуктом назвать нельзя, поскольку он бесценен, делает личность не просто ущербной, а ведет к утрате личностного потенциала.

Как было отмечено выше, бытие личности всегда со-бытие, всегда находится во взаимодействии с другими людьми. Для своей актуализации личность требует общности личностей, социальных отношений, что обуславливает тему соответствия способа бытия личности и способа бытия общности. И в этом плане актуализируется проблема регулятивного принципа свободного творческого самоосуществления личности.

26. Нравственность – регулятивный принцип экзистенции личности

Регулятивным принципом свободного творческого самоосуществления личности является нравственность, что явствует из аналитики поступка как ответственного акта. Мы отдаем себе отчет в том, что последовательное рассмотрение поступка и регулятивного принципа условно можно допустить только на уровне теоретического анализа, имея при этом в виду их нераздельность, диалектическую взаимообусловленность. Ответственность – категория этическая, следовательно, поступок – нравственен, и делает его таковым ответственность. Нравственность не сводится только к ответственности, и осмысление её как регулятивного принципа экзистенции личности черпает объяснительную силу как в философско-теоретической аргументации, так и в исторической достоверности человеческого опыта.

Экспликация замысла неизбежно отсылает к прояснению исходной позиции, признающей объяснительную силу деонтологического аргумента, «целительные силы рефлексии» (Хабермас), которые должна предлагать философская этика.

Древнегреческая этика изначально ставила философский вопрос о «правильной жизни». Ответ на этот вопрос ориентировал на мудрость в поступках и на порядок в практической сфере жизни соотносительно осуществлению Добра. Этот вопрос, по мнению признанного авторитета в области философской этики Ю. Хабермаса, сегодня «обновляется в своей антропологической всеобщности» [2: с. 26].

Обозначившее направление и содержание философских размышлений великого Сократа изречение дельфийского оракула «Познай самого себя» ознаменовало гуманистический поворот, который позволил увидеть человека в неведомом прежде свете духовности, «излучаемом» его субъективным

бытием. А ученик Сократа Платон, как заметил Вл. Соловьев, определил сущность этого идеально-го бытия, показал, что оно есть «само по себе доброе, прекрасное и разумное» [6]. Именно Сократу и Платону принадлежит философское открытие человеческой духовности как такого бытия человека, которое противостоит телесно-природному в человеке и выступает основанием его стремления к самосовершенствованию. Тремя ликами духовности являются Истина, Добро и Красота. Сократ полагал, что творение добра происходит не по наитию, а осознанно. Его этический рационализм ориентирует на различение и осознание добра и зла. Знание морали и воплощение её в поступках должно обеспечить жизнь добродетельную и одновременно счастливую. От Сократа и Платона идет идея понимания человека как *этического* существа. У древних греков, в том числе у Сократа и Платона, не было понятия личности, но мы видим, что стремление к добру выполняет функцию регуляции поведения.

Понимание нравственности как регулятивного принципа экзистенции личности мы находим у И. Канта, создателя концепции автономной морали, существующей не по повелению бога и не как осуществление разумного эгоизма. Размышляя над тем, «что возвышает человека над самим собой, что связывает его с порядком вещей, который может мыслить один разум», философ утверждает: «Это не что иное как *личность*, то есть свобода и независимость от механизма всей природы,... а именно данным его же собственным разумом, чистым практическим законом... Моральный закон священен» [15: с. 509–511].

Кантовский – «нравственный закон во мне» – свидетельствует не только о свободе человека, свободе духа, на котором зиждется концепция автономной морали, но и убедительно подтверждает, что человек – этическое существо.

В осмыслении исследуемой проблемы нужно особо подчеркнуть значение русской философии. В отличие от западно-европейской мысли русская философия (причем во всех её значимых течениях) однозначно стояла на приоритете этики. Её доминантой является нравственная проблематика, сердцевина которой – идея этики личности. Убедительным свидетельством этому является творчество Вл. Соловьева, поставившего этику в своем фундаментальном труде «Оправдание добра» [16] во главу угла всей своей философии. Потенциал нравственной философии именно в том, что, оправдывая Добро как правду, как смысл жизни, она показывает возможности осуществления Добра как сути самого человека, служит «систематическим указателем» (Вл. Соловьев) правого пути.

Японский писатель Акутагава Рюносукэ заметил: «Вред морали – это полный паралич совести» [17]. Афористическое по форме и парадоксальное по содержанию изречение Акутагавы включает в себе квинтэссенцию нравственности. Любая мораль, с какой бы позиции она не принималась, представляет собой надличностную систему предписаний и требований. Следовательно, человек морален, если он поступает в соответствии с нормами, заповеданными богом или выкристаллизовавшимися в совместном общежитии людей. Поведение человека определяет предпосланное ему готовое моральное решение.

Осуществление замысла нашего исследования, а также парадоксальность суждений Акутагавы и многих других мыслителей приводит к необходимости разведения морали и нравственности.

Мораль не «выдумка человечества» (Э. Ремарк). Она возникает и существует как необходимое условие жизни общества, обеспечивающее его максимальную самоорганизованность, регуляцию и саморегуляцию творческих начал социума и человека. Однако реальное поведение и взаимоотношения людей настолько богаты, сложны, многообразны и драматичны, что никакая, даже самая совершенная этика не сможет предусмотреть норм и правил на все возникающие неординарные случаи. Вспомним Сонечку Мармеладову из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского. Спасая семью, она вынуждена была пойти на панель. С точки зрения существующей нормативной этики она поступила аморально. Но можно ли её назвать безнравственной? Безнравственна ли учительница из повести В. Распутина «Уроки французского», которая, преступая общепринятую мораль, рискуя жизнью, ведь это еще было сталинское время, играет с учеником на деньги, чтобы уберечь его от голодной смерти? Именно в таких ситуациях отсутствия готовых моральных опор человек сам становится творцом и судьей поступков. В этом и заключается нравственность. Как утверждает В.С. Библер, «Нравственность воплощается не в моральные нормы, но в трагедийные перипетии свободного личного поступка» [18: с. 375]. Нравственность – это способность и готовность человека быть свободным и самостоятельным творцом индивидуального поступка, умение сделать выбор, не утратив при этом человеческое.

Заключение

Рассмотрение заявленной темы дает основание резюмировать, что свободное творческое воплощение личностного потенциала, регулируемое нравственностью, способно обеспечить сохранение

антропологической перспективы. Усилие реализовать личностное призвание детерминировано субъективным стремлением, рефлексивно соотношенным с бытием Иного. Таким способом осуществляемое усилие быть и оставаться личностью в

«сверхсложной реальности» есть усилие нравственное, ибо одновременно несет ответственность за авторскую экзистенцию идеи личности и ответственную заботу за бытие других.

Список источников

1. Летов О.В. Трансгуманизм и этика: (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия: РЖ/РАН ИНИОН. 2009. № 2. С. 51–99.
2. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Москва : Весь мир, 2002. 144 с.
3. Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге : сборник. Москва : Высш. шк., 1991. С. 102–111.
4. Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного Макросдвига /отв. ред. В.Г. Буданов, Л.П. Киященко. Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2023. 749 с.
5. Лебедев С.А., Лазарев Ф.В. Многомерный человек : онтология и методология исследования. Москва : Изд-во Московского университета, 2016. 96 с.
6. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1959. 351 с.
7. Василий Великий, свт. Письмо (38) Григорию брату о различии сущности и ипостаси // Историко-философский ежегодник, 1995. Москва, 1996. С. 272–280.
8. Коржова Е.Ю. Красота, спасающая мир: Личность и её жизненный путь в творчестве Ф.М. Достоевского. Санкт-Петербург : Общество памяти игумении Таисии, 2021. 392 с.
9. Ячин С.Е. Человек в последовательности событий жертвы, дара и обмена. Владивосток : Дальнаука, 2001. 279 с.
10. Ячин С.Е. Состояние метакультуры. Владивосток : Дальнаука, 2010. 268 с.
11. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. Москва : Наука, 1986. С. 82–106.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. 424 с.
13. Братченко С.Л. Концепция личности : М. Бахтин и психология // М.М. Бахтин и философская культура XX века. Проблемы бахтинологии. Вып. 1. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1991. С. 66–75.
14. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. Москва : Политиздат, 1990. 413 с.
15. Кант М. Критика практического разума // Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Москва : Мысль, 1997.
16. Соловьев В.С. Исторические дела философии // Мир философии : кн. для чтения. В 2 ч. Ч. 1. Москва : Политиздат, 1991. С. 166–175.
17. Акутагава Р. Слова пигмея. Рассказы. Воспоминания. Эссе. Письма. Москва : Прогресс, 1992. 594 с.
18. Библер В.С. Этическая мысль : научно-публицистические чтения. Москва : Политиздат, 1988. 364 с.

References

1. Letov O.V. *Transhumanism and ethics: (analytical review)* // Social and humanitarian sciences: ed. and abroad. lit. Ser.3. Philosophy: Russian Academy of Sciences INION. 2009. No. 2. P.51–99. (in Russ.).
2. Habermas Yu. *The future of human nature*. Moscow : The Whole world, 2002. 144 p. (in Russ.).
3. Heidegger M. *Detachment* // A conversation on a country road: A collection. Moscow : Higher School, 1991. P. 102–111. (in Russ.).
4. *Science and the phenomenon of man in the era of civilizational Macro-shift* /ed. V.G. Budanov, L.P. Kiyashchenko. Moscow : Institute of General Humanitarian Research, 2023.749 p. (in Russ.).
5. Lebedev S.A., Lazarev F.V. *Multidimensional man : ontology and research methodology*. Moscow : Moscow University Press, 2016. 96 p. (in Russ.).
6. Rubinstein S.L. *Principles and ways of development of psychology*. Moscow : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 351 p. (in Russ.).
7. Basil the Great, St. *Letter (38) to Gregory the brother on the difference between essence and hypostasis* //Historical and Philosophical Yearbook, 1995. Moscow, 1996. P. 272–280. (in Russ.).
8. Korzhova E.Y. *Beauty saving the world: Personality and her life path in the work of F.M. Dostoevsky*. St. Petersburg : Society of Memory of Abbess Taisiya, 2021. 392 p. (in Russ.).
9. Yachin S.E. *A man in the sequence of events of sacrifice, gift and exchange*. Vladivostok : Dalnauka, 2001. 279 p. (in Russ.).
10. Yachin S.E. *The state of metaculture*. Vladivostok : Dalnauka, 2010. 268 p. (in Russ.).
11. Bakhtin M.M. *To the philosophy of action* // Philosophy and sociology of science and technology. Yearbook 1984–1985. Moscow : Nauka, 1986. P. 82–106. (in Russ.).
12. Bakhtin M.M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow : Iskusstvo, 1979. 424 p. (in Russ.).
13. Bratchenko S.L. *The concept of personality : M.Bakhtin and psychology* // M.M. Bakhtin and the philosophical culture of the XX century. Problems of bakhtinology. Issue 1. Part 1. St. Petersburg, 1991. P. 66–75 (in Russ.).
14. Bibler V.S. *From science to the logic of culture. Two philosophical introductions to the twenty-first century*. Moscow : Politizdat, 1990. 413 p. (in Russ.).

15. Kant M. *Criticism of practical reason* // *Sobr. Soc. In 6 Vols. 3.* Moscow : Mysl, 1997. (in Russ.).
16. Solovyov V.S. *Historical affairs of philosophy* // *The world of philosophy : a book for reading. At 2 p.m. 1.* Moscow : Politizdat, 1991. P. 166–175. (in Russ.).
17. Akutagawa R. *Pygmy's words. Stories. Memoirs, Essays. Letters.* Moscow : Progress, 1992. 594 p. (in Russ.).
18. Bibler V.S. *Ethical thought : scientific.- a publicist. readings.* Moscow : Politizdat, 1988. 364 p. (in Russ.).

Информация об авторе

М.А. Маниковская – доктор философских наук, доцент.

Information about the author

M.A. Manikovskaya is Doctor of Philosophy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 331.264.22
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-22-30

ПРОАКТИВНЫЙ ПОДХОД К СТАРЕНИЮ: ВЗГЛЯД ВОСТОК – ЗАПАД

Ольга Юрьевна Стрижицкая¹, Герман Игоревич Стрельников²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

¹o.strizhitskaya@spbu.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-7141-162X](https://orcid.org/0000-0002-7141-162X)

²gerstrelnik@yandex.ru, [https:// orcid.org/0009-0009-6214-8004](https://orcid.org/0009-0009-6214-8004)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности успешного старения и проактивного подхода к старению в кросс-культурном контексте. Анализируются исследования пожилых в восточных странах, таких как Индия, Китай, Иран, а также проводится сравнительный анализ схожих и различных факторов активного и успешного старения. Рассматривается понятие проактивного подхода к старению и возможные кросс-культурные эффекты применения такого подхода. Показано, что кросс-культурный фактор является важным как для понимания специфики процессов старения в целом, так и для возможностей моделирования старения. Отмечается, что на фоне глобального постарения населения традиционные механизмы благополучного старения могут проявляться иначе и терять свои адаптивные свойства.

Ключевые слова: благополучное старение, активное старение, кросс-культурные исследования, проактивный подход, футуризация старения

Original article

PROACTIVE APPROACH TO AGING: EAST – WEST PERSPECTIVE

Olga Yu. Strizhitskaya¹, German I. Strelnikov²

^{1,2}Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

¹o.strizhitskaya@spbu.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-7141-162X](https://orcid.org/0000-0002-7141-162X)

²gerstrelnik@yandex.ru, [https:// orcid.org/0009-0009-6214-8004](https://orcid.org/0009-0009-6214-8004)

Abstract. The article discusses the characteristics of successful aging and a proactive approach to aging in a cross-cultural context. It analyzes studies of the elderly in Eastern countries such as India, China, Iran, and conducts a comparative analysis of common and specific factors of active and successful aging. The paper addresses the concept of the proactive approach to aging and possible cross-cultural effects of using such an approach. We underline that the cross-cultural factor is important both for understanding the specifics of aging processes in general and for the possibilities of aging modeling. We emphasize that in the context of global aging of the population, traditional mechanisms of successful aging may manifest themselves differently and lose their adaptive role.

Keywords: successful aging, active aging, cross-cultural studies, proactive approach, futurization of aging

Одной из главных социальных тенденций XXI в. в развитых и развивающихся странах является постарение населения. По данным Росстата, на начало 2022 г. процент населения России старше 65 лет составлял 16,1 % [1]. В Европе в этот же год доля пожилых людей была ещё выше – 21,1 % [2]. Ожидается, что в будущем тенденция будет только усиливаться и к середине века число пожилых людей достигнет значения 1,6 миллиарда человек [3].

В последние десятилетия люди стали жить дольше, однако старение населения способствовало распространению хронических возрастных заболеваний, что требует адаптации государства в сферах социального обеспечения, здравоохранения, а также на рынке труда [4]. При этом с увели-

чением продолжительности жизни качество жизни людей на последних стадиях онтогенеза не претерпевает особых изменений [5].

Традиционно главную роль в формировании старения отдавали генетическим факторам. Однако последние исследования показывают, что их влияние не превышает 30 % [6]. Социально-экономические факторы, а в частности эффективность систем социального страхования и здравоохранения могут значительно влиять на здоровье людей, качество и продолжительность их жизни.

Важно отметить, что процесс старения не полностью подчинен неподконтрольным человеку факторам. Образ жизни, поведенческие стратегии, которые он использует, могут играть существенную

роль в моделировании процессов старения. В связи с этим важность приобретает проактивный подход к старению – сознательное изменение поведения человека, направленное на формирование положительного сценария старости за счёт использования определённых стратегий.

Особенности успешного и активного старения в восточных странах

Представления о важных аспектах, определяющих благополучную старость, различаются в разных странах мира: исследования показывают, что, несмотря на наличие общих тем, представители разных культур делают акцент на разных аспектах, необходимых для благополучной старости [7].

Так, иранские исследователи выделили четыре основные категории препятствий для активного старения (индивидуальные, семейные, структурные и связанные с системой здравоохранения) и четыре основные категории факторов, способствующих активному старению (экзистенциальный потенциал пожилых людей, потенциал семьи, потенциал сообщества и потенциал системы здравоохранения) [8]. Кроме того, субъективное здоровье, воспринимаемая адекватность дохода, субъективный социальный статус и возраст являлись предиктором субъективного успешного старения, при этом лишь 32 % респондентов оценили свое старение как успешное [9].

Качественный анализ специфики старения в Индии выявил четыре основные темы успешного старения: успешное старение как фактор личного благополучия, напряженность между свободой воли и фатализмом, связанные жизни и сложность социальной жизни [10]. При этом каждая из тем также отражала культурную специфику, например, напряженность между свободой воли и фатализмом включала в себя активную позицию по освоению возраста, сосуществование свободы воли и фатализма, а также сложный «торг» с потусторонними силами. Тема связанных жизней отражала две основные линии – это отношения взрослый ребенок–пожилой родитель, а также супружеские взаимоотношения. Стоит отметить, что если сложность сочетания свободы воли и фатализма скорее отражает культурно-специфичную сторону понимания старения, и в какой-то мере это даже больше, чем просто восточная специфика, это специфика конкретного региона, то отношения с родителями и супругами – более универсальная тема. Также в Индии были обнаружены различия в успешном старении среди пожилых мужчин и женщин: успешное старение наблюдалось у 34,3 % пожилых мужчин и 25,6 % пожилых женщин, при этом, по

мнению авторов, такой разрыв в основном обусловлен различием в уровне занятости и уровне физической активности [11]. Значительное число пожилых людей в Индии (56 %, по результатам популяционного исследования) отметили плохое общее состояние здоровья; 56,4 % мужчин и 59,2 % женщин были «совсем не довольны» своими семейными и межличностными отношениями, а 13,5 % респондентов были совсем не довольны жизнью в целом [12]. Можно предположить, что специфика понимания старения в Индии может отчасти объясняться неоднозначными условиями жизни.

Китайские исследователи обнаружили, что позитивное отношение к собственному старению вне зависимости от пола положительно связано с субъективным здоровьем и удовлетворенностью жизнью и негативно с одиночеством [13], также на эти показатели могут влиять социально-экономический статус, качество сна и активность. Социальная поддержка, когнитивная переоценка и социальное сравнение, по мнению китайских исследователей, влияют на социальное благополучие пожилых людей; когнитивная переоценка и социальное сравнение опосредуют связи между социальной поддержкой и социальным благополучием [14]. В целом можно сказать, что у китайских пожилых людей социальная поддержка тесно связана с субъективным благополучием [15]. Также китайские пожилые люди испытывают своего рода давление, связанное с активным внедрением в повседневную жизнь технологий и гаджетов. К примеру, высокая самоэффективность в социальных сетях тесно и напрямую связана с большим использованием информации, меньшим одиночеством и более высокой самооценкой; самоэффективность в социальных сетях также положительно влияет на счастье, опосредованное одиночеством и самооценкой [16]. Оценка успешного старения среди пожилых людей в Китае близка к показателям Индии, так 35,1 % пожилых китайцев смогли назвать свое старение успешным [17].

Корейские исследователи показали, что для благополучного старения психологическое здоровье и религиозность являются ключевыми факторами в Корее [18]. Также свой вклад вносят высокий уровень образования, регулярные физические нагрузки, частые встречи с друзьями и семьёй, меньшая подверженность депрессии, меньшее чувство одиночества. Качественный анализ смысла «успешного старения» среди взрослых женщин в Корее позволил выделить несколько смысловых групп: «справиться с изменениями в сознании и теле», «финансово стабильная жизнь», «старение в здоровой семье», «подготовка к достойной смер-

ти» и «стремление к осмысленной, гармоничной жизни» [19]. Интересно отметить, что тема «подготовки к достойной смерти» перекликается с активно развивающимся в Японии направлением «шукатсу» (Shūkatsu) – подготовка к жизни на поздних этапах и после смерти [20].

Проактивный подход к старению в культурном контексте

Регионы мира характеризуются разным социально-экономическим статусом, отличными социальными структурами, особенностями взаимоотношений. В этом контексте приобретает значение изучение проактивного подхода к старению с учетом кросс-культурного фактора.

Традиционно одним из ключевых различий восточных и западных культур считается ориентация или связанность с социумом. Так, для восточных культур базовым ресурсом обычно является семья и качество взаимоотношений с близкими [21]. Анализ исследований старения последних лет в традиционных восточных культурах показал, что лейтмотивом успешного старения выступает качество социальной жизни, включающее в себя социальную связанность и сложность социальной жизни (Индия [10]), семейные и межличностные отношения (Индия [12]), социальную поддержку (Индонезия [22]; Китай [14; 15], субъективный социальный статус (Иран [9]), потенциал семьи и потенциал сообщества (Иран [8]; Корея [18; 19]). Однако нельзя сказать, что роль социальных связей и отношений – это специфика исключительно восточных обществ. Исследования в западных странах также подчеркивают роль социальной поддержки и связей [23]. Так, исследования социальных отношений в западных странах выявили роль социальных связей в сохранении и укреплении здоровья, снижении депрессивных симптомов и суицидальных рисков, сохранении когнитивных функций, и в целом они положительно влияли на социальное и эмоциональное благополучие, а также качество жизни [23].

Важной составляющей социальных отношений в пожилом возрасте в целом, независимо от культурного контекста, является то, что количество связей играет меньшую роль, чем их качество. Так, Карстенсен подчеркивала [24], что с возрастом снижается роль количества взаимодействия, но увеличивается роль качества. Важным является и ощущение сопричастности и полезности для общества. Однако в западных исследованиях также подчеркивается роль индивидуальной удовлетворенности социальными отношениями как одного из значимых факторов, определяющих положительный эффект от социальной поддержки. Даже включенность в волон-

терскую деятельность, роль которой регулярно подчеркивается для сохранения различных позитивных эффектов в период старения [25], нередко несет в себе индивидуалистические мотивы, т.е. с помощью такой деятельности я в первую очередь помогу себе, и заодно помогу кому-то еще [23].

Несмотря на то, что социальная поддержка и включенность в различные социальные среды является общим фактором благополучного старения как на западе, так и на востоке, тем не менее можно отметить некоторые различия. Так, для востока социальная среда – это не только взаимодействие и общение само по себе, но это и привычная обстановка проживания (местность) [26]. Вместе с тем социальное взаимодействие и общение в восточных обществах, как правило, рассматривается в контексте уже существующих социальных связей – т.е. поддержку пожилые люди получают от тех, с кем они знакомы, будь то родные, друзья или просто соседи. Исследования социальных отношений и социальной поддержки пожилых людей в западных странах, как правило, не сводятся лишь к уже существующим социальным контактам. Обычно рассматриваются как традиционные социальные системы: друзья, межпоколенные отношения, дружеские отношения, так и варианты социальной включенности в менее знакомые системы: волонтерство, братства, различные обучающие программы, обеспечивающие помимо навыков и знаний также и социальную поддержку.

Еще одной значимой составляющей активного старения как в восточных, так и в западных культурах является сохранение здоровья. Здесь не наблюдается значимых кросс-культурных различий, однако важным фактором становится доступность здравоохранения и качество предоставляемой медицинской помощи.

Проактивный подход к старению предполагает, что качество жизни человека в период старения во многом определяется образом жизни человека задолго до этого периода [27]. Важно отметить, что проактивный подход к старению – это не только и не столько образ жизни, скорее образ жизни – это один из инструментов, используемых при проактивном подходе, но сам подход заключается в понимании того, к какой старости человек хочет прийти [28]. И здесь на первый план выходят характеристики, связанные с осознанностью, пониманием, что старение – неизбежный процесс, но качество жизни в период старения может существенно различаться, и, возможно, наиболее значимым фактором является наличие позитивного образа старения [28].

Одним из подходов к решению проблемы проактивного старения можно назвать футуризацию старения – то есть использование стратегий, формирующих позитивные ресурсы, выступающие защитными механизмами против дегенеративных процессов. Данное направление является молодым и мало изученным, но уже сегодня, систематизируя результаты исследователей со всего мира, можно сказать, что потенциал моделирования очерка старения велик. Так, нами были выделены четыре группы стратегий: биологические, психологические, средовые и социальные, – направленные на формирование ресурсов старения. Биологические факторы включают в себя механизмы, связанные прежде всего с генетической информацией, а также с метаболизмом и обменными процессами. Несмотря на то, что на первый взгляд биологические факторы заданы, современные исследования показывают, что проявление даже генетических факторов во многом опосредуется образом жизни [29]. Психологические факторы включают широкий круг механизмов, относящихся к когнитивным, эмоциональным, мотивационным и личностным процессам. Эти факторы достаточно изучены и обладают хорошим потенциалом для моделирования [30–32]. Средовые факторы – это прежде всего образ жизни. Это направление хотя и активно разрабатывается, однако остается достаточно противоречивым, поскольку данные о том, какие аспекты образа жизни оказывают положительное, а какие негативное влияние, а также о том, насколько долгосрочны эти влияния, различаются [33–35]. И наконец, социальные факторы, такие как социальная поддержка, общение, отношения с родственниками и включенность в социальные группы, о которых мы упоминали выше, также обладают большим потенциалом для моделирования. Эти факторы обладают разной степенью моделируемости, однако исследования показывают, что даже наиболее трудные для моделирования генетические факторы в значительной мере опосредуются средой [36]. Например, в исследовании Дехтияра и коллег [37] было показано, что когнитивный резерв, накапливаемый в течение жизни, может снизить риск развития деменции у носителей гена АРОЕ-ε4 на 72 %, а у неносителей – до 76 %.

Важной составляющей проактивного подхода и футуризации старения является поведенческий компонент, т.е. недостаточно знать о существовании механизмов, способных улучшить качество жизни в пожилом возрасте. Как показывают наши исследования [38], осведомленность о положительных эффектах различных практик среди взрос-

лого населения достаточно высока. Однако между знанием и действием лежит пропасть. И можно предположить, что именно здесь могут проявиться кросс-культурные различия.

Так, традиционно восточные культуры связывались с большей ролью коллективизма, социальных связей, а также уважением к старшим [39]. Но рост числа пожилых людей внес свои коррективы. Негативное отношение к пожилым людям в восточных культурах стало усиливаться, в то время как в западных странах наблюдается рост положительного отношения к пожилым [40]. Возможно, отчасти такой эффект связан с тем, что коллективистский взгляд на мир предполагает, что для человека благополучие его окружения, благополучие общества в целом важнее, чем личное, а забота о личном может рассматриваться как эгоизм. В противовес этому в индивидуалистических западных обществах индивидуальное благополучие, как правило, для отдельно взятого человека является ключевой ценностью. Как ни парадоксально, но такой подход к ценности себя и других приводит к обратному результату. В условиях, когда процент пожилого населения стремительно растет, активная и осознанная позиция человека по отношению к самому себе приводит к проактивному подходу к старению. Человек задумывается о том, какую старость хочет лично он и что лично он должен сделать для того, чтобы получить желаемый результат, что приводит к тому, что качество жизни человека, его здоровье – физическое и психическое – остаются более сохранными, а сам он может дольше оставаться активным и полезным членом общества. В случае пренебрежения собой, поскольку это эгоистично и недостойно, человек может растратить свои ресурсы, что в итоге приведет к тому, что нагрузка как на общество, так и на его близких будет больше, и вместо коллективного благополучия результатом станет снижение качества жизни как самого человека, так и социума вокруг него.

Обсуждение и выводы

Представленные данные позволяют говорить о том, что как особенности старения на востоке и западе, так и потенциал применения проактивного подхода имеют как общие черты, так и культурную специфику. С одной стороны, мы видим, что факторы, влияющие на качество жизни, успешность и активность, а также благополучие пожилых людей в период старения в целом достаточно универсальны. Это сохранение здоровья – физического, психического, а также доступ к системе здравоохранения и её качество; это социальная поддержка и связанность, ощущение нужности и принятия

близкими и обществом в целом; а также сохранение определенного материального уровня жизни. Также мы видим, что независимо от культурного контекста пожилые люди подвержены стигматизации и негативным стереотипам о старении, и возможно, что в ситуации постарения населения увеличение пропорции пожилых людей в общей демографической картине населения может усиливать эти негативные стереотипы.

Вместе с тем существуют и культурные отличия. Так, традиционно восточные культуры более коллективистские, а значит, роль социальных отношений, а также их вклад в благополучие пожилого человека выше. Иллюстрацией этой мысли может послужить китайское исследование, сравнивавшее благополучие пожилых китайцев, проживающих в Гонконге и Пекине [41]. Несмотря на то, что это два мегаполиса одной страны, в силу исторических реалий Гонконг культурно ближе к западной культуре, в то время как Пекин является носителем традиционной коллективистской культуры. Основным выводом исследования заключался в том, что несмотря на то, что общий уровень жизни в Гонконге выше, благополучие пожилых людей там – ниже, поскольку во взрослом возрасте они были более ориентированы на достижения и индивидуальный результат и с выходом на пенсию их образ жизни существенно изменился. В Пекине такой картины не наблюдалось, поскольку основная ориентация была на поддержку и благополучие тех сообществ, в которых они жили, и тот фактор после выхода на пенсию остался неизменным.

Возможности проактивного подхода к старению в культурном контексте также выглядят неоднозначно. Исследования показывают, что в целом возможности моделирования процессов старения достаточно велики. И потребность в нем также высока. Например, в 2023 г. геронтологическое общество Японии на Азиатско-океаническом конгрессе Международной ассоциации геронтологии и гериатрии представило прогноз, согласно которому половина детей, рожденных в 2020 г., доживет как минимум до возраста 108 лет. При средней продолжительности жизни в Японии сегодня около 85 лет это означает, что продолжительность жизни возрастет примерно на 15–20 лет (с учетом тех, кто

не доживет до 108 лет). Похожие прогнозы делают и европейские агентства. Это значит, что ни современная наука в целом, ни человек в отдельности не может себе позволить игнорировать высокую вероятность достаточно высокой продолжительности жизни. Что в свою очередь требует более осознанного и ответственного подхода к пониманию и планированию собственного старения.

Культурный контекст в этой связи ставит перед обществом и наукой специфический запрос. Сегодня, при растущем проценте пожилого населения и увеличивающейся продолжительности жизни, традиционные стратегии теряют свою работоспособность. Так, игнорирование собственных нужд во имя всеобщего блага становится менее продуктивным по сравнению с рациональным эгоизмом, где сохранность и благополучие одного становится основой для благополучия общества в целом. При этом мы должны понимать, что невозможно просто перенести одни культурные традиции, ценности и установки на другую культурную почву. Именно это создает научные и практические задачи и является вызовом современному обществу. Для успешной реализации проактивного подхода внутри конкретной культуры необходимо отталкиваться от уже существующих в ней ценностей и традиций, лишь несколько переформулировав направление решаемых задач.

Таким образом, можно сказать, что проактивный подход к старению является актуальным и перспективным направлением как для научных разработок, так и для практической работы. Но при этом необходимо учитывать культурный контекст. Причем важно понимать, что коллективизм–индивидуализм – это лишь одно измерение культурного контекста, которое мы рассмотрели в этой статье как наиболее представленное в научной литературе. Вместе с тем представленные нами исследования Ирана, Индии, Китая показывают, что помимо общего коллективистско-индивидуалистического контекста в каждой из этих стран есть еще свой культурно-специфический контекст, понимание которого необходимо не просто для того, чтобы получаемые результаты были точными и реплицируемыми, но и для того, чтобы они могли быть внедрены в практику.

Список источников

1. Росстат (2022). Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 08.10.2024).
2. Statistics Explained // Population structure and ageing. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/> (accessed: 08.10.2024).
3. Ferrucci L., Gonzalez-Freire M., Fabbri E., Simonsick E., Tanaka T., Moore Z., Salimi S., Sierra F., de Cabo R. Measuring biological aging in humans: A quest // *Aging Cell*. 2020. № 19(2). P. 13080. doi:10.1111/accel.13080

4. Boccardi M., Boccardi V. Psychological wellbeing and healthy aging: focus on telomeres // *Geriatrics*. 2019. Vol. 4, № 1. P. 25. doi:10.3390/geriatrics4010025
5. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. Планирование будущего в контексте стратегий формирования старения // *Мир педагогики и психологии*. 2022. № 12 (77). С. 213.
6. Melzer D., Pilling L.C., Ferrucci L. The genetics of human ageing // *Nature Reviews Genetics*. 2020. Vol. 21, № 2. P. 88–101. doi:10.1038/s41576-019-0183-6
7. Reich A.J., Claunch K.D., Verdeja M.A., Dungan M.T., Anderson S., Clayton C.K., Goates M.C., Thacker E.L. What Does "Successful Aging" Mean to you? – Systematic Review and Cross-Cultural Comparison of Lay Perspectives of Older Adults in 13 Countries, 2010–2020 // *Journal of cross-cultural gerontology*. 2020. Vol. 35. P. 455–478. doi:10.1007/s10823-020-09416-6
8. Ayoubi-Mahani S., Eghbali-Babadi M., Farajzadegan Z., Keshvari M. Facilitators and Barriers to Active Aging in Iran: A Qualitative Study // *Iranian Journal of Ageing*. 2023. Vol. 18, № 3. P. 438–459.
9. Mohamadzadeh M., Zanjari N., Delbari A., Foroughan M., Tabesh H. Factors Associated with Subjective Successful Aging Among Iranian Older Adults: A Cross-Sectional Analysis // *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*. 2024. Vol. 29, № 5. P. 583–589. doi:10.4103/ijnmr.ijnmr_260_23
10. Bandyopadhyay S., Singh K. Successful aging in the Indian socio-cultural milieu // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 2023. Vol. 38, № 2. С. 191–220. doi:10.1007/s10823-023-09476-4
11. Srivastava S., Muhammad T., Paul R., Khan K.A. Multivariate decomposition of gender differentials in successful aging among older adults in India // *BMC geriatrics*. 2023. Vol. 23, № 1. P. 59. doi:10.1186/s12877-023-03753-0
12. Manchana V. Interpersonal relationships, subjective health, psychological well-being, and quality of life among older adults in south India: Evidence from a population-based study // *Journal of Education and Health Promotion*. 2023. Vol. 12, № 1. P. 150. doi:10.4103/jehp.jehp_735_22
13. Yuan T., Liang L., Zheng C., Li H., Zhang J., Kiyum M., Xu J., Wang M., Mei S. Bidirectional association between attitudes toward own aging and quality of life in Chinese older adults: A prospective cohort study // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2024. doi:10.1111/aphw.12585
14. Du X., Zhou M., Mao Q., Luo Y., Chen X. Positive aging: Social support and social well-being in older adults—the serial mediation model of social comparison and cognitive reappraisal // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42, № 26. P. 22429–22435. doi.org/10.1007/s12144-022-03219-3
15. Zhang C., Dong, C. The Influence of Social Support on the Mental Health of Elderly Individuals in Healthy Communities with the Framework of Mental Toughness // *Psychology Research and Behavior Management*. 2023. № 16. P. 2977–2988. doi.org/10.2147/PRBM.S413901
16. Chen Y., Gao Q. Effects of social media self-efficacy on informational use, loneliness, and self-esteem of older adults // *International Journal of Human-Computer Interaction*. 2023. Vol. 39, № 5. P. 1121–1133. doi.org/10.1080/10447318.2022.2062855
17. Zhao X., Chen S., Liu N., Hu F., Yu J. Handgrip strength is positively associated with successful aging in older adults: a national cross-sectional study in China // *Journal of Affective Disorders*. 2023. Vol. 333. P. 30–37. doi:10.1016/j.jad.2023.04.041
18. You S., Kwon M. Religious engagement and successful aging among Korean older adults // *Religions*. 2023. Vol. 14, № 2. P. 184. doi.org/10.3390/rel14020184
19. Lee D., Kim H., Jo A. Experiences Pertaining to Successful Aging in Middle-Aged Women in South Korea // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20, № 19. P. 6882. doi:10.3390/ijerph20196882
20. Chan H.H., Thang L.L. Active Aging through Later Life and Afterlife Planning: Shūkatsu in a Super-Aged Japan // *Social Sciences*. 2022. № 11(1). P. 3. doi.org/10.3390/socsci11010003
21. Karasawa M., Curhan K.B., Markus H.R., Kitayama S.S., Love G.D., Radler B.T., Ryff C.D. Cultural perspectives on aging and well-being: a comparison of Japan and the United States // *International Journal of Aging and Human Development*. 2011. № 73(1). P. 73–98. doi:10.2190/AG.73.1.d
22. Tiwery W.Y., Heriani I., Rusvitawati D. Effects of Age, Sex, Personality Traits, and Social Support on Successful Aging: A Longitudinal Study of Older Adults in Sukabumi City // *West Science Interdisciplinary Studies*. 2023. Vol. 1, № 03. P. 124–133. doi.org/10.58812/wsis.v1i02.45
23. Townsend B.G., Chen J.T., Wuthrich V.M. Barriers and Facilitators to Social Participation in Older Adults: A Systematic Literature Review // *Clinical Gerontologist*. 2021. № 44(4). P. 359–380. doi:10.1080/07317115.2020.1863890
24. Carstensen L.L. Socioemotional Selectivity Theory: The Role of Perceived Endings in Human Motivation // *Gerontologist*. 2021. № 61(8). P. 1188–1196. doi:10.1093/geront/gnab116
25. Kim E.S., Whillans A.V., Lee M.T., Chen Y., VanderWeele T.J. Volunteering and Subsequent Health and Well-Being in Older Adults: An Outcome-Wide Longitudinal Approach // *American Journal of Preventive Medicine*. 2020. № 59(2). P. 176–186. doi:10.1016/j.amepre.2020.03.004
26. Kang S.J., Hwang J., Kim D., Kim B. Regional differences in the effects of healthy aging on depressive symptoms: a Korean longitudinal study of aging (2006–2020) // *Frontiers in Public Health*. 2024. Vol. 12. P. 1256368. doi:10.3389/fpubh.2024.1256368
27. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д., Голубицкая Д.И., Кузьмина М.Г. Конструирование старения: преимущества проактивного подхода // *Актуальные проблемы клинической психологии: теоретические и прикладные аспекты диагностики и коррекции*. Владивосток : ТГМУ, 2023. С. 183–195.
28. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д.. Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // *Консультативная психология и психотерапия*. 2022. Т. 30, № 1 (115). С. 8–28. doi:10.17759/cpp.2022300102
29. Kirkwood T.B.L. Why and how are we living longer? // *Experimental Physiology*. 2017. Vol. 102, № 9. P. 1067–1074. doi:10.1113/EP086205

30. Harris K., English T., Harms P.D., Gross J.J., Jackson J.J. Why are Extraverts more satisfied? Personality, Social Experiences, And Subjective Well-Being In College // *European Journal of Personality*. 2017. Vol. 31, № 2. P. 170–186. doi:10.1002/per.2101
31. Kawamoto T., Shimotsukasa T., Oshio A. Cross-sectional age differences in the Dark Triad traits in two Japanese samples // *Psychology & Aging*. 2020. Vol. 35, № 1. P. 91–96. doi:10.1037/pag0000399
32. Levy B.R., Slade M.D., Pietrzak R.H., Ferrucci L. When Culture Influences Genes: Positive Age Beliefs Amplify the Cognitive-Aging Benefit of APOE ϵ 2 // *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences & Social Sciences*. 2020. Vol. 75, № 8. P. e198–e203. doi:10.1093/geronb/gbaa12
33. Samieri C., Jutand M.A., Feart C., Capuron L., Letenneur L., Barberger-Gateau P. Dietary patterns derived by hybrid clustering method in older people: association with cognition, mood, and self-rated health // *Journal of American Dietetic Association*. 2008. Vol. 108, № 9. P. 1461–1471. doi:10.1016/j.jada.2008.06.437
34. Stessman J., Jacobs J.M. Diabetes Mellitus, Physical Activity, and Longevity Between the Ages of 70 and 90 // *Journal of the American Geriatrics Society*. 2014. Vol. 62, № 7. P. 1329–1334. doi:10.1111/jgs.12930
35. Stevens M., Cruwys T. Membership in Sport or Exercise Groups Predicts Sustained Physical Activity and Longevity in Older Adults Compared to Physically Active Matched Controls // *Annals of Behavioral Medicine*. 2020. Vol. 54, № 8. P. 557–566. doi:10.1093/abm/kaa003
36. Shane J., Niwa E.Y., Heckhausen J. Prosociality Across Adulthood: A Developmental and Motivational Perspective // *Psychology & Aging*. 2021. Vol. 36, № 1. P. 22–35. doi:10.1037/pag0000514
37. Dekhtyar S., Marseglia A., Xu W., Darin-Mattsson A., Wang H.-X. and Fratiglioni L. Genetic risk of dementia mitigated by cognitive reserve: A cohort study // *Annals of Neurology*. 2019. № 86. P. 68–78. doi.org/10.1002/ana.25501
38. Strizhitskaya O., Petrash M., Golubitskaya D., Kuzmina M., Krupina K., Shchukin A., Engelgardt E. Futurization of Aging: Subjective Beliefs and Effects // *Behavioral Sciences*. 2023. № 13(1). P. 4. doi.org/10.3390/bs13010004
39. North M.S., Fiske S.T. Modern Attitudes Toward Older Adults in the Aging World: A Cross-Cultural Meta-Analysis // *Psychological Bulletin*. 2015. № 141(5). P. 993–1021. doi:10.1037/a0039469
40. Hsu P.H., Chong P.Y., Osawa C.S.R.E. Comparison of Asian Countries and Age Groups in the Attitudes Toward Active Aging and Impression of Older Adult // *Journal of Aging and Social Policy*. 2023. № 35(4). P. 422–439. doi:10.1080/08959420.2022.2055418
41. Chan Y.K., Lee R.P.L. Network Size, Social Support and Happiness in Later Life: A Comparative Study of Beijing and Hong Kong // *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*. 2006. № 7(1). P. 87–112. doi.org/10.1007/s10902-005-1915-1

References

1. Rosstat (2022). CHislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu [Population of the Russian Federation by gender and age]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (accessed: 08.10.2024). (in Russ.).
2. Statistics Explained // Population structure and ageing. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/> (accessed: 08.10.2024).
3. Ferrucci L., Gonzalez-Freire M., Fabbri E., Simonsick E., Tanaka T., Moore Z., Salimi S., Sierra F., de Cabo R. Measuring biological aging in humans: A quest // *Aging Cell*. 2020. No. 19(2). P. 13080. doi:10.1111/acer.13080
4. Boccardi M., Boccardi V. Psychological wellbeing and healthy aging: focus on telomeres // *Geriatrics*. 2019. Vol. 4, no. 1. P. 25. doi:10.3390/geriatrics4010025
5. Strizhitskaya O., Petrash M. Planirovanie budushchego v kontekste strategij formirovaniya stareniya [Planning for the future in the context of aging shaping strategies]. *Mir pedagogiki i psihologii*. 2022. No. 12 (77). C. 213. (in Russ.).
6. Melzer D., Pilling L. C., Ferrucci L. The genetics of human ageing. *Nature Reviews Genetics*. 2020. Vol. 21, no. 2. P. 88–101. doi:10.1038/s41576-019-0183-6
7. Reich A.J., Claunch K.D., Verdeja M.A., Dungan M.T., Anderson S., Clayton C.K., Goates M.C., Thacker E.L. What Does "Successful Aging" Mean to you? – Systematic Review and Cross-Cultural Comparison of Lay Perspectives of Older Adults in 13 Countries, 2010–2020. *Journal of cross-cultural gerontology*. 2020. Vol. 35. P. 455–478. doi:10.1007/s10823-020-09416-6
8. Ayoubi-Mahani S., Eghbali-Babadi M., Farajzadegan Z., Keshvari M. Facilitators and Barriers to Active Aging in Iran: A Qualitative Study // *Iranian Journal of Ageing*. 2023. Vol. 18, № 3. P. 438–459.
9. Mohamadzadeh M., Zanjari N., Delbari A., Foroughan M., Tabesh H. Factors Associated with Subjective Successful Aging Among Iranian Older Adults: A Cross-Sectional Analysis // *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*. 2024. Vol. 29, no. 5. P. 583–589. doi:10.4103/ijnmr.ijnmr_260_23
10. Bandyopadhyay S., Singh K. Successful aging in the Indian socio-cultural milieu // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 2023. Vol. 38, no. 2. C. 191–220. doi:10.1007/s10823-023-09476-4
11. Srivastava S., Muhammad T., Paul R., Khan K.A. Multivariate decomposition of gender differentials in successful aging among older adults in India // *BMC geriatrics*. 2023. Vol. 23, no. 1. P. 59. doi:10.1186/s12877-023-03753-0
12. Manchana V. Interpersonal relationships, subjective health, psychological well-being, and quality of life among older adults in south India: Evidence from a population-based study // *Journal of Education and Health Promotion*. 2023. Vol. 12, no. 1. P. 150. doi:10.4103/jehp.jehp_735_22
13. Yuan T, Liang L, Zheng C, Li H, Zhang J, Kiyum M, Xu J, Wang M, Mei S. Bidirectional association between attitudes toward own aging and quality of life in Chinese older adults: A prospective cohort study // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2024. doi:10.1111/aphw.12585
14. Du X., Zhou M., Mao Q., Luo Y., Chen X. Positive aging: Social support and social well-being in older adults-the serial media-

tion model of social comparison and cognitive reappraisal // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42, no. 26. P. 22429–22435. doi.org/10.1007/s12144-022-03219-3

15. Zhang C., Dong, C. The Influence of Social Support on the Mental Health of Elderly Individuals in Healthy Communities with the Framework of Mental Toughness // *Psychology Research and Behavior Management*. 2023. No. 16. P. 2977–2988. doi.org/10.2147/PRBM.S413901

16. Chen Y., Gao Q. Effects of social media self-efficacy on informational use, loneliness, and self-esteem of older adults // *International Journal of Human–Computer Interaction*. 2023. Vol. 39, no. 5. P. 1121–1133. doi.org/10.1080/10447318.2022.2062855

17. Zhao X., Chen S., Liu N., Hu F., Yu J. Handgrip strength is positively associated with successful aging in older adults: a national cross-sectional study in China // *Journal of Affective Disorders*. 2023. Vol. 333. P. 30–37. doi:10.1016/j.jad.2023.04.041

18. You S., Kwon M. Religious engagement and successful aging among Korean older adults // *Religions*. 2023. Vol. 14, no. 2. P. 184. doi.org/10.3390/rel14020184

19. Lee D., Kim H., Jo A. Experiences Pertaining to Successful Aging in Middle-Aged Women in South Korea // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20, no. 19. P. 6882. doi:10.3390/ijerph20196882

20. Chan H.H., Thang L.L. Active Aging through Later Life and Afterlife Planning: Shūkatsu in a Super-Aged Japan // *Social Sciences*. 2022. No. 11(1). P. 3. doi.org/10.3390/socsci11010003

21. Karasawa M., Curhan K.B., Markus H.R., Kitayama S.S., Love G.D., Radler B.T., Ryff C.D. Cultural perspectives on aging and well-being: a comparison of Japan and the United States // *International Journal of Aging and Human Development*. 2011. No. 73(1). P. 73–98. doi:10.2190/AG.73.1.d

22. Tiwery W.Y., Heriani I., Rusvitawati D. Effects of Age, Sex, Personality Traits, and Social Support on Successful Aging: A Longitudinal Study of Older Adults in Sukabumi City // *West Science Interdisciplinary Studies*. 2023. Vol. 1, No. 03. P. 124–133. doi.org/10.58812/wsis.v1i02.45

23. Townsend B.G., Chen J.T., Wuthrich V.M. Barriers and Facilitators to Social Participation in Older Adults: A Systematic Literature Review // *Clinical Gerontologist*. 2021. No. 44(4). P. 359–380. doi:10.1080/07317115.2020.1863890

24. Carstensen L.L. Socioemotional Selectivity Theory: The Role of Perceived Endings in Human Motivation // *Gerontologist*. 2021. No. 61(8). P. 1188–1196. doi:10.1093/geront/gnab116

25. Kim E.S., Whillans A.V., Lee M.T., Chen Y., VanderWeele T.J. Volunteering and Subsequent Health and Well-Being in Older Adults: An Outcome-Wide Longitudinal Approach // *American Journal of Preventive Medicine*. 2020. No. 59(2). P. 176–186. doi:10.1016/j.amepre.2020.03.004

26. Kang S.J., Hwang J., Kim D., Kim B. Regional differences in the effects of healthy aging on depressive symptoms: a Korean longitudinal study of aging (2006–2020) // *Frontiers in Public Health*. 2024. Vol. 12. P. 1256368. doi:10.3389/fpubh.2024.1256368

27. Strizhitskaya O., Petrash M., Golubitskaya D., Kuzmina M. Konstruirovaniye stareniya: preimushchestva proaktivnogo podhoda [Constructing aging: the benefits of a proactive approach]. In book: Aktual'nye problemy klinicheskoy psikhologii: teoreticheskie i prikladnye aspekty diagnostiki i korrektsii [Current problems of clinical psychology: theoretical and applied aspects of diagnosis and correction]. Vladivostok : TGMU, 2023. C. 183–195. (In Russ.).

28. Strizhitskaya O.Y., Petrash M.D. Construction of Productive Ageing: Biological, Psychological and Environmental Factors. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2022. Vol. 30, no. 1. P. 8–28. doi:10.17759/cpp.2022300102. (In Russ.).

29. Kirkwood T.B.L. Why and how are we living longer? // *Experimental Physiology*. 2017. Vol. 102, no. 9. P. 1067–1074. doi:10.1113/EP086205

30. Harris K., English T., Harms P.D., Gross J.J., Jackson J.J. Why are Extraverts more satisfied? Personality, Social Experiences, And Subjective Well-Being In College // *European Journal of Personality*. 2017. Vol. 31, no. 2. P. 170–186. doi:10.1002/per.2101

31. Kawamoto T., Shimotsukasa T., Oshio A. Cross-sectional age differences in the Dark Triad traits in two Japanese samples // *Psychology & Aging*. 2020. Vol. 35, no. 1. P. 91–96. doi:10.1037/pag0000399

32. Levy B.R., Slade M.D., Pietrzak R.H., Ferrucci L. When Culture Influences Genes: Positive Age Beliefs Amplify the Cognitive-Aging Benefit of APOE ε2 // *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences & Social Sciences*. 2020. Vol. 75, no. 8. P. e198–e203. doi:10.1093/geronb/gbaa12.

33. Samieri C., Jutand M.A., Fearnt C., Capuron L., Letenneur L., Barberger-Gateau P. Dietary patterns derived by hybrid clustering method in older people: association with cognition, mood, and self-rated health // *Journal of American Dietetic Association*. 2008. Vol. 108, no. 9. P. 1461–1471. doi:10.1016/j.jada.2008.06.437.

34. Stessman J., Jacobs J.M. Diabetes Mellitus, Physical Activity, and Longevity Between the Ages of 70 and 90 // *Journal of the American Geriatrics Society*. 2014. Vol. 62, no. 7. P. 1329–1334. doi:10.1111/jgs.12930

35. Stevens M., Cruwys T. Membership in Sport or Exercise Groups Predicts Sustained Physical Activity and Longevity in Older Adults Compared to Physically Active Matched Controls // *Annals of Behavioral Medicine*. 2020. Vol. 54, no. 8. P. 557–566. doi:10.1093/abm/kaa003

36. Shane J., Niwa E.Y., Heckhausen J. Prosociality Across Adulthood: A Developmental and Motivational Perspective // *Psychology & Aging*. 2021. Vol. 36, № 1. P. 22–35. doi:10.1037/pag0000514

37. Dekhtyar S., Marseglia A., Xu W., Darin-Mattsson A., Wang H.-X. and Fratiglioni L. Genetic risk of dementia mitigated by cognitive reserve: A cohort study // *Annals of Neurology*. 2019. No. 86. P. 68–78. doi.org/10.1002/ana.25501.

38. Strizhitskaya O., Petrash M., Golubitskaya D., Kuzmina M., Krupina K., Shchukin A., Engelgardt E. Futurization of Aging: Subjective Beliefs and Effects // *Behavioral Sciences*. 2023. No. 13(1). P. 4. doi.org/10.3390/bs13010004

39. North M.S., Fiske S.T. Modern Attitudes Toward Older Adults in the Aging World: A Cross-Cultural Meta-Analysis // *Psychological Bulletin*. 2015. № 141(5). P. 993–1021. doi:10.1037/a0039469

40. Hsu P.H., Chong P.Y., Osawa C.S.R.E. Comparison of Asian Countries and Age Groups in the Attitudes Toward Active Aging and Impression of Older Adult // *Journal of Aging and Social Policy*. 2023. No. 35(4). P. 422–439. doi:10.1080/08959420.2022.2055418

41. Chan Y.K., Lee R.P.L. Network Size, Social Support and Happiness in Later Life: A Comparative Study of Beijing and Hong Kong // *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*. 2006. No. 7(1). P. 87–112. doi.org/10.1007/s10902-005-1915-1

Информация об авторах

О.Ю. Стрижицкая – доктор психологических наук, профессор;
Г.И. Стрельников – студент.

Information about the authors

O.Yu. Strizhitskaya is Doctor of Science (Psychology), Professor;
G.I. Strelnikov is a student.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 101.9
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-31-35

ЛОВУШКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ (НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ИНФАНТИЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ)

Андрей Дмитриевич Королёв

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия, korolev7772008@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-8631-3985>

Аннотация. Рассмотрены препятствия, мешающие увидеть новую реальность, которая возникла в 1971 г., когда человечество стало переходить от настоящих денег к фиатным деньгам. Такой переход позволяет реализовать на практике новые возможности, которые ранее считались сугубо формальными, достижимыми лишь в воображении. Инфантильное сознание, свойственное многим взрослым людям, не позволяет осмыслить эту новую действительность. В современном мире существуют мощные силы, заинтересованные в том, чтобы воспрепятствовать духовному взрослению населения, что и обуславливает курс на понижение совокупного интеллекта народа, на усиление тенденции к массовому инфантилизму. Особая роль при этом отведена трансгуманизму как эффективной технологии, направленной на достижение такого эффекта.

Ключевые слова: ловушки восприятия, инфантильное сознание, фиатные деньги, трансгуманизм

Original article

THE PITFALLS OF OUR TIME (NEW REALITY AND INFANTILE CONSCIOUSNESS)

Andrey D. Korolev

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, korolev7772008@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-8631-3985>

Abstract. The article considers the obstacles preventing us from seeing the new reality that arose in 1971, when humanity began to move from real money to fiat money. Such a transition makes it possible to put into practice new opportunities that were previously considered purely formal, achievable only in imagination. The infantile consciousness inherent in many adults does not allow us to comprehend this new reality. In the modern world, there are powerful forces interested in preventing the spiritual maturation of the population, which determines the course towards lowering the total intelligence of the people and strengthening the trend towards mass infantilism. A special role is assigned to transhumanism as an effective technology aimed at achieving such an effect.

Keywords: perception traps, childish thinking, fiat money, transhumanism

Начиная с 1971 г. человечество стало переходить на фиатные деньги. Этот переход завершился в 1996 г. В мире возникла новая реальность, которую никто не ожидал. На уровне массового сознания процесс не осознан, и тому есть несколько причин, точнее говоря, несколько ловушек, которые не позволяют увидеть реальность такой, какова она есть. Назовем и опишем некоторые из них.

Ловушка «Отрицание». Новый мир является утопией, он проиграл, наступление нового мира невозможно даже теоретически. Люди глубоко ошибались, ожидая, что утопия станет реальностью. Само слово «утопия» означает «место, которого нет». Только глупец может ждать, когда утопия станет реальностью. Эти и подобные утверждения позволяют людям обманывать самих себя,

сохраняя надежду на то, что новая реальность никогда не случится.

Ловушка «Артифициализм». Уверенность в том, что причиной неприятных явлений, вызывающих праведный гнев, являются конкретные люди. Хорошо известная фраза «Во всём виноват Чубайс» – яркая иллюстрация такого хода мысли. Вместо Чубайса можно поставить Горбачёва, Ельцина, Гайдара и т.д. Так мыслят малые дети, ещё не осознавшие ту истину, что всякая историческая личность есть проявление и выражение тенденции. Ребенок ещё не дорос до понимания того, что перемены в обществе совершаются людьми, когда для этого возникли соответствующие условия. Конкретные люди – не столько творцы, сколько орудия исторического процесса. Однако зрелый возраст сам по

себе не является гарантией зрелости ума, и, к сожалению, инфантильное сознание бывает нередко присуще и взрослым людям.

Когда Джон Леннон писал свой коммунистический манифест "Imagine" (1971), он явно не договаривался с президентом США Ричардом Никсоном, который в этом году отменил «золотой стандарт» и призвал человечество перейти к фиатным (декретным) деньгам. Также Джон Леннон понятия не имел о том, что в том же 1971 г. профессор Клаус Шваб создал Всемирный экономический форум. Сегодня этот форум предлагает построить инклюзивный капитализм, в котором на практике реализуются идеи Джона Леннона, высказанные им в далёком 1971 г. Начиная с 1996 г., когда всё человечество перешло на фиатные деньги, песня "Imagine" стала обязательной для исполнения при открытии Олимпийских игр в разных странах мира. Очередной раз песня прозвучала 26 июля 2024 г. при открытии Олимпиады в Париже. Почему именно Олимпийских игр? Потому что открытие Олимпиады собирает максимальное количество зрителей, большее, чем любое другое событие. Время исполнения также определяется возможностью собрать максимальное количество зрителей. В это время половина планеты встречает утро, когда люди собираются на работу. На другой половине планеты закончилась рабочая неделя, а хлопоты выходного дня ещё не наступили. Только на малонаселенных островах Тихого океана в это время глубокая ночь, и люди спят.

В этой связи уместно сослаться на один показательный факт. Депутат Государственной Думы ФС РФ многих созывов Евгений Алексеевич Фёдоров обвинил Виктора Цоя в том, что песня «Мы ждём перемен» (1988) написана им по заданию ЦРУ США. Депутат забыл (или не знал) о том, что ещё за 4 года до этого в фильме Леонида Квинихидзе «Мэри Поппинс, до свидания» прозвучала песня «Ветер перемен». Она выражала то же предчувствие предстоящих больших изменений в обществе, что и песня Виктора Цоя. Нелепо было бы считать, что и Л. Квинихидзе, и В. Цой создавали свои произведения по заданию ЦРУ.

На массе других примеров прекрасно видно, что люди – продукты исторических обстоятельств, они действуют сообразно логике событий, а не пишут историю с чистого листа. Люди – не марионетки, которых дергают за ниточки какие-то могущественные силы – будь то ЦРУ, КГБ или ВОЗ. Логика исторического процесса порождает запрос на определенного рода личность – и этот запрос, так или иначе, удовлетворяется. Так, кризисные явления, охватившие позднесоветское общество, вы-

несли на поверхность людей энергичных, беспринципных, способных принести в жертву благополучие десятков миллионов ради того, чтобы «забить последний гвоздь в крышку гроба коммунизма». Одним из таких безответственных циников и был А.Б. Чубайс. В иные времена его ждала карьера научного сотрудника в каком-нибудь институте. Да, он виноват в том, что произошло в нашей стране. Однако если бы прихоть судьбы не вознесла к вершинам власти именно его, нашелся бы другой подобный субъект, который выполнил бы ту же роль разрушителя советского типа жизнеустройства. И надо иметь очень наивные представления об историческом процессе, чтобы этого не понимать.

Ловушка «Торг». Настоящие деньги запрещены во всех странах мира. В этом нет ничего страшного, так как существует полноценная замена настоящим деньгам. Замена очень удобная, мы к ней уже привыкли. У нас нет платёжных средств, которые одновременно выполняют все функции денег, зато у нас есть такие удобные платёжные средства, как токены, криптовалюты, цифровые фиатные валюты центральных банков, в некоторых странах социальные баллы как часть системы социального рейтинга и другие, не менее полезные способы оплаты товаров и услуг. При этом токены используются в децентрализованных социальных сетях. Токены и криптовалюта обеспечивают обмен ценностями без посредников. Обратим ваше внимание на то, что далеко не каждый может разобраться в этих хитросплетениях. Отсюда посыл: не нужно разбираться, просто доверяйте. Иначе говоря, взрослых людей сознательно оставляют в неведении, чтобы они не имели возможности принимать решения со знанием дела. Здесь мы видим то же стремление понизить совокупный интеллект масс, имеющий целью воспрепятствовать их взрослению.

Языковая ловушка предполагает, что название предмета так же реально, как и сам предмет. Взрослые люди способны отличить число от названия числа, но ребенок до таких высот абстрактного мышления подняться не в состоянии. Ему очень трудно понять, что чисел без единиц измерения не бывает. Когда подобное представление разделяет человек, перешагнувший порог совершеннолетия, то он теряет способность ориентироваться в мире финансов. Он не способен уразуметь, что современные платёжные средства почти никогда не имеют единиц измерения. В итоге его поведение продиктовано не трезвым анализом ситуации, а примитивными представлениями, расходящимися с реальностью.

Ловушка «Синкретизм» предполагает, что один атрибут автоматически означает набор всех других

атрибутов. Например, ребёнок считает, что машина живая, потому что она двигается. Действительно, атрибут «движение» присущ всем животным. Но у животного должны быть и другие атрибуты: питание, размножение, рост, дыхание, выделение и т.д. Одного движения недостаточно, чтобы признать предмет живым.

В документальном фильме Анны Ефимцевой «Красота – это ты» (2024) показана идеальная семья, в которой муж и жена никогда не ссорятся, потому что живут в разных местах, встречаются раз в неделю. Некоторым взрослым людям трудно понять, что семья – это не печать в паспорте, а совместное проживание, совместный бюджет и совместное ведение хозяйства. Раз есть один атрибут, значит, автоматически есть все остальные. Синкретизм детского мышления остаётся с такими людьми до конца жизни.

В фильме «Поймай меня, если сможешь» (режиссёр Стивен Спилберг, 2002) главный герой фильма показал, что достаточно униформы и удостоверения, чтобы окружающие воспринимали тебя как пилота самолёта, адвоката, врача, преподавателя. Фильм основан на реальных событиях и демонстрирует детское мышление взрослых людей.

Как избежать попадания в ловушки? Ответ очень прост. По-английски он звучит «make a difference» (сделать различие). Между прочим, это один из принципов успешного социально-психологического тренинга. Нужно учиться различать то, что существует только в языке, от того, образно говоря, можно потрогать своими руками. Нужно научиться различать, как вещи удовлетворяют наши желания в конкретный момент, от того, как данные вещи соотносятся друг с другом, независимо от наших желаний. Например, люди обычно говорят: «Какая мне разница, что данные платёжные средства не обеспечены золотом и другими драгоценными металлами. Главное, я иду в магазин и покупаю товары, остальное мне глубоко безразлично. А инфляция – это объективная реальность, к которой я уже привык, которая от меня не зависит. Принцип предельно прост, не нужно переживать о том, что от меня не зависит».

Можно согласиться с тем, что следует избегать переживаний по пустякам. Это будет способствовать нашему хорошему настроению, но такая позиция не позволит нам увидеть новую реальность. Итак, не задавайте лишних вопросов, тогда вы будете жить счастливо.

Деньги – это платёжные средства, с помощью которых мы включены в экономические процессы. Но лишь часть платёжных средств является насто-

ящими деньгами. Настоящие деньги выполняют все функции денег, но существуют и иные платёжные средства, которые выполняют лишь некоторые функции денег. Настоящие деньги всегда анонимны, поэтому санкции на их обладателей не действуют. Санкции могут повлиять только на тех, кто располагает иными платёжными средствами, не являющимися анонимными. С помощью санкций происходит отделение тех, кто ведёт себя правильно, от «провинившихся». Этим последним обязательно нужно наказать, чтобы в дальнейшем они вели себя должным образом. Если деньги не привязаны к экономическому субъекту, то отделить деньги правильных субъектов от денег «неправильных», «плохих» субъектов невозможно.

Настоящие деньги, далее, позволяют накапливать богатства, другими словами, сохраняют результаты человеческого труда в пространстве и во времени. Сейчас во всех странах мира есть инфляция, значит, полностью сохранить результаты труда нет возможности. В этой связи имеет смысл напомнить, что в Великобритании в XIX в. цены снижались. В СССР с 1946 по 1953 г. цены также снижались. Это было возможно по той причине, что в обоих случаях использовались настоящие деньги.

Функции денег хорошо известны и описаны в литературе [1: с. 33–39]. В интересующем нас аспекте важно заметить следующее. Детское мышление позволяет людям жить счастливо, не задаваясь ненужными вопросами. Только новую реальность с таким мышлением мы никогда не увидим. Не поймём, что в современном мире накопить богатство невозможно даже теоретически. Срок годности самых распространенных платёжных средств (в отличие от настоящих денег) всегда ограничен в пространстве и во времени, ибо они не обладают всеми атрибутами денег. Их в любой момент можно отобрать, на них можно наложить санкции. Это талантливо показано в сериале «Бедный олигарх» (режиссёры Гарик Петросян, Давид Дадунашвили и Гайк Асатрян, 2022–2024).

Если накопить богатство невозможно, то, значит, власть европейских королей и аристократов отходит на второй план. В первой десятке рейтинга самых богатых людей мира по версии Forbes уже никогда не будет тех, кто унаследовал богатства своих предков, живших сотни лет тому назад. Не будет в этих списках и потомков тех, кто торгует природными богатствами планеты в наши дни. Также в новой реальности меняется природа власти. Поскольку власть постепенно отделяется от богатства, значит, на первое место выходит власть экспертов, а не тех, в чьем распоряжении армия и полиция.

Сколько дивизий у генерального директора Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедроса Аданома Гебрейесуса? Вопрос риторический. Однако это не помешало ему «поставить на колени» всё человечество 11 марта 2020 г., когда было официально объявлено о пандемии коронавируса в мире. До сих пор многие страны не могут вернуться к показателям года допандемийного периода в областях экономики, образования и культуры.

Человек смотрит на мир через призму своих гипотез. Если человек не может отличить платёжные средства от настоящих денег, он никогда не увидит новой реальности. Это приводит к неправильной постановке жизненных целей. Отсюда неизбежные неудачи, крах надежд, разочарование, депрессия, поиск виноватых. И, наоборот, если человек воспринимает новую реальность, то у него появляются реальные преимущества в конкурентной борьбе. Он никогда не поставит перед собой недостижимую цель. У него не будет разочарований и обид. Хотя, подчеркнём ещё раз, современные платёжные средства очень удобны, но удобство и комфорт не всегда ведут к желаемому результату.

Поведём итог нашим рассуждениям. «Через пару десятилетий благодаря современным подходам к образованию количество людей, способных понять финансовую систему, будет практически равно нулю. Хотя, вероятно, к тому времени никто об этом уже не будет задумываться» [2: с. 214].

Зачем нужны ловушки на нашем пути к будущему? Во-первых, для того, чтобы люди не заметили того, что утопия стала реальностью. Во-вторых, чтобы добиться максимально узкой специализации человека (например, служебного человека, идеальных воинов, спортсменов, домохозяек и т.д.). Реализация таких целей требует максимального торможения взросления людей. И успехи на этом пути не стоит недооценивать. Так, если мы посмотрим на довоенные фотографии восемнадцатилетних юношей и девушек, то с удивлением увидим, что они выглядят значительно старше, чем их сверстники в наше время.

Гениальный детский писатель Николай Николаевич Носов довел до логического завершения картину социальной реальности, созданной воображением Томмазо Кампанеллы в его знаменитой утопии «Город Солнца» (1602). Н.Н. Носов в книге «Незнайка в Солнечном городе» (1958) изобразил коммунистический город как такое поселение, в котором проживают крошечные мальчики и девочки («коротышки»). Томмазо Кампанелла писал о том, что для построения идеального общества дети в первые годы жизни должны воспитываться без участия ро-

дитей. Фантазия Н.Н. Носова завела его дальше: в коммунистическом городе будут жить коротышки [3], т.е. люди, в своем индивидуальном психическом развитии не перешагнувшие порога детства.

Марина Загидуллина пишет о творчестве Николая Носова: «Давай помечтаем! – как будто говорит он и тут же наводит на эту мечту микроскоп, под которым видно, как милое сердцу мечтателя явление оскаливает хищные зубы. Опрокидывание идеала в катастрофу становится школой для читателя, своеобразным адаптивным экспериментальным полем» [4: с. 220].

Взросление человека – объективный процесс. Однако он не протекает автоматически, а является результатом воспитания. Капитализм во времена своего становления нуждался в людях типа Робинзона Крузо – энергичных, волевых, не теряющихся в сложных ситуациях и способных бросить вызов судьбе. На современном этапе эволюции капитализму нужен человек иного склада: наивно верящих в то, что ему расскажут СМИ, слабо представляющих себе, какова социальная действительность, живущих не разумом, а эмоциями, легко забывающих то, что было совсем недавно, и полагающихся на авторитет власти и/или «говорящих голов» из телевизора. Владельцы заводов, газет, пароходов делают всё возможное, чтобы это детское восприятие действительности распространялось всё шире, чтобы интеллектуальный уровень масс непрерывно понижался. Ставка делается на то, чтобы дети не выросли, по крайней мере, чтобы у людей оставались детское мышление и детская психология (избегание ответственности за семью, детей, судьбу своего государства и т.д.). Власть имущие (или нанятые ими люди) загоняют народ в ментальные ловушки, из которых невозможно выбраться, не преодолев порог взрослости.

Дело дошло до того, что всерьез ставится задача использовать не только традиционные средства воздействия на сознание личности, но и изменить биологическую природу человека. Так, в главе «Конец Homo sapiens» Юваль Ной Харари пишет: «На заре XXI века Homo sapiens начинает выходить за биологические пределы. Он отменяет законы естественного отбора, заменяя их законами разумного замысла» [5: с. 472]. Евгеника вернулась к нам в обёртке трансгуманизма.

Евгенические вождедения, однако, не могут быть реализованы, поскольку природная основа человека не может быть изменена без отказа от самой человечности. Странники трансгуманизма явно переоценивают свои возможности и недооценивают мощь здравомыслящих людей, не желающих становиться объектами безответственных социальных экспериментов.

Список источников

1. Лежава А.В. Золото. Курс молодого бойца. Москва : Наше завтра, 2023. 128 с.
2. Лежава А.В. На пути к Новой Швабии. Москва : Наше завтра, 2022. 368 с.
3. Носов Н.Н. Незнайка в Солнечном городе. Москва : Росмэн, 2000. 200 с.
4. Весёлые человечки: Культурные герои советского детства : сб. статей / сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. Москва : Новое литературное обозрение, 2008. 544 с.
5. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. Москва : Синдбад, 2022. 512 с.

References

1. Lezhava A.V. Zoloto. Kurs molodogo bojca. Moscow : Nashe zavtra, 2023. 128 p. (in Russ.).
2. Lezhava A.V. Na puti k Novoj Shvabii. Moscow : Nashe zavtra, 2022. 368 p. (in Russ.).
3. Nosov N.N. Neznajka v Solnechnom gorode. Moscow : Rosme`n, 2000. 200 p. (in Russ.).
4. Vesoly`e chelovechki: Kul`turny`e geroi sovetskogo detstva : sb. statej / sost. i red. I. Kukulin, M. Lipoveczkij, M. Majofis. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 544 p. (in Russ.).
5. Harari Yuval Noah. Sapiens. A Brief History of Humankind. New York : Random House, 2014. 512 p. (Russ. ed.: Харари Ю.Н. Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva / per. s angl. L. Summ. Moscow : Sindbad, 2022. 512 p.).

Информация об авторе

А.Д. Королёв – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Сектора философии естественных наук.

Information about the author

A.D. Korolev is Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher at the Sector of Philosophy of Natural Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 159.99

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-36-43

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНЕОСУЩЕСТВЛЕНИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Екатерина Викторовна Павлова

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, katal75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0380-9345>

Аннотация. В статье приводится анализ представлений о вовлеченности личности, сформировавшихся в российской и зарубежной психологии в конце XX – первых десятилетиях XXI в. Выделены ключевые контексты изучения вовлеченности и сформулированы вопросы, требующие дальнейшего теоретико-методологического осмысления. С учетом выделенных дефицитов и противоречий обосновывается необходимость формирования целостной концепции вовлеченности, соответствующей требованиям современного этапа развития научной психологии. Приводится авторское понимание вовлеченности как состояния, формирующегося в пространстве взаимодействия человека и среды при условии их соответствия. Аргументируется возможность и необходимость расширения исследовательского контекста от «вовлеченности в деятельность» до «вовлеченности в пространство жизнеосуществления», что позволяет говорить о различных пространственно-временных характеристиках и видах вовлеченности. Дифференцируются понятия «вовлеченность» и «ресурс вовлеченности», рассматриваются модели вовлеченности личности в пространство жизнеосуществления и «ресурса вовлеченности». Определены дальнейшие направления исследований вовлеченности личности в пространство жизнеосуществления.

Ключевые слова: вовлеченность в деятельность, вовлеченность в жизнеосуществление, системная антропологическая психология, соответствие, «ресурс вовлеченности», пространственно-временные характеристики вовлеченности, виды вовлеченности, студенты

Original article

INVOLVEMENT OF THE INDIVIDUAL IN THE SPACE OF LIFE-REALIZATION: GENERAL CHARACTERISTICS OF THE PROBLEMATIC FIELD OF RESEARCH

Ekaterina V. Pavlova

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, katal75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0380-9345>

Abstract. The article analyzes the concepts of personal involvement that were formed in Russian and foreign psychology in the late 20th – early 21st centuries. The key contexts for studying involvement are highlighted, and questions requiring further theoretical and methodological consideration are formulated. Taking into account the identified deficiencies and contradictions, the necessity of forming a holistic concept of involvement that meets the requirements of the modern stage of scientific psychology development is substantiated. The author presents her own understanding of involvement as a state that is formed in the space of interaction between a person and the environment, provided that they correspond. The article argues for the possibility and necessity of expanding the research context from “involvement in activity” to “involvement in the space of life-realization”, which allows us to talk about different spatial and temporal characteristics and types of involvement. The concepts of “involvement” and “resource of involvement” are differentiated, the models of personal involvement in the space of life-realization and “resource of involvement” are considered. Further directions of research into the individual's involvement in the life-realization space are defined.

Keywords: involvement in activity, involvement in life-realization, systemic anthropological psychology, compliance, "resource of involvement", spatial and temporal characteristics of involvement, types of involvement, students

Актуальность

Постнеклассический идеал рациональности, постепенно усиливающий свое влияние в современной психологии, диктует новые требования к принципам, методам исследования, постановке научных проблем. Переход к принципу системного детерминизма [1] сопровождается повышением уровня анализа различных интра- и интерпсихиче-

ских феноменов. В этом ключе человек выступает как открытая психологическая система, «свободно реализующая себя и свои возможности и развивающая себя и свои возможности действующая личность, в такой же степени творящая обстоятельства своей жизнедеятельности, в какой степени обстоятельства творят ее» [1: с. 91].

Ориентация на теоретико-методологические основания концепций, соответствующих требованиям современной науки, позволяет реинтерпретировать и систематизировать психологические феномены, ранее представленные в научно-исследовательском поле как относительно дискретные. Одним из таких феноменов является вовлеченность.

Постановка проблемы

Исследования вовлеченности получили распространение в зарубежной социологии, педагогике, психологии и практиках управления персоналом в последней трети XX в. и продолжают развиваться по настоящее время. В российскую науку данная проблематика пришла в 10-х годах текущего столетия. На сегодняшний день эмпирически установлена роль вовлеченности в повышении качества деятельности сотрудников организаций и предприятий, студентов и школьников [2–6], значимость в более широких социальных контекстах [7]. Вовлеченный человек готов прилагать сверхнормативные усилия, проявлять неадаптивную активность, принимать на себя ответственность [2–4].

В целом на основе междисциплинарного анализа можно выделить несколько контекстов изучения вовлеченности: 1) содержательный (изучение деятельностей, в которые вовлекается человек [8; 9]); 2) предметно-сущностный (понимание вовлеченности как процесса [6; 8], состояния [2; 3], свойства и т.п.); 3) временной (представления о длительности и «масштабе» вовлеченности [7]). В то же время недостаточно изученными остаются ряд вопросов, в числе которых можно отметить следующие: 1) что именно понимается под «вовлеченностью», насколько «категориально устойчивы» понятия, употребляющиеся при описании её различных аспектов; 2) каковы временной и пространственный «масштаб» явлений, применительно к которым используется понятие «вовлеченность»; является ли вовлеченность характеристикой человека или формируется во взаимодействии «человек–среда» и принадлежит именно пространству взаимодействия; 3) каковы мерности вовлеченности; 4) что является признаками (маркерами) вовлеченности и невовлеченности человека и насколько они надежны и валидны; 5) каковы возможности и ограничения управления вовлеченностью?

Анализ понятия «вовлеченность» и смежных с ним категорий лояльности, приверженности и др., трудностей, связанных со становлением русскоязычного терминологического поля, приводился нами ранее [10; 11]. Было показано, что существующие данные в области вовлеченности получены в различных методологических контекстах, что за-

трудняет их сравнительно-сопоставительный анализ и построение целостной концепции вовлеченности. Кроме того, преобладание социологических и педагогических работ в этой области оставляет «за скобками» собственно психологический контекст.

В качестве примеров психологических исследований вовлеченности, реализуемых российскими учеными, можно отметить:

- изучение ценностно-смысловых оснований вовлеченности [9; 12];
- социально-психологический анализ форм и динамики вовлеченности в деятельность [13];
- исследование вовлеченности в связи с вопросами идентичности личности [14; 15];
- исследование вовлеченности в контексте различных аспектов познавательной активности [16–18];
- определение соотношения мотивации и вовлеченности персонала, обучающихся [19] и др.

Вопросы изучения вовлеченности как самостоятельного феномена, её формирования и роли в жизни человека поднимает один из разработчиков системной антропологической психологии и психологии вовлеченности О.В. Лукьянов [7; 14; 20]. Фактически, это одно из немногих направлений исследования вовлеченности, в которых эксплицированы цели её повышения, управления ею и т.д. Таким образом, в области изучения вовлеченности личности можно говорить о богатстве фактологического материала и о дефиците объяснительных моделей.

Концепция вовлеченности

Проблема разработки постнеклассического взгляда на природу человека ставится и решается, в том числе, в русле теории психологических систем В.Е. Ключко [1] и далее – в системной антропологической психологии [20]. Человек в этом случае рассматривается как «самоорганизующаяся система, т.е. система, порождающая психологические новообразования и опирающаяся на них в своем самодвижении» [1: с. 101], находящаяся в состоянии непрерывного становления – прогрессивного и закономерного усложнения, являющегося условием жизнеосуществления [129], и взаимодействия с внешней средой. Согласно В.Е. Ключко, условием взаимодействия является соответствие человека и среды, наличие в среде того, что «должно быть опознано как свое и в качестве своего присвоено системой» [1: с. 28]. Анализ литературы позволяет говорить о различных вариантах такого соответствия: ценностно-смысловом [1; 5], соответствии на уровне индивидуальных особенностей и активности личности [13; 21; 22], темпоральном соответствии [23] и др.

В существующих на сегодняшний день исследованиях рассматривается вовлеченность личности преимущественно в конкретную деятельность (совокупность деятельностей) либо в организацию; широко представлены работы, описывающие вовлеченность в отдельные виды активности (учебную, научно-исследовательскую, спортивную и т.д.). При этом не затрагиваются более широкие контексты вовлеченности.

Исходя из вышеописанных данных, нами была предпринята попытка разработки целостной концепции вовлеченности личности, опирающейся на теоретические положения и принципы системной антропологической психологии. За основу было принято предположение о том, что вовлеченность не «принадлежит» исключительно человеку или среде, а формируется в пространстве их взаимодействия, т.е. является эмерджентным свойством системы «человек–среда». Исходя из этого, вовлеченность понимается нами как «состояние человека как открытой самоорганизующейся системы, формирующееся в пространстве взаимодействия человека и среды при условии их соответствия и достаточной сензитивности человека к этой среде, характеризующееся изменением темпоральных характеристик жизнеосуществления человека (расширение временной перспективы, субъективное ускорение течения времени, восприятие жизни как непрерывного процесса становления), а также специфическим комплексом переживаний (поглощенность деятельностью, эмоциональная готовность преодолевать возникающие препятствия, удовлетворенность деятельностью и жизнью в целом, удовольствие и переживание собственной эффективности, ощущение контроля над ситуацией)» [24: с. 35].

Соответственно обоснованы два ключевых момента в изучении вовлеченности:

- расширен контекст понимания вовлеченности: от «вовлеченности в деятельность» до «вовлеченности в пространство жизнеосуществления»;

- дифференцированы понятия «вовлеченность» (как состояние) и «ресурс вовлеченности» (как совокупность психологических характеристик, лежащих в основе вовлеченности).

Проблема жизненного самоосуществления человека ставится и решается в русле системной антропологической психологии И.О. Логиновой [25; 26]. В контексте исследования вовлеченности в пространство жизнеосуществления мы с опорой на работы В.Е. Клочко [1] и И.О. Логиновой [25] определяем его как «часть объективного мира, которая составляет действительность человека, обладаю-

щую признаками реальности и предметности, в которой человек живет и действует и которую формирует в ходе сменяющих друг друга деятельностей, реализующих системы жизненных отношений, представляющих различные структурные уровни организации человека» [24: с. 18].

Расширение контекста рассмотрения вовлеченности позволило, в свою очередь, конкретизировать её пространственно-временные характеристики – сочетание пространств, в которые вовлекается человек, и длительности вовлеченности, на основе которых выделены три вида вовлеченности: кратко-, средне- и долгосрочная, реализующиеся в различных по «масштабу» пространствах (рис. 1).

Краткосрочная вовлеченность реализуется в пространстве конкретной деятельности (например, «вовлеченность в решение задачи» [17], в работу на лекции [27]). Как эмоциональное состояние длительностью до года она наиболее полно описана в работах W. Schaufeli с соавторами [28 и др.]. Российскими авторами краткосрочная вовлеченность соотносится с состоянием «потока» [29], что определяет её нерефлексивность и регуляцию преимущественно на эмоциональном уровне.

Среднесрочная вовлеченность реализуется в дисциплинарном пространстве, объединяющем несколько видов деятельности, активности в рамках социальной (в том числе профессиональной) роли («вовлеченность в профессиональную среду» [30], «академическая вовлеченность» [18]). В этом случае для человека значимы большинство задач в рамках социальной либо профессиональной роли, но данная деятельность не становится ядром его Я-концепции [15]. Вовлеченность здесь связана преимущественно с ценностно-смысловым соответствием, а также с преобладанием у человека внутренней мотивации деятельности, наличием чувства самоэффективности, способности к самостоятельной постановке целей и ориентировке во времени, внутреннего локуса контроля, умения контролировать собственные познавательные процессы [4; 16; 31 и др.].

Долгосрочная вовлеченность реализуется в пространстве жизнеосуществления в целом и выступает интегральной характеристикой состояния человека. При её наличии наблюдаются: расширение временной перспективы, жизненного мира и вариантов жизнеосуществления, переживания удовлетворенности и благополучия, повышение показателей жизнестойкости [32–34]. Для её инициации и поддержания необходимы рефлексия собственного опыта [13] и способность к самопроектированию [24: с. 22].

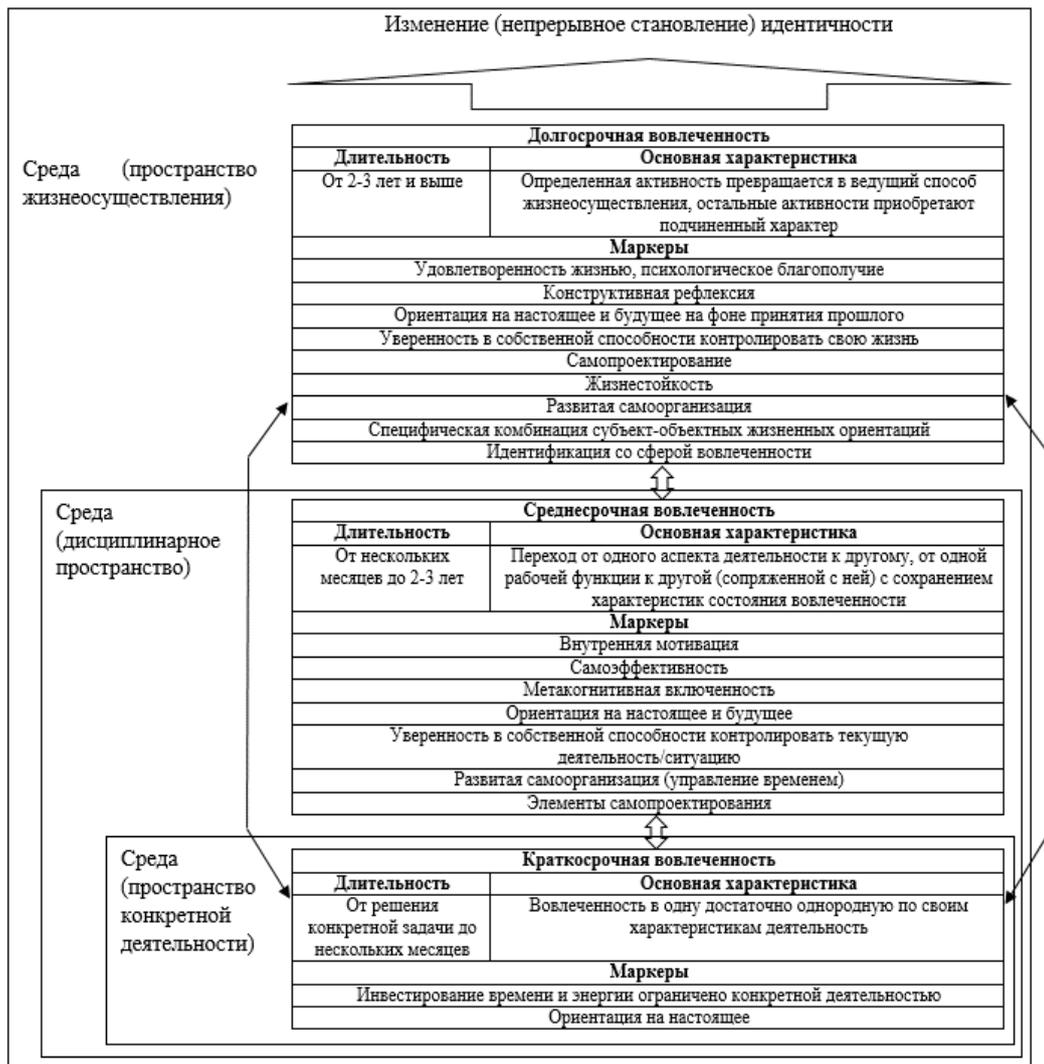

Рис. 1. Модель вовлеченности личности в пространство жизнеосуществления [24: с. 21]

Временные рамки каждого из видов вовлеченности определяются преимущественно по функциональному критерию (сочетание пространства / деятельности, длительности, глубины состояния), в том числе с учетом концепции смысловой регуляции состояний А.О. Прохорова [35]. Имеющиеся в научной литературе данные малочисленны и в ряде случаев нуждаются в конкретизации.

Сочетание характеристик (маркеров) кратко-, средне- и долгосрочной вовлеченности образуют стили вовлеченности, определяющие преимущественную ориентацию личности на долгосрочную вовлеченность, среднесрочные вовлеченности, сменяющие друг друга, совмещение вовлеченностей в отдельные деятельности и в дисциплинарные пространства и т.д. На примере студентов вуза нами были описаны четыре стили вовлеченности: «Удовлетворенность достижениями и насыщенность жизни» и «Личностный рост» отражают раз-

личные варианты ориентации на долгосрочную вовлеченность, «Вовлеченность в деятельность» объединяет признаки кратко- и среднесрочной вовлеченности, «Рефлексия вовлеченности» отражает временную невовлеченность во внешние пространства, связанную с осмыслением текущего периода жизни [36].

Анализ соответствия человека и среды как условия их продуктивного взаимодействия и формирования вовлеченности человека в среду (в деятельность) позволил предположить, что существует некая совокупность психологических качеств человека, обеспечивающих подобное соответствие, для обозначения которых было введено понятие «ресурс вовлеченности».

Структура «ресурса вовлеченности» определялась с учетом трех уровней соответствия человека и среды (рис. 2).

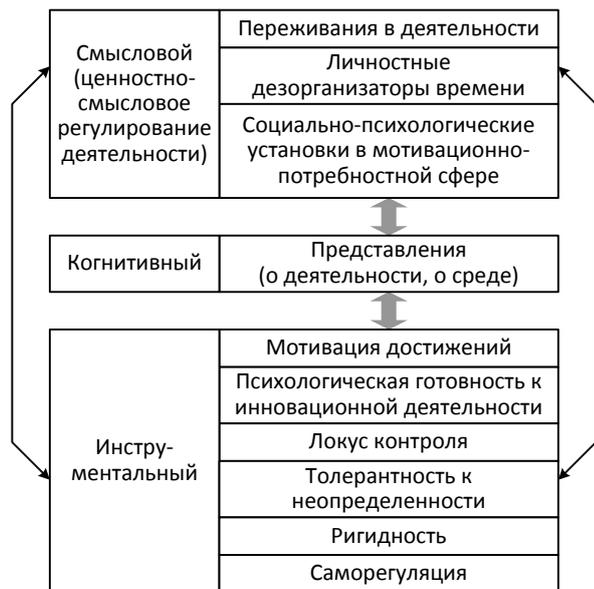

Рис. 2. Компоненты «ресурса вовлеченности» [24: с. 19]

1. Когнитивное соответствие – наличие у человека представлений о той деятельности либо дисциплинарном пространстве, в которое он вовлекается, сформированность ориентировочной основы деятельности. Подобные представления могут быть представлены как на эксплицитном уровне, так и на имплицитном; значимым является отсутствие в них противоречий и их достаточность для вовлечения в деятельность.

2. «Инструментальное» соответствие – наличие психологических качеств, обеспечивающих принципиальную возможность взаимодействия со средой вовлечения с учетом её ключевых характеристик. Для определения ресурса долгосрочной вовлеченности рассматривались признаки современной среды жизнеосуществления личности, в числе которых можно выделить высокую эмоциональную насыщенность и низкую устойчивость и прогнозируемость. Соответственно в состав инструментального компонента «ресурса вовлеченности» были включены ригидность (как универсальное свойство живых систем [37]), толерантность к неопределенности, саморегуляция и локус контроля, а также мотивация достижения и психологическая готовность к инновационной деятельности (т.е. качества человека, определяющие меру его устойчивости как открытой психологической системы, способы принятия решений и атрибутирования ответственности).

3. Ценностно-смысловое соответствие – соотнесенность выполняемой человеком деятельности, пространств жизни с системой его ценностей и личностных смыслов. В данном случае речь идет не

о наличии либо отсутствии каких-либо конкретных диспозиций, а о преломлении объективных условий деятельности через призму смыслов и ценностей человека, т.е. о «ценностно-смысловом регулировании деятельности», что и определило наполнение соответствующего компонента.

Принимая во внимание механизм множественной многоуровневой регуляции принятия решений [38], мы полагаем, что значимость различных составляющих «ресурса вовлеченности» варьирует с учетом конкретных условий жизнеосуществления [24: с. 20].

Использование данной модели позволяет описать психологические мерности «ресурса вовлеченности» (сочетания преимущественно используемых его составляющих при жизнеосуществлении в данной среде), а также типологические особенности «ресурса вовлеченности». Предложенная модель «ресурса вовлеченности» является достаточно универсальной, но может быть конкретизирована с учетом специфики отдельных деятельностей или пространств, в которые вовлекается человек.

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день вовлеченность признается одним из значимых факторов, обеспечивающих продуктивность личности в процессе жизни. Данный феномен исследуется с социологических, управленческих и педагогических позиций, собственно психологическая составляющая представлена в значительно меньшей степени.

Изучение вовлеченности с позиции системной антропологической психологии позволяет выделить её психологическое содержание, дифференцировать вовлеченность как состояние и «ресурс вовлеченности» личности, расширить контекст исследований до «вовлеченности в пространство жизнеосуществления» и описать на этом основании её пространственно-временные характеристики. На основе предложенных авторских моделей определены типологические особенности и психологические мерности ресурса вовлеченности, стили вовлеченности, предикторы актуального состояния вовлеченности.

В то же время остаются открытыми и требующими дальнейшего изучения следующие вопросы: какова динамика состояния вовлеченности в конкретную деятельность, как именно реализуется переход от кратко- к среднесрочной вовлеченности и далее к долгосрочной; какова специфика «ресурса вовлеченности» в конкретные виды деятельности и ряд других.

Список источников

1. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск : Томский гос. ун-т, 2005. 174 с.
2. Смирнов П.С. Вовлечённость персонала: типы, уровни проявления и связи с практиками управления человеческими ресурсами // Организационная психология. 2019. Т. 9, № 1. С. 81–95. URL: [https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2019/04/01/1190432614/OrgPsy_2019_1\(4\)Smirnov\(81-95\).pdf](https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2019/04/01/1190432614/OrgPsy_2019_1(4)Smirnov(81-95).pdf) (дата обращения: 14.09.2024).
3. Кулькова И.А., Николаев Н.А. Методические положения по оценке и развитию факторов формирования вовлеченности персонала в деятельность предприятия // Известия Уральского государственного горного университета. 2016. № 4 (44). С. 88–93. doi:10.21440/2307-2091-2016-4-88-93
4. Bakker A.B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: state of the art // Journal of Managerial Psychology. 2007. Vol. 22, is. 3. P. 309–328. doi:10.1108/02683940710733115
5. Малошонок Н.Г. Вовлеченность студентов в учебный процесс в российских вузах // Высшее образование в России. 2014. № 1. С. 37–44.
6. Astin A.W. Student Involvement: A Developmental Theory for Higher Education // Journal of College Student Development. September / October 1999. Vol. 40, is. 5. P. 518–529.
7. Лукьянов О.В., Волюнец К.В. Инициативность и вовлеченность в экзистенциальном консультировании. Анализ случая // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 400. С. 277–281. doi:10.17223/15617793/400/44
8. Киуру К.В. Управление вовлеченностью студентов в процесс обучения в условиях онлайн-образования : монография. Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2019. 81 с.
9. Лифанов А.Д., Рыжова А.А. Вовлеченность студенток в процесс физического воспитания в вузе как фактор сохранения и укрепления их здоровья // Сибирский психологический журнал. 2017. № 63. С. 183–198. doi:10.17223/17267080/63/13
10. Павлова Е.В., Краснорядцева О.М. Ресурс вовлеченности как психологическая характеристика степени соответствия человека и образовательной среды // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 52–78. doi:10.17223/17267081/81/3
11. Павлова Е.В., Краснорядцева О.М., Лейфа А.В., Плутенко А.Д., Ерёмкина В.В., Бодрог Н.С., Леонов А.К., Бобылева А.А. Вовлеченность студенческой молодежи в пространство жизнеосуществления: проблема концептуализации феномена в новых социокультурных условиях : монография / под общ. ред. Е.В. Павловой. Чебоксары, 2023. 296 с.
12. Остапенко Д.К. Ценности подростков, вовлечённых в спортивную деятельность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Психологические науки. 2019. № 1. С. 44–49. doi:10.18384/2310-7235-2019-1-44-49
13. Литвинова Е.Ю., Киселева Н.В. Структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 3. С. 5–17. doi:10.17759/sps.2016070301
14. Лукьянов О.В., Бронер В.И., Васильев А.В. Категориальный аппарат психологии вовлеченности (аутентификации) // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 39–52. doi:10.17223/17267080/75/3
15. Липатов С.А. Структура включенности работников в организацию как социально-психологическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 14 : Психология. 2016. № 3. С. 73–80.
16. Бызова В.М., Перикова Е.И. Психология метакогнитивизма: вызовы современности. Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2020. 140 с.
17. Кустубаева А.М., Камзанова А.Т. Влияние стиля мышления на вовлеченность и эффективность выполнения экспериментальной задачи // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6, № 2. С. 6–13.
18. Щеглова И.А., Корешникова Ю.Н., Паршина О.А. Роль студенческой вовлеченности в развитии критического мышления // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 264–289. doi:10.17323/1814-9545-2019-1-264-289
19. Токарева А.А., Баронене С.Г. Методика исследования вовлеченности сотрудников университета // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23, № 1–2. С. 11–32. doi:10.15826/umpra.2019.01-2.001
20. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20. doi:10.17223/17267080/56/2
21. Конопкин О.А. Структурно-функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 1. С. 27–42.
22. Hu S., Kuh G.D. Being (dis)engaged in educationally purposeful activities: The influences of student and institutional characteristics // Research in Higher Education. 2002. Vol. 43, is. 5. P. 555–575. doi:10.1023/A:1020114231387
23. Бредун Е.В., Баланёв Д.Ю., Ваулина Т.А., Краснорядцева О.М., Щеглова Э.А. Темпоральные особенности студентов как когнитивные диагностические характеристики: контекст адаптивного образования // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17, № 1. С. 60–73. doi:10.21702/rpj.2020.1.5
24. Павлова Е.В. Вовлеченность личности в пространство жизнеосуществления: ресурсное обеспечение и динамика реализации : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2023. 43 с.
25. Логинова И.О. Жизненное самоосуществление человека: системно-антропологический контекст : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2010. 42 с.
26. Логинова И.О., Живаева Ю.В., Стоянова Е.И. Устойчивость жизненного мира человека как характеристика его самоосуществления. Красноярск, 2021. 140 с.
27. Лехциер В.Л. Цифровой стиль жизни и академические коммуникации в аудитории: проблема вовлеченности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия : Философия. Филология. 2015. № 2 (18). С. 38–54.
28. Schaufeli W., Salanova M. Work engagement: On how to better catch a slippery concept // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2011. Vol. 20, is. 1. P. 39–46. doi:10.1080/1359432X.2010.515981

29. Регуш Л.А., Орлова А.В., Алексеева Е.В., Веретина О.В., Пежемская Ю.С., Лактионова Е.Б. Феномен погруженности в интернет-среду: определение и диагностика // *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 81. С. 107–125. doi:10.17223/17267081/81/5
30. Литвинова Е.Ю., Киселева Н.В. Вовлеченность в профессиональную среду и её значение для непрерывного образования // *Социальная психология и общество*. 2017. Т. 8, № 2. С. 5–20. doi:10.17759/sps.2017080201
31. Deci E.L., Ryan M.R. A Motivational Approach to Self: Integration in Personality // *Nebraska Symposium on Motivation* / Ed. by R. Dienstbier. Lincoln, NE : University of Nebraska, 1990. P. 237–288.
32. Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. Санкт-Петербург : Русская Христианская гуманитарная академия, 2006. 383 с.
33. Мандрикова Е.Ю., Горбунова А.А. Взаимосвязь увлеченности работой, личностных ресурсов и удовлетворенности трудом сотрудников // *Организационная психология*. 2012. Т. 2, № 4. С. 2–22. URL: https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2013/02/18/1306933142/OrgPsy_2012-4_Mandrikova,%20Gorbunova_2-22.pdf (дата обращения: 20.08.2024).
34. Ерзин А.И., Епанчинцева Г.А. Самоэффективность, проактивность и жизнестойкость в обучении (влияние на академические интересы и достижения студентов) // *Современное образование*. 2016. № 2. С. 65–83. doi:10.7256/2409-8736.2016.2.15968
35. Валиуллина М.Е., Габдреева Г.Ш., Менделевич В.Д., Прохоров А.О. Психология состояний : учебное пособие / под ред. проф. А.О. Прохорова. Москва : Когито-Центр, 2011. 623 с.
36. Павлова Е.В. Пространственно-временные характеристики состояния вовлеченности: проблемы диагностики и управления // *Сибирский психологический журнал*. 2022. № 85. С. 72–99. doi:10.17223/17267080/85/4
37. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии) // *Залевский Г. В. Избранные труды*. В 6 т. Т. 2. Томск : Томский гос. ун-т, 2013. С. 3–326.
38. Корнилова Т.В. Толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11, № 4. С. 19–36.

References

1. Klochko V.Ye. Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedeniye v transspektivnyy analiz). Tomsk : Tomskiy gos. un-t, 2005. 174 s. (In Russ.).
2. Smirnov P.S. Vovlechonnost' personala: tipy, urovni proyavleniya i svyazi s praktikami upravleniya chelovecheskimi resursami // *Organizatsionnaya psikhologiya*. 2019. Т. 9, № 1. С. 81–95. URL: [https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2019/04/01/1190432614/OrgPsy_2019_1\(4\)Smirnov\(81-95\).pdf](https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2019/04/01/1190432614/OrgPsy_2019_1(4)Smirnov(81-95).pdf) (accessed: 14.09.2024) (In Russ.).
3. Kul'kova I.A., Nikolayev N.A. Metodicheskiye polozheniya po otsenke i razvitiyu faktorov formirovaniya вовлеченности personala v deyatel'nost' predpriyatiya // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta*. 2016. № 4 (44). С. 88–93. doi:10.21440/2307-2091-2016-4-88-93 (In Russ.).
4. Bakker A.B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: state of the art // *Journal of Managerial Psychology*. 2007. Vol. 22, is. 3. P. 309–328. doi:10.1108/02683940710733115
5. Maloshonok N.G. Vovlechonnost' studentov v uchebnyy protsess v rossiyskikh vuzakh // *Vyshey obrazovaniye v Rossii*. 2014. № 1. С. 37–44 (In Russ.).
6. Astin A.W. Student Involvement: A Developmental Theory for Higher Education // *Journal of College Student Development*. September / October 1999. Vol. 40, Is. 5. P. 518–529.
7. Luk'yanov O.V., Volynets K.V. Initsiativnost' i вовлеченност' v ekzistsentsial'nom konsul'tirovani. Analiz sluchaya // *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*. 2015. № 400. С. 277–281. doi:10.17223/15617793/400/44 (In Russ.).
8. Kiuru K.V. Upravleniye вовлеченност'yu studentov v protsess obucheniya v usloviyakh onlayn-obrazovaniya : monografiya. Chelyabinsk : Izd-vo Chelyabinskogo gos. un-ta, 2019. 81 s. (In Russ.).
9. Lifanov A.D., Ryzhova A.A. Vovlechonnost' studentok v protsess fizicheskogo vospitaniya v vuze kak faktor sokhraneniya i ukrepleniya ikh zdorov'ya // *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal*. 2017. № 63. С. 183–198. doi:10.17223/17267080/63/13 (In Russ.).
10. Pavlova E.V., Krasnoryadtseva O.M. Resurs вовлеченности как психологическая характеристика степени соответствия человека к образовательной среде // *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal*. 2021. № 81. С. 52–78. doi:10.17223/17267081/81/3 (In Russ.).
11. Pavlova E.V., Krasnoryadtseva O.M., Leyfa A.V., Plutenko A.D., Yeromina V.V., Bodrug N.S., Leonov A.K., Bobyleva A.A. Vovlechonnost' studencheskoy molodezhi v prostranstvo zhizneousushchestvleniya: problema kontseptualizatsii fenomena v novykh sotsiokul'turnykh usloviyakh: monografiya / Pod obshch. red. Ye.V. Pavlovoy. Cheboksary, 2023. 296 s. (In Russ.).
12. Ostapenko D.K. Tsennosti podrostkov, вовлеченных в sportivnyuyu deyatel'nost' // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya : Psikhologicheskkiye nauki*. 2019. № 1. С. 44–49. doi:10.18384/2310-7235-2019-1-44-49 (In Russ.).
13. Litvinova Ye.Yu., Kiseleva N.V. Strukturnaya model' вовлеченности obuchayushchikhsya v nepreryvnoye obrazovaniye // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2016. Т. 7, № 3. С. 5–17. doi:10.17759/sps.2016070301 (In Russ.).
14. Luk'yanov O.V., Broner V.I., Vasil'yev A.V. Kategorial'nyy apparat psikhologii вовлеченности (autentifikatsii) // *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal*. 2020. № 75. С. 39–52. doi:10.17223/17267080/75/3 (In Russ.).
15. Lipatov S.A. Struktura vlyuchennosti rabotnikov v organizatsiyu kak sotsial'no-psikhologicheskaya problema // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 : Psikhologiya*. 2016. № 3. С. 73–80. (In Russ.).
16. Byzova V.M., Perikova Ye.I. Psikhologiya metakognitivizma: vyzovy sovremennosti. Saint Petersburg : Skifiya–print, 2020. 140 s. (In Russ.).
17. Kustubayeva A.M., Kamzanova A.T. Vliyaniye stilya myshleniya na вовлеченност' i effektivnost' vypolneniya eksperimental'noy zadachi // *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*. 2013. Т. 6, № 2. С. 6–13. (In Russ.).

18. Shcheglova I.A., Koreshnikova YU.N., Parshina O.A. Rol' studencheskoy вовлеченности v razvitii kriticheskogo myshleniya // Voprosy obrazovaniya. 2019. № 1. S. 264–289. doi:10.17323/1814-9545-2019-1-264-289 (In Russ.).
19. Tokareva A.A., Baronene S.G. Metodika issledovaniya вовлеченности sotrudnikov universiteta // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz. 2019. T. 23, № 1–2. S. 11–32. doi:110.15826/umpa.2019.01-2.001 (In Russ.).
20. Klochko V.Ye., Galazhinskiy E.V., Krasnoryadtseva O.M., Luk'yanov O.V. Sistemnaya antropologicheskaya psikhologiya: ponyatiynyy apparat // Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal. 2015. № 56. S. 9–20. doi:10.17223/17267080/56/2 (In Russ.).
21. Konopkin O.A. Strukturno-funktsional'nyy i sodержatel'no-psikhologicheskyy aspekty osoznannoy samoregulyatsii // Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2005. T. 2, № 1. S. 27–42. (In Russ.).
22. Hu S., Kuh G.D. Being (dis)engaged in educationally purposeful activities: The influences of student and institutional characteristics // Research in Higher Education. 2002. Vol. 43, is. 5. P. 555–575. doi:10.1023/A:1020114231387
23. Bredun E.V., Balanov D.Yu., Vaulina T.A., Krasnoryadtseva O.M., Shcheglova E.A. Temporal'nyye osobennosti studentov kak kognitivnyye diagnosticheskiye kharakteristiki: kontekst adaptivnogo obrazovaniya // Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal. 2020. Vol. 17, № 1. S. 60–73. doi:10.21702/rpj.2020.1.5 (In Russ.).
24. Pavlova E.V. Vovlechnost' lichnosti v prostranstvo zhizneosushchestvleniya: resursnoye obespecheniye i dinamika realizatsii : avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. Tomsk, 2023. 43 s. (In Russ.).
25. Loginova I.O. Zhiznennoye samoosushchestvleniye cheloveka: sistemno-antropologicheskyy kontekst : avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. Tomsk, 2010. 42 s. (In Russ.).
26. Loginova I.O., Zhivayeva Yu.V., Stoyanova Ye.I. Ustoychivost' zhiznennogo mira cheloveka kak kharakteristika yego samoosushchestvleniya. Krasnoyarsk, 2021. 140 s. (In Russ.).
27. Lekhtsiyer V.L. Tsifrovoy stil' zhizni i akademicheskoye kommunikatsii v auditorii: problema вовлеченности // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya : Filologiya. 2015. № 2 (18). S. 38–54. (In Russ.).
28. Schaufeli W., Salanova M. Work engagement: On how to better catch a slippery concept // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2011. Vol. 20, is. 1. P. 39–46. doi:10.1080/1359432X.2010.515981
29. Regush L.A., Orlova A.V., Alekseyeva Ye.V., Veretina O.V., Pezhemskaya YU.S., Laktionova Ye.B. Fenomen pogruzhennosti v internet-sredu: opredeleniye i diagnostika // Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal. 2021. № 81. S. 107–125. doi:10.17223/17267081/81/5 (In Russ.).
30. Litvinova Ye.Yu., Kiseleva N.V. Vovlechnost' v professional'nyuyu sredu i yeye znacheniye dlya nepreryvnogo obrazovaniya // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2017. T. 8, № 2. S. 5–20. doi:10.17759/sps.2017080201 (In Russ.).
31. Deci E.L., Ryan M.R. A Motivational Approach to Self: Integration in Personality // Nebraska Symposium on Motivation / Ed. by R. Dienstbier. Lincoln, NE : University of Nebraska, 1990. P. 237–288.
32. Korzhova Ye.YU. Psikhologiya zhiznennykh oriyentatsiy cheloveka. Saint Petersburg : Russkaya Khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2006. 383 s. (In Russ.).
33. Mandrikova Ye.YU., Gorbunova A.A. Vzaimosvyaz' uvlechnosti rabotoy, lichnostnykh resursov i udovletvorennosti trudom sotrudnikov // Organizatsionnaya psikhologiya. 2012. T. 2, № 4. S. 2–22. URL: https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2013/02/18/1306933142/OrgPsy_2012-4_Mandrikova,%20Gorbunova_2-22.pdf (accessed: 20.08.2024) (In Russ.).
34. Yerzin A.I., Yepanchintseva G.A. Camoeffektivnost', proaktivnost' i zhiznestoykost' v obuchenii (vliyaniye na akademicheskoye interesy i dostizheniya studentov) // Sovremennoye obrazovaniye. 2016. № 2. S. 65–83. doi:10.7256/2409-8736.2016.2.15968 (In Russ.).
35. Valiullina M.Ye., Gabdreyeva G.SH., Mendelevich V.D., Prokhorov A.O. Psikhologiya sostoyaniy : ucheb. posobiye / pod red. prof. A.O. Prokhorova. Moscow : Kogito-Tsentr, 2011. 623 s. (In Russ.).
36. Pavlova E.V. Prostranstvenno-vremennyye kharakteristiki sostoyaniya вовлеченности: problemy diagnostiki i upravleniya // Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal. 2022. № 85. S. 72–99. doi:10.17223/17267080/85/4 37. (In Russ.).
37. Zalevskiy G.V. Fiksirovannyye formy povedeniya individual'nykh i gruppovykh sistem (v kul'ture, obrazovanii, nauke, norme i patologii) // Zalevskiy G. V. Izbrannyye trudy. V 6 t. T. 2. Tomsk : Tomskiy gos. un-t, 2013. S. 3–326. (In Russ.).
38. Kornilova T.V. Tolerantnost' k neopredelennosti i emotsional'nyy intellekt pri prinyatii resheniy v usloviyakh podskazki // Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2014. T. 11, № 4. S. 19–36. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.В. Павлова – доктор психологических наук, доцент.

Information about the author

E.V. Pavlova is Doctor of Science (Psychology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 159.922.4

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-44-48

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ «ОБРАЗ МИРА» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Юлия Сергеевна Вторушина

Средняя общеобразовательная школа № 30, Хабаровск, Россия, vtorushina79@inbox.ru

Аннотация. Усиление роли Китая во внешнеполитических отношениях с Россией вызывает естественное желание как можно лучше понять своего оппонента. Поэтому изучение китайского этноса представляется наиболее важным именно сейчас. Целесообразно это сделать с помощью психологического конструкта «образ мира». В статье проанализированы популярные воззрения на теорию образа мира в отечественной психологической науке. Сделан вывод о том, что наиболее развернуто и полно модель образа мира описал В.П. Серкин, дан детальный анализ модели. Проведены параллели между науками: психологией и физикой. Дано описание и обоснование применения каждой из методик, применяемых при изучении феномена. Сделан вывод о масштабности предполагаемого исследования и его целесообразности.

Ключевые слова: образ мира, этнос, Китай, психосемантика, модель мира

Original article

THE PSYCHOLOGICAL CONSTRUCT "THE IMAGE OF THE WORLD" AS A UNIVERSAL TOOL FOR STUDYING THE EAST ASIAN ETHNIC GROUP

Yulia S. Vtorushina

Secondary school No. 30, Khabarovsk, Russia, vtorushina79@inbox.ru

Abstract. The article highlights the relevance of the topic in the light of China's increasing role in foreign policy relations with Russia. It notes the natural desire to understand its opponent as well as possible. Therefore, studying the Chinese ethnic group is particularly important at this time. It is advisable to do this precisely through the psychological construct "image of the world". The popular views on the theory of the image of the world in Russian psychological science are analyzed. It is concluded that the model of the image of the world has been most comprehensively and thoroughly described by V.P. Serkin, and a detailed analysis of V.P. Serkin's world image model is given. Parallels are drawn between the sciences of psychology and physics. The description and justification for the application of each of the techniques are provided. The conclusion emphasizes the significance of the proposed study and its relevance.

Keywords: the image of the world, ethnicity, China, psychosemantics, model of the world

Внешняя политика нашего государства в последние годы четко ориентирована на Восток. Крупнейшим государством восточноазиатского региона является Китайская Народная Республика. Именно Китай стал одним из центральных стратегических партнеров России в настоящее время. Шесть субъектов России являются ближайшими соседями с восточной державой. Китайско-российская граница вторая по протяженности после границы с Казахстаном. Можно сказать, что давние русско-китайские отношения представлены на государственном уровне в виде генеральной линии стратегического партнерства. В этом ракурсе вполне естественно желание как можно лучше понять своего восточноазиатского собеседника, познать своеоб-

разие его мировоззрения, самобытность личности через призму этнических особенностей.

Почему это целесообразнее всего сделать с помощью такого универсального психологического конструкта, как образ мира? Следует отметить, что образ мира в самом широком смысле – это совокупность многоуровневой системы знаний о мире, о себе, о других людях. Важной особенностью и, по сути, отличием образа мира от более плоской конструкции «картина мира» является следующее обстоятельство. Вся воспринимаемая совокупность знаний, получаемая через внешнее воздействие, преломляется через субъект. И как точно отметил А.Н. Леонтьев, «...только при возникновении субъектно-объектных связей, взаимодействий возни-

кают многообразные, и к тому же меняющиеся от вида, модальности» [1: с. 258]. Строго говоря, в зависимости от степени согласия или конфликтности новой воспринимаемой информации, она может становиться (или не становиться) индивидуальным личностным смыслом. Можно сказать, что, отличительной особенностью психологического конструкта «образ мира» является преломление воспринимаемой информации через ранее полученный опыт, аккомодация и включение её в индивидуальный образ мира конкретного индивида.

Современное научное сообщество, рассматривая понятие «образа мира», предлагает несколько точек зрения на конструкцию феномена. Это как раз тот самый случай уместного и необходимого симбиоза математики и психологии, поскольку уже в самом понятии «образ мира» заложена геометрическая составляющая – многоуровневость.

Впервые модель образа мира в отечественной психологии обосновал А.Н. Леонтьев. Автор говорил, что в основе восприятия образа мира лежит пять измерений: три линейных измерения (стандартные линейные измерения стереометрии), четвертое измерение – время и особое пятое – квазиизмерение. При этом квазиизмерение А.Н. Леонтьев описывает как «смысл вещи, его означенность, а также мерность его внутрисистемных связей» [2: с. 6]. Весь спектр трехмерной окружающей действительности вокруг субъекта приобретает личностный смысл и включается в его индивидуальный образ мира только в случае особой значимости: с учетом временных характеристик и его особой осмысленности (означенности) для индивида. Проще говоря, восприятие окружающей действительности должно быть «в нужное время, в нужном месте и в нужном значении» для того, чтобы быть включенным в индивидуальный образ мира конкретного индивида.

Интересна позиция Е.Ю. Артемьевой в воззрении на исследуемый феномен «образ мира». Профессор соотнесла образ мира и субъективный опыт индивида как общее с частным и предложила парадигмальную модель движения смыслов. Автор не только разработала и обосновала механизм функционирования модели, но и определила в ней место для конструкта «образ мира». Модель субъективного опыта представляет собой сферу, в которой выделено три слоя. Первый слой внешний – перцептивный, второй слой – картина мира и третий глубинный слой – образ мира. Е.Ю. Артемьева с опорой на собственную теорию движения смыслов обосновала динамику феномена «образ мира». «В перцептивном слое предсмыслы функциониру-

ют в виде неотторгнутых от модальной формы отношений. В слое “картина мира” происходит отторжение от модальности и формирование полного смысла. Полный смысл меняет или не меняет состояние глубинного слоя “образ мира”, в зависимости от согласия или конфликтности со “старым смыслом”, становится личностным смыслом» [3: с. 306]. Научная ценность теории видится нам в обосновании динамичности изучаемого феномена и особенностей механизма его функционирования.

С.Д. Смирнов в своей научной работе делал акцент на формировании образа мира в онтогенезе и придерживался позиции двухслойной модели. Автор называл образ мира активным началом любой деятельности и заострял внимание на том, что образ мира и деятельность оказывают друга на друга обоюдное активное воздействие. «Будучи начатой, деятельность все время оказывает обратное влияние на образ мира, обогащая и модифицируя его. Построение образа внешней реальности представляет собой актуализацию той или иной части уже имеющегося образа мира и процесс уточнения, исправления или даже радикальной перестройки его» [4: с. 143]. С.Д. Смирнов отождествлял образ мира и предмет психологии и говорил, что процесс построения и функционирования образа мира составляет объект психологии в самом широком его понимании.

Стройная математическая трехмерная модель образа мира предложена Ф.Е. Василюком. Автор дал ему звучное название – «психосемиотический тетраэдр». Модель представляет собой трехмерную фигуру – тетраэдр, четыре вершины которого – это значение, предмет, личностный смысл и знак, а грани тетраэдра представляют собой особую чувственную ткань [5: с. 8].

Ученые (А.Н. Леонтьев, Е.Ю. Артемьева, С.Д. Смирнов, Ф.Е. Василюк) создали мощную теоретическую базу для дальнейшего изучения феномена, что и было с успехом реализовано в современных научных трудах В.Е. Клочко, Г.А. Берулавы, В.П. Серкина. Ученые развили ранние исследования и предложили собственные теории относительно понимания термина «образ мира» и его структуры, на основе которых реализовывались дальнейшие научные исследования их учеников.

Так, Г.А. Берулава, понимая образ мира как трансцендентный символ окружающего мира в сознании человека, говорит о его структуре как о совокупности трех шкал: «активность», «эмоциональная насыщенность» и «обобщенность» [6: с. 29].

Профессор В.Е. Ключко определял образ мира как результат отражения многомерного мира и структурировал его как совокупность предметного, смыслового и ценностного слоев [7: с. 217].

В этой связи из множества теоретических моделей образа мира нам наиболее близка трехмерная модель В.П. Серкина [8: с. 93]. Модель представляет собой сферу, в которой выделяется три слоя: ядерный, семантический и перцептивный. Инновацией модели явилось выделение брамфатуры (области апперцепции).

Основная часть ядерного слоя, по мнению автора модели, формируется с рождения до подросткового возраста и представляет собой результат взаимодействия «ребенок-взрослый». Сюда включены мотивационный комплекс, наиболее обобщенные принципы, критерии отношений, эталоны взаимодействия.

Семантический слой мало зависит от воспринимающего индивида, модален и целостен. Автор характеризует слой как означенность объектов внешнего мира.

Наиболее подвижный и изменчивый слой – перцептивный, представляющий собой все образы актуального восприятия. Слой может проявляться в вербальных суждениях, которые автор называет «эмпирическим референтом» и «вербальным портретом», понимая под этим предмет мысли, с которым соотносится лексическая единица в составе высказывания, где заложено личное отношение индивида к предмету.

При описании структуры образа мира автор использует редкий термин – *брамфатура*. Несмотря на то, что В.П. Серкин сам ставит его под сомнение, нам он видится уместным и логичным. Брамфатура – это ситуация, когда одна подсистема пронизывает собой другую подсистему, т.е. функциональная подсистема «область апперцепции» пронизывает собой иные подсистемы – семантический слой и перцептивный слой. Здесь нам видится правильным провести аналогию с лучом прожектора, источник которого начинается в центре сферы (ядерного слоя), пронизывает семантический и перцептивные слои. Стоит отметить, что по аналогии со световым потоком, рассеивающимся с увеличением расстояния, «образ мира», стартуя из относительно плотного ядерного слоя – ценностей, эталонов и установок, постепенно расширяется на семантическом уровне (вбирает в себя новые знания) и готов воспринимать еще больший объем информации на перцептивном уровне. Хочется продолжить оперирование физической терминологией и

вспомнить особенности распространения светового потока. Спектр световой волны в физике разделен на видимый свет и невидимый спектр (инфракрасное излучение и ультрафиолет). Так и в структуре образа мира конкретного индивида видимый спектр – это та часть перцептивного мира, которая согласуется с его ядерным слоем – установками, ценностями, эталонами, понятна и знакома на уровне семантического слоя и субъективно принимается им, включается в структуру его индивидуального образа мира. Но есть невидимый спектр, это та часть, которая не согласуется с внутренними смыслами индивида (или не знакома ему на семантическом уровне) и в силу этого не может быть включена в его индивидуальный образ мира. Можно вновь провести аналогию и назвать это невидимым спектром образа мира. Но при определенных условиях (в физике этот процесс называют аккомодацией) субъект может приспособить, принять и включить отдельные фрагменты в индивидуальный образ мира.

Предложенная В.П. Серкиным модель нам представляется максимально информативной с точки зрения её использования при изучении специфики именно восточного этноса. Образ, согласно определению, – это результат отражения объекта в сознании человека [9: с. 446].

И это именно то, с чем среднестатистический житель Китая сталкивается гораздо чаще представителя Европы. Графемой Китая является иероглиф – рисунок, фигурный знак, обозначающий понятия или морфемы. Иными словами, в широком смысле – это образ. Именно поэтому мы считаем, что рассмотрение специфики китайского этноса через конструкт «образ мира» наиболее релевантно.

Под внешней лаконичной терминологией – «изучение образа мира этнического сообщества» – лежит целый спектр исследований. Исследование специфики образа мира конкретного этноса логично основано на выдвижении трех гипотез – по количеству структурных элементов изучаемого феномена.

Для проверки первой гипотезы о том, что существует специфика ядерного слоя образа мира конкретного этноса, мы считаем целесообразным применить следующие методики. Методика изучения ценностных ориентации Д.А. Леонтьева [10] является адаптированной методикой «The value survey» (Изучение ценностных ориентаций) М. Рокча и позволяет выявить значимые ценности респондентов. Тест смысловых ориентаций [11] является адаптацией методики «Purpose-in-Life Test, PIL» (Цель в жизни) Дж. Крамбо и

Л. Махолика. В основе методики лежит теория стремления к смыслу и логопедии В. Франкла. Методика позволит выявить жизненные цели, степень эмоциональной насыщенности, удовлетворенность самореализацией и локусы контроля респондентов.

Для изучения семантического слоя традиционно используются методы субъективной семантики и психосемантики. 16-шкальный личностный семантический дифференциал Е.Ю. Артемьевой [8: с. 329] позволит исследовать важный момент – самовосприятие респондента. Проводится смысловая категоризация восприятия личности, исследуются личные семантические пространства. Специализированный семантический дифференциал В.П. Серкина [8: с. 254] позволит оценить образ жизни индивида. Групповой ассоциативный эксперимент [8: с. 246] является проективной методикой и позволяет изучить ассоциативные связи респондентов в определенной области в соответствии с предложенным стимулом.

Подвижный и изменчивый слой модели образа мира – перцептивный – наиболее сложен для изучения, поскольку его составляющими являются все образы актуального восприятия. В этой связи анкетирование видится нам наиболее информативным

методом исследования. Акцент при составлении анкеты стоит сделать на следующих моментах: как человек видит себя в этом мире; как он хотел бы, чтобы его видели другие. В дополнение к анкетированию нами предлагается использовать методику диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной [12: с. 641]. Это поможет не только выявить полярности «альтруизм-эгоизм», «процесс-результат», «свобода-власть», «труд-деньги», но и соотнести результат с другими методиками. Проективная методика «Нарисуй образ мира» [13: с. 154] позволит подтвердить (или опровергнуть) ранее полученные результаты, обобщить и дополнить выводы.

Несомненно, что планируемое нами исследование скрывает за внешней лаконичностью достаточно большой объем работы. Для изучения каждого из структурных элементов модели образа мира будет предусмотрен ряд методик, однако это позволит максимально полно проработать поставленную гипотезу, выстроить прогнозы и перспективы взаимодействия, сотрудничества и раскрыть специфику представителей китайского этноса.

Список источников

1. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. Москва : Педагогика, 1983. С. 251–261.
2. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
3. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. Москва, 1999. 349 с.
4. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. Москва, 1985. 231 с.
5. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
6. Берулава Г.А. Образ мира как мифологический символ. Москва : Педагогическое общество России, 2001. 46 с.
7. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск : ТГУ, 2009. 240 с.
8. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. Москва : Пчела, 2008. 382 с.
9. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева. Москва : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
10. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. Москва : Смысл, 1992. 17 с.
11. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций. Москва : Смысл, 2006. 18 с.
12. Райгородский Д.Я. Практическая психология. Методики и тесты. Самара : Издательский дом «Бахрах-М», 2001. 672 с.
13. Графические тесты / сост. И.А. Агеева. Бишкек, 2007. 329 с.

References

1. Leont'ev A.N. Obraz mira [The image of the world] // Selected psychological works. Moscow : Pedagogika, 1983. P. 251–261. (In Russ.).
2. Leont'ev A.N. Psihologiya obraza [Psychology of the image]. Vestnik MGU. Vol. 14. Psihologiya. 1979. No. 2. P. 3–13. (In Russ.).
3. Artemyeva E.Y. Osnovy psihologii sub"ektivnoj semantiki. [Fundamentals of psychology of subjective semantics]. Moscow, 1999. 349 p. (In Russ.).
4. Smirnov S.D. Psihologiya obraza: problema aktivnosti psihicheskogo otrazheniya [Psychology of the image: the problem of the activity of mental reflection]. Moscow, 1985. 231p. (In Russ.).
5. Vasilyuk, F.E. Struktura obraza. [The structure of the image] // Voprosy psihologii. 1993. No. 5. P. 5–19. (In Russ.).
6. Berulava G.A. Obraz mira kak mifologicheskij simbol. [The image of the world as a mythological symbol]. Moscow, 2001. 240 p. (In Russ.).
7. Klochko V.E., Galazhinskij E.V. Psihologiya innovacionnogo povedeniya. [The psychology of innovative behavior]. Tomsk, 2009. 240 p. (In Russ.).

8. Serkin V.P. Metody psihologii sub"ektivnoj semantiki i psihoosemantiki. [Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics]. Moscow, 2008. 382 p.
9. Filosofskij enciklopedicheski slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary] / pod red. L.F. Il'icheva. Moscow : Sovetskaya enciklopediya, 1983. 840 p. (In Russ.).
10. Leont'ev D.A. Metodika izucheniya cennostnyh orientacij [Methods of studying value orientations]. Moscow : Smysl, 1992. 17 p. (In Russ.).
11. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennyh orientacij [The test of life orientations]. Moscow : Smysl, 2006. 18 p. (In Russ.)
12. Rajgorodskij D.Ya. Prakticheskaya psihologiya. Metodiki i testy. [Practical psychology. Methods and tests.]. Samara : Izdatel'skij Dom «Bahrah-M», 2001. 672 p. (In Russ.).
13. Graficheskie testy [Graphical tests] / sost. I.A. Ageeva. Bishkek, 2007. 329 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.С. Вторушина – педагог-психолог.

Information about the author

Yu.S. Vtorushina is an educational psychologist.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-49-55

ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАТИВНОЙ ТЕОРИИ ТЕОДОРА МИЛЛОНА

Светлана Михайловна Березовская

Москва, Россия, lana16mol@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен исторический анализ политической психологии в свете интегративной теории личности Т. Миллона. Цель статьи – сократить концептуальный и методологический разрывы между психодиагностикой и современной политической моделью личности. Предполагается, что точная оценка личностей лидеров высокого уровня может значительно улучшить прогнозирование политических результатов. Кроме того, персонологическая модель Миллона предлагает жизнеспособную интегративную основу для изучения политической личности.

Ключевые слова: политическая психология, персонология, психодиагностика, Теодор Миллон

Original article

ASSESSMENT OF A POLITICAL PERSONALITY BASED ON THEODORE MILLON'S INTEGRATIVE THEORY

Svetlana M. Berezovskaya

Moscow, Russia, lana16mol@yandex.ru

Abstract. The article presents a historical analysis of political psychology through the lens of T. Millon's integrative theory of personality. The purpose of the article is to reduce the conceptual and methodological gaps between psychodiagnostics and the modern political model of personality. It is assumed that an accurate assessment of high-level leaders' personalities can significantly improve the prediction of political results. In addition, Millon's personological model offers a viable integrative framework for the study of political personality.

Keywords: political psychology, personology, psychodiagnostics, Theodore Millon

Научный интерес к изучению профиля личности политических деятелей всегда держался на стабильно высоком уровне. Вот лишь некоторые наиболее известные исследования, представленные в хронологическом порядке: «Человеческая природа в политике» английского социального психолога Грэхема Уолласа (1908) [1], который рассматривал политическое поведение и проблемы индустриального общества и внес заметный вклад в развитие политической науки; «Психопатология и политика» Гарольда Дуайта Лассвейла (1930) [2], профессора Йельского университета, который позже создал линейную модель коммуникации; «Власть и личность» хорошо известного германо-британского психолога Ганса Юргена Айзенка (1954) [3] и «Личность и политика» Фрэда Ирвина Гринштейна (1969) [4], американского психолога и профессора Принстонского университета по кафедре политических наук. В том числе и благодаря их усилиям в 1978 г. было официально провозглашено становление Международной Ассоциации Политической Психологии (IAPP).

Актуальность изучения личности применительно к политическим лидерам была подтверждена представителем психодинамического направления в психологии, профессором политических наук в отделении повышения квалификации Университета города Нью-Йорка Стенли Реншоном, чье имя прочно ассоциируется с доктриной консервативного американского национализма, поднятого на щит нынешним кандидатом в президенты от Республиканской партии США Дональдом Трампом. Реншон заявил (1996), что «многие из наиболее важных аспектов деятельности президента зависят от характеристик его личности и полученных ранее навыков ... его суждений и выбора ответа на возникающие обстоятельства; все это приводит в действие рычаги административных, конституционных и институциональных структур» [5]. Примерно в это же время Гринштейн (1992) высказался более определенно и категорично: «Политические институты и процессы функционируют при непосредственном участии человека. Было бы замечательно, если на них не оказывали никакого влия-

ния качества, отличающие одного индивида от другого. Тем не менее, они больше склонны сосредотачиваться на болезненных факторах, определяющих политические события и их результаты, чем на исключении личностных характеристик, наивно полагая, что поведение принимающих в них участие лиц может быть логически исключено из данной ситуации» [60].

В связи с этим возникает закономерный вопрос, в каком направлении должна происходить оценка личности политика или, по выражению Гринштейна, политической личности. В своей ранней работе (1969) [4] он выдвинул предположение, что для её оценки нужны данные, относящиеся к феноменологическому и динамическому уровням анализа, а также сведения о генезисе. Он же заявил, что их будет достаточно для реализации операционных действий как по проведению оценки на основе установления степени соответствия диагностическим критериям, так и для выбора методов, позволяющих осуществить данную процедуру более или менее стандартизированным способом. Согласно Гринштейну, феноменологический уровень определяет закономерности в поведении актеров, выступающих на политической сцене, которые являются «актуальным дополнением к ситуационным данным для прогнозирования и объяснения их поступков» [7]. Логично предположить, что на динамическом уровне размещаются регуляторные механизмы динамической защиты, в то время как сведения о генезисе «далеки от непосредственной связи с поведением» [7]. Роберт Джервис, известный своим вкладом в развитие политической психологии и наиболее часто цитируемый в программах курсов политологии в американских колледжах, не понаслышке знал об ошибочных представлениях при принятии внешнеполитических решений; в администрации Ричарда Никсона он претендовал на опустевшее после ухода Генри Киссинджера кресло госсекретаря и советника по национальной безопасности. Он высказал твердое убеждение (1989) [8], что можно ожидать, что с усилением роли других подходов в психологии интерес к защитным механизмам пойдет на убыль, в то время как патогенез уже играет второстепенную роль в формировании политической личности, представляя интерес разве что для историков психологической мысли. В этой ситуации трудно надеяться, что портрет персоны, составленный из сведений, почерпнутых из единственного источника, в роли которого выступает феноменологический уровень наблюдения, будет сколь-нибудь полезным или законченным.

Помимо простого уточнения предложенного Гринштейном состава и определения операционных уровней исследования политической личности, необходимо прояснить масштабы работы, которую предстоит сделать, если мы хотим, чтобы эта личность смогла выбраться из «запутанного подлеска».

Как представляется, план действия и направление выхода на открытый простор заключены в концепции Миллона. Он говорил, что для того, чтобы понять личность как единое целое, нужно сделать шаг за её пределы, т.е. взглянуть на нее глазами персоны [9]. В центре пересечения психологических, социальных и биологических сфер всегда будет находиться только персона как единственное образование, с самого начала имеющее природное происхождение, а значит, подверженное всем фундаментальным законам её развития, в том числе и эволюции. Она является объектом проведения идеографического наблюдения, но на номотетическом или научном уровне она предстает в виде матрицы данных, собранных со всех традиционных уровней её рассмотрения: поведенческого, феноменологического, интрапсихического и биологического. Совершенно очевидно, что за сбор и обработку данных отвечают основные школы психологической мысли с их теоретической и методологической базами – межличная, когнитивная, психодинамическая и биологическая. Их результаты сводятся воедино на основе фундаментальных принципов эволюционного развития и конструкторов, выведенных из соответствующей теории Миллона [10], включая нозологию и оценочный инструментарий. Таким образом, его концепция личности становится естественной платформой для интеграции всех этих подходов.

Дедуктивно выведенные из теории модели личности представляют собой прототипические концепты, распределенные по нескольким уровням в соответствии со степенью тяжести их патологии. Применительно к портретированию политической личности данные модели можно сравнить с палитрой цветов, чем больше красок, тем колоритнее будет выглядеть картина. В распоряжении Миллона оказалось 15 оригинальных цветов. Как истинный художник, он умело производит их смешение, создавая новые оттенки, придающие объем портрету и атмосферность всей картине. Эта аллегория понадобилась для того, чтобы проиллюстрировать тот факт, что Миллон [11] предложил алгоритм создания для каждого прототипа личности по шесть подтипов, в результате чего в его палитре появилось 90 ярких цветов, позволяющих сделать портрет максимально близко соответствующим персоне, с которой он писался. Точное число возможных подтипов имеет

строгое обоснование, связанное с применением спектрального подхода к формированию стилей, типов и расстройств личности [12].

Чтобы понять, насколько теория Миллона пригодна для оценки политической личности, необходимо вернуться к основам политической психологии, и здесь невозможно обойтись без обращения к психологическому исследованию человека в политике, проведенному Джин Никкель Кнутсон. Его результаты были обобщены в её «Руководстве по политической психологии» [13]. Она утверждала, что для того, чтобы концептуальные модели были пригодны для изучения человека в политике, они должны соответствовать трем важным требованиям: четкому определению концепта личности; подробному описанию свойств и особенностей моделей личности; возможности их количественной оценки, чтобы они были пригодны для научного изучения; высокой степени соответствия личных качеств политической фигуры и свойств конструкта личности. Даже при беглом знакомстве с теорией личности, разработанной Миллоном, можно легко понять, что она полностью соответствует выдвинутому критерию. Больше того, эти требования являются частным случаем его подхода.

Тем не менее важно остановиться на практических результатах использования теории Миллона для определения и оценки стиля личности политических персон. К примеру, известный в США специалист в области политической психологии Обри Иммельман, профессор кафедры психологии Университета Св. Иоанна, очень успешно и на постоянной основе пользуется его тестом по психологической оценке личности, получившим название Миллоновский Индекс Диагностических Критериев (1985) [14]. По имеющимся отзывам, Иммельман не ошибался в своих выводах начиная с 1996 г. В разных своих статьях Иммельман писал (1993, 2002), что «ни одна из существующих в области оценки политической личности концептуальных систем не может сравниться с теорией Миллона по совместимости с традиционными методами психодиагностики и стандартной клинической практикой оценки личности» [15]. В другом месте он утверждал, что никакая из таких систем не обладает той элегантностью, с которой эволюционная модель Миллона производит синтез нормы и психопатологии. Из этого он заключает, что Миллон «предлагает теоретически обоснованную альтернативу действующим концептуальным рамкам и методологиям оценки, проводимым для психологического изучения политических лидеров» [16].

Общепринятый подход к проведению косвенной оценки личности политических деятелей методологически привычно делится на три этапа: содержательный анализ, экспертное заключение и психодиагностическое изучение биографических данных. Если коротко, то в точном соответствии с мнением Роя Шафера из Колумбийского университета (2000) [17] содержательный анализ является полезным инструментом для анализа политической пропаганды, изучения психологически значимых образов в политической риторике и применения значимых психологических конструктов, таких как мотивы и концептуальная или интегративная сложность. Однако содержательный анализ не предлагает подходящей системы отсчета для комплексных, клинически-ориентированных процедур психологической оценки. Поэтому Пол А. Коуэрт (1996) [18] предложил выйти за аналитические рамки содержательного анализа, которые доминировали в исследованиях политических личностей в эпоху холодной войны, заменив их методологией получения Q-данных о состоянии личности, получаемых методами анкетирования, самоотчета и показателей инструментальных шкал. Учитывая большую роль, которую играют многочисленные опросы общественного мнения, изучения позиций различных фокусных групп, речей, написанных профессиональными спичрайтерами, а также политической пропаганды в целом, представляется разумным найти альтернативы выступлениям и интервью в качестве основных источников данных для психологической оценки. Преимущество экспертных оценок состоит в том, что по ним можно судить о разных аспектах деятельности оцениваемой фигуры, нужно лишь убедиться в достоверности информации. Главный недостаток экспертного подхода к оценке заключается в том, что он неэкономичен, громоздок и непрактичен. Чтобы собрать данные для своего исследования влияния личности на лидерские качества американских президентов, Коуэрту пришлось обратиться к 42 экспертам. Стивен Рубенцер и Томас Фешингбауэр, которые проводили изучение политической личности на примерах 21 президента США, в основном методами факторного анализа (пятифакторной модели), в своей работе «Личность, характер и лидерство, царящие в Белом Доме: психологические оценки личности президентов» (2005) [19], посвященной его результатам, писали, что они связывались почти с 1000 биографов, стипендиатов президентов и бывших чиновников администраций, а в конечном итоге были вынуждены обратиться за помощью к 115 специалистам в области психологической

оценки, которые в совокупности заполнили 172 пакета с данными, каждый из которых состоял из 620 пунктов. Уже цитировавшийся выше С. Реншон утверждал (1996), что «досадная трудность с экспертными рейтингами» заключается в том, что их нецелесообразно использовать для изучения кандидатов в разгар президентских кампаний, когда точная оценка личности имеет решающее значение для определения психологической пригодности к должности»⁵. Историки и стипендиаты президента не являются оптимальными источниками информации в этих условиях. Журналисты, освещающие деятельность кандидатов в президенты, потенциально более надежны, но могут быть слишком погружены в свои собственные репортажи, чтобы оказать существенную помощь. Более практичным подходом было бы извлекать данные о личности непосредственно из работ журналистов, президентских стипендиатов, биографов и других экспертов, что избавляет от необходимости привлекать их к активному сотрудничеству.

Очевидно, что третий этап, связанный с психодиагностическим анализом биографических данных, является наиболее доступным и объективным источником информации. Историометрик Дин Кит Саймонтон приписывает (1990) открытие диагностической полезности «немедленного извлечения индивидуальных черт из биографических данных» [20] для выявления связи между личностью и политическим лидерством политическому психологу Ллойд Этериджу. Саймонтон (1986) утверждает, что «биографические материалы [не только]... содержат богатый набор фактов о детстве и развитии карьеры... [но и] такие вторичные источники также могут служить основой для оценки личности» [21: с. 150]. Сам же Этеридж использовал скорее гибридный психодиагностический/экспертный подход. Оценивая в своей работе (1978) 36 государственных служащих разного ранга, в состав которых входили президенты, госсекретари и советники, занимавшие свои должности в период с 1898 по 1968 г., он делал это «путем изучения научных работ, отчетов инсайдеров, биографий и автобиографий» [22: с. 437]. На самом деле, Этеридж распределил их по двум полярностям доминирование-подчинение и интроверсия-экстраверсия, а затем пригласил для этого двух экспертов, скрыв от них свои результаты; окончательное решение было принято на основе консенсуса.

Авторский подход к оценке политической личности с использованием теории и инструментов Миллона тоже включал два этапа, но, в отличие от гибридного метода Этериджа, ими стали первый и

третий, поэтому он является сочетанием содержательного анализа и психодиагностического изучения биографических данных. В дополнение к этому, в качестве экспертного заключения и, так сказать, проверочного оселка автор всегда пользовался положениями теории Миллона, которые касались описания «стандартных» для каждой модели личности её вариантов или подтипов. Когда портрет составлен, было важно произвести сверку его черт с набросками, выполненными Миллоном, большим мастером своего дела. Если наблюдается явное совпадение результатов проведенного анализа с общим описанием данного варианта, представленным Миллоном, то приходит тихая гордость и радость, а если обнаруживается, что сходства с «прототипическим подтипом» нет, то это заставляет задуматься, что, возможно, основная модель была определена неточно, и следует вернуться на исходную позицию – проверить группировку данных, а затем повторить итеративную процедуру.

На деле алгоритм выглядит следующим образом. По каждому кандидату просматривается огромный пласт видеoinформации, включающий телевизионные дебаты, выступления на публике, на официальных мероприятиях, приемах, протокольных встречах и съемки в кругу семьи, бытующие в интернете. В общем, нужно сначала найти, а потом отсмотреть множество материалов, причем делать это необходимо с большой концентрацией внимания, поскольку важно выделить действительно характерологические черты в поведении и выражении эмоций с целью составления их описания с последующим определением, а затем тщательно распределить их по двум очень показательным ячейкам матрицы данных или областям личности – демонстрируемого поведения и выражения эмоций, а также осуществления взаимодействий в межличной сфере. После этого требуется переключиться на принципиально иной поиск сведений, связанных с формированием раннего и более позднего опыта портретируемой персоны, чтобы на основе анализа представить, формированию каких объектных отношений и образа самости могло способствовать сочетание этих видов опыта. Здесь важно понять, какие установки и ценностные ориентиры, вероятнее всего, могли сложиться у данного индивида в ходе научения. Такие находки позволяют сформировать соответствующие структурные области личности – образа самости и интрапсихического содержания. К этому моменту оказывается собранной половина «паззла». На сложившейся основе уже можно попытаться прояснить систему убеждений, хотя бы условных, по

классификации Бека и Фримана. Большую пользу в дальнейшем продвижении по его сборке принесет оценка настроения, привязанного к темпераменту, политической личности. Вместе с первыми двумя функциональными областями структурная область настроения/темперамента позволит оценить глубину и периодичность проявления аффективных состояний. Памятуя о том, что все области личности связаны между собой на уровне взаимодействия преобладающих в них черт, что обеспечивает целостность личности за счет таких их глубокого укоренения и первазивности, можно спрогнозировать, как будут выглядеть оставшиеся две взаимосвязанные области интрапсихического уровня – динамических регуляторных механизмов и морфологической организации. Задача не из легких, требующая немалого профессионализма даже со стороны практикующих психоаналитиков, поскольку непосредственное наблюдение за индивидом невозможно. Однако делать обоснованные предположения все же вполне допустимо.

Теперь эту матрицу данных нужно пропустить через механизм инструментальной оценки. Из сопоставления результатов, полученных с помощью Опросника Миллона–Гроссмана и третьей версии Многоосного Клинического Инструментария Миллона, прорисовывается основная модель личности и черты сопутствующих прототипов, доминирующие в отдельных областях. Именно они придают своеобразие шаблонному портрету политика. Дело в том, что представление о том, что среди политиков наиболее распространенной является антисоциальная модель личности, стало стереотипным, отсюда и пошло их деление на «психопатов» и «социопатов». Такое понимание отнюдь не беспочвенно, но, во-первых, нужно учитывать, что речь идет только о стиле личности или о нормальном её варианте, принимаемом и одобряемом обществом, а, во-вторых, этим делением их многообразие не ограничивается. Например, по оценкам автора, у Дональда Трампа и Илона Маска модели личности во многом схожи, и у того, и у другого основным является антисоциальный стиль с нарциссическими чертами. Однако индивидуальную окраску им придают черты, значение которых находятся на третьей позиции: у Трампа – это черты театральной личности, а у Маска – шизоидной. Не правда ли, становится понятным пристрастие Трампа находиться в центре внимания и к конкурсам красоты, а у Маска – наличие синдрома Аспергера и склонность к интеллектуализации, являющаяся защитным механизмом шизоидной личности. Совсем по-другому в сравнении с Трампом смот-

рится портрет Камалы Харрис, хотя в нем тоже присутствуют черты антисоциальной и театральной моделей, но, как в известном фильме, «их поменяли местами», теперь на первом плане находится театральный модель, а уже потом проступают особенности антисоциальной.

На их фоне портрет политической личности Энтони Блинкена выглядит и вовсе неожиданным. В нем проступают черты избегающей в своей основе личности вкупе с теми, что больше присущи более тяжелой параноидной модели. У Миллона такой подтип получил название гиперчувствительного, который характеризуется сильными переживаниями и обеспокоенной подозрительностью индивида, поочередно впадающего в состояние паники, нервозности и робости, а затем он становится обидчивым, раздражительным и ершистым. По демонстрируемому поведению он – совсем не политик, и кажется, что он все делает, переступая через себя. Вот исполнять блюзы и рок-баллады, играя в баре на гитаре, а также писать тексты и речи – это его, но требовать, указывать, призывать к ответу, совершать грозные демарши – у него выходит не слишком убедительно, если вообще получается. Буквально в нескольких словах охарактеризую стили личности нынешних кандидатов в вице-президенты США. Личность Вэнса также обладает чертами избегающей модели, но при главенствующей роли садистской личности, которая, надо отметить, исчезла вместе с мазохистской из основных официальных классификаторов и сохранилась лишь в типологии Миллона. У него подтип, присущий Вэнсу, назван бесхребетным, что очень подходит под собранный анамнез. В целом, такие индивиды демонстрируют злобную доминантность и жестокость, которые, однако, являются средствами борьбы с собственными фобиями; слабость компенсируется наличием групповой поддержки; в обществе выглядит самодовольным и всегда выбирает бессильных «козлов отпущения». Что касается ставленника от Демократической партии, то в пару взбалмошной Харрис был выбран надежный, добросовестный, несколько приземленный Тим Уолц, по характеристикам своей личности удивительным образом напоминающий её нынешнего шефа – Байдена. У него антисоциальная модель с импульсивными и, в последнюю очередь, нарциссическими чертами. Название, данное Миллоном этому варианту, говорит само за себя – бюрократический подтип антисоциальной личности.

В заключение необходимо подчеркнуть важную, по мнению автора, мысль, что традиционная оценка личности политика имеет мало общего с

концепцией личности, разделяемой большинством профессиональных психодиагностов, прошедших клиническую подготовку, или с имеющимися в их распоряжении процедурами. В этом смысле модель личности, разработанная Миллоном, удовлетворяя трем критериям Кнутсон, предлагает намного более жизнеспособную интегративную основу для различных современных подходов к изучению

политической личности, сокращая тем самым концептуальные и методологические разрывы, существующие между формулировками, принятыми в таких исходных дисциплинах, как персонология, психологическая оценка личности и прикладное направление исследования, предметом которого и является политическая личность.

Список источников

1. Wallas, G. Human nature in politics. London : Archibald Constable, 1908. (Reprinted 1981 by Transaction Books, New).
2. Brunswick N.J., Lasswell H.D. Psychopathology and politics. Chicago : University of Chicago Press, 1930.
3. Eysenck H.J. The psychology of politics. London : Routledge, 1954.
4. Greenstein F.I. Personality and politics: Problems of evidence, inference, and conceptualization. Chicago : Markham, 1969.
5. Renshon S.A. High hopes: The Clinton presidency and the politics of ambition. New York : New York University Press, 1996.
6. Greenstein F.I. Can personality and politics be studied systematically? // Political Psychology. 1992. № 13. P. 105–128.
7. Greenstein F.I. Personality and politics: Problems of evidence, inference, and conceptualization. 2014.
8. Jervis R. Political psychology: Some challenges and opportunities // Political Psychology. 1989. № 10. P. 481–493.
9. Millon T. [et al.]. Personality disorders in modern life. New York : Wiley, 2004.
10. Millon T. Toward a new personology: An evolutionary model. New York : Wiley, 1990.
11. Millon T. (with Davis, R.D.). Disorders of personality: DSM-IV and beyond (2nd ed.). New York : Wiley, 1996.
12. Millon T. Disorders of Personality: Introducing a DSM ICD Spectrum from Normal to Abnormal (Wiley Series on Personality Processes) John Wiley & Sons, Inc., 2011.
13. Knutson J.N. (Ed.). Handbook of political psychology. San Francisco : Jossey-Bass, 1973.
14. Millon T., Everly G.S., Jr. Personality and its disorders: A biosocial learning approach. Wiley. 1985.
15. Immelman Aubrey. The Assessment of Political Personality: A Psychodiagnostically Relevant Conceptualization and Methodology // Political Psychology. 1993. № 14(4).
16. Immelman A. The political personality of U.S. president George W. Bush. In L.O. Valenty & O. Feldman (Eds.), Political leadership for the new century: Personality and behavior among American leaders. 2002.
17. Schafer M. Issues in assessing psychological characteristics at a distance: An introduction to the symposium // Political Psychology. 2000. № 21. P. 511–527.
18. Kowert P.A. Where does the buck stop?: Assessing the impact of presidential personality // Political Psychology. 1996. № 17. P. 421–452.
19. Rubenzer S.J., Faschingbauer T.R. Personality, Character, And Leadership in the White House: Psychologists Assess the Presidents. 2005.
20. Simonton D.K. Personality and politics. In L. A. Pervin (Ed.), Handbook of personality: Theory and research. New York : Guilford, 1990. P. 670–692.
21. Simonton D.K. Presidential personality: Biographical use of the Gough Adjective Check List // Personality and Social Psychology. 1986. № 51. P. 149–160.
22. Etheredge L.S. Personality effects on American foreign policy, 1898–1968: A test of interpersonal generalization theory // American Political Science Review. 1978. № 72. P. 434–451.

Reference

1. Wallas, G. Human nature in politics. London : Archibald Constable, 1908. (Reprinted 1981 by Transaction Books, New).
2. Brunswick N.J., Lasswell H.D. Psychopathology and politics. Chicago : University of Chicago Press, 1930.
3. Eysenck H.J. The psychology of politics. London : Routledge, 1954.
4. Greenstein F.I. Personality and politics: Problems of evidence, inference, and conceptualization. Chicago : Markham, 1969.
5. Renshon S.A. High hopes: The Clinton presidency and the politics of ambition. New York : New York University Press, 1996.
6. Greenstein F.I. Can personality and politics be studied systematically? // Political Psychology. 1992. No. 13. P. 105–128.
7. Greenstein F.I. Personality and politics: Problems of evidence, inference, and conceptualization. 2014.
8. Jervis R. Political psychology: Some challenges and opportunities // Political Psychology. 1989. No. 10. P. 481–493.
9. Millon T. [et al.]. Personality disorders in modern life. New York : Wiley, 2004.
10. Millon T. Toward a new personology: An evolutionary model. New York : Wiley, 1990.
11. Millon T. (with Davis, R.D.). Disorders of personality: DSM-IV and beyond (2nd ed.). New York : Wiley, 1996.
12. Millon T. Disorders of Personality: Introducing a DSM ICD Spectrum from Normal to Abnormal (Wiley Series on Personality Processes) John Wiley & Sons, Inc., 2011.
13. Knutson J.N. (Ed.). Handbook of political psychology. San Francisco : Jossey-Bass, 1973.
14. Millon T., Everly G.S., Jr. Personality and its disorders: A biosocial learning approach. Wiley. 1985.
15. Immelman Aubrey. The Assessment of Political Personality: A Psychodiagnostically Relevant Conceptualization and Methodology // Political Psychology. 1993. No. 14(4).

16. Immelman A. The political personality of U.S. president George W. Bush. In L.O. Valenty & O. Feldman (Eds.), *Political leadership for the new century: Personality and behavior among American leaders*. 2002.
17. Schafer M. Issues in assessing psychological characteristics at a distance: An introduction to the symposium // *Political Psychology*. 2000. No. 21. P. 511–527.
18. Kowert P.A. Where does the buck stop?: Assessing the impact of presidential personality // *Political Psychology*. 1996. No. 17. P. 421–452.
19. Rubenzer S.J., Faschingbauer T.R. *Personality, Character, And Leadership in the White House: Psychologists Assess the Presidents*. 2005.
20. Simonton D.K. Personality and politics. In L. A. Pervin (Ed.), *Handbook of personality: Theory and research*. New York : Guilford, 1990. P. 670–692.
21. Simonton D.K. Presidential personality: Biographical use of the Gough Adjective Check List // *Personality and Social Psychology*. 1986. No. 51. P. 149–160.
22. Etheredge L.S. Personality effects on American foreign policy, 1898–1968: A test of interpersonal generalization theory // *American Political Science Review*. 1978. No. 72. P. 434–451.

Информация об авторе

С.М. Березовская – психолог, психоаналитик, специалист по психологической оценке личности.

Information about the author

S.M. Berezovskaya is a psychologist, psychoanalyst, specialist in psychological assessment of personality.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 316.27

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-56-62

КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ ПОЛЕЗАВИСИМОСТЬ/ПОЛЕНЕЗАВИСИМОСТЬ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ: СРАВНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НА ИНТЕРВАЛЕ 20 ЛЕТ

Екатерина Генриховна Будрина

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, budrinaeg@ipran.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость (ПЗ/ПНЗ) в старшем подростковом возрасте и влияния цифровизации (пользование мобильными телефонами, компьютерами, интернетом, введение в школе электронных дневников, онлайн обучение и т.д.) на изменение показателей «Общее время», «Количество правильных ответов», «ПЗ/ПНЗ». Сравниваются значения показателей когнитивного стиля старших подростков в интервале 20 лет, проходивших обучение по разным программам (традиционной и обогащающей) в 2000/01 учебном году и традиционной программе 2020/21 года обучения. У современных подростков произошло изменение скорости и точности перцептивного сканирования в сторону увеличения и смещение их на полюс полenezависимости по сравнению с подростками традиционной модели начала 2000-х. При этом показано, что старшие подростки, обучавшиеся в 2000/01 учебном году по обогащающей программе (средствами развивающих учебных текстов, которые обогащают основные формы индивидуального ментального опыта), имели значения показателей когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость сопоставимые с современными подростками.

Ключевые слова: когнитивный стиль, полезависимость/полenezависимость, старший подростковый возраст, цифровизация
Финансирование: исследование выполнено по гос. заданию № 0138-2024-0016.

Original article

COGNITIVE STYLE OF FIELD DEPENDENCE/INDEPENDENCE IN LATE ADOLESCENCE: A COMPARISON OF INDICATORS OVER A 20-YEAR PERIOD

Ekaterina G. Budrina

Institute of Psychology, The Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, budrinaeg@ipran.ru

Abstract. The study is dedicated to the examination of the cognitive style of field dependence/independence (FDI) in late adolescence and the impact of digitalization (use of mobile phones, computers, the Internet, implementation of electronic diaries in schools, online learning, etc.) on changes in the indicators of "Total Time," "Number of Correct Answers," and "FD/FID." The values of cognitive style indicators among older adolescents are compared over a 20-year period, focusing on those who studied under different programs (traditional and enriching) in the 2000/01 academic year and the traditional program of the 2020/21 academic year. Contemporary adolescents have shown upward changes in the speed and accuracy of perceptual scanning and a shift toward the pole of independence compared to adolescents from the traditional model of the early 2000s. It is also shown that older adolescents who studied in the 2000/01 academic year under the enriching program (using developmental educational texts that enhance the main forms of individual mental experience) had cognitive style indicators of field dependence/independence comparable to those of modern adolescents.

Keywords: cognitive style, field dependence/independence, late adolescence, digitalization

Funding: the research was conducted as part of the state assignment No. 0138-2024-0016.

Огромное разнообразие и количество исследований по связи когнитивных стилей (в частности, когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость) с процессами обучения не дают возможности осветить их в полной мере, поэтому остановимся на некоторых из них. Исследователи в области образования утверждают, что когнитивные стили обладают способностью предсказывать акаде-

мические достижения, выходящие за рамки общих способностей [13].

Связь когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость с обучением часто описывают через социальные и эмоциональные характеристики, влияющие на учебную деятельность [15]. Д.Р. Гуденау пришёл к выводу, что полезависимые субъекты выделяют и используют важнейшие опорные

сигналы в заданиях на создание концепции, ведут себя как «зрители», подвержены негативному влиянию, показывают лучшие результаты при случайном изучении социальной информации [10].

Полезависимые испытывают больше трудностей в выделении важной информации при решении сложных задач [8]. Они обладают более высокими достижениями в математике, особенно в области создания концепций и практических применений [14]. Полезависимые вспоминают больше информации из научных и математических источников, тогда как полезависимые – из социально ориентированных текстов [11]. Показано и лучшее запоминание полезависимыми субъектами структурированной и функциональной информации (детали оборудования) [12].

Гилд и Джерджер обобщили особенности обучения полезависимых/полезависимых учащихся и попытались дать ответы на вопросы обеспечения их учебной мотивацией и стилями преподавания, позволяющими вести эффективное обучение с учётом индивидуальных различий в когнитивной сфере [9].

В целом, обобщая приведенные исследования, можно резюмировать, что полезависимые учащиеся преуспевают в заданиях, ориентированных на группу и совместные ситуации, где играют роль социальные аспекты поведения; предполагающих стандартные формы поведения; требующих от учащегося повторения информации в одной и той же форме и виде представления; связанных с областями знаний, основанных на социальных вопросах. Полезависимые могут эффективно использовать такие стратегии обучения, как: концентрация на информации; повторение информации, которая должна быть вызвана из памяти. Условия среды обучения, способствующие обучению полезависимых учащихся: обеспечение социального учебного окружения; предоставление обширной структурной поддержки; ясные, чёткие указания при максимальном руководстве процессом обучения; введение ориентационных стратегий перед обучением; обеспечение обширных обратных связей; обеспечение графического выражения содержания учебного материала; применение примеров, иллюстрирующих учебный материал [4].

Полезависимые учащиеся будут эффективны: при решении математических и логических задач; в ситуациях, требующих структуризации и систематизации идей в какой-либо области; при изучении языков; в задачах, требующих выделения ведущих аспектов в любой информации, особенно при её неорганизованном, двусмысленном и малоструктурированном характере; в задачах переноса, где

операция должна быть перенесена на основе ситуации; в оценках на основе действия. Полезависимые могут эффективно использовать следующие стратегии обучения: выбор источников информации; поиск и валидизацию информации; перенос знаний (предсказание, выводы, оценка, расчёт); создание метафор и аналогий; оценка знаний; структурный анализ информации. Условия, способствующие обучению полезависимых учащихся: независимое учебное окружение; использование элементов самостоятельных «открытий» в учебных методиках; обеспечение большого количества справочного материала и первоисточников; обеспечение условий для самообучения; полная самостоятельность при минимальном руководстве обучением; создание концепций, моделей, контуров обучения [4].

Современный мир меняется стремительно. Мы живем в цифровую эпоху, где процессы цифровизации носят глобальный характер, затрагивая все сферы деятельности общества, в том числе образование, и становятся базой развития самого общества и общественных отношений [2]. Однако до сих пор вопрос о том, как цифровая среда сказывается на особенностях интеллектуальной сферы личности, остается открытым.

Никто не ставит под сомнение необходимость цифровой трансформации образования. Однако для её реализации требуется вложение значительных финансовых ресурсов в материальную инфраструктуру и переподготовку кадров, а также переосмысление целей и содержания образования всех уровней. Следует установить приоритеты решения задач цифровизации с учетом реальности выполнения необходимых для этого условий. И, безусловно, привлечь науку для изучения физиологической, психологической и педагогической обоснованности новых методов организации и ведения учебного процесса [5].

С одной стороны, образование играет особую роль в процессе цифровой трансформации, выступая как фактор обеспечения необходимых условий, предпосылок и интеллектуального фона для уверенного перехода в цифровую эпоху, где приоритетной задачей становится подготовка высококвалифицированных специалистов, соответствующих «цифровому» времени. Соответственно это влечет за собой необходимость кардинальных изменений в системе образования, таких как преобразование образовательных программ, методов и организационных форм обучения, широкое внедрение и применение цифровых инструментов и коммуникаций в учебной деятельности посредством цифровой среды, обучение людей по индивидуально-

му плану в течение всей жизни в удобное для них время и удобном месте.

С другой стороны, по мнению педагогов, в рамках дистанционного образовательного процесса наблюдаются: низкие показатели успеваемости, так как лучше усваивают материал на бумажном носителе; утрата обучающимся способности к творчеству, проявлению инициативы, боязнь устных ответов; формальное отношение к выполняемым заданиям, что сказывается на качестве образования; вредное влияние компьютера на психическое и физическое здоровье; чувство ложной компетентности, когда доступ к информации обучающиеся приравнивают к овладению компетенцией; слабый уровень социализации. С учетом всех этих обстоятельств формулируется позиция, согласно которой процесс формирования личности ученика обусловлен живым педагогическим общением ученика с учителем, которое не может быть заменено цифровой средой [2].

Возможность проследить изменения когнитивного стиля полнезависимость/полнезависимость у современных подростков и подростков начала XXI в. в связи с увеличением цифровизации общества в целом и образовательного процесса в частности делает это исследование актуальным и важным с точки зрения неиспользованного резерва для создания эффективных процедур обучения, учитывающих когнитивную организацию учеников.

Цель исследования: проследить изменения основных и дополнительного показателей когнитивного стиля полнезависимость/полнезависимость в старшем подростковом возрасте на интервале 20 лет.

Эмпирические гипотезы

1. У современных подростков произойдет увеличение значения основного показателя «Количество правильных ответов» и дополнительного показателя «ПЗ/ПНЗ», а также уменьшение значения показателя «Общее время» по сравнению с подростками начала 2000-х гг.

2. Современные подростки смещаются на полюс полнезависимости по сравнению с подростками начала 2000-х гг.

Независимые и зависимые переменные

Независимые переменные: период/время тестирования 2000/01 учебный год и 2020/21 учебный год.

Зависимые переменные: показатели «Общее время», «Количество правильных ответов», «ПЗ/ПНЗ».

Методика

Методика «Фигуры Готтшальдта» для выявления когнитивного стиля полнезависимость/полнезависимость.

Данная методика состоит из 30 заданий. На одном листе-бланке располагается простая геометрическая фигура, на другом сложная геометрическая фигура, в которой содержится в качестве её части простая фигура. Простые геометрические фигуры повторяются по порядку, их всего 5, каждая повторяется по 6 раз, итого 30 простых фигур. Сложные геометрические фигуры всегда разные.

Экспериментатор на 31-й карте показывает принцип выполнения теста. Сначала демонстрирует простую фигуру в течение 10 секунд, затем её закрывают и показывают сложную геометрическую фигуру. Простая и сложная фигуры никогда не должны быть одновременно в поле зрения участника исследования. Когда открывается сложная фигура, включается секундомер для замера времени поиска простой фигуры. Секундомер останавливают, когда участник исследования говорит, что видит простую фигуру.

Основные показатели:

1. Общее время (ОбВр) выполнения всех 30 заданий (в минутах).

2. Количество правильных ответов (КПО).

Дополнительный показатель:

3. Продуктивность, равная отношению количества правильных решений ко времени выполнения (в минутах). В дальнейшем этот показатель именуется как полнезависимость/полнезависимость (ПЗ/ПНЗ). Чем больше 2 и 3-й показатели и меньше 1-й, тем больше полнезависимость.

Выборка и процедура исследования

База данных 2000/01 учебного года была собрана в рамках исследования по кандидатской диссертации в г. Ижевске [1]. Общая выборка 2000/01 учебного года в старшем подростковом возрасте составила 92 учащихся 9-го класса (из них 49 мальчиков и 43 девочки). Так как старшие подростки учились по разным образовательным программам, то мы сохранили деление данной выборки на 2 группы с учетом модели обучения. Группа старших подростков, проходивших обучение по традиционной программе, составила 38 учащихся (ТМ 2000/01), группа подростков, проходивших обучение по обогащающей модели, составила 54 учащихся (ОМ 2000/01).

«Обогащающая модель» обучения Э.Г. Гельфман и М.А. Холодной [3] способствует интеллектуальному воспитанию учащихся 5–9-х классов в процессе обучения математике за счет обогащения разных форм умственного опыта учащихся средствами специально сконструированных учебных текстов. Тексты учебника, учебных книг, практикумов, рабочих тетрадей построены так, что разные

фрагменты текстов выступают в качестве средств развития четырех видов базовых интеллектуальных способностей учащихся – когнитивных, понятийных, метакогнитивных, интенциональных – за счет обогащения основных форм индивидуального ментального (умственного) опыта каждого ученика [6].

База данных 2020/21 учебного года была собрана в рамках лонгитюдного исследования в г. Мытищи. Выборка 2020/21 учебного года в старшем подростковом возрасте составила 99 учащихся 9-го класса (из них 54 мальчика и 45 девочек).

Сбор данных проводился в общеобразовательных школах, во всей параллели с учащимися, родители которых подписали информированное согласие на проведение исследования с их ребенком. Тестирование проводилось индивидуально с каждым учащимся.

Перейдем к основным результатам исследования. Вначале мы сравним результаты показателей когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость старших подростков, проходивших обучение по традиционной программе, но в интервале 20 лет (2000/01 и 2020/21 учебный год). Далее мы сравним результаты показателей данного когнитивного стиля старших подростков, проходивших обучение в 2000/01 учебном году по обогащающей программе (математика, психология, интеллект) и традиционной программе в 2020/21 учебном году также в интервале 20 лет (таблица).

При сравнении показателей когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость старших подростков, проходивших обучение по традиционной программе (см. таблицу), наблюдается достоверно значимое уменьшение показателя «Общее время» и достоверно значимое увеличение показателей «Количество правильных ответов» и «ПЗ/ПНЗ» у подростков 2020/21 года обучения по сравнению с подростками 2000/01 года обучения. Иными словами, при сравнении показателей данного когнитивного стиля старших подростков в интервале 20 лет мы видим, что у подростков 2020/21 года

обучения по сравнению с подростками 2000/01 года обучения происходит снижение показателя «Общее время» и рост показателя «Количество правильных ответов», что свидетельствует об увеличении скорости и точности перцептивного сканирования у современных подростков. Значение показателя «ПЗ/ПНЗ», который является дополнительным и обобщает два основных показателя («Количество правильных ответов» и «Общее время»), у подростков 2020/21 года обучения по сравнению с подростками 2000/01 года обучения увеличилось более чем в два раза, т.е. продуктивность современных подростков выросла.

Если рассматривать полученные результаты с точки зрения полюсов когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость, т.е. как биполярную модель, то современные подростки смещаются на полюс полenezависимости, а подростки начала века находятся на полюсе полезависимости. Когнитивные стили изменяются во времени, что является вполне закономерным результатом того, что информационный и технический прогресс не стоит на месте, современные дети, и тем более подростки, имеют больше возможностей, которые касаются не только свободного доступа к информации, но и увеличения доли цифровых технологий как дома, так и в школе по сравнению с подростками начала XXI в.

Какие изменения произошли с начала века в жизни современных школьников, которые могли повлиять на результаты методики, измеряющей полезависимость/полenezависимость? Во-первых, в 2009 г. вступили в силу поправки в закон «Об образовании», которые сделали ОГЭ и ЕГЭ обязательными для всех выпускников школ. Во-вторых, в связи с введением новой формы государственной итоговой аттестации в системе образования произошли значительные изменения, которые затронули не только программы и методы преподавания, но и структуру уроков. Одним из изменений является сокращение длительности урока до 40 минут. В-третьих, цифровизация современного общества и школьного образования в частности.

Таблица

Средние значения показателей когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость старших подростков традиционных и обогащающей моделей обучения

Показатель	Модель				
	ТМ 2000/01 n = 38	U-кр./ ур. знач.	ТМ 2020/21 n = 99	U-кр./ ур. знач.	ОМ 2000/01 n = 54
	Ср./стд.откл.		Ср./стд.откл.		Ср./стд.откл.
ОбВр	6,8/4,6	1141,0/0,000	4,2/2,3	2375,5/256	4,8/2,7
КПО	21,7/4,3	584,5/0,000	26,8/3,5	2376,5/253	26,4/3,2
ПЗ/ПНЗ	4,2/2,1	827,5/0,000	9,8/8,7	2384,0/270	7,4/3,8

Таким образом, за последние 20 лет произошло увеличение темпа и интенсивности обучения, современным школьникам за единицу времени приходится усваивать больший объем информации. Также изменилась итоговая аттестация учащихся, отличающаяся от прежней формы сдачи экзаменов по билетам, одним из критериев которой выступает временной фактор. Сокращение длительности урока и увеличение объема информации, которую нужно усвоить, привело к изменению программ и методов преподавания. Оптимизация учебного процесса, произошла, в том числе, и за счет внедрения информационных/цифровых технологий в школу. Например, часть информации учащиеся должны самостоятельно скачать/открыть на электронных/интернет-ресурсах прочитать, изучить, выполнить дополнительные задания и т.д. Времени в конце урока на объяснение домашнего задания, как правило, не остается, учащиеся получают его в электронном дневнике, в лучшем случае после учебного дня, а иногда и вечером в конце дня. Приведенные примеры наглядно демонстрируют то, что непосредственное общение между педагогом и учеником сокращается. Кроме этого, не стоит забывать и о свободном, т.е. не в рамках школьной программы, нахождении в цифровой среде, которым современные подростки злоупотребляют. Чаще всего это просмотр социальных сетей и компьютерные игры, в которых требуется быстро оценивать визуальную ситуацию и принимать решение.

На наш взгляд, перечисленные изменения, коснувшиеся процесса обучения современных подростков, а также увеличение времени нахождения в интернет-пространстве могли явиться причинами, повлиявшими на изменение скорости и точности поиска простой фигуры в сложной в сторону увеличения. Мы не будем обсуждать минусы (они, несомненно, есть) каждого приведенного пункта, только заметим, что в плане улучшения сканирования сложного объекта цифровизация и нововведения сыграли положительную роль.

А теперь рассмотрим и сравним результаты старших подростков, проходивших обучение в 2000/01 учебном году по обогащающей программе и традиционной программе 2020/21 учебном году, т.е. по разным образовательным программам в интервале 20 лет.

При сравнении показателей когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость старших подростков, проходивших обучение по обогащающей программе 2000/01 года обучения и традиционной программе 2020/21 года обучения, достоверных отличий по основным показателям «Общее вре-

мя», «Количество правильных ответов» и дополнительному показателю «ПЗ/ПНЗ» не выявлено. При сравнении показателей данного когнитивного стиля старших подростков в интервале 20 лет мы видим, что старшеклассники, обучавшиеся по обогащающей модели в начале 2000-х гг., имели такие же показатели, что и современные подростки, т.е. также находятся на полюсе полenezависимости.

Встает закономерный вопрос, что позволило старшим подросткам, обучавшимся по обогащающей модели в начале 2000-х гг., не имея мобильных телефонов, компьютеров, интернета и т.д., обладать сопоставимыми показателями с современными подростками?

Как отмечалось выше, основным инструментом обогащающей модели обучения, который позволяет осуществить перестройку содержания школьного предмета, выступает учебный текст. Текст играет ключевую роль в интеллектуальном развитии личности, выступая в качестве «мыслящей структуры» (Вяч. Вс. Иванов), «партнера-собеседника» (М.М. Бахтин), «модели приключения мысли» (Л.Э. Генденштейн). Текст является той естественной средой, в которой осуществляется развитие интеллекта человека на протяжении всей его жизни [7].

По мнению авторов обогащающей модели (Гельфман, Холодная), развивающий учебный текст характеризуется специфическими особенностями: тематической организацией, нелинейностью, разнородностью, ориентацией на понимание учебного материала на теоретическом уровне, неоднозначностью и противоречивостью, диалоговым характером, открытостью, ориентацией на интеллектуальную самостоятельность, опорой на личный опыт ученика, дифференциацией и индивидуализацией обучения, организацией текущей учебной диагностики. Все это способствует формированию базовых интеллектуальных способностей учащихся и обогащению индивидуального ментального опыта по когнитивной, понятийной, метакогнитивной и интенциональной линии [7].

В теоретической части статьи, обобщая исследования, характеризующие полenezависимых обучающихся, можно проследить, что наиболее эффективные направления в деятельности, а также стратегии и условия обучения полностью реализуются, если школьный предмет, а именно преподавание математики, ведется по специально сконструированным развивающим учебным текстам.

Таким образом, при наличии развивающих учебных текстов происходит обогащение умственного опыта по четырем видам базовых интеллектуальных способностей, именно этот факт послужил

причиной того, что старшие подростки начала 2000-х имели значения показателей когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость сопоставимые с современными подростками.

Заключение

При сравнении показателей когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость старших подростков в интервале 20 лет, проходивших обучение по традиционной программе в 2000/01 учебном году и 2020/21 учебном году, происходит снижение показателя «Общее время» и рост показателя «Количество правильных ответов», что свидетельствует об увеличении скорости и точности перцептивного сканирования у современных подростков.

Значение показателя «ПЗ/ПНЗ», который является дополнительным и говорит о продуктивности, у подростков 2020/21 года обучения увеличилось более чем в два раза по сравнению с подростками 2000/01 года обучения и, следовательно, с точки зрения полюсов когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость современные подростки смещаются на полюс полenezависимости, а подростки начала века находятся на полюсе полезависимости.

Полученные результаты могли быть наглядным доказательством того, что цифровизация, проводимая в школе, онлайн обучение, увеличение темпа и объема информации, компьютерные игры и др. положительно влияют на динамику когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость, если бы не вторая группа старших подростков, обучавшаяся в 2000/01 учебном году, но по обогащающей модели.

При сравнении показателей когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость старших подростков в интервале 20 лет, проходивших обучение по обогащающей программе 2000/01 года обучения и традиционной программе 2020/21 года обучения, достоверных отличий по основным показателям «Общее время», «Количество правильных ответов» и дополнительному показателю «ПЗ/ПНЗ» не выявлено.

Еще 20 лет назад старшие подростки, не имея всех возможностей современной цифровой среды, продемонстрировали такие же значения показателей когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость, что и современные подростки. Единственным отличием двух групп подростков 2000/01 учебного года было обучение математике с 5-го класса по обогащающей модели. Авторами этой модели создан реальный образовательный инструмент, который позволил за 5 лет (с 5-го по 9-й класс) сформировать базовые интеллектуальные способности (по когнитивной, понятийной, метакогнитивной и интенциональной линии обогащения) развивающими учебными текстами.

Данный психодидактический подход можно реализовать и в других школьных предметах в зависимости от типа предметного содержания образования и психологической ориентации той или иной модели. Если разумно применить современные возможности цифровой среды с развивающими учебными текстами по разным школьным предметам, можно формировать умственные способности на новом уровне (например, быстрее и эффективнее).

Список источников

1. Будрина Е.Г. Специфика интеллектуального развития подростков в условиях разных моделей обучения // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3, № 1. С. 115–130.
2. Гаирбекова П.И. Актуальные проблемы цифровизации образования в России // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 2.
3. Гельфман Э.Г., Холодная М.А. Психодидактика школьного учебника. 2-е изд. Москва : Юрайт, 2018.
4. Сергеев С.Ф. Инструменты обучающей среды: интеллект и когнитивные стили // Школьные технологии. 2010. № 4. С. 43–51.
5. Стариченко Б.Е. Цифровизация образования: иллюзии и ожидания // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 49–58. doi:10.26170/ro20-03-05
6. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019.
7. Холодная М.А. Реформа Российского школьного образования: вверх по лестнице, ведущей вниз // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т. 3, № 4. С. 5–24. doi:10.38098/proceedings_2023_03_04_02
8. Canelos J., Taylor W. D., Gates R.B. The effects of three levels of visual stimulus complexity on the information processing of field-dependents and field independents when acquiring information for performance on three types of instructional objectives // Journal of Instructional Psychology. 1980. № 7. P. 5–70.
9. Gild P. B., Garger S. «Learning at a different pace – Styles of thinking and learning» (in Hebrew), Branco Weiss Institute, 1997.
10. Goodenough D.R. The role of individual differences in field dependence as a factor in learning and memory // Psychological Bulletin. 1976. № 83. P. 675–694.
11. Phifer J. Effects of individual cognitive style and processing differences on metacognitive reading strategies, (Doctoral dissertation, University of Nebraska), Dissertation Abstracts International. 1983. № 44. P. 2420.
12. Skaggs L.P., Rocklin T., Dansereau D., Hall R.H. Dyadic learning of technical material: Individual differences, social interaction, and recall // Contemporary Educational Psychology. 1990. № 15. P. 47–63.

13. Sternberg R.J., Zhang L.F. Thinking styles across cultures: Their relationships with student learning. 2001.
14. Vaidya S., Chansky N.M. Cognitive development and cognitive style as factors in mathematics achievement // *Journal of Educational Psychology*. 1980. № 72. P. 326–330.
15. Witkin H.A., Moore C.A., Goodenough D.R., Cox P.W. Field-dependent and field-independent cognitive styles and their educational implications. *Review of Educational Research*. 1977. № 47. P. 1–64.

References

1. Budrina E.G. The specifics of the intellectual development of adolescents in the context of different learning models // *Experimental psychology*. 2010. Vol. 3, No. 1. P. 115–130.
2. Gairbekova P.I. Actual problems of digitalization of education in Russia // *Modern problems of science and education*. 2021. No. 2.
3. Gelfman E.G., Kholodnaya M.A. *Psychodidactics of a school textbook*. 2nd ed. Moscow : Yurait, 2018.
4. Sergeev S.F. Tools of the learning environment: intelligence and cognitive styles // *School technologies*. 2010. No. 4. P. 43–51.
5. Starichenko B.E. Digitalization of education: illusions and expectations // *Pedagogical education in Russia*. 2020. No. 3. P. 49–58. doi:10.26170/po20-03-05
6. Kholodnaya M.A. *Psychology of intelligence: Paradoxes of research*. 3rd ed., reprint. and add. Moscow : Yurait, 2019.
7. Kholodnaya M.A. Reform of Russian school education: up the stairs leading down // *Scientific Notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*. 2023. Vol. 3, No. 4. P. 5–24. doi:10.38098/proceedings_2023_03_04_02
8. Canelos J., Taylor W. D., Gates R.B. The effects of three levels of visual stimulus complexity on the information processing of field-dependents and field independents when acquiring information for performance on three types of instructional objectives // *Journal of Instructional Psychology*. 1980. No. 7. P. 5–70.
9. Gild P. B., Garger S. «Learning at a different pace – Styles of thinking and learning» (in Hebrew), Branco Weiss Institute, 1997.
10. Goodenough D.R. The role of individual differences in field dependence as a factor in learning and memory // *Psychological Bulletin*. 1976. No. 83. P. 675–694.
11. Phifer J. Effects of individual cognitive style and processing differences on metacognitive reading strategies, (Doctoral dissertation, University of Nebraska), *Dissertation Abstracts International*. 1983. No. 44. P. 2420.
12. Skaggs L.P., Rocklin T., Dansereau D., Hall R.H. Dyadic learning of technical material: Individual differences, social interaction, and recall // *Contemporary Educational Psychology*. 1990. No. 15. P. 47–63.
13. Sternberg R.J., Zhang L.F. Thinking styles across cultures: Their relationships with student learning. 2001.
14. Vaidya S., Chansky N.M. Cognitive development and cognitive style as factors in mathematics achievement // *Journal of Educational Psychology*. 1980. No. 72. P. 326–330.
15. Witkin H.A., Moore C.A., Goodenough D.R., Cox P.W. Field-dependent and field-independent cognitive styles and their educational implications. *Review of Educational Research*. 1977. No. 47. P. 1–64.

Информация об авторе

Е.Г. Будрина – кандидат психологических наук, научный сотрудник.

Information about the author

E.G. Budrina is Candidate of Psychological Sciences, researcher.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 159.9
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-63-69

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРТ-ТЕРАПИИ ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ СОСТОЯНИЯ ТОСКИ

Ирина Александровна Воробьева

Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия, VIA_76@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0676-0997>

Аннотация. Арт-терапия в настоящее время становится все более популярным в профессиональной среде, стремительно развивающимся направлением современной психотерапии, привлекающим к себе огромное внимание во всем мире. В статье рассмотрено использование графического проективного метода «Нарисуй тоску» для описания переживания тоски. На основе методики «Психологический рисунок», предложенной Т.В. Фоломеевой и О.М. Бартеновой, автор статьи разделила характеристики психологического рисунка на типичные для проекции личностных особенностей респондентов и для отражения образа анализируемого объекта. В ходе исследования автор выделяет и описывает категории рисунка, специфичные для отражения различных аспектов восприятия объекта, категорию, специфичную для отражения личностных свойств рисующего, и категории, отражающие как восприятие объекта, так и личностные свойства респондента.

Ключевые слова: арт-терапия, тоска, эмоции, графический проективный метод

Original article

THE IMPLEMENTATION OF ART THERAPY TO DIAGNOSE THE STATE OF ANGUISH

Irina A. Vorobeva

Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russia, VIA_76@mail.ru

Abstract. Art therapy is currently becoming more and more popular in the professional environment, a rapidly developing area of modern psychotherapy, attracting great attention all over the world. The article considers the implementation of the graphic projective method “Draw anguish” to describe the experience of anguish. On the basis of the “Psychological drawing” technique proposed by T. V. Folomeeva and O. M. Barteneva, the author of the article divided the characteristics of the psychological drawing into typical ones for the projection of the respondents’ personal characteristics and for reflecting the image of the analyzed object. During the research the author singles out and describes the categories of drawing that are specific for reflecting various aspects of the perception of the object, a category specific for reflecting the personal properties of the painter and categories that reflect both the perception of the object and the personal properties of the respondent.

Keywords: art therapy, anguish, emotions, graphic projective technique

Психическое здоровье недавно было определено как серьезная проблема общественного здравоохранения. Всемирная организация здравоохранения к психическим заболеваниям относит различные симптомы, начиная от легкой тревоги до тяжелых форм, таких как поведенческие аномалии [1].

Термин «арт-терапия» произошел от английского слова «art-therapy» и буквально означает лечение искусством. Арт-терапия – это направление в психотерапии, реабилитации и психокоррекции, основанное на упражнениях пациентов (клиентов) изобразительным творчеством [2: с. 7].

В «Психотерапевтической энциклопедии» под ред. Б.Д. Карвасарского дано следующее определение арт-терапии: «использование искусства как терапевтического фактора» [3: с. 34]. Арт-терапия

является молодым формирующимся направлением и, находясь в периоде становления, пока не имеет четких границ. Доказательством этого является расхождение в основной терминологии. Так, в настоящее время не существует даже единого названия для этого направления. Каждое из существующих названий подчеркивает какую-то специфическую сторону, являющуюся для приверженцев наиболее существенной. Мы считаем необходимым остановиться хотя бы на основных терминах (по степени частоты использования в научной литературе):

– арт-терапия, встречается написание арттерапия (arts therapy, иногда даже therapy of arts), т.е. лечение искусством (Naumburg M., Moreno J., Hill A., Kramer E., Liebmann M., Landgarten H., Allen P. и др.);

– креативная терапия (creative therapy или therapy of creativity), т.е. терапия творчеством (Campbell J., Johnson D., Jung C., и др.);

– экспрессивная терапия (expressive arts therapy), т.е. терапия творческой экспрессией (Levin St., Winnicot D., Milner M. и др.). В этом названии акцент делается на собственно творческом самовыражении как основной терапевтической особенности;

– терапия творческим самовыражением (Бурно М.Е.). По смыслу и акцентам это название ближе всего к термину, употребляемому в Европе и США, – экспрессивная терапия;

– интермодальная арт-терапия (intermodal arts therapy), т.е. терапия разными направлениями искусства (Levine E., Kellog J. и др.) [4: с. 3].

На основе анализа теоретических источников мы пришли к выводу, что в целом арт-терапия – это исцеление посредством любого художественного творчества. В современной арт-терапии существуют два основных направления. Первое базируется на использовании уже готовых произведений профессиональных творцов (картины, музыкальные произведения и т.д.). Необходимо отметить, что положительным моментом данного направления является высочайший уровень произведений и, соответственно, высокий уровень переживаний, закодированных в них. Кроме того, человек не испытывает страха, что ему необходимо что-то делать самому, не являясь специалистом в данной области. Второе направление основано на использовании самостоятельного творчества клиентов или участников групп, которое выступает положительным моментом. Необходимо отметить, что приверженцев второго направления среди профессионалов, занимающихся арт-терапией, сейчас становится все больше и больше.

Сегодня в психологии понятие «арт-терапия» имеет несколько значений: совокупность видов искусства, используемых в лечении и коррекции; комплекс арт-терапевтических методик; направление психотерапевтической и психокоррекционной практики; метод [5: с. 98].

Считается, что термин «арт-терапия» ввел в употребление Адриан Хилл в 1938 г. для обозначения разных форм психосоциальной поддержки пациентов с психическими и соматическими заболеваниями, основанной на их занятиях изобразительной деятельностью. В основе приемов арт-терапии лежала идея З. Фрейда о том, что внутреннее «Я» проясляется у человека в визуальной форме всякий раз, когда он спонтанно творит, а также мысли Юнга о персональных и универсальных символах [5: с. 98].

Профессиональная арт-терапия появилась в середине XX в. как восстановительная практика, которая позволяла людям выражать себя невербальными способами, такими как рисование и живопись. Общеизвестно, что травма влияет на речевые центры мозга и может ограничить эффективность традиционной терапии на основе речевой терапии. Сегодня к арт-терапии относят различные методы лечения, такие как драматерапия, танцевально-двигательная терапия, телесно-ориентированная терапия, музыкотерапия, рисование, живопись и ремесленная терапия [6]. Арт-терапия использует художественные средства для лечения психических заболеваний и улучшения психического здоровья. В современной науке искусство стало важным элементом терапевтического сектора и используется в нескольких восстановительных и лечебных процедурах [7]. Арт-терапия использует интегративные техники, чтобы увлечь душу, тело и разум такими способами, которые, по-видимому, невозможно выразить одним лишь словесным выражением [1; 8; 9]. Арт-терапия набирает популярность в психиатрических учреждениях, потому что она обеспечивает ориентированный на выздоровление и ориентированный на человека подход, который включает эмоциональные, духовные, социальные и клинические потребности [10].

Сфера эмоций относится к проблеме, актуализация которой носит перманентный характер, что определяется ролью аффективной сферы в психической, субъективной жизни человека, её влиянием на когнитивные, поведенческие, мотивационные структуры личности. Рассмотрение тоски как эмоционального явления определяет обращение к психологическим концепциям, раскрывающим различные аспекты аффективной сферы личности. Следует отметить, что, анализируя публикации, мы не выявили специальных собственно психологических исследований, посвященных тоске. Анализ проблемы построен на общих подходах к психологии эмоций (биологическом, когнитивном, социальном, культурологическом) и рассмотрении тоски через ряд синонимов (эмоции печали, грусти и горя).

К выводу «У меня тоска» люди обычно приходят с помощью аффективных (эмоциональных), поведенческих (бихевиористских) и когнитивных доказательств. Аффективные признаки тоски нередко бывают размытыми. Тоска – это тяжелое эмоциональное переживание: люди, находящиеся в состоянии тоски, обычно очень несчастны. Однако одних лишь аффективных переживаний явно недостаточно для определения такого неприятного чувства, как тоска. Не существует какого-либо уни-

кального набора эмоций, ассоциируемого с тоской. Хотя переживание негативных эмоций и наталкивает людей на мысль о том, что «что-то не в порядке» в их жизни, оно не приводит непосредственно к самодиагнозу именно тоски, а не какого-либо другого состояния – депрессии, переутомления или физического недомогания.

Бихевиористские доказательства, подобно аффективным, способствуют самодиагнозу тоски, хотя, по всей вероятности, не исчерпывают такого диагноза. Люди, как правило, используют целый ряд поведенческих характеристик для идентификации тоски, включая низкий уровень социальных контактов, прекращение (разрыв) установившихся связей или же неудовлетворительные образцы социального взаимодействия. Однако уединение не обязательно связано с тоской; люди могут быть счастливы в затворничестве.

Вряд ли люди будут считать, что они переживают тоску, если у них нет когнитивных объяснений этого состояния. Когнитивные индикаторы тоски, очевидно, выводятся из представления об определенном типе социальных отношений, недостающих в настоящий момент. Общественное сознание отражает потребность в как можно более частом и более тесном взаимодействии человека и общества, а также представление о том, что совершенствование социальных отношений способно облегчить страдания отдельного человека. Люди определяют состояние тоски в зависимости от целого комплекса чувств, поступков и мыслей, а не по одной-единственной доминирующей характеристике.

Интересную работу провели сотрудники Государственного научного центра профилактической медицины. В своем докладе «Нравственные аспекты течения инфекционного процесса» профессор, доктор медицинских наук И.А. Гундарев привел результаты исследования, которые показали непосредственную связь агрессивного-депрессивного синдрома, которым поражена большая часть населения России, с высокими показателями заболеваемости и смертности в нашей стране. По словам Гундарева, наши люди находятся в состоянии душевной тревоги или, проще говоря, пребывают в тоске. Но эта тоска – агрессивная. Агрессивная энергия пытается найти выход, но выхода нет. Надеяться не на что и не на кого. И тогда агрессия начинает разрушать человека изнутри. Или же трансформируется в гневливость, которая сама по себе уже обладает разрушительной силой в отношении того, от кого она исходит. Как показывают исследования, в состоянии тоски и гнева у человека резко снижаются защитные силы организма.

У человека в состоянии агрессивной тоски (агрессивно-депрессивный синдром) «обваливается» иммунитет, в результате чего риск заразиться тем или иным инфекционным заболеванием возрастает на порядок. Больше того, увеличивается вероятность летального исхода.

От тоски до алкоголизма пара шагов, говорят специалисты. Это наиболее частая форма осложнения. Когда больной человек пытается «заглушить» тоску или проблему бутылкой, он находит кратковременное облегчение. После чего еще глубже погружается в пучину тоски. Пытаясь побороть её уже привычным способом, страдалец замыкает порочный круг. Мужчины в два раза реже болеют депрессией лишь потому, что этот диагноз им просто не успевают ставить – когда причина «созрела», лечить приходится уже от другой болезни. Отсюда вывод: не отдавайтесь безвольно в лапы безысходности, идите к врачу.

На основе теоретического анализа лингвокультурных, философских, психологических, клинических исследований эмоции «тоска» Невструева Т.Х., Воробьева И.А. в монографии «Психосемантический анализ переживания тоски» [7] приходят к выводу о возможности выделения трех основных моделей тоски: экзистенциальной, депривационной и клинической. Основанием для этого авторы считают следующее:

- переживание тоски имеет бинарную природу и не может быть рассмотрено только в контексте «негативной» эмоции. Тоска как содержательный элемент переживания выполняет многочисленные функции, связанные с осмыслением жизни через страдание, отчаяние, потери, что определяет экзистенциальный смысл тоски;

- одним из основных каузаторов тоски является «утрата»: контакта, близких, родных, любви, цели, смысла, что определяет депривационный характер тоски;

- состояние тоски относится к симптомам неврозов и депрессии, что делает необходимым выделение клинического аспекта переживания тоски [11].

С. Пономарев описывает различные способы лечения тоски [12]. Как только ни лечили людей, находящихся в состоянии тоски, в старину. В Древнем Риме применяли кровопускания, но, если больной был слаб, заменяли их рвотными и слабительными средствами. Часто внушали больному бодрость духа разговорами на приятные темы. В XVIII в. «пудовый груз на плечах» снимали, привязывая больных к вращающимся стульям и колесам. Пару веков назад людей, находящихся в со-

стоянии тоски, погружали в холодную воду (до аффиксии), выливали десятки ведер воды на голову связанному человеку. Но все эти методы использовались в Европе. В России же применялись средства типа «рвотный винный камень, сладкая ртуть, белена и приложение пиявиц к заднему проходу». Кроме того, в качестве антидепрессантов выступал опиум и т.д.

Часто пациенты, переживающие тоску, не считают себя больными. Но иногда они могут отдавать себе отчет в том, что психически не здоровы (как правило, это те, у кого легкая стадия психогенно спровоцированной депрессии). Для них несколько общих правил: а) именно эта (текущая) тоска воспринимается как самое тяжелое переживание всей жизни, даже если в прошлом бывало и хуже; б) тоска всегда явление временное, хотя кажется, что она никогда не кончится; в) проходя, тоска исчезает бесследно, но кажется, что психике нанесен непоправимый урон; г) вы уверены, что жизнь закончилась; на самом деле, тоска вполне излечима, едва ли есть другие нарушения психики, которые так же хорошо поддаются терапии [12].

Для описания переживания тоски в дополнение к семантическим методам мы рекомендуем использовать графический проективный метод. Результаты анализа рисунков сложнее поддаются обработке и формализации, чем в случае вербальных опросников [13]. Тем не менее интерпретация художественно-изобразительных произведений позволяет получить более полную информацию, учитывая, что изображение и вербальное сообщение тождественны с точки зрения семиотики. Графический проективный метод достаточно традиционен в возрастной и медицинской психологии. В частности, он широко используется для диагностики внутрисемейных отношений [14], личностных особенностей [15], исследования национальных стереотипов [16] и т.д. В последнее время появился ряд публикаций, где проективный рисунок использовался в качестве основного метода исследования [17].

В.И. Батов и соавторы [18: с. 154], исследуя детские рисунки на тему Чернобыля, утверждают, что необходимо создание формализованного языка описания изображений, так как только в этом случае описание становится основой однозначной психологической интерпретации рисунка. Автором разработан метод такого формализованного анализа изображений («Арт-экспресс»), основанный на последовательном выделении элементов трех пластов: внешней среды, внутренней формы и «психологической ткани» рисунка. Такой глубинный подход к анализу продуктов изобразительного

творчества показывает, что в них действительно содержатся некие инварианты, устойчивые конструкты психологической реальности, а главное, что возможно создание инструмента для их объективного «считывания».

В отличие от работы В.И. Батова, направленной на диагностику психического состояния авторов художественной продукции, исследование Е.Ю. Артемьевой, Г.А. Ковалева и Н.В. Семилет [19] посвящено изображению как инструменту измерения межличностных отношений. Авторы утверждают, что смысл объекта есть «след взаимодействия с ним (реального или мысленного), зафиксированного в виде отношения», и выдвигают предположение, что рисунок, изображающий определенный социальный объект, является носителем смысла, формой прямого выражения отношения к этому объекту [19]. Основанием для таких предположений служит особая роль формы как носителя устойчивой информации об отношениях. Графическая форма особенно хорошо передает отношение к объектам, индифферентным для человека на уровне сознания. Результаты исследования позволили авторам сделать следующий вывод: в рисунках содержится реальность отношений к изображенным объектам, связанная с реальностью прямых оценок, но, возможно, более глубокая, более удаленная от декларативных суждений. Данный вывод является теоретическим и методологическим обоснованием применения проективного рисунка для получения информации об анализируемом объекте.

Фоломеева Т.В. и Бартенева О.М. [20] разделили характеристики психологического рисунка на типичные для проекции личностных особенностей респондентов и для отражения образа анализируемого объекта. Авторы выделили категории рисунка, специфичные для отражения различных аспектов восприятия объекта («Композиция», «Предметность»), категорию, специфичную для отражения личностных свойств рисующего («Линии»), и категории, отражающие как восприятие объекта, так и личностные свойства респондента.

Категория «Композиция» отражает свойства структуры образа объекта (сформированность, устойчивость, конфликтность или гармоничность). Под композицией подразумевается взаимосвязь отдельных элементов рисунка, его структура. Для данной категории имеет значение расположение элементов на листе, симметрия или её отсутствие, наличие фона, целостность, динамичность или статичность, направленность и центрированность. Композиционные особенности отражают свойства структуры образа объекта, т.е. сформированность,

устойчивость, конфликтность или гармоничность образа.

В категории «Предметность» рассматривается наличие предметных образов (абстрактность/конкретность). Категория в целом отражает смысловую составляющую образа, т.е. раскрывает личностные смыслы объекта для респондентов. Категория «Плотность» отражает мотивационный компонент образа и в малой степени зависит от личностных особенностей респондентов. Категория «Цвет» является универсальной для выражения самых различных характеристик образа. Категория «Размер» отражает мотивационную характеристику субъекта восприятия, например интерес к объекту. Категория «Форма» отражает когнитивную составляющую образа, передает свойства самого объекта (активность, динамичность). Различаются округлая и острая, легкая и тяжелая формы. Важными также являются завершенность и повторяемость форм.

В ходе проведения проективного метода «Нарисуй тоску» было собрано 102 рисунка от испытуемых в возрасте от 17 до 53 лет. 85 рисунков было выполнено цветными карандашами, 9 рисунков выполнено простым карандашом, 8 рисунков выполнено шариковой ручкой. Для анализа содержания рисунков нами был создан алгоритм оценки рисунков. В результате анализа рисунков нами были выделены типичные изображения, связанные у испытуемых с понятием «тоска» и представленные в таблице.

Таблица

Изображения тоски по методике «Нарисуй тоску»

Изображение	Количество, ед.	Частота встречаемости, %
Человек	73	71,5
Погода	41	40,1
Лицо	32	31,3
Дом	42	41,1
Праздник	5	4,9
Слезы	39	38,2
Поезд, самолет	7	6,8
Море, река	11	10,7
Существо	12	11,7
Смерть	8	7,8
Одиночество	4	3,9
Абстракция	21	20,5
Космос	17	16,6
Ночь	9	8,8
Время, часы	2	1,9
Голод	1	0,9
Учеба	1	0,9
Отсутствие денег	1	0,9
Злость	3	2,9

Из всего количества полученных рисунков 79 рисунков (77,4 %) выполнены на целый лист, что свидетельствует о полноте переживания тоски. 14 рисунков (13,8 %) расположены на 1/2 листа. Из них 6 рисунков (5,8 %) смещены вниз и вправо и могут свидетельствовать о дискомфортном переживании тоски и устремленности в прошлое.

9 рисунков (8,8 %) от общего числа 102 выполнены менее чем на 1/4 листа, что говорит о низкой степени выраженности переживания тоски и, возможно, о «фрустрированности» данного состояния. Из 85 цветных рисунков 69 рисунков (81,1 %) выполнены тремя и более цветами (обычно это яркие, насыщенные цвета), 9 рисунков (10,6 %) выполнены двумя цветами (обычно это «холодные цвета»: черный, болотно-зеленый, коричневый, серый и др.). 7 рисунков (8,3 %) выполнены одним цветом (тоже одним из «холодных цветов»). В 6 из 9 рисунков, выполненных простым карандашом, различимы разные оттенки цвета от более темного к более светлому. В 5 из 8 рисунков, выполненных шариковой ручкой, тоже присутствует различие цвета.

Бесцветность изображения (использование простых карандашей и пр.) интерпретируется как негативное эмоциональное переживание изображаемого, может (при прочих условиях) свидетельствовать о формальном (когнитивном, не переживаемом) изображении. Разнообразие использованных цветов (1, 2, 3 и более) может свидетельствовать о разнообразии эмоциональных переживаний.

Анализ изображений на рисунках свидетельствует о том, что тоска свойственна прежде всего человеку (71,5 % опрошенных). Она может быть вызвана плохой погодой (40,1 % респондентов), обычно она ассоциируется с осенью и дождем, реже с зимой и снегом. 41,1 % опрошенных испытывают тоску по дому, находясь в другом месте. У 38,2 % респондентов проявлением тоски являются слезы; 31,3 % считают, что переживание тоски отражается на лице человека. 20,5 % респондентов представляют тоску как нечто абстрактное, расплывчатое, часто не имеющее четких границ, а 16,6 % опрошенных связывают тоску с понятием космоса. 11,7 % респондентов считают, что тоска является непонятным (часто фантастическим) существом.

Для 10,7 % опрошенных тоска является морем или рекой, в которые человек погружается, и они окутывают его. 6,8 % респондентов испытывают тоску, когда кто-то близкий (или ты сам) уезжает от родных, и у них тоска ассоциируется с самолетом, поездом. К 8,8 % опрошенных тоска приходит ночью, когда другие люди спят, и ты остаешься один на один со своей тоской. Связь тоски со смертью

прослеживается в рисунках 7,8 % опрошенных. 3,9 % респондентов связывают тоску с одиночеством. На 2,9 % рисунков видна связь тоски со злостью. Для 1,9 % опрошенных тоска ассоциируется с медленно текущим временем. По одному респонденту (0,9 %) связывают тоску с голодом, учебой и отсутствием денег.

Таким образом, арт-терапия позволяет человеку выразить то, что очень сложно рассказать при помощи слов. Это один из самых эффективных и в то же время самых мягких и глубоких методов, её можно отнести к наиболее древним и естественным формам коррекции эмоциональных состояний.

Список источников

1. World Health Organization. Mental health. URL: https://www.who.int/health-topics/mental-health#tab=tab_1 (дата обращения: 25.07.2024).
2. Арт-терапия – новые горизонты / под ред. А.И. Копытина. Москва : Когито Центр, 2006. 336 с.
3. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. 2-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 1024 с.
4. Колошина Т.Ю. Арт-терапия: Методические рекомендации. Москва : Изд-во Института психотерапии и клинической психологии, 2002. 84 с.
5. Шленков А.В. Возможности метода арт-терапии при оказании психологической помощи детям, пережившим чрезвычайные ситуации // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2016. № 1. С. 98–107.
6. Priebe S., Savill M., Wykes T. [et al.]: Clinical effectiveness and cost-effectiveness of body psychotherapy in the treatment of negative symptoms of schizophrenia: a multicentre randomised controlled trial. *Health Technol Assess.* 2016, 20: vii-xxiii, 1-100. doi:10.3310/hta20110
7. What is art therapy? URL: <https://www.verywellmind.com/what-is-art-therapy-2795755> (дата обращения: 25.07.2024).
8. Gazit I., Snir S., Regev D., Or MB: Relationships between the therapeutic alliance and reactions to artistic experience with art materials in an art therapy simulation. *Front Psychol.* 2021, 12:560957. 10.3389/fpsyg.2021.560957
9. Hu J, Zhang J, Hu L, Yu H, Xu J: Art therapy: a complementary treatment for mental disorders. *Front Psychol.* 2021, 12:686005. 10.3389/fpsyg.2021.686005
10. Van Lith T, Schofield MJ, Fenner P: Identifying the evidence-base for art-based practices and their potential benefit for mental health recovery: a critical review. *Disability and Rehabilitation.* 2013, 35:1309-23. 10.3109/09638288.2012.732188
11. Невструева Т.Х., Воробьева И.А. Психосемантический анализ переживания тоски : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2018. 320 с.
12. Пономарев С. Тоска зеленая. URL: <http://old.iamik.ru/15157.html> (дата обращения: 25.07.2024).
13. Ильин Е.П. Психофизиология физического воспитания: деятельность и состояния. Москва : Просвещение, 1980. 183 с.
14. Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков. Ленинград : Медицина, 1982. 274 с.
15. Хоментаскас Г.Т. Использование детского рисунка для исследования внутрисемейных отношений // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 165–171.
16. Иванова Т.В. Изучение этнических стереотипов с помощью проективных рисунков // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 71–82.
17. Романова Г.Е. Проективная методика «Чужие рисунки» // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 5. С. 90–97.
18. Батов В.И. Другому как понять себя: проблемы спорного авторства. Москва : Знание, 1991. 45 с.
19. Артемьева Е.Ю., Ковалев А.Г., Семилет Н.В. Изображение как инструмент измерения межличностных отношений // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 122–127.
20. Фоломеева Т.В., Бартенева О.М. Опыт применения проективной методики «Психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. Москва, 2000. С. 27–39.

References

1. World Health Organization. Mental health. URL: https://www.who.int/health-topics/mental-health#tab=tab_1 (accessed: 25.07.2024).
2. Art-terapiya – novye gorizonty [Art therapy – new horizons] / pod red. A.I. Kopytina. Moscow : Kogito Centr, 2006. 336 p. (in Russ.).
3. Psihoterapevticheskaya enciklopediya [Psychotherapeutic encyclopedia] / pod red. B.D. Karvasarskogo. 2-e izd. St. Petersburg : Piter, 2002. 1024 p. (in Russ.).
4. Koloshina T.YU. Art-terapiya: Metodicheskie rekomendacii [Art therapy: Methodological recommendations]. Moscow : Izd-vo Instituta psihoterapii i klinicheskoy psihologii, 2002. 84 p. (in Russ.).
5. Shlenkov A.V. Vozmozhnosti metoda art-terapii pri okazanii psihologicheskoy pomoshchi detyam, perezhivshim chrezvychajnye situacii [Possibilities of the art therapy method in providing psychological assistance to children who have survived emergency situations] // Mediko-biologicheskie i social'no-psihologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychajnyh situaciyah. 2016. № 1. P. 98–107. (in Russ.).
6. Priebe S., Savill M., Wykes T. [et al.]: Clinical effectiveness and cost-effectiveness of body psychotherapy in the treatment of negative symptoms of schizophrenia: a multicentre randomised controlled trial. *Health Technol Assess.* 2016, 20: vii-xxiii, 1-100. doi:10.3310/hta20110

7. What is art therapy? URL: <https://www.verywellmind.com/what-is-art-therapy-2795755> (accessed: 25.07.2024).
8. Gazit I., Snir S., Regev D., Or MB: Relationships between the therapeutic alliance and reactions to artistic experience with art materials in an art therapy simulation. *Front Psychol.* 2021, 12:560957. 10.3389/fpsyg.2021.560957
9. Hu J., Zhang J., Hu L., Yu H., Xu J.: Art therapy: a complementary treatment for mental disorders. *Front Psychol.* 2021, 12:686005. 10.3389/fpsyg.2021.686005
10. Van Lith T, Schofield MJ, Fenner P: Identifying the evidence-base for art-based practices and their potential benefit for mental health recovery: a critical review. *Disability and Rehabilitation* 2013, 35:1309-23. 10.3109/09638288.2012.732188
11. Nevstrueva T.H., Vorob'yova I.A. Psihosemanticheskiy analiz perezhivaniya toski [Psychosemantic analysis of the experience of melancholy] : monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. Habarovsk : Izd-vo Tihookeanskogo gos. un-ta, 2018. 320 p. (in Russ.).
12. Ponomarev S. Toska zelenaya [Green melancholy]. URL: <http://old.iamik.ru/15157.html> (accessed: 25.07.2024). (in Russ.).
13. Il'in E.P. Psihofiziologiya fizicheskogo vospitaniya: deyatelnost' i sostoyaniya [Psychophysiology of physical education: activity and states]. Moscow : Prosveshchenie, 1980. 183 p. (in Russ.).
14. Zaharov A.I. Psihoterapiya nevrozov u detej i podrostkov [Psychotherapy of neuroses in children and adolescents]. Leningrad : Medicina, 1982. 274 p. (in Russ.).
15. Homentauskas G.T. Ispol'zovanie detskogo risunka dlya issledovaniya vnutrisemejnyh otnoshenij [Using children's drawings to study intra-family relationships]. *Voprosy psikhologii.* 1986. № 1. P. 165–171. (in Russ.).
16. Ivanova T.V. Izuchenie etnicheskikh stereotipov s pomoshch'yu proektivnyh risunkov [Studying ethnic stereotypes using projective drawings]. *Voprosy psikhologii.* 1998. № 2. P. 71– 82. (in Russ.).
17. Romanova G.E. Proektivnaya metodika «CHuzhie risunki» [Projective technique “Other people's drawings”] // *Psikhologicheskiy zhurnal.* 1993. T. 14, № 5. P. 90–97. (in Russ.).
18. Batov V.I. Drugomu kak ponyat' sebya: problemy spornogo avtorstva [How to understand oneself: problems of disputed authorship]. Moscow : Znanie, 1991. 45 p. (in Russ.).
19. Artem'eva E.Yu., Kovalev A.G., Semilet N.V. Izobrazhenie kak instrument izmereniya mezhlichnostnyh otnoshenij [Image as a tool for measuring interpersonal relationships]. *Voprosy psikhologii.* 1988. № 6. P. 122–127. (in Russ.).
20. Folomeeva T.V., Barteneva O.M. Opyt primeneniya proektivnoj metodiki «Psihologicheskij risunok» v issledovanii vospriyatiya social'nyh ob"ektov [Experience of using the projective technique “Psychological drawing” in the study of the perception of social objects]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Ser. 14. Psihologiya.* 2000. P. 27–39. (in Russ.).

Информация об авторе

И.А. Воробьева – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

I.A. Vorobeva is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 159.923.2

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-70-75

ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анастасия Ивановна Антонова

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, antonovaai@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к изучению понятия жизнестойкости в научной литературе среди зарубежных и отечественных авторов. Понятие рассматривается как консолидирующее ресурсное состояние, при этом поднимается вопрос о статусе жизнестойкости как потенциального феномена. В статье также акцентируется внимание на взаимосвязи между жизнестойкостью и экзистенциальной исполненностью.

Ключевые слова: жизнестойкость, ресурс, экзистенциальная исполненность

Original article

THE PROBLEM OF RESILIENCE: AN ANALYTICAL REVIEW OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Anastasia I. Antonova

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, antonovaai@bk.ru

Abstract. The article examines the main approaches to studying the concept of resilience in the scientific literature among both international and domestic authors. The concept is viewed as a consolidating resource state, raising the question of its status as a potential phenomenon. The article also emphasizes the relationship between resilience and existential fulfillment.

Keywords: resilience, resource, existential fulfillment

Вопрос жизнестойкости становится все более важным в контексте современных социально-экономических и психологических реалий. На фоне глобальных вызовов, таких как экономические кризисы, пандемии, экологические катастрофы и социальные изменения, умение сохранять психологическую устойчивость и адаптироваться к изменениям приобретает особую значимость.

Жизнестойкость – это важный психологический ресурс, который позволяет человеку эффективно справляться с жизненными трудностями и стрессовыми ситуациями, поддерживать эмоциональное равновесие и продолжать личностное развитие. Понимание механизмов и возможностей регуляции этого процесса важно не только для индивидуального благополучия, но и для общественного здоровья в целом, поскольку жизнестойкие индивиды способны вносить большой вклад в устойчивое развитие социума.

В отечественной психологии исследование жизнестойкости приобрело большую актуальность в последние десятилетия, особенно в связи с социальными изменениями и экономическими трудностями. Именно поэтому важно рассмотреть, как

отечественные и зарубежные исследователи подходили к пониманию этого процесса.

Сравнительное изучение отечественных и зарубежных подходов к понятию жизнестойкости позволяет выявить как универсальные, так и культурно обусловленные аспекты этого феномена. Исследование отечественных и зарубежных литературных источников обладает высокой актуальностью, открывая новые горизонты для понимания и развития этого важного психологического ресурса.

Вопрос жизнестойкости изучается в психологии с использованием различных подходов, а именно [17]:

- экзистенциального подхода (В. Франкл, Э. Фромм, Д.А. Леонтьев и др.);
- ресурсного подхода (В.А. Бодров, Р. Лазарус, Сади, Дж. Фреди, С. Хобфолл и др.);
- субъектно-деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский и др.);
- системно-структурного подхода (А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Б.Г. Ананьев);
- психологии индивидуальности (направления современного «человека знания») (Б.Г. Теплов, В.С. Мерлин, Б.Г. Ананьев и др.);

– культурно-исторической концепции высших психических функций (Л.С. Выготский).

Впервые о таком понятии, как жизнестойкость, заговорили в 1979 г. американские психологи Сьюен Кобейс и Сальваторе Мадди. Они ввели в психологическую науку термин «hardiness». Этот термин, переводимый с английского как «выносливость», «устойчивость» или «закалённость», обозначает способность личности справляться со стрессовыми ситуациями, при этом сохранять внутреннее равновесие и не снижать свои достижения в деятельности. Данный термин С. Мадди ввел как аналог «отваге быть» по П.Тиллиху [10].

В дальнейших исследованиях С. Мадди включает в понимание жизнестойкости три компонента [11]:

1) вовлечение. Способность найти в деятельности то, что увлечет и позволит получать удовлетворение от процесса и результата;

2) контроль. Способность взять на себя ответственность и при необходимости оказать влияние на возникшую ситуацию, ее развитие и результат;

3) принятие риска. Способность человека адекватно воспринимать происходящие негативные события, консолидировать их в жизненный опыт, рост и развитие.

Позже Д.А. Леонтьев предложил перевод «hardiness» как «жизнестойкость». Он понимал данную дефиницию как комплексную характеристику личности, отражающую её способность успешно справляться с трудностями и стрессами на протяжении жизни. Он подчеркивал, что жизнестойкость не только включает в себя физическую и психологическую устойчивость, но и предполагает активное восприятие жизненных вызовов как возможностей для роста и развития. Леонтьев акцентировал внимание на том, что жизнестойкие люди обладают высокоразвитыми механизмами адаптации, что позволяет им сохранять внутреннее равновесие и продуктивность, невзирая на неблагоприятные обстоятельства. В этом контексте он рассматривал жизнестойкость как важный аспект психического здоровья, способствующий общему благополучию и успешной социализации индивида [8].

Основные аспекты в исследовании Д.А. Леонтьева:

1. Ценности и смыслы. Важным элементом его исследования является установка на позитивные ценности и смыслоориентированный подход. Леонтьев подчеркивает, что наличие четких жизненных целей и ценностей помогает людям справляться с кризисами, так как дает им направление и мотивацию.

2. Стратегии совладания. Исследование также акцентирует внимание на различных стратегиях,

которые люди используют для преодоления стресса. Леонтьев выделяет конструктивные методы, такие как планирование, поиск поддержки и позитивное мышление.

3. Влияние социальных факторов. В его работах рассматривается влияние социальных взаимодействий и поддержки на жизнестойкость. Он подчеркивает, что наличие крепких социальных связей может значительно повысить устойчивость человека к негативным воздействиям [9].

Поскольку на сегодняшний день в Большом психологическом словаре отсутствует дефиниция «жизнестойкость», определение Д.А. Леонтьева является наиболее точно раскрывающим смысл данного понятия. Важно отметить, что среди психологов также нет единого мнения по определению и проблеме жизнестойкости.

На раннем этапе существования концепции жизнестойкости исследователями применялись различные альтернативные термины, такие как жизнетворчество, жизнеспособность, мужество творить, укорененность в бытии, зрелость, упрямство духа, экзистенциальное мужество, антихрупкость и др. Какие же общие черты можно выделить среди этих понятий? В соответствии со словарем жизнетворчество представляет собой процесс создания и преобразования жизни. Жизнеспособность относится к способности существовать и развиваться, что связано с адаптацией к условиям жизни. Зрелость определяет состояние, при котором обеспечивается гармоничная взаимозависимость элементов социальной системы и высокая эффективность её функционирования. Антихрупкость, в свою очередь, обозначает состояние объектов или систем, которые извлекают пользу из встрясок и, наоборот, процветают и развиваются, сталкиваясь с переменами, случайностями, неопределенностью, стрессами и эмоциональными переживаниями [3].

Л.А. Александрова подчеркивает, что жизнестойкость включает в себя не только устойчивость к негативным воздействиям, но и способность к личностному росту и развитию. Она рассматривает это понятие как динамическое качество, которое может меняться в зависимости от жизненного опыта, условий среды и особенностей личности.

Также в ее исследованиях существенное внимание уделяется роли социальных факторов, таких как поддержка со стороны окружающих и наличие позитивного жизненного опыта. Александрова выделяет ключевые компоненты жизнестойкости, включая оптимизм, целеустремленность, уверенность в себе и социальные навыки [2].

Эрих Фромм рассматривал жизнестойкость не только как способность преодолевать трудности, но и как активное стремление к самореализации и смыслу в жизни. Он подчеркивал важность внутренней свободы и самостоятельности в этом процессе. В его трудах можно выделить ряд аспектов, которыми он наполнил понятие.

- **Любовь и связанные отношения.** Фромм утверждает, что истинная любовь – это не просто эмоциональная привязанность, а активное стремление к благополучию другого человека. Это создает социальные связи, которые могут служить источником поддержки и устойчивости в трудные времена.

- **Свобода и ее парадоксы.** Для Фромма жизнестойкость также включает в себя способность принимать ответственность за свои выборы и находить смысл в условиях неопределенности.

- **Аутентичность.** Фромм подчеркивает значение способности быть верным самому себе. Аутентичные личности, по его мнению, более устойчивы и способны справляться с жизненными вызовами, так как они не поддаются внешним давлениям и ожиданиям.

- **Роль культуры.** Фромм также исследовал, как культурные и социальные факторы влияют на жизнестойкость. Он указывал на необходимость критического подхода к культуре потребления и материализму, утверждая, что глубокие моральные и этические ценности могут укрепить внутреннюю устойчивость человека.

- **Психологическая зрелость.** Фромм выделял концепцию психологической зрелости, которая включает в себя как способность к сотрудничеству и любви, так и способность к критическому мышлению и независимости. Эти качества являются важными для жизнестойкости, позволяя человеку эффективно адаптироваться к изменениям и вызовам [15, 16].

В статье об исследовании концепции жизнестойкости С. Мадди авторы рассматривают жизнестойкость со стороны мужества и веры и утверждают, что жизнестойкость – это «мужество быть собой». Также авторы делают вывод, что парадокс жизнестойкости заключается в том, что она не может в полной мере принять тревогу небытия без своей второй составляющей – «мужеству быть частью». Однако ни мужество «быть частью», ни мужество «быть собой» в одиночку не способны полностью справиться с тревогой небытия. Их объединяет одно – акт безусловной веры [12; 14].

Для формирования жизнестойкости также немаловажен эмоциональный интеллект. Н.С. Крас-

нопольская активно исследует взаимосвязь жизнестойкости и эмоционального интеллекта (EI). В своих исследованиях она трактует жизнестойкость как сложное психоэмоциональное состояние, характеризующееся способностью к адаптации и преодолению трудностей. Она выделяет несколько ключевых компонентов жизнестойкости, включая устойчивость к стрессу, оптимизм и активную жизненную позицию.

Краснопольская рассматривает EI как способность идентифицировать, оценивать и управлять своими и чужими эмоциями. Эмоциональный интеллект включает в себя навыки эмоциональной саморегуляции, эмпатии и межличностного взаимодействия. Исследования показывают, что высокий уровень эмоционального интеллекта способствует развитию жизнестойкости. Люди с развитыми навыками EI чаще проявляют адаптивное поведение в стрессовых ситуациях, так как они способны лучше управлять своими эмоциями и понимать эмоциональные состояния окружающих [6; 7].

Исследование О.В. Алифиренко и Г.Н. Уваровой посвящено анализу взаимосвязи компонентов жизнестойкости с такими личностными характеристиками, как целеустремленность, инициативность, самостоятельность и уверенность. Целеустремленность является одним из ключевых факторов, влияющих на уровень жизнестойкости. Целеустремленные люди, как правило, имеют более четкое представление о своих целях и задачах, что позволяет им лучше адаптироваться к жизненным трудностям и сохранять мотивацию в сложных ситуациях. Алифиренко и Уварова подчеркивают, что инициативность связана с активным подходом к жизни. Люди, проявляющие инициативу, чаще берут на себя ответственность за свои действия и решения, что положительно сказывается на их жизнестойкости. Они более склонны к поиску возможностей и нахождению конструктивных решений в кризисных ситуациях. Исследование выделяет самостоятельность как важный аспект, способствующий развитию жизнестойкости. Самостоятельные люди обладают хорошими навыками самоорганизации и могут полагаться на себя в принятии решений, что помогает им лучше справляться со стрессом и преодолевать препятствия. Уверенность в себе часто становится основой для жизнестойкости. Исследования показывают, что люди с высоким уровнем уверенности способны легче преодолевать трудности, так как они верят в свои силы и ресурсы для решения проблем [1].

Во многих современных исследованиях авторы указывают на то, что жизнестойкость – это фено-

мен. Если обратиться к Большому толковому словарю русского языка, то феномен – это необычное, особенное явление, редкий факт [18]. Такое понимание феномена в контексте жизнестойкости означает, что у определенного процента людей она должна отсутствовать вовсе. В последних периодических изданиях неоднократно проводились исследования на выявление уровня жизнестойкости, ее установок, личностных смыслов и т.д. у различных социальных слоев населения, и ни одно из этих исследований не показало полного отсутствия жизнестойкости. Здесь важно отметить, что для исследований категория жизнестойкости уровневая. Следовательно, если мы измеряем уровни жизнестойкости и соответствующие этим уровням критерии личности, мы можем сказать о том, что жизнестойкость – это ресурс, в той или иной степени проявляющийся при стрессовой ситуации. До наступления определенных жизненных обстоятельств человек может не осознавать, насколько он способен ее проявить.

О жизнестойкости как базовом ресурсе преодоления говорила в своих работах Л.Б. Воронкина. Она определяет это понятие как систему личностных качеств и ресурсов, которые помогают человеку адаптироваться к стрессовым ситуациям и выходить из них с положительными результатами. Исследование акцентирует внимание на том, что данный ресурс не является статичным качеством, а может развиваться и изменяться на протяжении жизни [4].

Как личностно-психологический ресурс жизнестойкость была рассмотрена в работах Е.И. Рассказовой. Она подчеркивает важность этого качества для формирования устойчивой мотивации. Рассказова опирается на существующие теории и концепции, такие как теория самодетерминации и модель адаптивного поведения. Она выделяет жизнестойкость как один из компонентов, способствующих формированию внутренней мотивации, что, в свою очередь, положительно влияет на достижение целей. В исследованиях подчеркивается, что жизнестойкость помогает людям формировать и поддерживать мотивацию в условиях неопределенности и стресса. В рамках своей работы Рассказова проводила опросы и эксперименты, чтобы оценить уровень жизнестойкости у различных групп людей и установить связь между жизнестойкостью и уровнем достижения личных и профессиональных целей. Результаты показывают, что жизнестойкость и внутренняя мотивация взаимосвязаны: люди с высоким уровнем жизнестойкости чаще демонстрируют высокую мотивацию к действию [13].

Рассмотрение жизнестойкости как ресурса, проявляющегося в той или иной степени на протяжении жизни человека, подводит нас к тому, что он зависит от экзистенциальных критериев, представляющих собой внутренние убеждения и установки, которые помогают индивиду справляться с жизненными трудностями, придавая смысл и цель его существованию. Эти критерии могут значительно варьироваться в зависимости от личного опыта, культурного контекста и индивидуальных ценностей:

- смысла жизни;
- принятия неопределенности;
- способности к самоанализу;
- чувства самости и честности перед собой;
- надежды и оптимизма;
- ценности взаимодействия;
- стремления к саморазвитию.

Экзистенциальные критерии жизнестойкости помогают людям находить внутренние ресурсы для преодоления жизненных трудностей. Эти аспекты не только способствуют адаптации, но и формируют глубокое понимание жизни, что необходимо для достижения гармонии и устойчивости в современном мире. Развитие этих критериев может стать мощным инструментом личностного роста и повышения качества жизни.

Комарова О.Н. и Березкин А.А. провели исследование, в котором отследили взаимосвязь между жизнестойкостью и уровнем экзистенциальной исполненности личности, и сделали вывод о наличии связи между ощущениями человека, касающимися среды его обитания, возможностями для самореализации, справедливым отношением к самому себе, и убеждением в том, что активное участие в жизни предоставляет шанс обнаружить нечто значимое. Кроме того, борьба воспринимается как способ воздействия на события, а любой полученный опыт рассматривается как полезный для его личностного роста. Личность, гармонирующая с собой и окружающей средой, будет успешно преодолевать стресс и избегать чувства внутреннего напряжения [5].

В заключение нашего аналитического обзора мы можем констатировать, что изучение жизнестойкости в психологии находит широкое отражение как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Анализ трудов различных авторов показывает, что в основном жизнестойкость рассматривается в определенных контекстах.

- Преодоление стресса. Многие исследователи подчеркивают способность индивидов справляться с негативными жизненными ситуациями и восстанавливаться после пережитых трудностей. В этом

аспекте жизнестойкость рассматривается как ключевой фактор, обеспечивающий психологическое здоровье и устойчивость.

- Стремление к обретению смысла жизни и самореализации. Другие авторы акцентируют внимание на роли жизнестойкости в поиске и достижении жизненных целей. Именно в процессе самореализации и осознания глубины своего бытия индивиды развивают способность к жизнестойкости, что также может привести к повышению общего качества жизни.

- Мужество и вера. Исследования показывают, что жизнестойкость тесно связана с личной убежденностью и верой в себя, что создает внутреннюю опору в сложных ситуациях. В этом контексте мужество выступает как важный компонент, позволяю-

щий индивиду осуществлять активные действия, несмотря на неблагоприятные обстоятельства.

Тем не менее стоит отметить, что на современном этапе исследования не акцентируют внимание на жизнестойкости как на консолидирующем ресурсном состоянии, которое, в свою очередь, воспринимается как результат экзистенциальной исполненности личности. Такой подход может существенно расширить понимание жизнестойкости, содействуя более целостному взгляду на ее роль в психологическом функционировании индивида. В будущем исследователи могли бы углубить свои изыскания в этом направлении, исследуя взаимосвязь между жизнестойкостью и экзистенциальным смыслом, что могло бы обогатить существующие теории и практические рекомендации в области психологии.

Список источников

1. Алифиренко О.В., Уварова Г.Н. Влияние волевой регуляции, самоконтроля на жизнестойкость студентов // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 54. С. 44–52.
2. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. : электрон. журн. 2003. № 2. С. 82–90.
3. Антонова А.И. Смысложизненные ориентации в структуре жизнестойкости субъекта // International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Т. 7, № 3. С. 196–204.
4. Воронкина Л.Б. Обеспечение социальной безопасности в условиях экстремальных ситуаций // Университетские чтения. Пятигорск, 2015. С. 17–21.
5. Комарова О.Н., Березкин А.А., Семина А.О. Соотношение экзистенциальной исполненности и жизнестойкости (на примере студентов педагогического университета) // Психология в моей будущей профессии : тезисы III Межвузовской студенческой научно-практической конференции. Москва : МГПУ, 2019. С. 14–22.
6. Краснополянская Н.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и удовлетворенности жизнью студентов вуза // Вестник БГУ. 2011. № 1. С. 231–236.
7. Краснополянская Н.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и жизнестойкости студентов вуза // Вестник БГУ. 2012. № 1 (2). С. 150–154.
8. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. Москва : Смысл, 2006. 63 с.
9. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика. Москва, 2011. С. 178–209.
10. Леонтьев Д.А. Введение: личностный потенциал как объект изучения // Личностный потенциал. Структура и диагностика. Москва : НПФ «Смысл», 2011. С. 5–11.
11. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений / под ред. Д.А. Леонтьева ; пер. с англ. Е.Н. Осина // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–102.
12. Митрофанова Е.Н. «Два мужества»: к концепции жизнестойкости С. Мадди // Психологические и педагогические науки // Вестник ПГГПУ. 2018. № 1.
13. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
14. Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное. Москва : Юрист, 1995. С. 7–131.
15. Фромм Э. Искусство любить. Исследование природы любви / пер. Л.А. Чернышевой. Москва : Педагогика, 1990. 64 с.
16. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. А.В. Александрова. Москва : АСТ, 2022. 288 с.
17. Чурилкина Е.Э. Теоретический анализ отечественных и зарубежных взглядов на жизнестойкость (феномен жизнестойкости) // Психология без границ: теория и практика : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Уфа, 2022. С. 168–174.
18. Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%84%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%84%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 24.09.2024).

References

1. Alifirenko O.V., Uvarova G.N. Vliyanie volevoy regulyatsii, samokontrolya na zhiznestoykost' studentov // Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya. 2016. No. 54. P. 44–52.
2. Aleksandrova L.A. K kontseptsii zhiznestoykosti v psikhologii // Sibirskaya psikhologiya segodnya : sb. nauch. tr.: elektron. zhurn. 2003. No. 2. P. 82–90.

3. Antonova A.I. Smyslozhiznennyye orientatsii v strukture zhiznestoykosti sub'yekta // International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Vol. 7, no. 3. P. 196–204.
4. Voronkina L.B. Obespechenie sotsial'noy bezopasnosti v usloviyakh ekstremal'nykh situatsiy // Universalitetskiye chteniya. Pyatigorsk, 2015. P. 17–21.
5. Komarova O.N., Berezkin A.A., Semin A.O. Sootechshenie ekzistentsial'noy ispolnennosti i zhiznestoykosti (na primere studentov pedagogicheskogo universiteta) // Psikhologiya v moyey budushchey professii / Tezisy III Mezhvuzovskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moscow : MGPU, 2019. 3. 14–22.
6. Krasnopol'skaya N.S. Vzaimosvyaz' emocional'nogo intellekta i udovletvorennosti zhiznyu studentov vuza // Vestnik BGU. 2011. No. 1. P. 231–236.
7. Krasnopol'skaya N.S. Vzaimosvyaz' emocional'nogo intellekta i zhiznestoykosti studentov vuza // Vestnik BGU. 2012. No. 1 (2). P. 150–154.
8. Leont'yev D. A., Rasskazova E. I. Test zhiznestoykosti. Moscow : Smysl, 2006. 63 p.
9. Leont'yev D.A., Rasskazova E.I. Zhiznestoykost' kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala // Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika. Moscow, 2011. P. 178–209.
10. Leont'yev D.A. Vvedenie: lichnostnyy potentsial kak ob'ekt izucheniya // Lichnostnyy potentsial. Struktura i diagnostika. Moscow : NPF «Smysl», 2011. P. 5–11.
11. Maddi S. Smysloobrazovaniye v protsesse prinyatiya resheniy / pod red. D.A. Leont'yeva ; per. s angl. E.N. Osina // Psikhologicheskyy zhurnal. 2005. Vol. 26, No. 6. P. 87–102.
12. Mitrofanova E.N. «Dva muzhestva»: k kontseptsii zhiznestoykosti S. Maddi // Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki. Vestnik PGGPU. 2018. No. 1.
13. Osin E.N., Rasskazova E.I. Kratkaya versiya testa zhiznestoykosti: psikhometricheskie kharakteristiki i primeneniye v organizatsionnom kontekste // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2013. No. 2. P. 147–165.
14. Tillikh P. Muzhestvo byt' // Tillikh P. Izbrannoe. Moscow : Yuridicheskaya literatura, 1995. P. 7–131.
15. Fromm E. Iskusstvo lyubit' / per. L.A. Chernyshevoy. Moscow : Pedagogika, 1990. 64 p.
16. Fromm E. Begstvo ot svobody / per. A.V. Aleksandrova. Moscow : AST, 2022. 288 p.
17. Churilkina E.E. Teoreticheskyy analiz otechestvennykh i zarubezhnykh vzglyadov na zhiznestoykost' (fenomen zhiznestoykosti) // Psikhologiya bez granits: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ufa, 2022. P. 168–174.
18. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%84%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%84%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD&mode=slovari&dicts[]=42) (accessed: 24.09.2024).

Информация об авторе

А.И. Антонова – аспирант кафедры общей, юридической и инженерной психологии.

Information about the author

A.I. Antonova is a Postgraduate student of the Department of General, Legal, and Engineering Psychology.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕСУРСНОГО ПОДХОДА

PERSONALITY PSYCHOLOGY

ISSUES IN PERSONALITY PSYCHOLOGY IN THE CONTEXT OF THE RESOURCE APPROACH

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-76-80

СУБЪЕКТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА САМОПРИНЯТИЯ

Татьяна Сергеевна Пилипенко^{1✉}, Евгений Валерьевич Чепиков²

^{1,2}Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова, Хабаровск, Россия

¹tapily@mail.ru✉

Аннотация. Осуществлен краткий обзор проблемы феномена самопринятия в зарубежной, отечественной психологии. Авторы отмечают, что на протяжении длительного периода данный феномен определялся как активный процесс, способствующий целостности личности, её самосовершенствованию, самоопределению. Отечественными психологами С.М. Колковой, С.М. Рогожниковой определены два вида самопринятия: условное, связанное с принятием эмоций, чувств, реально действующих мотивов, и безусловное, связанное с принятием всего спектра эмоциональных переживаний, способствующих самосовершенствованию личности. В статье акцентировано внимание на исследовании видов самопринятия с позиции субъектного подхода. Личность с условным самопринятием характеризуется сниженной активностью как в интерперсональном, так и интраперсональном пространстве, зависимостью от социальных установок с внешнеобвиняющими реакциями на жизненные ситуации, недостаточной способностью к принятию своих особенностей. Личность с безусловным самопринятием склонна к проявлению преобразующей активности во всех сферах жизнедеятельности, осознанности в принятии как достоинств, так и недостатков, широкого спектра эмоциональных переживаний. Авторы предполагают, что особенности видов самопринятия проявляются в выраженности таких субъектных характеристик, как активность, автономность, целостность, самооценочность. С целью определения наличия (отсутствия) разницы в выраженности субъектных характеристик у респондентов с условным и безусловным самопринятием проведено эмпирическое исследование с использованием психодиагностических методик: многомерного опросника исследования самооотношения С.Р. Пантеева, самоактуализационного теста Э. Шострома, адаптированного Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозманом, М.В. Загикой, М.В. Крозом, а также методики исследования уровня развития субъектности личности М.А. Шукиной. Анализ полученных результатов осуществлялся с использованием критерия Колмогорова–Смирнова.

Ключевые слова: виды самопринятия, условное и безусловное самопринятие, субъектный подход, критерий Колмогорова–Смирнова

Original article

SUBJECTIVE CHARACTERISTICS OF THE PHENOMENON OF SELF-ACCEPTANCE

Tatana S. Pilipenko^{1✉}, Evgeniy V. Chepikov²

^{1,2}Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Khabarovsk, Russia

¹tapily@mail.ru✉

Abstract. A brief review of the problem of the phenomenon of self-acceptance in foreign and domestic psychology is carried out. The authors note that for a long period of time this phenomenon has been defined as an active process that contributes to the integrity of the personality, its self-improvement, self-determination. Russian psychologists S.M. Kolkova and S.M. Rogozhnikova have identified two types of self-acceptance: conditional, which is associated with the rejection of emotions, feelings, and real motives, and unconditional, which is related to the acceptance of the entire spectrum of emotional experiences that contribute to the self-improvement of the individual. The article focuses on the study of types of self-acceptance from the perspective of the subjective approach. A personality with conditional self-acceptance is characterized by reduced activity in both interpersonal and intrapersonal spaces, dependence on social attitudes with externally blaming reactions to life situations, and insufficient ability to accept its characteristics. A person with unconditional self-acceptance is prone to manifestation of transformative activity in all spheres of life, awareness in accepting both advantages and disadvantages, a wide range of emotional experiences. The authors suggest that the features of the self-acceptance

types are manifested in the expression of such subjective characteristics as activity, autonomy, integrity, self-worth. In order to determine the presence (absence) of a difference in the severity of subjective characteristics in respondents with conditional and unconditional self-acceptance, an empirical study was conducted using psychodiagnostic techniques: a multidimensional questionnaire for the study of self-attitude by S.R. Pantileev, the self-actualization test by E. Shostrom, adapted by Y.E. Alyoshina, L.Ya. Gozman, M.V. Zagika, M.V. Kroz, as well as methods of researching the level of development of personality subjectivity by M.A. Shchukina. The analysis of the obtained results was carried out using the Kolmogorov–Smirnov criterion.

Keywords: types of self-acceptance, conditional and unconditional self-acceptance, subjective approach, Kolmogorov–Smirnov criterion

Введение

Я-концепция является ядром функционирования личности, в связи с чем исследования её различных компонентов не теряют своей актуальности в современной науке. Самопринятие как компонент Я-концепции представляет несомненный интерес для психологии, так как играет особую роль в сохранении устойчивости Я-концепции, а непринятие себя является одной из причин деструктивного поведения человека.

При анализе зарубежных (А. Адлер, А. Бандура, П. Блос, Дж. Бьюдженталь, А. Маслоу, Р. Мэй, Ф.С. Перлз, К. Роджерс, Э. Фромм, Р. Хефферлин, К. Хорни, Э. Эриксон и др.) и отечественных (С.М. Колкова, Д.А. Леонтьев, В.Г. Маралов, С.Р. Пантеев, С.М. Рогожникова В.В. Столин) исследований самопринятие представляется как процесс, связанный с самоактуализацией и саморазвитием человека, в связи с чем можно предположить субъектную обусловленность данного феномена. В работах вышеперечисленных авторов подчеркивается, что принятие себя способствует активной жизнедеятельности человека. Однако проблемой в понимании феномена самопринятия являются императивные установки личности, которые нередко приводят к обратному процессу – стагнации в её развитии [4: с. 11]. Закономерно возникает вопрос о дефиците исследований характеристик видов принятия себя, которые будут способствовать самоактуализации человека, т.е. обладать субъектностью.

Впервые понятие «безусловное самопринятие» введено К. Роджерсом как особый психотерапевтический прием, связанный с принятием человека как уникальной индивидуальности без оценивания и критики, который является одним из основных принципов в работе психолога. В отечественной психологии исследованием видов самопринятия посвящены работы Е.П. Киселевой, С.М. Колковой, С.М. Рогожниковой. Авторы дали характеристики видам самопринятия: условному и безусловному [6: с. 33], исследовали возможности развития безусловного самопринятия [3: с. 43].

Вместе с тем в данных исследованиях не в полной мере представлен эмпирический анализ видов самопринятия, который позволил бы дифференци-

ровать условное и безусловное самопринятие в зависимости от выраженности характеристик, способствующих саморазвитию и самоактуализации человека, т.е. с позиции субъектного подхода [5: с. 58].

Организация и методы исследования

В рамках исследования, в котором приняло участие 128 респондентов, использовались методика исследования самоотношения С.Р. Пантеева и самоактуализационный тест Э. Шострома, в которых анализировалась шкала самопринятия, а также методика исследования уровня развития субъектности личности М.А. Щукиной. Для обработки полученных результатов, применялись количественный метод и сравнительный анализ. С целью выявления различий между группами респондентов с разными видами самопринятия и характеристиками субъектности использовался критерий Колмогорова–Смирнова.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе эмпирического исследования были сформированы две группы испытуемых: респонденты с низкими показателями уровня принятия себя (12,5 % всей выборки) и респонденты с высокими показателями уровня принятия себя (32,8 % всей выборки). Ориентируясь на трактовку уровней самопринятия в использованных методиках, можно отметить, что участники исследования с низкими показателями принятия характеризуются уничижительным отношением к себе, непринятием особенностей своей личности, акцентированием на недостатках, таким образом можно сделать вывод, что данной группе респондентов свойственно условное самопринятие. Респонденты с высокими показателями уровня самопринятия характеризуются принятием всех своих эмоций, чувств, индивидуальных и возрастных особенностей, что говорит о безусловном принятии себя.

Второй этап исследования был направлен на сравнительный анализ распределений результатов групп респондентов с разными видами самопринятия и основными характеристиками субъектности в соответствии с методикой М.А. Щукиной. Сравнительный анализ проводился по шкалам активности/реактивности, автономности/зависимости, целостности/неинтегративности, опосредованности/не-

посредственности, самооценности/малоценности, а также по общему уровню развития субъектности личности.

Анализ полученных результатов показал, что в группе респондентов с условным принятием себя значения общего уровня развития субъектности распределились на уровне ниже среднего у 56,3 % всей выборки, тогда как у респондентов с безусловным самопринятием этот показатель составил 7,1 % от всей выборки. Средние значения общего уровня субъектности у группы респондентов с условным самопринятием зафиксированы у 43,8 % испытуемых, у респондентов с безусловным самопринятием данный показатель составил 50,0 %. Необходимо отметить, что показатели выше среднего у респондентов с условным самопринятием отсутствуют, тогда как у 42,9 % испытуемых с безусловным принятием себя общий уровень развития субъектности выше среднего. Высоких значений общего уровня субъектности не получено ни в одной из групп, что может свидетельствовать о развитии субъектности испытуемых [1: с. 163]. Таким образом, у группы испытуемых с условным принятием себя зафиксированы сниженные показатели общего уровня развития субъектности, тогда как в группе респондентов с безусловным принятием отмечена тенденция к более высокому уровню развития субъектности.

Анализ распределения характеристик субъектности у респондентов с условным видом самопринятия показал, что наиболее значимые показатели получены по шкалам автономность/зависимость, целостность/неинтегративность, самооценности/малоценность. Так, например, 68,8 % респондентов с условным принятием себя показали высокий уровень зависимости от внешних оценок, социальных установок, испытуемые характеризуются несамостоятельностью при принятии решений, низким уровнем ответственности за свои действия. У 31,3 % участников исследования данный показатель ниже среднего уровня, что также свидетельствует о близости респондентов к объектному полюсу данного атрибута субъектности. 75 % респондентов данной группы склонны к проявлению неинтегративности, 25 % испытуемых обладают показателями целостности ниже среднего уровня. Также можно отметить, что 100 % респондентов данной группы оценили себя как людей, не представляющих ценности, не обладающих, по их мнению, какими-либо достоинствами. Значения ниже среднего получены у 81,3 % респондентов по шкале активность/реактивность, у 75,0 % участников исследования по шкале опосредованность/непо-

средственность, что говорит о принадлежности к объектным стратегиям в организации своей жизни.

Обобщая полученные результаты, мы определили средние значения показателей субъектности в группе респондентов с условным самопринятием. Анализ средних значений выявил, что показатели сконцентрировались на уровнях ниже среднего и низком. Средние значения показателя в группе по шкале автономность/зависимость составили 19,25 % (низкий уровень), по шкале целостность/неинтегративность – 16,75 % (низкий уровень), по шкале самооценности/малоценность – 14,50 % (низкий уровень), по шкале активность/реактивность – 25,00 % (ниже среднего уровня), по шкале опосредованность/непосредственность – 28,75 % (ниже среднего уровня).

У группы респондентов с безусловным самопринятием отмечается тенденция к более высоким значениям отдельных характеристик субъектности, вместе с тем полученные результаты отличаются неоднозначностью и требуют более детального анализа.

Так, например, у данной группы респондентов зафиксированы результаты как ниже среднего, так и низкие по следующим шкалам:

- активность/реактивность – 35,9 % участников (ниже среднего уровня);
- автономность/зависимость – 42,9 % участников (ниже среднего уровня) и 11,9 % участников (низкий уровень);
- целостность/неинтегративность – 35,7 % участников (ниже среднего уровня);
- опосредованность/непосредственность – 40,5 % участников (ниже среднего уровня);
- самооценности/малоценность – 23,8 % участников (ниже среднего уровня) и 9,5 % участников (низкий уровень).

Помимо этого в данной группе получены средние результаты по шкалам активность/реактивность – у 52,4 % испытуемых, автономность/зависимость – у 45,2 % выборки, у 54,8 % респондентов по параметрам субъектности целостность/неинтегративность и опосредованность/непосредственность, а также у 66,7 % испытуемых по шкале самооценности/малоценность.

Также у респондентов с безусловным самопринятием получены результаты выше среднего, которые зафиксированы у 11,9 % испытуемых по шкале активность/реактивность, у 9,5 % респондентов по шкале целостность/неинтегративность, у 4,8 % участников исследования по шкале опосредованность/непосредственность.

Данные результаты могут свидетельствовать о критичности респондентов с безусловным самопринятием в оценке собственной личности, стремлении к объективности, искренности.

Вместе с тем, обобщая полученные результаты, можно отметить следующее: средние значения показателя в группе по шкале активность/реактивность составляют 30,98 % (средний уровень), по шкале целостность/неинтегративность – 33,21 % (средний уровень), опосредованность/непосредственность – 30,41 % (средний уровень), самооценочность/малоценность – 28,98 % (средний уровень), по шкале автономность/зависимость – 26,74 % (ниже среднего уровня).

Таким образом, в результате сравнительного анализа распределения показателей самопринятия и параметров субъектности выявлено, что для респондентов с условным принятием себя характерна тенденция к низким показателям общего уровня субъектности и её основных характеристик. Испытуемые с высоким уровнем принятия себя отличаются тенденцией к более высоким значениям общего уровня развития субъектности и её отдельных характеристик (активность, автономность, целостность, самооценочность). Полученные результаты позволили предположить наличие разницы в выраженности субъектных характеристик у испытуемых с разными видами самопринятия. С целью более точного определения статистической значимости в различиях между двумя группами респондентов на третьем этапе исследования проведен анализ с использованием критерия Колмогорова–Смирнова. Выдвинута гипотеза о том, что отличия по отдельным характеристикам субъектности у респондентов с разными видами принятия себя отсутствуют.

В ходе исследования наиболее значимые результаты получены по шкалам целостность/неинтегративность и самооценочность/малоценность – асимптотическая значимость составила 0,000. Полученные данные свидетельствуют, что участники исследования с условным принятием себя характеризуются недостаточной способностью к принятию индивидуальных и индивидуальных особенностей, разных по своей модальности эмоций и наличных переживаний, склонностью к пренебрежению собственной персоной. Тогда как респондентам с безусловным принятием характерен высокий уровень самооценочности, а также способность принимать по-

ложительные и отрицательные особенности личности в их целостности.

Различия получены по шкале автономность/зависимость, уровень асимптотической значимости составил 0,017. Данные свидетельствуют, что респонденты с условным самопринятием социально зависимы, в ситуации неуспеха склонны перекладывать ответственность на «объективные» обстоятельства, других людей. Респонденты с безусловным принятием себя способны нести персональную ответственность за принятие решений, устойчивы в своем мнении, обладают равновесным пониманием разницы между внешним и внутренним локусом контроля.

Эмпирические группы различаются по шкале активность/реактивность, уровень асимптотической значимости составил 0,047. Данные показатели свидетельствуют об инертности в организации своей жизнедеятельности группы респондентов с условным самопринятием, тогда как противоположная группа характеризуется самостоятельностью в инициировании своей активности в разных сферах жизни.

Необходимо отметить, что значимых различий между двумя исследуемыми группами не получено по шкале опосредованность/непосредственность, уровень асимптотической значимости составил 0,126. На основании полученных данных можно предположить, что испытуемым с разными видами самопринятия свойственны как прогнозирование при принятии решений, так и проявление спонтанности. Вместе с тем полученные результаты требуют более детального исследования в данном направлении.

Зафиксировано, что уровень асимптотической значимости по общему уровню развития субъектности составил 0,007, что свидетельствует о более выраженной субъектности группы респондентов с безусловным самопринятием.

Вывод

Итак, выдвинутая гипотеза об отсутствии значимых различий у исследуемых групп с разными видами самопринятия отклоняется. Таким образом, можно утверждать, что особенности видов принятия себя проявляются в выраженности их субъектных характеристик: субъектной активности, целостности, самооценочности, автономности.

Список источников

1. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и значение категории субъекта // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.А. Астафьева. 2016. № 4. С. 162–168.
2. Киселева Е.П. Самопринятие и стремление к самосовершенствованию субъектов образовательного процесса вуза как фактор направленности учебной мотивации студентов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2008. 26 с.

3. Колкова С.М. Безусловное самопринятие как фактор развития гуманистических качеств личности будущих психологов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2006. 20 с.
4. Пилипенко Т.С. Самопринятие как личностный ресурс жизнестойкости субъекта : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2023. 26 с.
5. Пилипенко Т.С. Самопринятие: от личностной характеристики к характеристике субъекта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. 2021. № 2 (45). С. 54–59.
6. Рогожникова С.М. Взаимодействие самопринятия и тенденции к самосовершенствованию как фактор развития коммуникативной компетентности педагога : дис. ... канд. психол. наук. Череповец, 2002. 189 с.
7. Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия: теория, современная практика и применение Москва : Психотерапия, 2007. 560 с.
8. Прихожан А.М. Психология неудачника: тренинг уверенности в себе. Москва : Сфера, 1997. 192 с.
9. Щукина М.А. Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 2. С. 7–22.

References

1. Abulkhanova K.A. Ideological meaning and meaning of the category of the subject // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.A. Astafiev. 2016. No. 4. P. 162–168.
2. Kiseleva E.P. Self-acceptance and striving for self-improvement of subjects of the educational process of the university as a factor in the orientation of students' educational motivation : abstract. ... cand. psychological sciences. Kursk, 2008. 26 p.
3. Kolkova S.M. Unconditional self-acceptance as a factor in the development of humanistic personality qualities of future psychologists : abstract. ... cand. psychological sciences. Krasnoyarsk, 2006. 20 p.
4. Pilipenko T.S. Self-acceptance as a personal resource of the subject's resilience : abstract. ... cand. psychological sciences. Khabarovsk, 2023. 26 p.
5. Pilipenko T.S. Self-acceptance: from a personal characteristic to a characteristic of a subject // Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Pedagogy. Psychology. 2021. No. 2 (45). P. 54–59.
6. Rogozhnikova S.M. The interaction of self-acceptance and the tendency to self-improvement as a factor in the development of a teacher's communicative competence : dis. ... cand. psychological sciences. Cherepovets, 2002. 189 p.
7. Rogers K. Client-centered psychotherapy: theory, modern practice and application Moscow : Psychotherapy, 2007. 560 p.
8. Prikhozhan A.M. Psychology of a loser: self-confidence training. Moscow : Sphere, 1997. 192 p.
9. Shchukina M.A. A subjective approach to personal self-development: possibilities of theoretical understanding and empirical study // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2014. Vol. 11, No. 2. P. 7–22.

Информация об авторах

- Т.С. Пилипенко – кандидат психологических наук, начальник отделения психологической работы отдела морально-психологического обеспечения;
- Е.В. Чепиков – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин.

Information about the authors

- T.S. Pilipenko is Candidate of Science (Psychology), Head of Psychological Work Department of Moral and Psychological Support Division;
- E. V. Chepikov is Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 159.97; 159.94
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-81-86

САМООТНОШЕНИЕ И SELF-СИСТЕМА ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРЕССА

Нелли Ивановна Анчукова¹, Ксения Александровна Масленникова²

^{1, 2} Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹nian@mail.kht.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7498-4116>

²kseniamaslennikova14@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема переживания психологического стресса личностью, анализируется его связь с характеристиками самоотношения и составляющими self-системы. Приводится теоретический анализ конструктов, положенных в основу исследования, в котором принимали участие молодые респонденты женского пола. Результаты эмпирической части работы и корреляционный анализ подтверждают выдвинутую гипотезу. Авторы дают описание выявленных взаимосвязей качественных характеристик самоотношения, показателей нарциссизма и уровня психической напряженности. Результаты работы будут полезными для психологов, исследователей и специалистов в области психологии.

Ключевые слова: психологический стресс, самоотношение, нарциссизм, self-система

Original article

SELF-ATTITUDE AND SELF-SYSTEM OF PERSONALITY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF PERSONAL RESOURCES FOR EXPERIENCING STRESS

Nelly I. Anchukova¹, Ksenia A. Maslennikova²

^{1, 2} Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹nian@mail.kht.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7498-4116>

²kseniamaslennikova14@gmail.com

Abstract. This article examines the problem of psychological stress experienced by an individual, analyzes its relationship with the characteristics of self-attitude and the components of the self-system. It provides a theoretical analysis of the constructs underlying the study, which involved young female respondents. The results of the empirical part of the work and the correlation analysis confirm the hypothesis proposed. The authors describe the identified relationships between the qualitative characteristics of self-attitude, indicators of narcissism and the level of mental stress. The results of the work will be useful for psychologists, researchers and specialists in the field of psychology.

Keywords: psychological stress, self-attitude, narcissism, self-system

В современном динамично развивающемся мире стресс повсеместен, его распространение обусловлено огромным потоком информации, требованиями к конкурентоспособности личности со стороны общества, повышением общей социальной напряженности и темпа жизни. Как следствие, стресс сопровождает человека непрерывно. Преодоление тревожности, невротических симптомов и эмоциональной нестабильности является наиболее актуальным запросом клиентов в психологической практике. В связи с этим появляется запрос на широкие научные разработки и эмпирические исследования тематики личностных ресурсов в преодолении стресса.

В возрасте ранней взрослости, на этапе активной социализации крайне важно научиться осознанно справляться с трудными ситуациями на уровне эмоциональной, физиологической и поведенческой реакции для развития дальнейшей благоприятной профессиональной и жизненной адаптации. Образ Я, self-система и самоотношение личности, по мнению многих исследователей, играют важную роль в решении этих задач, выступая в качестве значимого ресурса. Эмпирический и научный интерес представляют качественные характеристики взаимосвязи различных аспектов самоотношения со стратегиями, которые используются личностью в преодолении стресса.

Повышение уровня самоотношения формирует психическую устойчивость и способствует развитию способности сопротивления стрессу, его результативного преодоления. Только позитивное самоотношение формирует реальное восприятие действительности и оценку соразмерности своего потенциала для реагирования на стрессогенные факторы и их преодоления [1].

Если самоотношение можно рассматривать как проявление когнитивных и эмоциональных аспектов образа Я, то понятие Self представляется конструктом, включающим в себя более широкие проявления целостной системы личности.

Self – это психоаналитическое понятие, содержащее в себе целостность личности, её единство, оно включает в себя осознаваемую сферу, которая является определенной стержневой составляющей личности, включающей помимо этого и другие жизненные компоненты, такие как способы мышления, адаптации, память, интеллект и т.д. [2].

Self-система – это динамическая структура, процесс формирования которой определяет вовлеченность личности в ситуацию, принятие ситуации и действия по отношению к ситуации. Она включает представления личности о самой себе, образ себя, необходимый для ориентации на взаимодействие со своим окружением. При стабильном функционировании self-системы личность чувствует себя ответственной за происходящее, при дисбалансе составляющих системы личность затрудняется либо неспособна выбрать адекватный способ поведения [3].

Таким образом, мы имеем дело с организованной системой внутреннего мира человека, центром которой является его собственная личность. Все элементы данной системы связаны между собой, и поэтому изменение одного элемента непременно приведет к изменениям всей системы. Особенность данной системы состоит в постоянном изменении, т.е. она никогда не находится в состоянии спокойствия или неподвижности, так как именно эта система организует в себе проходящий всю жизнь процесс.

К направлениям регуляции self-системы относят удовлетворение чувственно-телесной либо другой физиологической потребности, удовлетворение потребности в собственной уверенности/безопасности, удовлетворение потребности в стабильной самооценке, удовлетворение потребности в придании смысла и в смысловом опыте жизни, удовлетворение потребности в освоении новых возможностей, в новых формах чувств, переживаний, новых формах самовыражения [2].

Перманентно протекающие процессы регуляции следуют двум вышестоящим мотивационным диалектически направленным принципам. Данные процессы имеют единую цель, а именно достижение состояния покоя и равновесия, что наиболее важно в современном мире, наполненном стрессом и постоянным напряжением. Таким образом, одна часть процессов направлена на достижение равновесия, а другие требуют от него удаления, ищут неожиданностей и нового опыта – именно так достигается равновесие, что и является целью регуляции [2].

Разумный баланс в self-системе может достигаться за счет так называемого здорового нарциссизма, построенного на самоуважении и самопринятии, ощущении самодостаточности. Нарциссическая регуляция – это поддержание равновесия относительно чувства внутренней стабильности, ценности себя, уверенности в себе, хорошего самочувствия и самовлюбленности, т.е. всех чувств в отношении самого себя, которые и получили название Self [4].

Нарциссизм в его «нездоровом» проявлении – свойство характера, заключающееся в чрезмерной самовлюбленности и завышенной самооценке, не соответствующей при этом действительности. Причины нарциссизма исходят из раннего детства, и первопричиной его появления становится чрезмерная либо недостаточная любовь родителей.

Основным симптомом проявления нарциссизма является нестабильное чувство собственной ценности – чрезмерно завышенное или чрезмерно заниженное (второе крайняя редкость). Для поддержания такого нестабильного чувства человеку необходимо развивать и использовать компенсаторные механизмы, которыми выступают идеализация, могущество, отрицание, регрессия и т.д. [2].

Действие стрессора направлено на социальный статус, чувство самоуважения и т.д. Личность, сфокусированная на поддержании своего образа Я и самооценности, является более уязвимой к различным влияниям стрессоров. Стрессовые ситуации поддаются управлению, и их неблагоприятное влияние на здоровье может быть нивелировано за счёт внутренних (интернальных) и внешних (экстернальных) ресурсов. Экстернальные ресурсы включают в себя достаточные материальные возможности (наличие времени и денег), наличие социальной поддержки, уровень образования, а также образ жизни в целом. К внутренним ресурсам относят личностные структуры, это общее здоровье и его важные компоненты: личный энергетический потенциал, который включает в себя преимущественно внутренний локус контроля, адекватная

самооценка, оптимальный уровень тревожности и т.д. Ресурсность какого-либо фактора – это то, что помогает восполнять силы человека, не истощает его, мобилизует для продуктивного совладания [5].

По характеру эмоциональных переживаний для психологического стресса типичны «вторичные» эмоциональные реакции в сочетании с когнитивным компонентом, такие как беспокойство, тревога, тоска, депрессия, ревность, зависть, раздражительность и т.д. При этом влияние личностных качеств очень значительное: происходит оценка человеком степени своего участия в активном воздействии на проблемную ситуацию с целью её нейтрализации [6].

Нарушение баланса в self-системе у нарциссической личности приводит к ощущению дефицита внешних и внутренних ресурсов. Это в свою очередь сказывается на выборе непродуктивных копинг-стратегий, среди которых преобладают психологические защиты, уход, избегание, гипертрофированные эмоциональные переживания, регрессия.

Исходя из этого, целью нашего исследования является определение уровня психологического стресса, его соотношение с характеристиками самоотношения и с составляющими self-системы.

Гипотеза проведенного нами исследования заключается в следующем: особенности переживания и преодоления стресса находятся во взаимосвязи со специфическими характеристиками самоотношения и элементами self-системы, характеризующими нарциссическую регуляцию.

В частности предполагается, что высокий уровень переживания стресса более свойственен личности с негативными проявлениями самоотношения, и наоборот – позитивное отношение к себе связано с низким уровнем стресса.

Эмпирическая база исследования: в выборке принимали участие 54 человека в возрасте от 18 до 21 года женского пола, студенты Дальневосточного государственного университета путей сообщения г. Хабаровска.

На первом этапе исследования для оценки стресса как ответной реакции на стрессоры среды использовалась шкала психологического стресса PSM-25 Лемура–Тесье–Филлиона (Lemyr–Tessier–Fillion), целью которой является измерение стрессовых ощущений в соматических, поведенческих и эмоциональных показателях.

Было выявлено, что у 83 % респондентов низкий уровень стресса, что свидетельствует о состоянии психологической адаптированности к рабочим нагрузкам, а у 17 % определен средний уровень стресса, который свидетельствует о накоплении

психического напряжения, им рекомендуется снизить рабочий темп и предусмотреть дополнительное время для отдыха и восстановления сил (рис. 1).

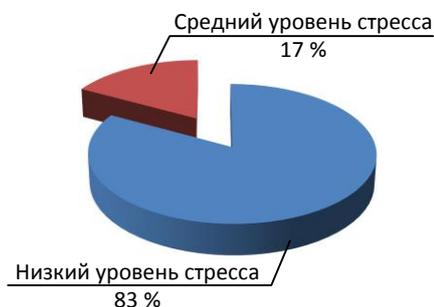

Рис. 1. Уровень психологического стресса респондентов

В ходе второго этапа мы рассмотрели влияние уровня стресса со стороны эмоционально-ценностного компонента самосознания по методике исследования самоотношения С.Р. Панталева (МИС), целью которой является определение особенностей самоотношения личности (рис. 2) [7].

Рис. 2. Взаимосвязь уровня стресса и самоотношения:
■ – низкий уровень стресса; □ – средний уровень стресса

Анализ результатов по оценке независимых факторов выявил у респондентов с низким уровнем стресса преобладание позитивных факторов самоотношения. Сравнение показателей с показателями группы среднего уровня переживания стресса выявляет наибольшие различия в значениях шкал «самоуверенность», «саморуководство», «зеркальное Я», «самопривязанность». Это говорит о том, что в целом респонденты чувствуют себя достаточно компетентными, уверенными в позитивном принятии со стороны социума и своих возможностях контроли-

ровать свое поведение и отношения с окружающими. Однако по шкале «самопринятие» отмечены более низкие показатели по сравнению с группой среднего уровня стресса, хотя результаты обеих групп находятся в среднем диапазоне значений. Вероятно, респонденты данной группы достаточно самокритичны и стараются работать над своими недостатками. Отмечен большой разрыв в значениях показателей групп по шкалам «конфликтность» и «самообвинение». Для респондентов с низким уровнем стресса не свойственны глубокие переживания своих неудач, так как это не является существенным ударом по их самолюбию.

У респондентов со средним уровнем стресса выражен фактор внутренней неустроенности, который содержит шкалы, фиксирующие внутреннюю конфликтность, самообвинение и связан с негативным самоотношением. Этот показатель может свидетельствовать о дезадаптации личности и о потребности респондента в психологической помощи, определяет наличие внутренних конфликтов (противоречивость Я) сомнений, несогласия с собой, чрезмерное самокопание на общем негативном эмоциональном фоне либо отсутствие внутренних конфликтов, осознание своих проблем и отсутствие вытеснения. У испытуемых, вероятно, присутствует некая неудовлетворенность, что приводит к сомнениям в своей способности что-то предпринять или изменить в непривычных для них ситуациях, возможна повышенная рефлексия.

В ходе третьего этапа исследования мы рассмотрели влияние уровня стресса со стороны саморегуляции и оценки поддержания внутреннего баланса (рис. 3). Для этого применялся тест оценки нарциссизма, который представляет собой клинико-психологическую тестовую методику, разработанную F.-W. Deneke и B. Hilgenstock, в адаптации Н.М. Залуцкой, А.Я. Вукс под руководством В.Д. Вида на базе НИПНИ им. Бехтерева [2].

Анализ полученных результатов показывает, что по всем показателям регуляторных механизмов нарциссизма у респондентов с низким уровнем стресса получены более низкие значения.

Для группы со средним уровнем стресса наиболее выраженными оказались такие элементы self-системы, как «бессильное self», «симбиотическая защита self», «стремление к идеальному self-объекту», «архаический уход». Вероятно, для этих респондентов в большей степени характерны проявления тревоги, рассуждения о смысле жизни. Результаты показывают, что иногда социум представляется для них небезопасной средой, отмечается умеренная зависимость от окружающих, сни-

жение удовлетворенности собой с одновременным поиском внешнего, более могущественного идеализируемого объекта, тенденция к неосознаваемой регрессии с фантазиями единения с природой и уходом от межличностных отношений.

Рис. 3. Взаимосвязь уровня стресса и элементов self-системы: ■ – низкий уровень стресса; □ – средний уровень стресса

По остальным шкалам в данной группе получены значения в среднем и низком диапазоне, но более выраженные, чем в группе с низким уровнем переживания стресса. Следует отметить большой разрыв в показателях групп по шкалам «бессильное self» и «незначительное self». Это различие говорит о том, что у респондентов, наиболее чувствительных к стрессу, более выражены ранимость и зависимость от оценок социума и склонность заикливаться на них.

Далее в подтверждение выдвинутой гипотезы проведен корреляционный анализ при помощи непараметрического критерия ранговой корреляции R-Спирмена в программе для статистической обработки данных SPSS Statistics (рис. 4).

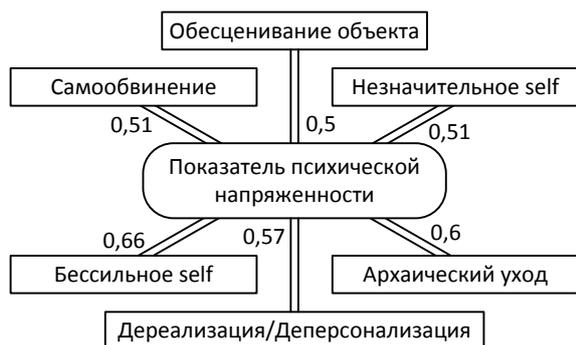

Рис. 4. Корреляционная плеяда показателей психологической напряженности с элементами самооценки и self-системы: ———— – положительная корреляция ($p \leq 0,01$)

Результаты корреляционного анализа выявили, что показатель психической напряженности и шкала самообвинения имеют положительную корреляцию ($r = 0,51$ при $p < 0,01$), т.е. переживание стресса личностью сопровождается отрицанием эмоций в адрес своего «Я» и говорит о готовности поставить себе в вину свои же промахи и неудачи.

Положительная корреляция уровня стресса со шкалой «бессильное self» ($r = 0,66$ при $p < 0,01$) свидетельствует о том, что при переживании стресса личность одолевают ощущения внезапной тревоги, одиночества и незащищенности, а также для нее характерны переживания бессилия и бесперспективности в жизненных ситуациях.

Положительная корреляция уровня стресса со шкалой «дереализация/деперсонализация» ($r = 0,57$ при $p < 0,01$) указывает на то, что при повышении уровня стресса у личности происходят попытки диссоциации, переживания отчужденности окружающего мира и своей собственной личности, уход в мир иллюзий. Таким образом, личность пытается отрицать, что дестабилизация затрагивает её собственную личность и воспринимаемую ею действительность.

Положительная корреляция уровня стресса со шкалой «незначительное self» ($r = 0,51$ при $p < 0,01$) говорит о том, что в обстановке стресса личности сопутствуют сомнения в своей самооценке и переживания страха раскрытия своих качеств перед окружающими.

Положительная корреляция уровня напряженности со шкалой «архаический уход» ($r = 0,6$ при

$p < 0,01$) указывает на то, что при стрессе у личности возрастает вероятность перехода к неконтролируемой регрессии для возврата ощущения чувства удовлетворённости.

Положительная корреляция со шкалой «обесценивание объекта» ($r = 0,5$ при $p < 0,01$) констатирует то, что при переживании стрессовых ситуаций у личности может проявляться фасадная независимость от окружающих, обесценивание и восприятие их опасными и разочаровывающими, отрицается их положительное участие в её жизни.

В целом манера поведения людей, склонных к более интенсивному переживанию стресса, может проявляться в заторможенности, отсутствии активных действий при возникающих проблемах, некоторой отстранённости в отношении социума, погружении в себя с целью ухода от действительности, пассивности в принятии решений, задумчивости, сопровождающейся самокопанием.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что респонденты группы с низким уровнем стресса обладают большей жизнестойкостью, социализированностью, чувством самоуважения и аутосимпатии, в решении проблем полагаются на собственные ресурсы, а также способны обсуждать с окружением свои трудности, но при этом не полагаются полностью на их оценку ситуации.

У группы со средним уровнем стресса прослеживается внутренняя конфликтность, негативное самоотношение, тревожные состояния, неуверенность в своих действиях, труднее складывается социальная адаптация, характерна зависимость от мнения окружающих и необходимость подражания идеализируемому объекту, при столкновении с проблемой возможны проявления неадаптивных форм поведения или избегание посредством погружения в себя.

Таким образом, согласно гипотезе нашего исследования уровень переживания стресса действительно находится во взаимосвязи с качественными характеристиками самоотношения, проявлениями нарциссизма и элементами self-системы, которые, в свою очередь, могут выступать в качестве личностного ресурса преодоления переживания стресса.

Список источников

1. Смирнова Т.П. Ценности современной молодёжи в структуре Я-концепции личности. Москва : РИО МГУДТ, 2011. 223 с.
2. Залуцкая Н.М., Вукс А.Я., Вид В.Д. Индекс функционирования Self-системы (на основе теста оценки нарциссизма). Санкт-Петербург : НИПНИ им. Бехтерева, 2003.
3. Робин Ж.-М. Гештальт-терапия. Москва : Институт Общегуманитарных Исследований, 2012. 72 с.
4. Захарова Н.А., Лапшина Л.М. Особенности самооценки нарциссических личностей. Москва : ООО Издательский дом «Среда», 2023.

5. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 296 с.
6. Бодров В.А. Когнитивные процессы и психологический стресс // Психологический журнал. 1996. № 4. С. 64–74.
7. Пантлеев С.Р. Методика исследования самооотношения. Москва : СМЫСЛ, 1993. 32 с.
8. Пантлеев С. Р. Самоотношение. Психология самосознания. Хрестоматия. Самара : Бахрах-М., 2000.

References

1. Smirnova T.P. The values of modern youth in the structure of the self-concept of personality. Moscow : RIO MGUDT, 2011. 223 p.
2. Zalutskaya N.M., Vux A.Ya., Vid V.D. Self-system functioning index (based on the narcissism assessment test). St. Petersburg : NIPNI named after Bekhterev, 2003.
3. Robin J.-M. Gestalt therapy. Moscow : Publishing house "Institute of General Humanitarian Research", 2012. 72 p.
4. Zakharova N.A., Lapshina L.M. Features of self-esteem of narcissistic personalities. Moscow : Publishing House "Wednesday" LLC, 2023.
5. Kryukova T.L. Psychology of coping behavior in different periods of life. Kostroma : KSU named after N.A. Nekrasov, 2010. 296 p.
6. Bodrov V.A. Cognitive processes and psychological stress // Psychological Journal. 1996. № 4. P. 64–74.
7. Pantileev S.R. Methodology of self-attitude research. Moscow : SENSE, 1993. 32 p.
8. Pantileev S.R. Self-attitude. The psychology of self-awareness. A textbook. Samara : Bakhrakh-M, 2000.

Информация об авторах

Н.И. Анчукова – кандидат психологических наук, доцент;
К.А. Масленникова – магистрант.

Information about the authors

N.I. Anchukova is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;
K.A. Maslennikova is a master's student.

Вклад авторов:

Анчукова Н. И. – научное руководство; концепция исследования; введение, дополнения к теоретическому обзору подходов и интерпретации результатов, итоговые выводы.

К.А. Масленникова – введение, теоретический обзор подходов к изучению проблемы исследования, проведение эмпирического исследования и анализ полученных результатов.

Contribution of the authors:

Anchukova N.I. – scientific guidance; research concept; introduction, additions to the theoretical review of approaches, final conclusions.

Maslennikova K.A. – introduction, theoretical review of approaches to the study of the research problem.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 159.923.5

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-87-92

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Надежда Георгиевна Григорьева¹, Алена Алексеевна Шустрова²

^{1, 2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹an08027@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8044-882x>

²shustrova.98@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается сущность ответственности как психологического ресурса личности в аспекте диалектического единства ответственности и свободы. Внимание уделено генезису научной категории «ответственность». Проанализированы результаты эмпирического исследования уровня проявления ответственности у студентов – будущих специалистов социально-гуманитарной сферы. Описаны мировоззренческие отношения студентов к феномену «ответственность».

Ключевые слова: ответственность, свобода, психологический ресурс, личность, ценность, защита

Original article

RESPONSIBILITY AS AN ACTUAL PERSONAL RESOURCE OF A MODERN YOUNG PERSON

Nadezhda G. Grigoryeva¹, Alyona A. Shustrova²

^{1, 2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹an08027@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8044-882x>

²shustrova.98@inbox.ru

Abstract. The article examines the essence of responsibility as a psychological resource of an individual in the aspect of the dialectical unity of responsibility and freedom. Attention is paid to the genesis of the scientific category "responsibility". The results of an empirical study on the level of responsibility demonstrated by students – future specialists in the social and humanitarian sphere – are analyzed. The article describes students' philosophical attitudes towards the phenomenon of "responsibility".

Keywords: responsibility, freedom, psychological resource, personality, value, protection

Современный человек сталкивается со множеством вызовов как локального, личностного характера, так и социального, глобального масштаба. Поэтому спрятаться, уклониться от принятия решений современному человеку невозможно. Даже в пассивном состоянии человеку приходится выбирать ситуации, которые он принимает и в которых будет находиться, так как в данном историческом периоде развития цивилизации жизнь одновременно преподносит индивидууму множество направлений движения. Поэтому современный человек в том или ином виде должен проявлять ответственность при существующей необходимости выбора.

С другой стороны, как отмечает А. Толпегин, с расширением свободы современного человека возрастает и роль его ответственности. Такие особенности глобальных процессов вызывают озабоченность как ученых, так и политиков. Например, неправительственная организация, объединяющая

бывших уважаемых руководителей ряда стран, обратилась в 1997 г. в ООН с просьбой о рассмотрении их проекта «Всеобщей декларации обязанностей человека», главной идеей которой была неразделимость свободы и ответственности [1].

Эту неразделимость отмечают многие ученые. З. Фрейд утверждал, что большинство людей не хотят свободы и отказываются от нее, потому что свобода предполагает ответственность, а люди боятся ответственности [2]. Следовательно, ответственность предопределяет известную степень мужества, стойкости, самостоятельности, уверенности и зависит от таких психологических характеристик личности, как локус контроля, уровень притязаний, мотивация достижений и др.

Интерес вызывает современное представление о свободе. Если в недалеком прошлом ставился акцент на свободу от чего-либо и свободу для чего-либо, то современные авторы рассматривают инди-

видуальную свободу личности, которая может подвергаться нивелированию коллективной свободой [3]. Аналогично можно спроецировать процесс нивелирования на личностную ответственность со стороны коллективной ответственности, последняя, как правило, является неэффективной. Причем коллективная ответственность может принимать уродливые формы общественной ответственности.

В современном информационном веке происходит трансформация сущности свободы, в том числе информационной свободы [4]. Такие же процессы характерны и для информационной ответственности как в личностном плане, так и во внешних формах ответственности. Низкая степень информационной ответственности личности искажает восприятие реальности, порождает информационные страхи, вызывает процессы манипулирования.

Если рассматривать этимологию слова «ответственность», то в большинстве словарей, в том числе и в словаре В. Даля, слово «ответственность» рассматривается как произошедшее от слова «отвечать» [5]. Отвечать за поступки, за порученное дело, за других и прочее. Поэтому многие представители гуманитарных наук соотносят категорию ответственности с определенными санкциями, наказанием, так как, действительно, отвечая за порученное дело, за качество выполненных работ, человек, отвечая, защищается сам или защищает результат своего труда. Поэтому, например, студент-выпускник, защищая свою выпускную квалификационную работу, раскрывает уровень своей ответственности, объективированной в самостоятельно проведенное научное исследование, в качестве полученного научного результата. Иными словами, выпускник в докладе приводит доказательную базу, пытаясь убедить, что он не заслужил санкций, а, наоборот, заслужил поощрений за отлично выполненную работу.

Ответственность как научное понятие впервые было использовано в середине XIX в. выдающимся английским философом, психологом и педагогом Александром Бэнном.

Ответственность является одним из главных психологических ресурсов личности и проявляется абсолютно во всех видах активности и деятельности человека. Вследствие этого ответственность как предмет исследования встречается во всех гуманитарных науках: педагогике, философии, социологии, антропологии и др. Активно изучается ответственность как личностный ресурс человека в психологии.

Выделяют всевозможные виды ответственности: правовую ответственность, гражданскую ответственность, социальную ответственность, профес-

сиональную ответственность и другие виды. Но степень ответственности или безответственности во всех вышеперечисленных видах будет зависеть от личностных свойств человека, от его когнитивных, эмоциональных, эстетических, мотивационных и прочих сформированных личностных качеств. Поэтому психологические механизмы формирования ответственности представляют особый интерес для психологической науки, а также для социально ориентированной практики.

Впервые начал рассматривать ответственность как универсальное явление, связывающее всевозможные направления активности человека, а также как феномен, синтезирующий психологические, социальные, философские, исторические, этические явления, в 80-е гг. XX в. К. Муздыбаев, идеи которого нашли отражение в его труде «Психология ответственности» [6].

К. Муздыбаев впервые в отечественной психологии начал эмпирически изучать локус контроля применительно к сущности ответственности.

И.Э. Секоян, проведя научные исследования в современное время, доказательно сделал вывод, что локус контроля является достаточно устойчивым личностным ресурсом и с взрослением человека практически не трансформируется. Данные результаты позволяют гипотетически предположить об устойчивости личностной ответственности, так как локус контроля влияет на специфику проявления ответственности. Следовательно, у экстерналов и интерналов по-разному проявляются специфические особенности ответственности, и эти особенности также могут иметь определенную степень устойчивости.

Актуальность формирования ответственности в современный период развития человечества породила множество концептуальных научных взглядов в психологии на сущность ответственности.

Наиболее многосторонне проведен теоретический анализ научных подходов к пониманию сущности ответственности Людмилой Ивановной Деметий, которая, рассматривая внешнюю и внутреннюю формы ответственности, приоритет отдает внутренней форме, выделяя её как ресурс личности [7]. Однако можно не согласиться с автором в том, что для проявления субъектной ответственности человеку необходимы специальные жизненные проблемы, трудные, критические ситуации.

На наш взгляд, личностная ответственность или безответственность проявляется на всем жизненном пути человека, как в большом и важном для человека, так и в любых незначительных, неприемлемых мелочах.

А внешнюю ответственность можно принять за тот стимульный материал, который способствует или не способствует формированию субъектной ответственности как личностного ресурса человека.

Поэтому гражданская, профессиональная, правовая, юридическая, экологическая, социальная и прочие виды ответственности являются внешними формами ответственности и могут служить показателями сформированности личностной ответственности. Таким образом, во внешних формах ответственности проявляется внутренняя личностная ответственность. Например, степень гражданской ответственности человека напрямую зависит от его внутренней, субъектной ответственности как сформированной черты личности.

Другой пример, студента можно убедить и заставить заниматься добровольческой деятельностью. Но эта деятельность, которая организована с помощью посредника – преподавателя или специалиста организатора, как правило, не будет эффективной для личностного роста и процесса воспитания студента. Чтобы начал действовать психологический механизм формирования личностной ответственности у студента, ему должна быть предоставлена или обеспечена свобода выбора. Вот тогда возникает эмоциональный психологический процесс, который часто называют духовностью. То есть активизируются фоновые эмоции важности, необходимости, интереса, причастности и прочие, которые интегрируются в личностный феномен ответственности в добровольческой деятельности.

Вместе с тем необходимо отделять свободу, которая сопутствует проявлению ответственности, от той свободы, которую в российской культуре называют волей. Как отмечал известный мыслитель Г.П. Федотов, воля как русский синоним свободы сродни анархии, она невозможна в культурном обществе. Воля может проявляться в бунте или в тирании. Свобода личная не может существовать без уважения к чужой свободе. А воля – это свобода только для себя [8].

Глубинную сущность свободы рассматривал С.Л. Франк, который при всей важности свободы для формирования смысла жизни выделяет бессмысленную свободу бесцельно активного человека, или свободу лени и духовной нищеты [9]. Поэтому важно при определении психологической сущности ответственности рассматривать этот феномен в диалектическом единстве с истинной личностной свободой.

Этическая философичность ответственности позволяет использовать категорический императив

Иммануила Канта [10] для соотнесения внешней и внутренней форм ответственности. То есть внутренняя ответственность должна стать такой максимой, которая послужит основой проявления всех внешних форм ответственности.

Большое значение имеет ответственность как базовая ценность в деонтологии. Для многих гуманитарно-ориентированных специальностей ответственность возвеличена в один из основных этических принципов профессионального кодекса. Так, Кузьменко А.Н., исследуя процессы формирования ответственности при деонтологической подготовке будущих архитекторов, уходит от мировоззренческого, философского принятия ответственности как ответственности перед обществом, перед другими людьми, перед собой и определяет ответственность как системное качество личности, которое может быть принято за показатель деонтологической готовности профессионала [11]. Такое логически обоснованное содержательное понимание ответственности еще раз указывает на важность психологической сущности данного феномена.

Таким образом, приняв ответственность как целостный личностный феномен, как принципиально характерологическое качество человека, в отличие от существующего научного взгляда об ответственности как суммы различных компонентов и видов ответственности, нами была использована экспресс-диагностика ответственности С. Прядеина [12: с. 49–50], которая позволяет определить степень ответственности индивидуума как личностного психического образования.

Базой исследования стали студенты вуза (78 человек), обучаемые по гуманитарно-ориентированным специальностям, т.е. именно те будущие профессионалы, у которых этический принцип ответственности является основополагающим в профессиональной деонтологии. Целью исследования было изучение уровня ответственности современной молодежи – студентов вуза, их понимание сущности ответственности, представление о роли личности в формировании ответственности, о важности и актуальности проявления ответственности каждым человеком в современном мире.

Результаты исследования показали, что безответственность как интегральное личностное свойство имеют незначительное количество респондентов – 4 %, ситуативная ответственность выявлена у 41 % студентов и ответственными являются 55 % студентов, причем крайне высокую ответственность имеют около 10 % студентов (рис. 1).

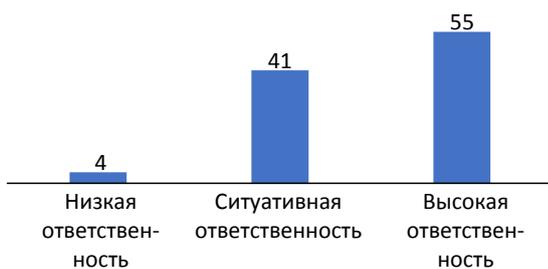

Рис. 1. Проявление степени ответственности, %

Около 80 % респондентов считают, что за все свои действия и поступки человек должен отвечать; почти 75 % респондентов тщательно взвешивают свои возможности, прежде чем принять то или иное решение; 73 % респондентов прилагают все свои усилия, чтобы закончить начатое дело; 57 % респондентов всегда выполняют данные ими обещания; 53 % респондентов считают, что среди многих своих товарищей они отличаются более ответственным отношением к делу; 53 % респондентов уверены, что они очень серьезно относятся к общественным поручениям; около 45 % респондентов долго мучает совесть после совершения неблагоприятного поступка; 40 % респондентов считают, что никогда не было такого, чтобы за их поступки отвечали другие; около 32 % респондентов полагают, что им подходят те профессии, которые требуют большой ответственности и самостоятельности принимаемых решений; около 28 % респондентов при выполнении коллективных поручений не желают быть простыми исполнителями; но всего лишь 21 % респондентов предпочитают браться за слишком серьезные дела, игнорируя легкие; 20 % респондентов считают, что важные дела и ответственные поручения лучше выполнять не вместе с другими, а индивидуально (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «После совершения неблагоприятного поступка меня долго мучает совесть», %

Анализируя данные результаты исследования, можно сделать следующее заключение: ответственность как личностное образование лучше

сформировано у респондентов на когнитивном уровне, на мотивационном уровне степень сформированности ответственности понижается, и самая низкая степень ответственности сформирована на деятельностном уровне.

С применением методики «Неоконченные предложения» М. Ньюттена в модификации А.Б. Орлова были определены мировоззренческие позиции студентов по принятию важности ответственности, осознанности сущности данного феномена, использования саморазвития для личностного роста и совершенствования.

Первое предложение о том, по каким характеристикам можно определить ответственного человека, большинство респондентов дополнили следующими фразами: ответственный человек качественно выполняет порученную ему работу, полагается не только на чувства, но и на разум; он серьезно и внимательно относится к любой деятельности, в состоянии отвечать за свои действия и бездействия, исполняет свои обязанности при любых обстоятельствах.

Заканчивая предложение: «Чтобы быть ответственным человеком, ...», большинство студентов отметили, что для этого необходимо быть дисциплинированным, целеустремленным, надежным и постоянно работать над собой.

Быть ответственными одним студентам мешает лень, а вторая половина ответила, что ничто и никто не мешает им проявлять свою ответственность.

Студенты считают себя ответственными, потому что всегда выполняют все поручения добросовестно, в срок и всегда исполняют данные обещания.

Студентам помогают быть ответственными людьми дисциплинированность, совесть, воспитанность, цели, убеждения.

Респонденты считают, что безответственный человек – это инфантильный, ленивый, бесцельный, неуверенный в себе человек.

Ответственность помогает человеку быть лучше, совершенствоваться, быть честным и порядочным, четко расставлять приоритеты, строить планы и достигать цели, обретать уверенность, быть самостоятельным, надежным и полезным, быть лидером.

Студенты стремятся быть ответственными, потому что им это нравится, это важно для них, им комфортно, они хотят быть честными и порядочными, чтобы окружающие люди доверяли им, хотят быть лучше и умнее, чтобы близкие люди гордились ими.

Ответственный человек не может быть лентяем, пренебрегать данным обещанием, винить других, манипулировать, не отвечать за свои поступки, бросать начатое дело.

Таким образом, результаты исследования показали, что студенты в большей степени являются ответ-

ственными личностями, они понимают, что ответственность необходимо у себя воспитывать, ответственность как личностное образование позволяет быть самодостаточным, эффективным, востребованным профессионалом, помогает стать лидером.

Безусловно, ответственность важна для обучающихся как позитивный личностный ресурс для осознанного понимания учебного материала, ежедневной работы над собственным развитием, целенаправленного, систематического усвоения компетенций, которые обязательны для будущего профессионала.

Существует множество научных исследований по вышеуказанным проблемам.

Например, Е.И. Бузган провел исследование о связи самоактуализации личности молодых людей с их ответственностью. Выборку составили 50 молодых людей в возрасте от 23 до 25 лет. Необходимо отметить, что полученные Е.И. Бузганом результаты: с низкой ответственностью – 0 % респондентов; с ситуативной – 44 % респондентов и высокой ответственностью – 56 % респондентов [13] – коррелируют с результатами, полученными нами: с низкой ответственностью – 4 % респондентов, с ситуативной – 41 % респондентов и с высокой ответственностью – 55 % респондентов.

Е.И. Бузган обосновывает полученные высокие показатели тем, что молодые люди закончили обучение и профессионально определились. Он делает предположение, что у обучающихся молодых людей, у студентов результаты будут ниже [13]. Однако у нас выборка была сформирована из студентов вуза, и результаты оказались несколько не ниже по сравнению с результатами, которые характеризуют молодых людей, уже получивших профессиональное образование и определившихся с жизненными ценностями.

Следовательно, причина сформированной высокой ответственности у молодых людей объясняется несколько иными внешними факторами: высоким темпом мобильности социальной сферы и обеспечением высокой степени свободы для выбора ситуаций, частота сменяемости которых также очень высокая в современном мире.

Безусловно, с каждым годом ускоряющийся социальный тренаж формирует у молодых людей стойкость, целостность, креативность, упорство в достижении жизненных целей, самодостаточность, индивидуальную свободу, неразделимую с личностной ответственностью.

Таким образом, проведя исследование и проанализировав полученные эмпирические результаты, можно сделать следующие выводы:

1. Для позитивного формирования личностной ответственности у молодых людей необходимо обеспечивать индивидуальную свободу в выборе жизненных ситуаций, осознанного преобразования окружающего социума или свободного выхода из внешне предъявляемых ситуаций.

2. Для активизации процесса формирования личностной ответственности на деятельностном уровне, а не только в декларативной форме, необходимо в профессионально-ориентированный процесс обучения внедрять педагогические технологии практико-ориентированного характера и проектно-исследовательские технологии.

Ценность активизации процесса формирования ответственности у молодых людей кроется в тех вызовах, которые предъявляет человечеству современная цивилизация как в глобальных смыслах, так и на уровне межгрупповых, межличностных взаимоотношений и внутриличностных процессов.

Список источников

1. Толпегин А. Свобода и ответственность неразделимы // Здравый смысл. 2006. № 3(40).
2. Фрейд З. Оговорки. Москва : Центрполиграф, 2015. 159 с.
3. Андреев А.В. Психология свободы личности: анализ научных трудов XX – начала XXI века // Молодой ученый. 2016. № 24 (128). С. 271–274.
4. Слуцкий П.А. Информационная свобода личности. Проблемные аспекты. Санкт-Петербург : ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. 143 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва : Олма-Пресс : Красный пролетарий, 2004. 700 с.
6. Муздыбаев К. Психология ответственности. Ленинград : Наука : Ленинград. отделение, 1983. 240 с.
7. Дементий Л.И. Ответственность: типология и личностные основания. Омск : ОмГУ, 2001. 192 с.
8. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Санкт-Петербург : София, 1992. 303 с.
9. Франк С.Л. Смысл жизни. Москва : АСТ, 2004. 57 с.
10. Кант И. Критика чистого разума. Москва : Академический Проект, 2015. 568 с.
11. Кузьменко А.Н. Формирование ответственности как фактор повышения качества деонтологической подготовки будущих архитекторов // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 4.
12. Прядеин В.П. Психодиагностика личности: избранные психологические методики и тесты. Сургут : РИО Сургуту, 2013. 246 с.
13. Бузган Е.И. Взаимосвязь ответственности и самоактуализации у современной молодёжи // Экспериментальная психология. 2023. № 4. С. 75–87.

References

1. Tolpegin A. Freedom and responsibility are inseparable // Common sense. 2006. No. 3(40). (in Russ.).
2. Freud Z. Reservations. Moscow : Tsentrpoligraf, 2015. 159 p. (in Russ.).
3. Andreev A.V. Psychology of personal freedom: analysis of scientific works of the XX – beginning of the XXI century // Young scientist. 2016. No. 24 (128). P. 271–274. (in Russ.).
4. Slutsky P.A. Information freedom of the individual. Problematic aspects. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, 2013. 143 p.
5. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow : Olma-Press : Krasus. the proletarian, 2004. 700 p.
6. Muzdybaev K. Psychology of responsibility. Leningrad : Nauka : Leningrad. department, 1983. 240 p.
7. Dementiy L.I. Responsibility: typology and personal foundations. Omsk : OmSU, 2001. 192 p.
8. Fedotov G.P. Fate and sins of Russia. St. Petersburg : Sofia, 1992. 303 p.
9. Frank S.L. The meaning of life. Moscow : AST, 2004. 57 p.
10. Kant I. Criticism of pure reason. Moscow : Academic Project, 2015. 568 p.
11. Kuzmenko A.N. Formation of responsibility as a factor in improving the quality of deontological training of future architects // Modern problems of science and education. 2019. No. 4.
12. Pryadein V.P. Psychodiagnostics of personality: selected psychological techniques and tests. Surgut : RIO Surgut, 2013. 246 p.
13. Buzgan E.I. Interrelation of responsibility and self-actualization among modern youth // Experimental psychology. 2023. No. 4. P. 75–87.

Информация об авторах

Н.Г. Григорьева – доктор педагогических наук, профессор;
А.А. Шустрова – аспирант.

Information about the authors

N.G. Grigorieva is Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.
A.A. Shustrova is a graduate student.

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 316.477

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-93-97

СТРАТЕГИИ КОГНИТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ У ПСИХОЛОГОВ С РАЗНЫМ ТИПОМ ПРОЯВЛЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Елена Владимировна Харчевникова¹, Влада Валентиновна Нефёдова²

^{1, 2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹nebas28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6214-5000>

²vladca.n@mail.ru

Аннотация. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена особенностями профессиональной деятельности психологов. В современных условиях психологи сталкиваются с огромным спектром эмоциональных переживаний, таких как систематическое переутомление, возможное разочарование в профессии, негативные эмоции клиентов, большое количество случаев обращения за помощью. По результатам теоретических и эмпирических исследований выявлено, насколько важно практикующему психологу быть адаптированным к когнитивным и эмоциональным трудностям своей профессиональной деятельности, регулировать свои эмоции, уметь справляться с негативом и стрессовыми ситуациями, поскольку от этого зависит качество его профессиональной деятельности и личное здоровье.

Ключевые слова: жизнестойкость, копинг-стратегии, стратегии когнитивной регуляции эмоций, практикующие психологи

Original article

COGNITIVE EMOTION REGULATION STRATEGIES AMONG PSYCHOLOGISTS WITH DIFFERENT TYPES OF MANIFESTATIONS OF RESILIENCE

Elena V. Harchevnikova¹, Vlada V. Nefedova²

^{1, 2}Far East State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹nebas28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6214-5000>

²vladca.n@mail.ru

Abstract. The relevance of our chosen research topic is due to the peculiarities of the professional activities of psychologists. In addition, in modern conditions, psychologists deal with a huge range of emotional experiences, such as systematic overwork, possible disappointment in the profession, negative emotions of clients, many cases of seeking help. According to the results of theoretical and empirical research, it has been revealed how important it is for a practicing psychologist to be adapted to the cognitive and emotional difficulties of his professional activity, to regulate his emotions, to be able to cope with negativity and stressful situations, since the quality of his professional activity and personal health depend on it.

Keywords: resilience, coping strategies, strategies for cognitive emotions regulation, practicing psychologists

Введение

Интерес к проблеме изучения стратегий когнитивной регуляции эмоций у психологов с разным типом проявления жизнестойкости обусловлен явно выраженной потребностью практики в оптимизации функционирования регуляторных процессов в профессиональной деятельности. Современная действительность, а именно увеличение количества напряжённых событий в России и мире, частота возникновения негативных эмоциональных переживаний, которые, накапливаясь, снижают качество выполнения психологами своих профессиональных обязанностей или требуют дополнительных усилий для поддержания оптимального пси-

хофизиологического уровня, жизнестойкости, свидетельствуют об актуальности настоящей темы исследования.

Проблема когнитивной регуляции и саморегуляции – одна из ключевых в психологии, оказывающая существенное влияние на личностный и профессиональный рост. Для успешного функционирования и выполнения своей профессиональной деятельности психологу необходимо уметь адекватно справляться со стрессом.

В связи с особенностями профессиональной деятельности психологи сталкиваются с широким спектром эмоциональных переживаний – постоянной перегрузкой, возможным разочарованием в

своей профессии, негативными эмоциями со стороны клиентов и многочисленными обращениями за помощью. Высокие требования и огромное количество социальных контактов делают деятельность психолога особенно подверженной профессиональному выгоранию. Работа с людьми, сопряженная с большой ответственностью, может вызывать не только гнев, тревогу и страх, но и приводить к острой реакции на стрессовые ситуации.

Формирование эффективных стратегий когнитивной регуляции эмоций имеет большое значение для успешной адаптации к жизни и достижению психологического благополучия [3].

Жизнестойкость является ключевым ресурсом личности, который помогает человеку адаптироваться к сложным условиям профессиональной деятельности, регулировать свои негативные состояния и поведение. Жизнестойкий человек при столкновении со стрессовыми ситуациями мобилизуется, активно ищет конструктивные способы решения возникших проблем, поддерживает собственное здоровье, строит взаимодействие с окружающими на основе взаимоподдержки [2]. Жизнестойкость является одним из основных качеств, которое позволяет практическому психологу в процессе деятельности не допускать возможной личностной деформации и деструктивных личностных проявлений. Структура жизнестойкости строится на трёх компонентах – включенности, контроле и принятии риска [4].

Характеристиками жизнестойкой личности являются: высокий уровень волевых качеств; оптимальная смысловая регуляция; развитая социальная компетентность; адекватность самооценки; благополучие коммуникативной сферы; устойчивость к фрустрации.

Когнитивная регуляция эмоций – это регуляция эмоций посредством когнитивных, которые помогают человеку удерживать на одном уровне качество и интенсивность эмоциональных реакций и эмоциональных состояний человека в стрессовых ситуациях [5]. Стратегии когнитивной регуляции эмоций необходимы будущим психологам для избежания различных деструктивных изменений личности в результате профессионального выгорания, часто свойственного представителям данной профессии.

Копинг-поведение – это стратегии действий, предпринимаемые человеком в ситуациях психологической угрозы. Копинг-поведение может проявляться когнитивными, эмоциональными и поведенческими стратегиями функционирования личности [1].

Цель исследования: изучить особенности взаимосвязей стратегий когнитивной регуляции эмоций у психологов с разным типом проявления жизнестойкости в профессиональной деятельности.

Объект исследования: когнитивная регуляция эмоций у психологов с разным типом проявления жизнестойкости.

Предмет исследования: стратегии когнитивной регуляции эмоций у психологов с разным типом проявления жизнестойкости.

Гипотеза исследования. Существуют различия в стратегиях когнитивной регуляции эмоций у психологов с разным типом проявления жизнестойкости.

Частная гипотеза исследования. Психологи, различающиеся типами жизнестойкости, по-разному ведут себя в трудных стрессовых ситуациях профессиональной деятельности.

Материалы и методы исследования

В качестве субъектов исследования задействовано 36 респондентов в возрасте от 23 до 50 лет, работающих практическими психологами в военном психологическом центре.

В рамках эмпирического исследования были использованы следующие методики: «Копинг-тест» Р. Лазаруса и С. Фолкмана (в адаптации Т.Л. Крюковой); опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика в соавторстве с Г. Келлерманом и Х.Р. Контом (в адаптации Л.И. Вассермана и Е.А. Трифоновой); «Опросник когнитивной регуляции эмоций» Н. Гарнефски и В. Крайга (в адаптации Е.И. Рассказовой, А.Б. Леоновой, И.В. Плужникова).

Для разделения респондентов на группы по типу проявления жизнестойкости использовался «Тест жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой). По результатам обследования с использованием указанной методики респонденты были разделены на три группы с высоким, средним и низким уровнем жизнестойкости. Высокий уровень жизнестойкости – 9 человек, средний – 21 человек, низкий – 6 человек.

Сравнительный анализ компонентов жизнестойкости у психологов с разными типами её проявления осуществлялся с использованием статистического критерия U-Манна-Уитни. Также для обработки полученных данных использовался метод математической статистики – r-коэффициент корреляции Спирмена. Обработка полученных данных производилась с помощью статистического пакета SPSS Statistics 23.0.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате сравнительного анализа показателей стратегий когнитивной регуляции эмоций у практикующих психологов с высоким и средним

уровнем жизнестойкости получены следующие выводы.

1. В стратегиях совладающего поведения выявлено, что для психологов со средним уровнем жизнестойкости более характерно избегание проблемы, её отрицание, игнорирование, уклонение от ответственности и погружение в фантазии ($U = 25$; $p \leq 0,01$), а для психологов с высоким уровнем – преодоление стрессовых ситуаций и проблем посредством анализа, выработки стратегии решения, планирование своих действий с ориентацией на опыт и имеющиеся ресурсы ($U = 49$; $p \leq 0,05$).

2. По механизмам психологической защиты установлено, что у психологов с частично совладающим типом проявления жизнестойкости ярче выражены такие механизмы, как компенсация ($U = 51,5$; $p \leq 0,05$) и замещение ($U = 41$; $p \leq 0,01$), а именно склонность к мечтательности, заимствованию чужих ценностей, перенесению агрессии на посторонний объект, раздражению по отношению к себе и окружающим.

3. В стратегиях когнитивной регуляции эмоций наиболее достоверные различия обнаружены по стратегии обвинения ($U = 34$; $p \leq 0,01$), самообвинения ($U = 53$; $p \leq 0,05$) и катастрофизации ($U = 48$; $p \leq 0,05$). Такие стратегии характерны больше для психологов со средним уровнем жизнестойкости, чем для психологов с высоким уровнем.

По результатам сравнительного анализа показателей стратегий когнитивной регуляции эмоций у практикующих психологов с высоким и низким уровнем жизнестойкости сделаны следующие выводы.

1. Стратегия «бегство-избегание» более характерна для психологов с низким уровнем жизнестойкости ($U = 5$; $p \leq 0,01$). Они чаще игнорируют и избегают проблему. Для психологов с высоким уровнем жизнестойкости предпочтительнее стратегия «планирование решения проблемы» ($U = 7,5$; $p \leq 0,05$). Для них свойственна ориентированность на анализ проблемы за счёт её положительного переосмысления и выработку стратегии.

2. В механизмах психологической защиты респонденты с несовладающим типом жизнестойкости проявляют подавление ($U = 10,5$; $p \leq 0,05$), компенсацию ($U = 6$; $p \leq 0,01$) и замещение ($U = 5,5$; $p \leq 0,01$) в отличие от респондентов с совладающим типом.

3. По стратегиям когнитивной регуляции эмоций выявлены различия по самообвинению ($U = 4,5$; $p \leq 0,01$), обвинению ($U = 7$; $p \leq 0,01$) и катастрофизации ($U = 11$; $p \leq 0,05$). Установлено, данные различия сильнее выражены у психологов с низким уровнем жизнестойкости.

По результатам сравнительного анализа показателей стратегий когнитивной регуляции эмоций у практикующих психологов со средним и низким уровнем жизнестойкости зафиксированы следующие выводы.

1. В стратегиях совладающего поведения выявлено, что конфронтационный копинг ($U = 28$; $p \leq 0,05$) и дистанцирование ($U = 28,5$; $p \leq 0,05$) сильнее выражены у психологов со средним уровнем жизнестойкости, чем у психологов с низким уровнем.

2. По механизмам психологической защиты и стратегиям когнитивной регуляции эмоций у психологов со средним и низким уровнем жизнестойкости достоверных различий выявлено не было.

В результате проведённого корреляционного анализа были установлены статистически достоверные взаимосвязи.

1. У психологов с высоким уровнем жизнестойкости между стратегией «бегство-избегание» и принятием риска зафиксирована прямая взаимосвязь ($p \leq 0,05$). Обратная взаимосвязь выявлена между дистанцированием и таким компонентом жизнестойкости, как контроль ($p \leq 0,05$).

Определено:

– чем больше у практикующего психолога выражены готовность к неопределенности и убежденность в том, что всё то, что с ним случается, способствует его развитию, получению знаний и опыта, тем больше он заинтересован в решении возникшей проблемы;

– чем выше уровень контроля над ситуацией, умение управлять своим поведением и реакцией в стрессовых ситуациях, тем меньше проявляется дистанцирование, а именно снижение вовлеченности в проблему, отстранение от неё, переключение внимания.

2. У психологов со средним уровнем жизнестойкости в стратегиях совладающего поведения прямо коррелируют:

– стратегия самоконтроля и такой компонент жизнестойкости, как контроль ($p \leq 0,05$);

– стратегия планирования решения проблемы с вовлеченностью ($p \leq 0,05$) и контролем ($p \leq 0,05$).

При высокой уверенности в своём влиянии на ситуацию повышается контроль поведения, стремление к самообладанию. Целенаправленному анализу негативной ситуации и умению планомерно её разрешать способствует высокая заинтересованность, погруженность в деятельность, получение удовольствия от неё, уверенность в своем влиянии на результат.

В стратегиях когнитивной регуляции эмоций определена прямая взаимосвязь между помеще-

нием в перспективу и вовлеченностью ($p \leq 0,05$), а обратная – между обвинением и принятием риска ($p \leq 0,05$).

Полагаем:

– умение включаться в решение жизненных задач, выявлять из происходящего интересное способствует умению мысленно отстраниться от серьёзности события и сравнить его с остальными событиями;

– высокая убежденность в получении опыта и развития от каждой происходящей ситуации в жизни снижает стремление переложить вину за проблему на кого-то другого.

3. У психологов с низким уровнем жизнестойкости по стратегиям совладающего поведения определена прямая взаимосвязь между планированием решения проблемы и контролем ($p \leq 0,05$). Обратные взаимосвязи выявлены между стратегией принятия ответственности и вовлечённостью ($p \leq 0,05$), а также между стратегией планирования решения проблемы и принятием риска ($p \leq 0,05$).

Это указывает на то, что высокая способность управлять своими эмоциональными состояниями и уверенность во влиянии на жизненные события способствует повышению умения рационально анализировать ситуацию и рассматривать возможные варианты её решения. Однако при чувстве отвергнутости повышается неоправданная самокритика, неудовлетворённость собой, а высокая готовность идти на риск снижает умение преодолевать проблемы за счёт целенаправленного анализа ситуации.

В психологических механизмах защиты установлены обратные взаимосвязи между замещением и всеми компонентами жизнестойкости, а именно с вовлеченностью ($p \leq 0,01$), контролем ($p \leq 0,05$) и принятием риска ($p \leq 0,05$).

Снижению раздражительности на себя и окружающих и отсутствию желания выплеснуть агрессию на не причастного к ситуации человека способствует умение совладать со стрессами, эмоционально погружаться в деятельность, брать ответственность за свои действия и быть открытым для развития и жизненного опыта.

В стратегиях когнитивной регуляции эмоций отмечены прямые взаимосвязи между помещением в перспективу и такими компонентами жизнестойкости, как вовлеченность ($p \leq 0,01$) и принятие риска ($p \leq 0,01$). Обратная взаимосвязь выявлена между помещением в перспективу и контролем ($p \leq 0,01$).

Умению отстраниться от проблемы, вычленив опыт и знания из сложившейся ситуации способствуют личностное развитие и готовность действо-

вать, а убежденность в своем влиянии на ситуацию и ощущение контроля, наоборот, снижают умение абстрагироваться от произошедшей ситуации и смотреть на неё в сравнении.

Общие выводы

При сравнении психологов с высоким и средним уровнем жизнестойкости выявлено, что для высокого уровня характерна такая стратегия совладающего поведения, как планирование решения проблемы, а для среднего уровня – стратегия бегства-избегания. Психологи со средним уровнем жизнестойкости больше, чем психологи с высоким уровнем, склонны к таким механизмам психологической защиты, как компенсация и замещение, а в стратегиях когнитивной регуляции эмоций у них выражаются обвинение себя и окружающих, самоагрессия и преувеличение пережитого стресса, чувство катастрофы.

При сравнении психологов с высоким и низким уровнем жизнестойкости выявлено, что для высокого уровня более характерна такая стратегия совладающего поведения, как планирование решения проблемы, а для низкого уровня – стратегия бегства-избегания. В сравнении с респондентами с высоким уровнем жизнестойкости для психологов с низким уровнем характерны механизмы подавления, компенсации и замещения. Такие стратегии когнитивной регуляции эмоций, как самообвинение, обвинение и катастрофизация, у психологов с низким уровнем жизнестойкости выражены больше.

В сравнении психологов со средним и низким уровнем жизнестойкости статистически достоверные различия выявлены только по стратегиям совладающего поведения. В механизмах психологической защиты и стратегиях когнитивной регуляции эмоций различий выявлено не было. Таким образом, для группы со средним уровнем жизнестойкости, в отличие от группы с низким уровнем, характерны такие стратегии совладающего поведения, как конфронтационный копинг и дистанцирование, а именно проявление трудностей в решении проблемы, импульсивность, желание дистанцироваться от нее.

Результаты корреляционного анализа показали, что у психологов с высоким уровнем жизнестойкости контроль себя и ситуации позволяет не дистанцироваться от проблемы. Достоверно установлено, что ярко выраженная готовность к риску способствует большей заинтересованности в решении проблемы, а не стремлению избежать её.

У психологов со средним уровнем жизнестойкости высокий контроль себя и своих состояний стимулирует умение минимизировать влияние эмоций на стрессовую ситуацию и анализировать её. Высо-

кая готовность к риску снижает стремление перекладывать вину за ситуацию на других. А вовлеченность в деятельность, умение включаться в решение жизненных задач способствует развитию умения анализировать ситуацию, составлять план действий по её решению и смотреть на ситуацию в сравнении.

У психологов с низким уровнем жизнестойкости все её компоненты способствуют снижению раздражительности и агрессии на других. Высокий контроль над собой и своими состояниями содействует рациональному анализу ситуации, но мешает взгляду на неё в сравнении. А вот вовлеченность в деятельность и готовность к неожиданностям,

наоборот, выражаются в умении отстраниться от ситуации и сравнить её с другими, но в некоторых ситуациях мешают рациональному анализу.

Излишняя погружённость психологов в деятельность и высокое чувство самоценности приводит к обвинению других, перекладыванию вины. А чувство отвергнутости – к самокритике и неудовлетворенности.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о существующих различиях в стратегиях когнитивной регуляции эмоций у практикующих психологов с разным типом проявления жизнестойкости и их разным поведением в стрессовых ситуациях.

Список источников

1. Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание и стратегии совладания в трудных жизненных ситуациях : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Москва, 2007. 31 с.
2. Богомаз С.А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья // Здоровье нации – основа процветания России : материалы научно-практических конгрессов Всероссийского форума. 2008. Т. 2.
3. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс: физиологические и психологические реакции / под ред. Л. Леви, В.Н. Мясичева. Ленинград : Медицина, 1970. С. 178–208.
4. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ. Санкт-Петербург : Речь, 2002. 539 с.
5. Писарева О.Л., Гриценко А. Когнитивная регуляция эмоций // Философия и социальные науки: Научный журнал. 2011. № 2. С. 64–69.

References

1. Bityutskaya E.V. Cognitive measurement and coping strategy in difficult life conditions : dis. ... Ph.D. psychol. sciences : 19.00.01. Moscow, 2007. 31 p.
2. Bogomaz S.A. Human resilience as a personal resource for coping with stress and achieving a high level of health / S. A. Bogomaz // The health of the nation is the basis of Russia's prosperity : materials of scientific and practical congresses of the All-Russian Forum. 2008. Vol. 2.
3. Lazarus R. Theory of stress and psychophysiological studies // Emotional stress: physiological and psychological reactions / Ed. L. Levi, V.N. Myasishcheva. Leningrad : Medicine, 1970. P. 178–208.
4. Maddi S. Theories of personality: comparative analysis. St. Petersburg : Rech, 2002. 539 p.
5. Pisareva O.L., Gritsenko A. Cognitive regulation of emotions // Philosophy and social sciences: Scientific journal. 2011. No. 2. P. 64–69.

Информация об авторах

Е.В. Харчевникова – кандидат педагогических наук, доцент;
В.В. Нефёдова – выпускница кафедры общей, юридической и инженерной психологии.

Information about the authors

E.V. Harchevnikova – Candidate of Pedagogic Science, Associate Professor;
V.V. Nefedova – Graduate of the Department of General, Legal and Engineering Psychology.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 159.9.072
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-98-103

ПОЛОВЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ И САМООТНОШЕНИЯ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Игорь Владимирович Галактионов¹, Игорь Дмитриевич Гребенник²

^{1, 2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹igor.galaktionov.63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9495-4061>

²2020101388@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ показателей различных категорий самооотношения в структуре Я-концепции в группах детей разного пола старшего подросткового возраста. Установлена половая и гендерная специфика различных показателей самооотношения, а также особенности формирования гендерной идентичности в ранней юности. В статье также представлены результаты корреляционного анализа взаимосвязей различных категорий самооотношения и гендерной идентичности в данной возрастной группе.

Ключевые слова: Я-концепция, самооотношение, маскулинность, фемининность, андрогинность, гендерная идентичность

Original article

SEXUAL AND GENDER FEATURES OF SELF-CONCEPT AND SELF-ATTITUDE IN SENIOR ADOLESCENCE

Igor V. Galaktionov¹, Igor D. Grebennik²

^{1, 2}Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹igor.galaktionov.63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9495-4061>

²2020101388@pnu.edu.ru

Abstract. The article presents a comparative analysis of the indicators of various categories of self-attitude within the structure of the self-concept in groups of children of different sexes in senior adolescence. It establishes the sex and gender specificity of various indicators of self-attitude, as well as the features of gender identity formation in early adolescence. The article also presents the results of a correlation analysis of the relationships between various categories of self-attitude and gender identity in this age group.

Keywords: self-concept, self-attitude, masculinity, femininity, androgyny, gender identity

Постановка проблемы и краткий теоретический анализ

Гендерные исследования сегодня являются одними из самых актуальных направлений в психологической науке. Они включают в себя, в том числе, изучение особенностей Я-концепции с точки зрения гендера, т.е. определения представлений о психологических характеристиках и нормах поведения мужчин и женщин, а также возможностей формирования положительного самовосприятия у каждого из полов. Юношеский возраст может стать для данных исследований одним из самых перспективных периодов развития, поскольку он совпадает с завершающим периодом половой и гендерной идентификации даже у подростков ретардантов и, таким образом, является периодом подведения итогов этих процессов.

Исследованием проблемы самооотношения и становления Я-концепции в юношеском возрасте занимались такие авторы, как: Л.С. Выготский [3], У. Джеймс [4], К. Роджерс [6], Р. Бернс [2], С.Л. Рубинштейн [7], В.В. Столин [8], Э. Эриксон [9] и др.

Актуальность исследования гендерных особенностей Я-концепции и самооотношения в период ранней юности в контексте проблемного поля возрастной психологии не вызывает сомнения. И эти различия непременно должны учитываться при организации образовательной и воспитательной работы со школьниками 15–16 лет. Гендерная специфика самооотношения является пока еще мало исследованной областью психологической науки, хотя представляет значительный интерес как в теоретическом, так и в прикладном плане.

Я-концепция – это специфическое, индивидуальное восприятие человеком самого себя, которое выражается в его противопоставлении другим людям из социума. Человек ориентируется на свою биологическую и социальную целостность, учитывая при этом временной фактор. В.В. Столин отмечает роль родителей в развитии Я-концепции ребёнка [8]. К. Роджерс предлагает двухкомпонентную структуру Я-концепции, где важна конгруэнтность между Я-реальным и Я-идеальным для формирования позитивной Я-концепции [6]. Л.С. Выготский рассматривает возрастной аспект становления Я-концепции в рамках теории интериоризации [3]. С.Л. Рубинштейн утверждает, что Я-концепция является внутренним условием, определяющим активность человека [7]. Р. Бернс выделяет в структуре Я-концепции три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Он рассматривает три модальности: Я-реальное, Я-идеальное и Я-зеркальное [2].

Гендерный контекст отношений проявляется через соотношение личностных подструктур: «Я как индивидуум» и «Я как представитель гендерной группы». На внутриличностном уровне анализом гендерных отношений занимается отношение личности к себе, которое формируется в процессе сравнения своих психологических характеристик с набором качеств, соответствующих нормативному эталону своего пола, т.е. гендерной идентичности [5]. Традиционные гендерные характеристики, представленные в нашем исследовании, включают маскулинность (от англ. masculinity мужественность), которая представляет собой комплекс установок, моделей поведения и ожиданий, которые определяют социальные отношения к представителям этого пола. Традиционно считается, что маскулинность включает такие качества, как смелость, решительность, эмоциональная сдержанность, рационализм, амбициозность, стремление к лидерству, индивидуализм и агрессивность. Фемининность (от англ. femininity женственность) описывает характеристики, связанные с женским полом, и формы поведения, ожидаемые от женщины в конкретном обществе. Традиционно считалось, что фемининность биологически обусловлена; женщинам приписываются такие характеристики, как пассивность, отзывчивость, мягкость, заботливость, общительность и эмоциональность. Наконец третий вариант гендерных особенностей в методике С. Бем назван андрогинным, в структуре которого смешались в равном объеме качества двух традиционных гендеров [1].

Цель исследования – выявить половые и гендерные особенности Я-концепции и самоотношения стар-

ших подростков и определить характер их влияния на гендерную социализацию современных подростков.

Объектами нашего исследования явились гендерные особенности старших подростков и Я-концепция старших подростков. Гипотезой исследования стало наше предположение о том, что существует взаимосвязь между показателями самоотношения и гендерными особенностями старших подростков, а также о существенных отличиях в структуре Я-концепции у старшеклассников разного пола.

База исследования: КГБ ПОУ ХПЭТ, г. Хабаровск. В исследовании было задействовано 80 подростков (28 юношей и 52 девушки) в возрасте от 15 до 17 лет.

Эмпирическое исследование

Используемые методики: «Методика исследования самоотношения» (МИС) С.Р. Пантिलеева, Тест-опросник самоотношения личности В.В. Столина, С.Р. Пантилеева, Полоролевой опросник С.С. Бем, Методика изучения гендерной идентичности Л.Б. Шнейдер.

Ниже представлены результаты исследования различных категорий самоотношения у старших подростков по двум первым методикам, по которым нами были установлены статистически значимые различия в двух половых группах сравнения (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение высоких показателей самоотношения в группах подростков разного пола (методика исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантилеева и тест-опросник самоотношения (ТОС) В.В. Столина и С.Р. Пантилеева), %

Шкала самоотношения и её представленность в гендере	Юноши	Девушки
Открытость (ф), МИС	57	65
Самоуверенность (м), ТОС	29	65
Зеркальное Я (ф), МИС	79	58
Самоценность (м), МИС	57	46
Самопринятие, МИС	36	50
Самопривязанность, (ф) МИС	50	65
Внутренняя конфликтность, МИС	43	35
Самообвинение (ф), МИС	57	38
Аутосимпатия (м), ТОС	36	58
Ожидаемое отношение других, ТОС	29	38
Отношение других, ТОС (ф)	36	62
Саморуководство, (м) ТОС	93	58
Самопонимание, ТОС	64	54

Примечание – м – преобладание в шкале маскулинных качеств, ф – преобладание фемининных качеств.

Сравнительный анализ показателей самоотношения позволяет нам установить, что девушки более открыты, чем юноши. Высокий уровень открытости у подростков свидетельствует об их готовно-

сти к новым идеям, опыту и изменениям, чаще подростки проявляют любознательность, творческое мышление и адаптивность в различных ситуациях, готовность к взаимодействию с разными людьми, легко воспринимают критику и используют её для личного роста. Высокий уровень открытости также может способствовать лучшему пониманию и самопознанию, что является важным аспектом личностного развития. В классификации гендерных качеств эту характеристику можно отнести к категории фемининных, так что преобладание этих качеств в группе девушек является вполне логичным.

Более выражена в группе девушек и шкала «самоуверенность», что говорит о сильной вере этих подростков в свои способности, адекватном самовосприятии и готовности брать на себя ответственность за свои действия и решения, данное качество позволяет подросткам эффективно преодолевать трудности, достигать поставленных целей и строить позитивные взаимоотношения с окружающими. Уверенные подростки обычно проявляют инициативу, легко адаптируются к новому опыту и не боятся выражать свои мысли и чувства. Данную характеристику можно отнести к категории маскулинных, её преобладание у старших подростков женского пола может свидетельствовать о начальных стадиях изменений традиционных гендерных страт.

Высокий уровень зеркального Я у старших подростков говорит о высокой степени осознания и понимания того, как они воспринимаются окружающими, такие подростки внимательны к мнению других, умеют адекватно воспринимать обратную связь и использовать её для улучшения своего поведения и самовосприятия, обычно это способствует их социальной адаптации и улучшает их коммуникативные навыки, так как они способны учитывать социальные ожидания и соответствовать им. В группе юношей эта шкала представлена заметно лучше, чем в группе девушек. Вместе с тем большая часть характеристик этой шкалы представлена в структуре фемининного гендера.

А вот показатели шкалы «самоценность», которая значительно больше выражена в группе юношей, напротив, вполне соответствует традиционной гендерной модели маскулинности. Данный показатель у старших подростков говорит о том, что они ощущают свою значимость и важность, такие подростки обычно уверены в том, что они достойны уважения и внимания со стороны окружающих, ценят свои качества и достижения и имеют позитивное самовосприятие. Высокий уровень самоценности способствует уверенному поведению, повышенной мотивации и устойчивости в стрессо-

вых ситуациях, а также помогает строить здоровые и взаимоуважительные отношения с окружающими.

Шкала «самопринятие» значительно более выражена у девушек, что говорит о том, что девушки более склонны принимать себя такими, какие они есть, данные респонденты способны признавать и принимать свои сильные и слабые стороны, они понимают свои личностные особенности и не стремятся к идеалу, осознавая, что каждый человек имеет свои уникальные качества. Высокий уровень самопринятия помогает лучше адаптироваться к жизненным ситуациям, сохранять эмоциональное и психологическое равновесие, а также строить здоровые и искренние отношения с другими людьми. Набор психологических характеристик этой шкалы можно встретить как в структуре маскулинного (аутентичность, эмоциональная устойчивость), так и в структуре фемининного (гибкость, адаптивность) гендера.

Согласно полученным данным высокий уровень самопривязанности больше представлен у девушек, что говорит о том, что девушки лучше осознают свои потребности и чаще находятся в гармонии с собой. Высокий уровень самопривязанности у старших подростков говорит о гармоничном отношении к себе, осознании своих эмоциональных потребностей и умении заботиться о себе. Подростки проявляют позитивное внимание к своему психическому и физическому благополучию, умеют находить баланс между заботой о себе и окружающими, что способствует общему ощущению счастья и удовлетворенности жизнью. Высокий уровень самопривязанности способствует устойчивости к стрессу, улучшенному самоконтролю и положительным социальным взаимодействиям. Развитию качеств этой шкалы в группе девушек, возможно, способствует типично фемининная характеристика «акцент на внешности», заметно более представленная у лиц женского пола в нашей стране.

В группе юношей более выражены шкалы «внутренняя конфликтность» и «самообвинение», что говорит о том, что юноши немного больше подвержены внутренним противоречиям. Высокий уровень внутренней конфликтности у старших подростков говорит о наличии значительных внутренних противоречий и дисбаланса между различными аспектами их личности или жизненными целями, подростки могут испытывать частые внутренние споры, разногласия между своими желаниями и обязанностями или между своими ожиданиями и реальностью. Внутренняя конфликтность часто приводит к повышенной тревожности, напряженности и душевным страданиям, что может негативно сказываться на их психическом здоровье и со-

циальных взаимодействиях. Высокий уровень самообвинения может вести к заниженной самооценке, депрессии, тревожным расстройствам и трудностям в межличностных отношениях, мешая их личностному и социальному развитию. Таким образом, в данной эмпирической группе можно уверенно назвать юношей группой риска, в которой обнаруживаются наиболее серьезные негативные результаты по шкалам самоотношения.

Шкала «аутосимпатия» значительно больше представлена в эмпирической группе девушек. Данный факт может говорить о положительном отношении респондентов к себе, принятии своих качеств и особенностей, а также о способности испытывать симпатию и уважение к собственной личности. Это состояние часто сопряжено с внутренней гармонией, уверенностью в себе и позитивным мировосприятием. Старшие подростки с высоким уровнем аутосимпатии обычно демонстрируют здоровую самооценку, устойчивость к стрессам и социальному давлению, а также успешность в межличностных отношениях. В целом в этой шкале просматривается больше маскулиных характеристик.

Согласно полученным данным только треть старших подростков обоего пола ожидают положительного отношения к себе со стороны окружающих, что говорит о серьезных проблемах этих детей с социальным окружением, в то же время большая часть девушек настроены на позитивные отношения с окружающими, проявляя к ним симпатию и уважение, склонны к проявлению эмпатии и развитию позитивных отношений. У юношей эмпирической группы подобной направленности на позитивные отношения с окружающими не наблюдается.

Высокий уровень саморуководства и самопоследовательности говорит о преобладании у респондентов мужского пола способности целеполагания и преодоления трудностей, относительно высоком уровне надежности и последовательности действий. Это, несомненно, маскулиная характеристика, и она является самой ярко выраженной в данной группе юношей.

Для большинства респондентов юношей и половины девушек в эмпирической группе характерен высокий уровень самопонимания, что говорит о том, что эти подростки хорошо осознают свои эмоции, мысли и поведение. Они способны анализировать свои внутренние состояния и хорошо понимают, почему они поступают так или иначе.

Поводя итог сравнительного анализа категорий самоотношений, представленных в табл. 1, и их соотношения с характеристиками гендерных страт маскулинности и фемининности, можно сделать

вывод о том, что границы традиционных гендерных характеристик в двух половых группах юношеского возраста значительно изменяются. Так, в группе юношей помимо преобладания традиционных маскулиных качеств в категориях самоотношения (самоценность, саморуководство), проявились и традиционно фемининные (самообвинение), а в группе девушек помимо типично фемининных качеств среди характеристик самоотношения (открытость, самопривязанность, отношение других) начали преобладать и типично маскулиные (самоуверенность, аутосимпатия). Существуют общие черты в самоотношении юношей и девушек, но есть и значительные различия. Например, девушки чаще обращают внимание на свою внешность и социальное взаимодействие, тогда как юноши больше фокусируются на достижении целей и независимости. У представительниц женского пола может быть более выражена потребность в эмоциональной поддержке и понимании со стороны окружающих, в то время как юноши обычно предпочитают решать проблемы самостоятельно. Но последняя позиция может создавать для представителей мужского пола значительные трудности в процессе самореализации, так как у них нет возможности в случае различных затруднений обратиться за помощью к окружающим, а в ситуациях недостижимых целевых установок они как типичные индивидуалисты относят причины неудач к самим себе, своим недостаткам. Поэтому в данной группе мы увидели высокий уровень выраженности внутренней конфликтности и самообвинения.

Подобное смешение полоролевых характеристик не могло не повлиять и на структуру гендерных особенностей данной эмпирической группы, что и показали исследования этих качеств по методике «Полоролевой опросник» С.С. Бем (табл. 2).

Таблица 2

Процентное распределение старших подростков по разным уровням маскулинности и фемининности по методике «Полоролевой опросник» С.С. Бем, %

Гендер	Пол	
	М	Ж
Маскулиный	15	4
Фемининный	7	15
Андрогинный	64	63
Андрогинно-маскулиный	14	4
Андрогинно-фемининный	–	14

Анализ данных табл. 2 подтвердил нашу гипотезу о нарастании тенденции к смешению традиционных гендерных качеств у современных детей в

период ранней юности. Так, большинство старших подростков мужского и женского пола были нами отнесены к андрогинному гендеру. У 7 % юношей и 4 % девушек вообще наблюдается трансформация гендерной роли в сторону противоположного пола. Лишь 15 % юношей и девушек придерживаются традиционных гендерных моделей поведения.

То, каким образом эти изменения повлияли на процесс гендерной социализации старших подростков, показала методика изучения гендерной идентичности (Л.Б. Шнейдер). Результаты этого исследования представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты исследования гендерной идентичности старших подростков по методике Л.Б. Шнейдер, %

Гендерная идентичность	Пол	
	М	Ж
Достигнутая позитивная	57	54
Диффузная	36	23
Преждевременная	7	–
Мораторий	–	15
Псевдоидентичность	–	8

Анализ данных, представленных в табл. 3, показал, что в эмпирической группе только около половины респондентов как мужского, так и женского пола достигают позитивной гендерной идентичности. Это статус идентичности, которым обладает человек, сформировавший определённую совокупность личностно значимых для него целей, ценностей и убеждений, переживающий их как личностно значимые, обеспечивающие ему чувство направленности и осмысленности жизни. Репрезентацией достигнутой идентичности является позитивное самоотношение при положительном оценивании собственных качеств и стабильной связи с социумом, а также полной координации механизмов идентификации и обособления. Следует отметить, что большинство респондентов эмпирической группы, у которых определился данный показатель, в группе юношей были представителями маскулинного, андрогинно-маскулинного и андрогинного гендера, в группе девушек – андрогинного и фемининного гендера.

Диффузная идентичность – это статус идентичности, при котором не имеется прочных целей, ценностей и убеждений и попыток их активно сформировать. Человек с «диффузной идентичностью» может вступить в стадию «моратория» и затем перейти к «зрелой идентичности». Но он может также навсегда остаться на уровне «преждевременной идентичности», отказавшись от актив-

ного выбора и самоопределения, или пойти по пути диффузии.

В группе юношей диффузная идентичность была представлена у респондентов андрогинного и маскулинно-андрогинного гендеров, а в группе девушек – у подростков андрогинного и андрогинно-фемининного гендера.

Преждевременная идентичность предполагает высокие показатели по авторитарности и низкие по самостоятельности. Преждевременная идентичность возникает в тех случаях, когда человек вообще не делал независимых жизненных выборов, идентичность не осознаётся, скорее это вариант навязанной идентичности. Данный тип идентичности в группе юношей был представлен у респондентов андрогинно-маскулинного гендера.

Мораторий – это статус идентичности, при котором человек находится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, пробуя различные варианты. Мораторий обычно предполагает высокий уровень тревожности. Данный тип идентичности был представлен у девушек маскулинного и андрогинно-маскулинного гендера.

Псевдоидентичность – это стабильное отрицание своей уникальности или, напротив, её амбициозное подчеркивание с переходом в стереотипию, а также нарушение механизмов идентификации и обособления в сторону гипертрофированности, нарушение временной связности жизни, ригидность Я-концепции, болезненное неприятие критики в свой адрес, низкая рефлексия. В некоторых случаях псевдоидентичность можно трактовать как гиперидентичность вследствие тотального поглощения статусом, ролью, работой, другим объектом или субъектом при высоко положительном оценивании собственных качеств и нарушении доверительных, гибких связей с социумом, стремлении достичь цели любыми средствами. Данный тип идентичности определился у девушек маскулинного гендера.

В целом можно сказать, что гендерная идентичность у современных девушек-подростков происходит с большим количеством девиаций и имеет более сложный характер.

На последнем этапе исследования был проведен корреляционный анализ между показателями гендерной идентичности и самоотношения старших подростков.

Наиболее выраженные показатели корреляции представлены в табл. 4. Статистически значимые взаимосвязи были установлены только с одним типом гендерной идентичности – достигнутой положительной.

Таблица 4
Результаты корреляционного анализа показателей самооотношения и гендерной идентичности (По Спирмену)

Шкала самооотношения	Тип гендерной идентичности	Коэффициент корреляции
Открытость	Достигнутая позитивная	0,654**
Самоуверенность	Достигнутая позитивная	0,463**
Зеркальное Я	Достигнутая позитивная	0,431**
Самопринятие	Достигнутая позитивная	0,455**
Самопривязанность	Достигнутая позитивная	0,354*
Самообвинение	Достигнутая позитивная	-0,429**
Аутосимпатия	Достигнутая позитивная	0,308*
Самоинтерес	Достигнутая позитивная	0,355*
Самоуверенность	Достигнутая позитивная	0,312*

Примечания – ** корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); * корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования, направленного на изучение половой и гендерной специфики самооотношения в структуре Я-концепции старших подростков, нами были установлены статистически значимые взаимосвязи между этими показателями, определены группы риска для более целенаправленной консультативной и коррекционной работы практических психологов, результаты исследования могут быть полезны для организации дифференцированного подхода в работе с данными группами детей юношеского возраста.

Список источников

1. Бем С.Л. Гендерная схема. Развитие и функционирование гендерных стереотипов / пер. с англ. Н.Н. Медведевой. Москва : Институт психологии РАН, 2011. 320 с.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. Москва : Прогресс, 1986. 422 с.
3. Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Собр. соч. В 6 т. Москва : Педагогика, 1983. 368 с.
4. Джеймс У. Психология. Москва : Просвещение, 1991. 396 с.
5. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен : монография. Москва : Проспект, 2019. 144 с.
6. Роджерс К. Взгляд на психотерапию, становление человека. Москва : Прогресс; Универс, 1994. 378 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 720 с.
8. Столин В.В. Самосознание личности. Москва : МГУ, 1983. 297 с.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва, 2006. 341 с.

References

1. Bem S.L. Gender schema. Razvitié i funkcionirovanie gendernyh stereotipov / per. s angl. N.N. Medvedevoj. Moscow : Institut psihologii RAN, 2011. 320 s.
2. Berns R. Razvitié Já-koncepcii i vospitanie. Moscow : Progress, 1986. 422 s.
3. Vygotskij L.S. Problemy razvitiá psihiki // Sobr. soč. V 6 t. Moscow : Pedagogika, 1983. 368 s.
4. Džejms U. Psihologija. Moscow : Prosvešenie, 1991. 396 s.
5. Klecina I.S., Ioffe E.V. Gendernye normy kak social'no-psihologičeskij fenomen : monografiâ. Moscow : Prospekt, 2019. 144 s.
6. Rodžers K. Vzglád na psihoterapiu, stanovlenie čeloveka. Moscow : Progress; Univers, 1994. 378 s.
7. Rubinštejn S.L. Osnovy obšej psihologii. Sankt-Peterburg : Piter, 2006. 720 s.
8. Stolin V.V. Samosoznanie ličnosti. Moscow : MGU, 1983. 297 s.
9. Ėrikson Ė. Identičnost': ũnost' i krizis. Moscow, 2006. 341 s.

Информация об авторах

И.В. Галактионов – кандидат психологических наук, доцент;
И.Д. Гребенник – магистрант.

Information about the authors

I. V. Galaktionov is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.
I.D.Grebennik is an undergraduate student.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 316.477
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-104-113

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАНИЙ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СУБЪЕКТА В ПЕРИНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЕГО ЖИЗНИ

София Анатольевна Болванович

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, dokima@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена жизнестойкости субъекта в её структурной взаимосвязи с перинатальным опытом как фундаментом психоэмоционального развития человека. Современные исследования позволяют дать более полную картину генезиса и последующей эволюции отдельных элементов перинатального опыта, связать их с имплицитными когнитивными, социально-когнитивными и эмоциональными процессами, лежащими в основе жизнестойкости. В работе анализируется трёхкомпонентная модель жизнестойкости С. Мадди; приводятся некоторые современные эмпирические данные в области перинатологии, позволяющие обосновать идею формирования психоэмоциональных и когнитивных оснований жизнестойкости во внутриутробном периоде.

Ключевые слова: жизнестойкость, жизнеспособность человека, перинатальный период, самоэффективность, совладание, адаптация, бессознательное, субъективная реальность

Благодарности: автор выражает искреннюю благодарность канд. филос. наук, доц. О.А. Рудецкому за научное и стилистическое редактирование статьи.

Original article

THE PROBLEM OF FORMING PSYCHO-EMOTIONAL AND COGNITIVE FOUNDATIONS OF RESILIENCE IN THE PERINATAL PERIOD

Sofia A. Bolvanovich

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, dokima@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the resilience of the individual in its structural relationship with perinatal experience as the foundation of human psycho-emotional development. Modern research allows for a more comprehensive understanding of the genesis and subsequent evolution of specific elements of perinatal experience, linking them to the implicit cognitive, socio-cognitive and emotional processes that underlie resilience. The paper analyzes the three-component model of S. Muddy's resilience. It provides some modern empirical data in the field of perinatology that supports the idea of forming psycho-emotional and cognitive foundations of resilience in the prenatal period.

Keywords: resilience, human resilience, perinatal period, self-efficacy, coping, adaptation, unconscious, subjective reality

Acknowledgments: the author expresses sincere gratitude to Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor O.A. Rudetsky for the scientific and stylistic editing of the article.

Одной из черт современной цивилизации является стремительная динамика её развития. Это обстоятельство влечёт увеличение информационной нагрузки на человека, включая необходимость быстро и эффективно оперировать большим количеством данных. Следствием такой информационной нагрузки становится рост эмоционального напряжения, продуцирующий повышенную тревожность, хронические стрессы, ощущение нестабильности и небезопасности жизни. Особой актуальностью в этой связи отличается проблематика жизнестойкости, поскольку неспособность противостоять внешним и внутренним вызовам влечет за

собой дисбаланс личностного развития, формирует благодатную почву для возникновения и углубления физических, психических и социальных проблем.

Оперируя понятием «жизнестойкость», современная наука не способна дать исчерпывающий ответ на вопрос о предпосылках возникновения этого феномена, неясной остаётся картина его генезиса. Одно из перспективных, на наш взгляд, направлений в этой области связано с исследованием перинатального опыта, когда генетическая детерминация развития человека является безусловной, закладывает биологический фундамент для любого опыта и субъективной реальности как

результата этого опыта [1]. В рамках данной статьи мы предлагаем рассмотреть формируемые в период внутриутробного развития эмоциональные и когнитивные основания жизнестойкости субъекта.

Понятие жизнестойкости и её структура

Концепция жизнестойкости (в англоязычной литературе *hardiness*, букв. выносливость) была введена Сьюзен Кобейсой в 1979 г. В её основе лежало представление об особом имманентном качестве личности, развивающемся в течение всей жизни, а именно – о сопротивляемости психологическому напряжению как механизму защиты от стрессовых заболеваний, включая кардиоваскулярные патологии [2]. Кобейса С. установила, что наряду с социальной поддержкой и физическими упражнениями определенные установки действительно обеспечивают причинную защиту против заболеваний, связанных со стрессом, несмотря на то, что наследственная уязвимость увеличивает риск таких заболеваний [3].

Значительный вклад в становление концепции жизнестойкости внёс американский психолог Сальваторе Мадди. Среди прочего он акцентирует внимание на трёх сравнительно автономных attitudes («3С»):

1) *commitment* (вовлеченность): предрасположенность к взаимодействию с людьми, вещами и контекстами, а не к отстраненности, изоляции или отчуждению;

2) *control* (контроль): борьба за влияние на происходящие вокруг события, а не пассивность и бессилие;

3) *challenge* (принятие риска): желание постоянно учиться на своем опыте, как положительном, так и отрицательном, вместо того, чтобы действовать осторожно, избегая неопределенностей и потенциальных угроз [4].

В контексте attitude-триады очевидным является усиление жизнестойкости благодаря физическим упражнениям и социальной поддержке [5].

Дальнейшие исследования 1980–1990-х гг. затрагивали ранний этап формирования жизнестойкости. В частности, подробный контент-анализ данных интервью и анкет показал, что менеджеры с высоким уровнем стрессоустойчивости хорошо помнили негативные эпизоды собственного детства, но равно с этим и родительскую веру в будущий успех. Они восприняли установку на благополучие и упорно трудились, чтобы оправдать надежду. Отношения с родителями воспринимались как крепкие, несмотря на трудную жизненную ситуацию. Мадди С. и его коллеги наглядно показали, что основы жизнестойкости формируются

ещё на этапе раннего детства, когда родители способствуют становлению у ребёнка адекватной картины мира – мира полного риска и опасности, мира, в котором бегство от стресса – далеко не лучшая жизненная стратегия. Чрезмерно опекающие родители, напротив, скорее вредят формированию жизнестойкости собственных детей [6].

В основе жизнестойкости лежит единство 3С-установок (приверженность, контроль и вызов) и стратегий (решение проблем, а не избегание; социально поддерживающее, а не конфликтное взаимодействие; полезная, а не чрезмерная забота о себе). Оно составляет фундамент того, что образно можно назвать «мужество жить» [7; 8]. Немаловажно отметить, что в становлении концепции *hardiness* большую роль сыграла экзистенциальная психология. В фокусе её внимания оказываются отвага, вера, любовь, жизненное стремление человека. Философскому осмыслению этих фундаментальных проявлений личности посвящён огромный пласт литературы.

Исследования 2000-х гг. значительно расширили понимание структуры жизнестойкости. В 2005 г. Мадди С. предложил добавить в 3С-модель четвёртый компонент – *connection* (связь), т.е. коммуникацию с другими людьми [9]. Позднее, в 2017 г. Мунд П. предложила культуру (*culture*) как пятый уровень, определяющий жизнестойкость человека-носителя этой самой культуры [10].

Мади С. заостряет внимание на проблеме повышения жизнестойкости, выделяя следующие её аспекты:

1. Устойчивые attitude выступают фундаментом активной адаптации к новым условиям, включая умение управлять ситуацией, принимать обоснованные риски и пр.

2. Стратегии мотивации обусловлены стремлением к трансформационному преодолению препятствий благодаря применению ресурсосберегающих методов совладания, а также готовности к действиям в условиях неопределенности и открытости к новым знаниям и возможностям.

3. Повышение функциональности иммунитета является следствием мобилизации психологических и физиологических ресурсов.

4. Применение практик стимулирования здоровья строится на принципе повышения личностной ответственности и обеспечения заботы.

5. Ключевое значение для преодоления жизненных вызовов имеет адекватная социальная поддержка, требующая развития навыков социального взаимодействия [7].

В концепции Мадди С. и его коллег жизнестойкость рассматривается как комплексное явление, в котором следует выделять:

а) ментальный уровень: активное взаимодействие, формирование смыслового поля, осознание собственной индивидуальности, ощущение обязанности, основополагающие психоустойчивые установки;

б) практический уровень: способность к самоконтролю, овладение умениями межличностного коммуникативного воздействия, разрешения проблематики и преодоления сложных жизненных контекстов.

Жизнестойкость выражается через ряд индикаторов: психоэмоциональное благополучие, резистентность к негативному влиянию стрессогенных ситуаций, способность к генерации и реализации целей, умение поддерживать душевное равновесие при высокой эффективности действий; высокий уровень адаптивности, целесообразность и обоснованность принимаемых решений, автономию, креативность, способность любить и испытывать счастье, мастерство справляться с вызовами жизни [11].

Стоит отметить, что в современной научной литературе концепция жизнестойкости неразрывно связана с понятием *жизнеспособности* (резилентности, в английском варианте *resilience*, букв. гибкость, упругость, эластичность), т.е. способностью быстро восстанавливать здоровое физическое и душевное состояние [12]. Мадди отмечает, что *hardiness* – это путь к *resilience*, *hardiness* (жизнестойкость) «увеличивает *resilience* (жизнеспособность) в широком диапазоне сложных обстоятельств жизни» [11]. В работах Джорджа Бонанно термин «*resilience*» означает способность человека поддерживать функциональное состояние на оптимальной отметке, несмотря на экстремальные условия, опираясь на иннативные психологические ресурсы [13]. «Посттравматический рост» рассматривается как способность человека трансформировать переживание травмы и боли в стимул для личностного роста и развития, учиться находить смысл в произошедших событиях, стремиться к социальной значимости, поддерживать окружающих и более полно осознавать собственное бытие. Резилентность включает в себя психологическую сопротивляемость и эмоциональную устойчивость. Это позволяет индивиду противостоять негативному воздействию внешней среды, сохранять функциональную активность и здоровье в условиях жизненных вызовов. Связь психологической резилентности с личностными характеристиками проявляется как в способности поддерживать стабиль-

ный уровень активности и позитивного настроения, так и в наличии таких качеств, как эмпатия, отказ от упрощенных жизненных ценностей, многообразие интересов и целей.

Таким образом, концепция жизнестойкости рассматривает последнюю как инструмент противостояния онтологической неопределенности жизненного выбора. Возникновение такого инструмента связано с ранними эпизодами детско-родительских отношений. В дальнейшем перспектива укрепления жизнестойкости зависит от бережного отношения к собственному здоровью, а также развития навыков социально-психологической адаптации личности [14].

Элементы перинатального опыта

Перинатальный период – начальный этап формирования психических структур, простирающийся от 28-й недели внутриутробной жизни плода до полных 7 суток после рождения. Перинатальный опыт оказывает огромное влияние на всё последующее развитие человека, служит первоосновой для будущей психологической устойчивости и адаптационных компетенций субъекта, влияя на способность к психической регуляции и поддержанию функционального состояния, несмотря на жизненные невзгоды [15].

В процессе перинатального развития отмечается ряд существенных биопсихосоциальных трансформаций, которые оказывают воздействие на психоэмоциональное и физиологическое состояние диады *мать-ребенок*. Становление родительских функций и опыт беременности характеризуются не только потенциалом для возникновения положительных эмоциональных состояний, но и могут провоцировать биопсихосоциальное напряжение матери, вплоть до дистресса [16].

В сфере исследований, охватывающих психологическое развитие в перинатальной стадии и когнитивные процессы, стоит отметить существенные затруднения в дифференцировании психических компонентов у эмбриона и новорожденного. Кроме устоявшегося в неонатологии представления о первых семи днях жизни как верхней границе рассматриваемого периода, перинатальная психология¹ акцентирует внимание на достижении ребёнком возраста трёх лет [1: с. 14]. К этому времени происходит ряд важных изменений:

¹ Перинатальная психология занимается диагностикой и изучением последствий психических нарушений, возникающих в гестационный период. Большое внимание уделяется использованию специальных методов, направленных на улучшение стрессоустойчивости и эмоционального состояния беременных.

1) прекращается симбиоз между материнским и детским организмами в форме единой нейроэндокринной системы, когда реакции обоих организмов на неблагоприятные факторы внешней среды являются идентичными [17: с. 115];

2) устраняется зависимость психики ребенка от психических функций матери;

3) преодолевается неспособность ребёнка отделить себя от окружающего мира, установить ясные физические и психические границы [18: с. 16].

Предшествующий период (точнее – от рождения до двух лет) был подробно описан Жаном Пиаже как сенсомоторная стадия развития интеллекта, характеризующаяся отсутствием как операциональных, так и рефлексивных процессов [19].

Особо сложной представляется задача установления пренатального (т.е. до рождения) базиса когнитивных функций человека. Здесь стоит отметить успех в области технологии четырехмерного ультразвукового сканирования (4D-УЗИ). Этот метод дополняет трёхмерную диагностику внутриутробного состояния плода за счет введения четвёртого временного измерения, что позволяет наблюдать за развитием ребёнка в реальном времени. Опираясь на результаты современных исследований, рассмотрим ключевые элементы перинатального опыта.

1. *Сенсорная информация.* Присутствует в полном спектре в третьем триместре развития плода. В 2010-е гг. было установлено, что плод обладает способностью к обработке разнообразных сенсорных впечатлений, включая обонятельные, слуховые, вкусовые, зрительные, вестибулярные и тактильные ощущения [1; 20].

Первое, что было выявлено, – это способность плода различать вкус амниотической жидкости (в том числе отдавать предпочтение сладкому вкусу) [21], что, в свою очередь, указывает на формирование вкусовых предпочтений еще до рождения [22].

С двадцатой недели беременности плод начинает чувствовать запахи – это проявляется в поведенческих реакциях на приятные и неприятные ароматы [23]. Описанные реакции также наблюдаются у недоношенных детей с двадцать девятой недели беременности.

Что касается слуха, то с двадцать шестой недели плод реагирует на громкие звуки, а в третьем триместре уже происходит усиление его слуховых способностей [24]. Перцептивные способности к музыкальным произведениям у человеческого зародыша формируются начиная с 33-й недели эмбрионального развития, когда он демонстрирует первые ответные реакции на аудиальные стимулы, а к последним

неделям беременности он активно откликается на голос матери и другие знакомые голоса [25].

С двадцать восьмой недели беременности плод начинает реагировать на зрительные стимулы, что связано в первую очередь с развитием зрительных связей между различными частями мозга [26]. Зрительная кора продолжает созревать и после рождения ребенка [27].

Наконец, после двадцать пятой недели беременности, когда уже устанавливаются таламокортикальные связи, начинается обработка тактильных ощущений на кортикальном уровне, и это может интерпретироваться как начало формирования сознания у плода² [23].

В период седьмой с половиной недели беременности зародыш начинает демонстрировать моторные ответы на болевые стимулы. Эти реакции, хотя и сложны по физиологической природе, имеют место в отсутствие активации коры головного мозга, включая проведение по оси гипоталамус-гипофиз и воздействие на автономную нервную систему. Процесс возникновения болевых ощущений у плода связан с созреванием его нервной системы, что подразумевает формирование всех важных связей к промежутку времени от 24 до 26-й недели беременности. Достоверное обнаружение активности, вызванной болевыми импульсами, в соматосенсорной коре головного мозга у плода становится возможным на 29-й неделе гестации [28]. С 25-й недели, используя инфракрасную спектроскопию, можно наблюдать кортикальные болевые реакции, а выражения лица, похожие на таковые у взрослых, испытывающих боль, видны у недоношенных детей уже после 25 недель [22].

2. *Эмоциональное развитие.* Амигдала, элемент лимбической системы передней части головного мозга, заслуживает особого внимания в контексте нейрофизиологических основ эмоций, поскольку играет ключевую роль в процессах, связанных с эмоциональной памятью и разнообразием переживаний, включая страх, любовь, удовольствие и радость [29]. Развитие амигдалы начинается на ранних этапах эмбрионального развития [30],

² Хуго Лагеркранц в статье «The emergence of consciousness: Science and ethics» обозначает, что нейроны органов чувств (кроме обоняния) заканчивают формирование у подкормки головного мозга плода до 25-й недели гестационного возраста. Подкормка может быть до четырех раз толще кортикальной пластины и служит зоной ожидания и направляющим центром афферентов из таламуса и других отделов мозга. Соответственно, начинается вращение таламокортикальных нейритов в соматосенсорную, слуховую, визуальную и лобную доли. Подробно см.: [23].

что, в свою очередь, объясняет возникновение эмоций уже в период внутриутробного развития [31]. Доказательством эмоционального развития плода служат изменения в выражении его лица в ответ на различные стимулы [32]. Благодаря 4D-УЗИ на 2 и 3-м триместрах беременности были зафиксированы гримасы, улыбка, плач, похожие на выражение эмоций взрослых людей [33; 34]. Движения плода дополняют свидетельства его эмоциональной активности. Плод способен реагировать на разнообразные вкусовые и ольфакторные стимулы в форме удовлетворения либо несогласия [22].

3. *Эмбриональная память.* Плод способен сохранять память о телесных ощущениях и эмоциях, которые он испытывает в утробе матери и в процессе родов. Впоследствии они оказывают влияние на развитие человека, особенности его нервной системы. В перинатальный период закладываются основы перцептивного, а затем и пространственно-образного мышления человека. В эмбриональной памяти сохраняются архетипы как эхоического (голос матери), так и эмоционального (прототипы эмоций и чувств на основе материнской психики) характера. Эти архетипы формируют базисные элементы субъективной реальности, которые влияют на дальнейшее развитие личности [35].

4. *Способность к обучению* была исследована с использованием методов привыкания, классического обусловливания и демонстрационного обучения. В первом случае было установлено, что привыкание начинается с 22-й недели беременности и усиливается по мере развития плода (снижение интенсивности реакции на повторное предъявление знакомого стимула) [36]. По мере того как плод развивается, феномен привыкания наблюдается все чаще. Если мать испытывает стресс или депрессию, механизм привыкания формируется хуже. Вероятная причина этого состоит в дисфункциях, поражающих кору головного мозга плода. Нарушения сосредоточиваются преимущественно в пределах префронтальной и гиппокампальной зон³ [37]. Классическое обусловливание⁴ позволило выявить наличие условных реакций у плода в период

32–39-й недель беременности [38]. Благодаря методу демонстрационного обучения⁵ были выявлены различные реакции плода на 37 и 30-й неделях беременности на новые и уже знакомые звуки [39; 40]. Плоды на больших сроках продемонстрировали означенную реакцию, на меньших – нет. На 34-й неделе беременности было отмечено, что кора головного мозга ребенка производит селективную обработку материнского голоса [35]. Новорожденные, чьи матери часто смотрели определенные телепрограммы во время беременности, реагируют на мелодию этих программ после рождения [40].

5. *Восприятие пространства* является врожденным в силу того, что оно формируется в период внутриутробной жизни человека посредством двигательной активности и работы его сенсорных систем [41; 42]. Таким образом, будучи еще нерожденным, ребенок является частью пространственного континуума [1].

6. *Восприятие времени.* Биологическое основание субъективного времени – совокупность биоритмов высокой, средней и низкой частоты, формирующих интервалы и последовательность процессов жизнедеятельности. Это физиологические ритмы, задаваемые работой внутренних органов, и околосуточный ритм, обусловленный вращением Земли вокруг своей оси. Уже на 20–22-й неделях развития эмбриона выражены циркадианные ритмы функции сердечно-сосудистой системы, дыхательных движений, общей двигательной активности и уровня гормонов в крови. Эти колебания совпадают с чередованием дня и ночи, что, вероятно, вызвано изменением уровня мелатонина у матери и уровня глюкокортикостероидов в её крови [43]. Важной особенностью перинатального периода, влияющей на восприятие времени плодом, является сенсорная депривация и близкая к невесомости настройка вестибулярного аппарата.

7. *Привязанность.* Современные исследования показывают, что уже на стадии внутриутробного развития к пятому месяцу плод чувствует эмоциональное состояние матери и реагирует на него [44; 45]. Это в сущности пренатальный симбиоз матери и ребёнка. В послеродовом периоде начинают формироваться постнатальный симбиоз и постнатальная привязанность. Каким станет постнатальный симбиоз, зависит от пренатальной, или антенатальной, привязанности [15].

³ Аида Салигахиц Кадич, Филип Главач, Оливер Василь подробно описывают исследования с помощью метода наблюдения 4D-УЗИ в статье: «Достижение в области нейрофизиологии плода» (2018) [21].

⁴ Классическое обусловливание представляет собой метод, в котором сочетаются условный стимул (если предъявляют только его, реакции не будет) и безусловный стимул (плод отреагирует, даже если этот стимул будет предъявлен в одиночку). Если два стимула неоднократно воздействуют в паре, условный стимул также будет вызывать реакцию, именуемую условной.

⁵ Демонстрационное обучение (обучение воздействию) – метод, заключающийся в повторном воздействии стимула на плод и последующем сравнении полученной реакции с реакцией на незнакомый стимул или на тот же стимул неэкспонированного плода.

Таким образом, перинатальный опыт выступает фундаментом дальнейшего психоэмоционального развития человека. Современные исследования позволили дать более полную картину генезиса и последующей эволюции отдельных элементов этого опыта. В рамках внутриутробного развития образуются базовые характеристики внутреннего мира индивида, закладываются основы пространственно-образного мышления и пр. Данное обстоятельство позволяет выдвинуть предположение о связи перинатального опыта с феноменом жизнестойкости субъекта.

Перинатальный опыт как фундамент жизнестойкости

Концепция жизнестойкости отсылает нас к области экзистенциальных переживаний. Не случайно обращение Мадди С. к понятию экзистенциальной тревоги, способной принимать патологическую форму. Нормальный тип тревоги помогает человеку справляться со страхами и экстремальными ситуациями, патологический же заставляет человека закрываться от мира. Её происхождение, а также способность с ней справиться глубоко индивидуальны и укоренены в опыте, истоки которого требуют возвращения к проблематике сознания и бессознательного, субъективной реальности, её генезиса и структуры. Опираясь на данные современных исследований, мы можем смело утверждать, что истоки мужества как способности справиться с экзистенциальными вызовами лежат как раз в области перинатального опыта.

Ещё Лоренц К. указывал, что мышление и восприятие имеют некие врождённые функциональные структуры, предшествующие индивидуальному опыту⁶. Онтогенетически это находит своё объяснение в том обстоятельстве, что уже в перинатальном периоде головной мозг ребенка практически полностью сформирован как морфологически, так и функционально. Можно утверждать, что нейрофизиологически он готов для образования субъективной реальности. Ряд специалистов устанавливают, что в это время образуются основы внутреннего мира человека, которые изменяются в дальнейшей жизни лишь незначительно, являясь каркасом психики и поведения. Базовые элементы этого каркаса – сенсорная информация, эмоциональное развитие, чувство целостности тела, пространственно-временной континуум субъективной реальности формируют сначала перцептивное, а затем и пространственно-образное мышление ребенка.

⁶ Подробнее см.: Лоренц К. *Оборотная сторона зеркала*. Москва : Республика, 1998. 393 с.

Сегодня накоплен достаточно большой эмпирический материал, позволяющий говорить о *связи жизнестойкости с элементами перинатального опыта*. Обширный спектр эмоций становится проявленным ещё до момента рождения. Первый эмоциональный опыт человек получает внутриутробно, плод воспринимает окружающий мир через ощущения, которые испытывает мать. Исследования показывают, что материнский стресс влияет на уровень кортизола у плода, что в дальнейшем может предопределять его реакцию на стресс и формирование предрасположенности к доверию или недоверию к миру [35]. Ранние взаимодействия и эмоциональные связи в перинатальный период оказывают глубокое влияние на развитие аффективных компонентов устойчивости, например таких, как привязанность и саморегуляция.

Для длительного сохранения перцептивно-образной информации используется память о событиях личного типа, закладывающая основы личного опыта. Она выстраивается в перманентном взаимодействии правого полушария и лимбической системы. Фрейд предположил, что в истории каждого человека можно проследить опыт рождения, в дальнейшем определяющий его паттерн тревоги. Другими словами, рождение является своеобразным архетипическим опытом и в целом огромной сенсорной стимуляцией, т.е. головной мозг получает настолько сильный стимул, что способствует дальнейшему его развитию. Уже в скором времени он сможет эффективно контролировать свои телесные процессы, будет способствовать организации паттерна тревоги младенца, сохраняя при этом уникальные черты развития, накладывая на генетические характеристики детерминированную тревогу и паттерны, способствующие привязанности конкретного младенца [21]. Реакция тревоги, генетически обусловленная, вероятно, проявляется в болезненно чувственном реагировании организма на рефлекторном уровне, это можно видеть во внутриутробной жизни в отдельных образованных рефлексах, которые могут быть преобразованы при рождении в реакцию тревоги.

Многочисленные исследования подтверждают, что гормоны, выделяемые в организмах матери и ребенка в период схваток и потуг, в течение первого часа после родов остаются в кровотоке, например морфиноподобные гормоны. Нам известен и тот факт, что ребенок во время родов также выделяет собственные эндорфины, а какое-то время после родов мать и ребенок находятся под действием опиатов. Также известно о гормонах группы адреналина, они помогают ребенку включить соб-

ственные механизмы выживания, а матери – защитить свое дитя. Выброс норадреналина (гормона агрессии) помогает плоду адаптироваться к нехватке кислорода, а матери быть полной сил и агрессии – одной из сторон материнской любви [46]. Современные открытия той сложной роли, которую играют гормоны в последующих отношениях матери и ребенка, помогают понять всю сложность онтогенеза [47]. Очевидно, если организм матери, являющийся первой средой для ребенка, работает так, как нужно, наследственные особенности раскрываются в уникальный опыт субъекта, который интегрируется в систему целостного Я, самосознания.

Современная концепция жизнестойкости связывает её непосредственно с опытом человека, делая акцент на детско-родительских отношениях. Это в значительной мере объясняет индивидуальные различия в уровне жизнестойкости людей. В контексте 3С-модели Мадди С. (commitment–control–challenge) высокий адаптационный потенциал человека обусловлен широтой когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций. Однако именно перинатальный опыт служит фундаментом этих реакций, образует психоэмоциональное и когнитивное основание жизнестойкости.

Список источников

1. Сердюков Ю.М. Перинатальный опыт // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. XIX, № 3. С. 10–25.
2. Kobasa S.C. Stressful life events, personality, and health: An inquiry into hardiness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. № 37(1). P. 1–11.
3. Maddi S.R. The story of Hardiness: Twenty years of theorizing, research, and practice // *Consulting Psychology Journal Practice and Research*. 2002. № 54(3). P. 173–185.
4. Maddi S.R. *Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth*. 2013. 261 p.
5. Kobasa S.C., Maddi S.R., Puccetti M., Zola M. Relative effectiveness of hardiness, exercise, and social support as resources against illness // *Journal of Psychosomatic Research*. 1986. № 29. P. 525–533.
6. Khoshaba D.M., Maddi S.R. Early experiences in hardiness development // *Consulting Psychology Journal*. 1999. № 51. P. 106–116.
7. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. Москва : Смысл, 2006. 63 с.
8. Kumar U., Maddi S.R. Hardiness as a pathway to resilience under stress // *The Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience*. New York, 2017. 318 p.
9. Maddi S.R., Khoshaba D.M. *Resilience at Work: How to Succeed No Matter What Life Throws at You*. New York : Amacom Books, 2005. 216 p.
10. Mund P. Hardiness and culture: a study with reference to 3 Cs of Kobasa // *International Research Journal of Management, IT & Social Sciences*. 2017. № 4. P. 152–159.
11. Maddi S.R. Personal Hardiness as the Basis for Resilience. 2013. 411 p.
12. Махнач А.В. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // *Психологический журнал*. 2012. Т. 33, № 6. С. 84–98.
13. Bonanno G.A., Galea S., Bucchiarelli A., Vlahov D. Psychological resilience after disaster: New York City in the aftermath of the September 11th terrorist attack // *Psychological Science*. 2006. № 17(3). P. 181–186.
14. Maddi S.R., Harvey R.H., Khoshaba D.M., Lu J.L., Persico M., Brow M. The personality construct of hardiness, III: relationships with repression, innovativeness, authoritarianism, and performance // *Journal of Personality*. 2006. № 74. P. 575–598.
15. Арндт И.Г., Петров Ю.А., Чеботарёва Ю.Ю., Тарасова А.Ю. Современные вопросы перинатальной и послеродовой психологии // *Главный врач Юга России*. 2022. № 4(85). С. 65–68.
16. Walker L.O., Avant K.C. *Strategies for theory Construction in Nursing*. NJ : Prentice-Hall, 2011. 148 p.
17. Батуев А.С. У истоков пренатальной психологии // *Развитие личности*. 2008. № 1. С. 113–123.
18. Добряков И.В. *Перинатальная психология*. Санкт-Петербург : Питер, 2010. 234 с.
19. Пиаже Ж. Психология интеллекта // Пиаже Ж. *Избранные психологические труды*. Москва : Международная педагогическая академия, 1994. С. 51–236.
20. Salihagić Kadić A., Predojević M. Fetal neurophysiology according to gestational age // *Seminars in Fetal & Neonatal Medicine*. 2012. № 17(5). P. 256–260.
21. Salihagic Kadic A., Glavac F., Vasilj O. Advances in understanding of neurophysiological function of the fetus // *Donald School Journal of Ultrasound in Obstetrics and Gynecology*. 2018. № 12(1). P. 23–31.
22. Lagercrantz H. The emergence of consciousness: Science and ethics // *Seminars in Fetal & Neonatal Medicine*. 2014. № 19. P. 300–305.
23. Mennella J.A., Jagnow C.P., Beauchamp G.K. Prenatal and postnatal flavor learning by human infants // *Pediatrics*. 2001. 107: E88
24. Joseph R. Fetal brain and cognitive development // *Developmental Review*. 1999. № 20. P. 81–98.
25. Kostovic I., Judas M., Petanjek Z. [et al.]. Ontogenesis of goal-directed behavior: anatomo-functional considerations // *International Journal of Psychophysiology*. 1995. № 19. P. 85–102.
26. Eswaran H., Wilson J.D., Preissl H. [et al.]. Magnetoencephalographic recordings of visual evoked brain activity in the human fetus // *Lancet*. 2002. № 360. P. 779–780.

27. Hevner R.F. Development of connections in the human visual system during fetal mid-gestation: a Dil-tracing study // *Journal of Neuropathology & Experimental Neurology*. 2000. № 59. P. 385–392.
28. Lee S.J., Ralston H.J., Drey E.A. [et al.]. Fetal pain: a systematic multidisciplinary review of the evidence // *JAMA*. 2005. № 294. P. 947–954.
29. Joseph R. Environmental Influences on Neural Plasticity, the Limbic System, Emotional Development and Attachment: A Review // *Child Psychiatry and Human Development*. 1999. № 29(3). P. 189–208.
30. Humphrey T. The development of the human amygdala during early embryonic life // *Journal of Comparative Neurology*. 1968. № 132(1). P. 135–165.
31. Delafield-Butt J.T., Trevarthen C. Theories of the development of human communication. Theories and Models of Communication // Cobley P, Schultz PJ, (eds.) *Handbook of Communication Science*. Berlin : De Gruyter Mouton, 2013. Vol. 1. P. 199–221.
32. Hata T., Kanenishi K., AboEllail M.A.M. [et al.]. Fetal Consciousness: Four-dimensional Ultrasound Study // *Donald School Journal of Ultrasound in Obstetrics and Gynecology*. 2015. № 9(4). P. 471–474.
33. Kurjak A., Andonotopo W., Hafner T. [et al.]. Normal standards for fetal neurobehavioral developments—longitudinal quantification by four-dimensional sonography // *Journal of Perinatal Medicine*. 2006. № 34(1). P. 56–65.
34. Reissland N., Francis B., Mason J. Can healthy fetuses show facial expressions of “pain” or “distress”? // *PLoS One*. 2013. № 8(6).
35. Болванович С.А., Рудецкий О.А. Формирование предрасположенности к доверию в перинатальный период человеческой жизни // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2024. Т. XXI, Вып. 3. С. 36–71.
38. Leader L.R., Baille P., Martin B. [et al.]. The assessment and significance of habituation to a repeated stimulus by the human fetus // *Early Human Development*. 1982. № 7(3). P. 211–219.
39. Yamaguchi S., Hale L.A., D’Esposito M. [et al.]. Rapid prefrontal-hippocampal habituation to novel events // *Journal of Neuroscience*. 2004. № 24(23). P. 5356–5363.
40. Hepper P.G. Fetal “soup” addiction // *Lancet*. 1988. № 1. P. 1347–1348.
41. Jardri R., Houfflin-Debarge V., Delion P. [et al.]. Assessing fetal response to maternal speech using a noninvasive functional brain imaging technique // *International Journal of Developmental Neuroscience*. 2012. № 30(2). P. 159–161.
42. Hepper P., Scott D., Shahidullah S. Newborn and fetal response to maternal voice // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 1993. № 11. P. 147–153.
43. Andonotopo W., Medic M., Salihagic-Kadic A. [et al.]. The assessment of fetal behavior in early pregnancy: comparison between 2D and 4D sonographic scanning // *Journal of Perinatal Medicine*. 2005. № 33(5). P. 406–414.
44. Zoia S., Blason L., D’Ottavio G. et al. Evidence of early development of action planning in the human foetus: a kinematic study // *Experimental Brain Research*. 2007. № 176(2). P. 217–226.
45. Einspieler C., Prayer D., Prechtl H.F. *Fetal behavior: a neurodevelopmental approach*. London : Cambridge University Press, 2012.
46. Di Pietro J.A., Kivlighan K.T., Voegtline K.M., Costigan K.A., Moore G.A. It Takes Two: An Antenatal to Postnatal RDoC Framework for Investigating the Origins of Maternal Attachment and Mother–Infant Social Communication // *Development and Psychopathology*. 2021. № 33(5). P. 1539–1553.
47. Santaguida E., Bergamasco M. A Perspective-Based Analysis of Attachment from Prenatal Period to Second Year Postnatal Life // *Frontiers in Psychology*. 2024 May 22. 15:1296242.
48. Оден М. Роды и эволюция Homo sapiens. Москва : Изд-во Назаровых, 2018. 216 с.
49. Сюсюка В.Г. Психэмоциональный статус и изменения гормонального профиля беременных женщин // *Акушерство и гинекология*. 2016. № 5. С. 76–81.

References

1. Serdyukov Yu.M. Perinatalnii opit [Perinatal experience] // *Sotsialnie i gumanitarnie nauki na Dalnem Vostoke*. 2022. Т. XIX, № 3. P. 10–25.
2. Kobasa S.C. Stressful life events, personality, and health: An inquiry into hardiness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. No. 37(1). P. 1–11.
3. Maddi S.R. The story of Hardiness: Twenty years of theorizing, research, and practice // *Consulting Psychology Journal Practice and Research*. 2002. No. 54(3). P. 173–185.
4. Maddi S.R. *Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth*. 2013. 261 p.
5. Kobasa S.C., Maddi S.R., Puccetti M., Zola M. Relative effectiveness of hardiness, exercise, and social support as resources against illness // *Journal of Psychosomatic Research*. 1986. No. 29. P. 525–533.
6. Khoshaba D.M., Maddi S.R. Early experiences in hardiness development // *Consulting Psychology Journal*. 1999. No. 51. P. 106–116.
7. Leontev D.A., Rasskazova Ye.I. Test zhiznestoikosti [Vitality test]. Moscow : Smisl, 2006. 63 p.
8. Kumar U., Maddi S.R. Hardiness as a pathway to resilience under stress // *The Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience*. New York, 2017. 318 p.
9. Maddi S.R., Khoshaba D.M. *Resilience at Work: How to Succeed No Matter What Life Throws at You*. New York : Amacom Books, 2005. 216 p.
10. Mund P. Hardiness and culture: a study with reference to 3 Cs of Kobasa // *International Research Journal of Management, IT & Social Sciences*. 2017. No. 4. P. 152–159.
11. Maddi S.R. *Personal Hardiness as the Basis for Resilience*. 2013. 411 p.

12. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost kak mezhdistsiplinarnoe ponyatie [Resilience as an interdisciplinary concept] // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2012. T. 33, no. 6. P. 84–98.
13. Bonanno G.A., Galea S., Bucchiarelli A., Vlahov D. Psychological resilience after disaster: New York City in the aftermath of the September 11th terrorist attack // *Psychological Science*. 2006. No. 17(3). P. 181–186.
14. Maddi S.R., Harvey R.H., Khoshaba D.M., Lu J.L., Persico M., Brow M. The personality construct of hardiness, III: relationships with repression, innovativeness, authoritarianism, and performance // *Journal of Personality*. 2006. No. 74. P. 575–598.
15. Arndt I.G., Petrov Yu.A., Chebotaryova Yu.Yu., Tarasova A.Yu. Sovremennye voprosy perinatalnoi i poslerodovoi psikhologii [Contemporary issues of perinatal and postnatal psychology] // *Glavnii vrach Yuga Rossii*. 2022. No. 4(85). P. 65–68.
16. Walker L.O., Avant K.C. *Strategies for theory Construction in Nursing*. NJ : Prentice-Hall, 2011. 148 p.
17. Batuev A.S. U istokov prenatalnoi psikhologii [At the origins of prenatal psychology] // *Razvitie lichnosti*. 2008. № 1. P. 113–123.
18. Dobryakov I.V. *Perinatalnaya psikhologiya* [Perinatal psychology]. Sankt-Peterburg : Piter, 2010. 234 s.
19. Piazhе Zh. Psikhologiya intellekta [Psychology of intelligence] // *Piazhе Zh. Izbrannye psikhologicheskie trudi*. Moscow : Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1994. P. 51–236.
20. Salihagić Kadić A., Predojević M. Fetal neurophysiology according to gestational age // *Seminars in Fetal & Neonatal Medicine*. 2012. No. 17(5). P. 256–260.
21. Salihagic Kadic A., Glavac F., Vasilj O. Advances in understanding of neurophysiological function of the fetus // *Donald School Journal of Ultrasound in Obstetrics and Gynecology*. 2018. No. 12(1). P. 23–31.
22. Lagercrantz H. The emergence of consciousness: Science and ethics // *Seminars in Fetal & Neonatal Medicine*. 2014. No. 19. P. 300–305.
23. Mennella J.A., Jagnow C.P., Beauchamp G.K. Prenatal and postnatal flavor learning by human infants // *Pediatrics*. 2001. 107: E88
24. Joseph R. Fetal brain and cognitive development // *Developmental Review*. 1999. No. 20. P. 81–98.
25. Kostovic I., Judas M., Petanjek Z. [et al.]. Ontogenesis of goal-directed behavior: anatomo-functional considerations // *International Journal of Psychophysiology*. 1995. No. 19. P. 85–102.
26. Eswaran H., Wilson J.D., Preissl H. [et al.]. Magnetoencephalographic recordings of visual evoked brain activity in the human fetus // *Lancet*. 2002. No. 360. P. 779–780.
27. Hevner R.F. Development of connections in the human visual system during fetal mid-gestation: a Dil-tracing study // *Journal of Neuropathology & Experimental Neurology*. 2000. No. 59. P. 385–392.
28. Lee S.J., Ralston H.J., Drey E.A. [et al.]. Fetal pain: a systematic multidisciplinary review of the evidence // *JAMA*. 2005. No. 294. P. 947–954.
29. Joseph R. Environmental Influences on Neural Plasticity, the Limbic System, Emotional Development and Attachment: A Review // *Child Psychiatry and Human Development*. 1999. No. 29(3). P. 189–208.
30. Humphrey T. The development of the human amygdala during early embryonic life // *Journal of Comparative Neurology*. 1968. No. 132(1). P. 135–165.
31. Delafield-Butt J.T., Trevarthen C. Theories of the development of human communication. Theories and Models of Communication // Copley P, Schultz PJ, (eds.) *Handbook of Communication Science*. Berlin : De Gruyter Mouton, 2013. Vol. 1. P. 199–221.
32. Hata T., Kanenishi K., AboEllail M.A.M. [et al.]. Fetal Consciousness: Four-dimensional Ultrasound Study // *Donald School Journal of Ultrasound in Obstetrics and Gynecology*. 2015. No. 9(4). P. 471–474.
33. Kurjak A., Andonotopo W., Hafner T. [et al.]. Normal standards for fetal neurobehavioral developments—longitudinal quantification by four-dimensional sonography // *Journal of Perinatal Medicine*. 2006. No. 34(1). P. 56–65.
34. Reissland N., Francis B., Mason J. Can healthy fetuses show facial expressions of “pain” or “distress”? // *PLoS One*. 2013. No. 8(6).
35. Bolvanovich S.A., Rudetskii O.A. Formirovanie predispozitsionnosti k doveryiu v perinatalnii period chelovecheskoi zhizni [Formation of a predisposition to trust in the perinatal period of human life] // *Sotsialnie i gumanitarnie nauki na Dalnem Vostoke*. 2024. T. XXI, Vip. 3. P. 36–71.
36. Leader L.R., Baille P., Martin B. [et al.]. The assessment and significance of habituation to a repeated stimulus by the human fetus // *Early Human Development*. 1982. No. 7(3). P. 211–219.
37. Yamaguchi S., Hale L.A., D’Esposito M. [et al.]. Rapid prefrontal-hippocampal habituation to novel events // *Journal of Neuroscience*. 2004. No. 24(23). P. 5356–5363.
38. Hepper P.G. Fetal “soup” addiction // *Lancet*. 1988. No. 1. P. 1347–1348
39. Jardri R., Houfflin-Debarge V., Delion P. [et al.]. Assessing fetal response to maternal speech using a noninvasive functional brain imaging technique // *International Journal of Developmental Neuroscience*. 2012. No. 30(2). P. 159–161.
40. Hepper P., Scott D., Shahidullah S. Newborn and fetal response to maternal voice // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 1993. No. 11. P. 147–153.
41. Andonotopo W., Medic M., Salihagic-Kadic A. [et al.]. The assessment of fetal behavior in early pregnancy: comparison between 2D and 4D sonographic scanning // *Journal of Perinatal Medicine*. 2005. No. 33(5). P. 406–414.
42. Zoia S., Blason L., D’Ottavio G. et al. Evidence of early development of action planning in the human foetus: a kinematic study // *Experimental Brain Research*. 2007. No. 176(2). P. 217–226.
43. Einspieler C., Prayer D., Prechtl H.F. *Fetal behavior: a neurodevelopmental approach*. London : Cambridge University Press, 2012.

44. Di Pietro J.A., Kivlighan K.T., Voegtline K.M., Costigan K.A., Moore G.A. It Takes Two: An Antenatal to Postnatal RDoC Framework for Investigating the Origins of Maternal Attachment and Mother–Infant Social Communication // *Development and Psychopathology*. 2021. No. 33(5). P. 1539–1553.

45. Santaguida E., Bergamasco M. A Perspective-Based Analysis of Attachment from Prenatal Period to Second Year Postnatal Life // *Frontiers in Psychology*. 2024 May 22. 15:1296242.

46. Oden M. *Rodi i evolyutsiya Homo sapiens* [Genera and evolution of Homo sapiens]. Moscow : Izd-vo Nazarovikh, 2018. 216 p.

47. Syusyuka V.G. Psikhoemotsionalnii status i izmeneniya gormonalnogo profilya beremennikh zhenshchin [Psycho-emotional status and changes in the hormonal profile of pregnant women] // *Akusherstvo i ginekologiya*. 2016. № 5. P. 76–81.

Информация об авторе

С.А. Болванович – аспирант.

Information about the author

S.A. Bolvanovich is a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
Личность в эпоху цифровых технологий

PERSONALITY PSYCHOLOGY
PERSONALITY IN THE DIGITAL AGE

Научная статья
УДК 159. 9:316.6
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-114-119

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ЭСКАПИЗМА
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Елена Викторовна Гончарова¹, Elizaveta Игоревна Путинцева²

^{1,2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹Gelvic_777@mail.ru

²elis_ssssa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема эскапизма, выделяются его виды, формы. Доказано влияние индивидуально-личностных свойств пользователей социальных сетей на избегающее поведение.

Ключевые слова: эскапизм, эмоциональная устойчивость, экспрессивность, индивидуально-личностные свойства, интровертированность, личность

Original article

INDIVIDUAL-PERSONAL PREDICTORS OF SOCIAL MEDIA USERS' ESCAPISM

Elena V. Goncharova¹, Elizaveta I. Putintseva²

^{1,2}Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹Gelvic_777@mail.ru

²elis_ssssa@mail.ru

Abstract. The article discusses the problem of escapism, distinguishes its types and forms. The interconnection and influence of personality traits of social media users on avoidance behavior are demonstrated.

Keywords: escapism, emotional resilience, expressiveness, individual and personal qualities, introversion, personality

Термин «эскапизм» вошел в научный оборот с конца 60-х гг. XX в. как способ избегания обыденной реальности, уход от нее в «инореальность» путем фантазирования, чтения, развлечений и т.д.

Избегание обыденности происходит различными способами и соотносится с возрастными особенностями индивидов, их материальными возможностями и социально-культурными нормами общества.

Основными причинами эскапизма являются:

– страх, вызванный происходящими в обществе коллизиями. Социально-политические изменения происходят гораздо быстрее, чем меняются социальные представления и нормы личности;

– культурный шок, связанный с попаданием человека в иную культурную среду;

– расхождение между «Я-реальным и «Я-идеальным», провоцирующее человека к экстремальным формам эскапизма;

– расхождение между существующей реальностью и возможностью выбора форм самореализации [1];

– стремление разнообразить повседневную рутину, обогатить мизерность впечатлений [2];

– стремление самоидентифицироваться через обретение себя и смысла [3].

Эскапизм как протестная активность дезинтегрированной личности в русле рассуждений А.Ш. Гусейнова рассматривается как бессодержательный риск, авантюризм, побуждаемый внутренними неразрешенными конфликтами и неустойчивыми ценностями личности [4].

Бегство от реальности как способ аутомифологизации личности рассматривает С.А. Яровенко. Стратегии психологической защиты снимают напряжение, тревогу, компенсируют недостающие качества личности в создаваемой иллюзии [5].

Наряду с исследованиями индивидуального проявления эскапизма прослеживается научный интерес и к коллективным видам его проявления.

Социальный эскапизм как сообщество людей, объединенных общей целью и системой ценностей, отличающихся от общепринятых (например, «чайлд-фри» – жизнь без детей, «дауншифтинг» – отказ от карьеры, материального благополучия), рассматривается в исследованиях Е.А. Скирдачевой как протест против социальных норм и представлений [6].

Е.А. Окладникова рассматривает одобряемый социальный эскапизм как креативную самореализацию, выражающуюся в создании экопоселений, участии в ролевых играх, рыбалке, общении в социальных сетях. Среди факторов, влияющих на формирование эскапизма как конструирования альтернативной реальности современной молодежи, автор выделяет: инфантильный гедонизм, опосредованный, в свою очередь, утратой духовности; социально-коммуникативный фактор, сформированный вследствие отсутствия молодежной политики и диктата власти, и, наконец, третий фактор – демографический. Данный фактор определяется периодом поиска себя, собственных переживаний, невозможностью самореализации [7].

Е.Н. Шапинская обращает внимание на социальный киберэскапизм, бегство в «иномирие» с помощью современных технологий. Погружение в ино-реальность, с одной стороны, снимает напряжение, раскрашивает собственную рутину цветными красками, позволяет снижать стресс. С другой стороны, «инореальность» вытесняет реальность пользователя, погружая его в «виртуальное безумие», когда фантазийная жизнь с её правилами переносится в реальность без критического осмысления [8].

Множественность подходов к исследованию данного феномена не дает однозначной интерпретации термина, но отражает суть: осознанный уход от обыденной реальности в «инобытие».

Функции эскапизма как сознательного творческого акта, сопровождаемого зависимостью от средств его осуществления, отчуждением от социума и пределинквентным поведением, рассмотрены В.И. Беловым:

- компенсаторная как возможность восполнения недостающего в реальной жизни: состояний, качеств личности;

- инструментальная как адаптация личности к новым условиям среды;

- протестная как неприятие собственных качеств личности или обстоятельств жизни;

- релаксационная как экстремальное времяпрепровождение [1].

Опираясь на вышеперечисленные функции, можно выделить формы эскапизма.

Нейтральный эскапизм как имманентное свойство сознания, способствующее адаптации личности к обстоятельствам жизни.

Позитивный эскапизм – форма социального поведения, отражающая стремление к достижению гармонии, снижению напряжения, душевному спокойствию.

Негативный эскапизм – форма дезадаптивного бегства от реальности, отклонение от социальной нормы через изменение сознания.

Амбивалентный эскапизм – фантазийное бегство в «инобытие» как форма творчества и застревание в грезах как деградация личности.

Экзистенциальный эскапизм – осознанный разрыв связей с другими людьми в ситуации смыслоутраты, например суицид [3].

Таким образом, ученые выделяют социально-приемлемый, общепринятый «мягкий» эскапизм: путешествия, творчество, чтение и более «жесткий» – бегство в «инобытие» с трансформацией «Я» [2].

Р.Е. Мантов выделяет психофизический эскапизм как форму бегства в компьютерные игры и интернет-пространство [9].

С появлением интернета и развитием виртуальных технологий уход в «инобытие» приобрел массовый характер за счет расширения возрастных, финансовых и социальных границ его пользователей. Интернет сегодня является неотъемлемой частью жизни, заменяет живое общение и нередко саму жизнь. Осознанный конструктивный эскапизм, выполняющий функцию адаптации при совладании с монотонией, стрессом, способен перерасти в дезадаптивное поведение, в зависимость.

Социальные сети предоставляют огромные возможности для общения пользователей, их самореализации. Уход в виртуальное общение оказывает двойственное воздействие на пользователя социальных сетей: развивается усидчивость, упорство, мотивация, с одной стороны, и происходит рост отчуждения от живого общения с людьми, с другой. Анонимность, безопасность, нередко безнаказанность снимают коммуникативные зажимы, расширяют средства и способы виртуального общения у одной категории пользователей социальных сетей и тормозят интерес и желание вступать в контакт у другой, направляя их к молчаливому пролистыванию чужих страниц в социальных сетях,

поглощению контента без критического осмысления, обособлению от социума.

Нас заинтересовал вопрос об индивидуально-личностных свойствах активных пользователей социальных сетей, которые проводят в социальных сетях 2 и более часа ежедневно. Почему психологически здоровая личность стремится окунуться в «инореальность»?

Активный пользователь социальных сетей – человек, который зарегистрировался, предоставил свои персональные данные, а также идентифицировался в одной из социальных сетей интернета.

Выборка исследования составила 56 чел. в возрасте от 22 до 25 лет (средний возраст 23,5 года), из них 87,5 % (49 чел.) – женщины, 12,5 % (7 чел.) – мужчины. Респонденты являются студентами вузов г. Хабаровска, а также активными пользователями социальных сетей.

С целью изучения влияния индивидуально-личностных качеств на проявление эскапизма были выбраны следующие психодиагностические методики:

1. Тест социально-психологической адаптации (К. Роджерс и Р. Даймонд в адаптации А.К. Осницкого) [10].

2. Пятифакторный опросник личности (5 PFQ) (Х. Тсуйи, Р. МакКрае, П. Коста в адаптации А.Б. Хромова) [11].

Результаты теста социально-психологической адаптации (шкала эскапизма в процентах) представлены на рисунке.

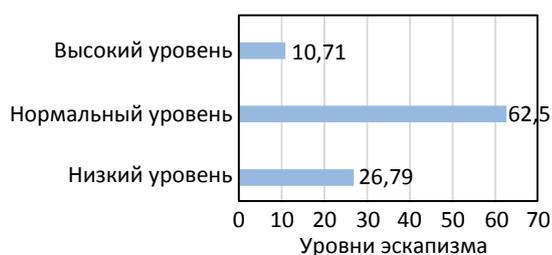

Рисунок. Уровни эскапизма пользователей социальных сетей, %

Как следует из графических результатов, ответы большинства респондентов соответствуют нормативным показателям – 62,50 %, низкий уровень

эскапизма выявлен у 26,79 %, у 10,71 % выявлен уровень высокий. Выборку по половому признаку мы не разделяли ввиду малого количества лиц мужского пола.

Высокий уровень бегства от рутины, скуки и обыденности характерен для людей с проблемами самопринятия, эмоционального дискомфорта, прокрастинацией, склонностью к избеганию проблем, а не их решению.

Лица с низким эскапизмом более адаптированы, более эмоционально стабильны, способны распознавать и управлять собственными эмоциями и поведением.

Возможно, респонденты воспринимают интернет-пространство как основной способ поиска информации, и удовлетворение познавательной потребности перерастает в компенсаторную активность при скуке и рутине.

Действительно, 80 % респондентов выделили главную причину «зависания» в социальных сетях – компенсаторную: усталость от работы, учебы; скука; монотония; низкий интерес к происходящему, страх от реальности. Для них это естественная реакция на стресс, дающая временное облегчение. 10 % респондентов считают, что бегство помогает обрести личностную идентичность, 8 % прибегают к эскапизму как творческой самореализации. При высоком уровне эскапизма может формироваться тенденция к обособленности, социальной отчужденности от реального мира и интернет-зависимости.

Далее рассмотрим результаты применения методики «Пятифакторный опросник личности» (табл. 1).

Рассмотрим результаты подробно по каждому фактору. Показатели фактора «Экстраверсия/Интроверсия» выражены на низком уровне у 32,14 % пользователей, на среднем уровне у 37,50 % и на высоком уровне у 30,36 % активных пользователей социальных сетей. Высокие значения показателей относятся к экстраверсии, готовности общаться, низкие значения свидетельствуют о выраженности интроверсии, закрытости, отстраненности от избыточных контактов.

Таблица 1

Результаты применения «Пятифакторного опросника личности»

Уровень	Экстраверсия/Интроверсия		Привязанность/Обособленность		Самоконтроль/Импульсивность		Эмоциональная устойчивость/Эмоциональная неустойчивость		Экспрессивность/Практичность	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Низкий	18	32,14	44	78,57	38	67,86	41	73,21	38	67,86
Средний	21	37,50	9	16,07	12	21,43	8	14,29	16	28,57
Высокий	17	30,36	3	5,36	6	10,71	7	12,5	2	3,57

Фактор «Привязанность/Обособленность» демонстрирует распределение высоких показателей у 5,36 %, средние результаты отмечены у 16,07 %, у 78,57 % пользователей выявлены низкие результаты. Высокие значения по фактору характерны для открытых, позитивных людей, низкие значения отражают склонность респондентов к дистанцированию от контактов, закрытости, недоверию.

Фактор «Самоконтроль/Импульсивность» выражен на низком уровне у 67,86 %, на среднем у 21,43 %, высокие показатели имеют 10,71 % пользователей. Низкие показатели характерны для более импульсивных людей с низкой волевой регуляцией, для которых удовлетворение сиюминутных потребностей типично. Для лиц с высокими показателями характерно обдумывание вариантов при принятии решения, аккуратность, ответственность, волевой контроль.

Четвертый фактор «Эмоциональная устойчивость/Эмоциональная неустойчивость» имеет высокие показатели у 12,50 % респондентов, 14,29 % имеют средние показатели, 73,21 % имеют низкие показатели значений. Высокие значения характерны для лиц эмоционально нестабильных, испытывающих затруднения над контролем эмоций и поведения, беспомощных перед трудностями. Низкие значения характерны для людей серьезных, практичных, думающих.

Пятый фактор «Экспрессивность/Практичность» имеет следующие результаты: высокие показатели выявлены у 3,57 %, средние у 28,57 %, низкие у 67,86 %. Высокие результаты отличают людей более экспрессивных, тяготеющих рутинной, отличающихся любопытством, неустойчивым интересом, беззаботностью. Низкие показатели характерны для лиц негибких, практичных, настойчивых, с устойчивым интересом, хорошо адаптированных.

На следующем этапе исследования мы использовали методы математической статистики.

Для выявления латентных переменных мы использовали коэффициент корреляции Спирмена в программе Microsoft Excel при помощи пакета «Анализ данных».

С помощью корреляционного анализа выявлена статистически значимая отрицательная взаимосвязь эскапизма с показателями эмоциональной устойчивости ($r = -0,584$) и экспрессивности ($r = -0,32$) (табл. 2).

Следовательно, эскапизм сильнее выражен у пользователей эмоционально неустойчивых и более практичных. Пользователям социальных сетей с выраженной обособленностью, уклоняющимся от рутинной деятельности, испытывающим затруднения с самоконтролем и не нуждающимся в расширении социальных контактов, свойственен эскапизм как способ ухода в «инореальность».

Таблица 2

Значения показателей корреляционного анализа Спирмена

Коэффициент корреляции Спирмена	
Факторы	Эскапизм
Экстраверсия/ Интроверсия	-0,145
Привязанность/ Обособленность	-0,048
Самоконтроль/Импульсивность	0,118
Эмоциональная устойчивость/Эмоциональная неустойчивость	-0,584**
Экспрессивность/ Практичность	-0,320*

Примечание – Полу жирным шрифтом выделены статистически значимые значения r при ($r \geq 0,01^{**} = 0,35$; при $r \geq 0,05^{*} = 0,27$). Критические значения для $N = 56$.

Для выявления влияния индивидуальных свойств личности пользователей социальных сетей на проявления эскапизма использовался множественный регрессионный анализ (МРА). Все расчеты проводились в программе Microsoft Excel при помощи пакета «Анализ данных».

Результаты статистического исследования показали, что корреляционная матрица не содержит мультиколлинеарных (имеющих сильную корреляционную связь) факторов, так как все коэффициенты корреляции не превосходят значение 0,7, поэтому все факторы могут быть задействованы для построения модели (табл. 3).

Перейдем к результатам множественного регрессионного анализа (табл. 4).

Таблица 3

Матрица парных сравнений

	Эскапизм	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Эскапизм	1					
Фактор 1	-0,213157387	1				
Фактор 2	-0,089944604	0,09571349	1			
Фактор 3	0,140036985	-0,11884965	0,320524266	1		
Фактор 4	-0,57396871	0,170709443	0,171006404	-0,034106462	1	
Фактор 5	-0,353216391	0,563662067	0,243885385	-0,082159869	0,395138262	1

Результаты множественного регрессионного анализа предикторов эскапизма

Показатель	Коэф.	Станд. Ош.	t-стат.	P-знач.	Нижние 95 %	Верхние 95 %	Нижние 95,0 %	Верхние 95,0 %
Y-пересечение	23,742	4,824	4,922	9,734	14,053	33,431	14,053	33,431
Переменная X1	-0,029	0,081	-0,354	0,725	-0,192	0,134	-0,192	0,134
Переменная X2	-0,003	0,081	-0,037	0,971	-0,167	0,161	-0,167	0,161
Переменная X3	0,069	0,078	0,896	0,374	-0,087	0,226	-0,087	0,226
Переменная X4	-0,248	0,059	-4,179	0,0002	-0,367	-0,129	-0,367	-0,129
Переменная X5	-0,082	0,111	-0,741	0,462	-0,305	0,141	-0,305	0,141

Примечание – X1 – Экстраверсия/Интроверсия; X2 – Привязанность/Обособленность; X3 – Самоконтроль/Импульсивность; X4 – Эмоциональная устойчивость/Эмоциональная неустойчивость; X5 – Экспрессивность/Практичность.

Опираясь на табличные результаты регрессионного анализа, мы можем выделить предикторы эскапизма: Экстраверсия/Интроверсия ($\beta = 0,724704321$, $p \leq 0,03$), Привязанность/Обособленность ($\beta = 0,970719725$, $p \leq 0,03$), Самоконтроль/Импульсивность ($\beta = 0,374303273$, $p \leq 0,03$), Экспрессивность/Практичность ($\beta = 0,462175738$, $p \leq 0,08$).

Следовательно, мы можем сделать вывод: индивидуально-личностными предикторами эскапизма у пользователей социальных сетей являются: интроверсия, обособленность, импульсивность и практичность (т.е. низкий уровень экспрессивности).

Таким образом, эскапизм взаимосвязан с индивидуально-личностными свойствами личности пользователей социальных сетей и зависит от них.

Эскапизм – психологический феномен, интерпретируется как способ бегства от обыденной действительности, проявляется у пользователей социальных сетей на разных уровнях сформированности и зависит от их индивидуально-личностных свойств. Позитивно-нейтральный эскапизм помо-

гает адаптироваться к происходящему, снимает напряжение. Высокий уровень эскапизма позволяет пользователям предаваться фантазиям, строить собственную «инореальность», расширяет возможности общения и самореализации.

Для более интровертированных пользователей эскапизм выполняет компенсаторную и инструментальную функции. Для лиц с низким эскапизмом характерна тенденция удовлетворять познавательную потребность, получать временное облегчение от происходящего. Позитивный эскапизм используется для гармонизации психологического состояния. Негативный эскапизм способен приводит к социальной дезадаптации личности и интернет-зависимости.

В ходе эмпирического исследования выявлена взаимосвязь и взаимообусловленность эскапизма с эмоциональной неустойчивостью и практичностью личности. Индивидуальные свойства личности, такие как интровертированность, обособленность, импульсивность и практичность, влияют на развитие эскапизма у пользователей социальных сетей.

Список источников

1. Белов В.И. Эскапизм: причины, функции и границы // Инновационная наука. 2017. № 3. С. 270–275.
2. Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. № 3. URL: http://www.nbpublish.com/view_post_225.html (дата обращения: 05.08.2024).
3. Литинская Д.Г. Новые стратегии экзистенциальных выборов в мире современного мегаполиса : эскапизм // Этпосоциум и межнациональная культура. 2011. № 9. С. 79–84.
4. Гусейнов А. Ш. Протестная активность личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2016. 54 с.
5. Яровенко С.А. «Бегство от реальности»: аутомифологизация как гармонизация «Я-бытия» через принятие иллюзии // Вестник Тамбовского университета. 2010. № 331. С. 50–55.
6. Скирдачева Е.А. Эскапизм в социологии: разработка понятия и определение социальных практик // Современная социологическая методология – от теории к практике. Санкт-Петербург : Скифия-Принт, 2013. С. 145–158.
7. Окладникова Е.А. Социальный эскапизм современной российской городской молодежи: факторы, практики, следствия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3(35). С. 74–83.
8. Шапинская Е.Н. Эскапизм в пространстве массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1. С. 180–185.
9. Мельникова Л.Г. Бытие эскейпизма в культуре // Электронная библиотека диссертаций. URL: www.dissercat.com/content/bytie-eskeipizma-v-culture (дата обращения: 05.08.2024).
10. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Москва : Изд-во Института психотерапии, 2002. 136 с.
11. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности : учебно-методическое пособие. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. 23 с.

References

1. Belov V.I. Eskapizm: prichiny, funkcii i granicy [Escapism: Causes, Functions, and Boundaries] // Innovacionnayanauka. 2017. № 3. S. 270–275.
2. Trufanova E.O. Eskapizm i eskapistское soznanie: kopredeleniyu ponyatij [Escapism and Escapist Consciousness: Towards the Definition of Concepts] // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 3. URL: http://www.nbpublish.com/view_post_225.html (accessed: 05.08.2024).
3. Litinskaya D.G. Novye strategii ekzistencial'nyh vyborov v mire sovremennogo megapolisa: eskapizm [New Strategies of Existential Choices in the World of the Modern Metropolis: Escapism] // Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. 2011. № 9. S. 79–84.
4. Gusejnov A.Sh. Protestnaya aktivnost' lichnosti [Protest activity of the individual] : avtoref. dis. ... dokt. psiholog. nauk. Krasnodar, 2016. 54 s.
5. Yarovenko S.A. «Begstvo ot real'nosti»: automifologizaciya kak garmonizaciya «Ya bytiya» cherez prinyatie illyuzii [Escape from reality": automythologization as harmonization of "I-being" through the acceptance of illusion] // Vestnik Tambovskogo universiteta. 2010. № 331. S. 50–55.
6. Skirdacheva E.A. Eskapizm v sociologii: razrabotka ponyatiya i opredelenie social'nyh praktik [Escapism in Sociology: Development of the Concept and Definition of Social Practices] // Sovremennaya sociologicheskaya metodologiya-ot teorii k praktike. St. Petersburg : Skifiya-Print, 2013. S. 145–158.
7. Okladnikova E.A. Social'nyj eskapizm sovremennoj rossijskoj gorodskoj molodezhi: faktory, praktiki, sledstviya [Social Escapism of modern russian urban youth: factors, practices, consequences] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2014. № 3 (35). S. 74–83.
8. Shapinskaya E.N. Eskapizm v prostranstve massovoj kul'tury [Escapism in the space of mass culture] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2019. № 1. S. 180–185.
9. Mel'nikova L.G. Bytie eskeipizma v kul'ture [The existence of escapism in culture] // Elektronnyaya biblioteka dissertacij. URL: [www.dissercat.com/content/bytie-eskeipizma v culture](http://www.dissercat.com/content/bytie-eskeipizma-v-culture) (accessed: 05.08.2024).
10. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M. Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp [Sociopsychological diagnostics of the development of personality and small groups]. Moscow : Izd-vo Instituta Psihoterapii, 2002. 136 s.
11. Hromov A.B. Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti : uchebno-metodicheskoe posobie [Five-factor personality questionnaire]. Kurgan : Izd-vo Kurganskogo gos. universiteta, 2000. 23 s.

Информация об авторах

Е.В. Гончарова – кандидат психологических наук, доцент;
Е.И. Путинцева – магистрант.

Information about the authors

E.V. Goncharova is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.
E.I. Putintseva is a Master's student.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 37.018
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-120-123

РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Наталья Евгеньевна Браженская

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, Хабаровск, Россия, netbr@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассмотрено значение семейного воспитания и его осуществление в образовательном процессе высшей школы. Также проанализировано влияние цифровых технологий на современные отношения и брак, причины разводов и отсутствие навыков сохранения союза. Автором приводятся рекомендации по проведению воспитательной работы со студентами в данном направлении, где ведущая роль отводится просветительской работе и введению отдельных вопросов в гуманитарные дисциплины.

Ключевые слова: семья, семейная педагогика, воспитание, семейные ценности, семейное самоопределение, студенческая молодёжь, юношеский возраст

Original article

DEVELOPMENT OF STUDENTS' FAMILY VALUES IN THE DIGITAL AGE

Nataliya E. Brazhenskaya

Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russia, netbr@yandex.ru.

Abstract. The article examines the importance of family education and its implementation in the educational process of higher education. It also analyzes the impact of digital technologies on modern relationships and marriage, the causes of divorce and the lack of skills to preserve the marriage. The author provides recommendations on conducting educational work with students in this area, where the leading role is given to educational work and the introduction of certain issues in the humanities.

Keywords: family, family pedagogy, upbringing, family values, family self-determination, student youth, adolescence

В 2020 г. в рамках внесения изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [3] воспитательная деятельность в образовательных организациях высшего образования была определена в числе приоритетных задач. Если патриотическому или гражданскому воспитанию студентов уделяется внимание, то семейное воспитание, несмотря на его значимость для будущего страны, остается без внимания. Хотя именно юношеский возраст (17–23 года) является сензитивным периодом для формирования представлений о семье и развитии ценностной сферы в данной области.

Согласно данным Росстата на 2024 г. в России на 1000 браков приходится 1211 разводов. Эти показатели выше, чем данные 2023 г., где 1083 разводов приходилось на 1000 браков [1]. Современное состояние семейных отношений в России со всей очевидностью свидетельствует о кризисе в этой сфере человеческого бытия, где цифровизация жизни не совпадает с психологией человека и его ценностями. Так, популярное в начале 2000-х гг.

такое социальное явление, как гостевой брак, не позволяет создать безопасную среду для развития детей, рожденных в такой форме со-существования, и не формирует эмоциональных привязанностей между всеми её членами. Также мы можем говорить о появлении нового семейного феномена «семья участника СВО», где муж и отец длительное время находится в командировке. Данная форма отношений требует высокой ценностной семейной культуры супругов и осознания цели создания их союза. Сегодня фиксируется не только высокий процент разводов, но и возрастающее количество гражданских браков, рост числа матерей-одиночек, полный отказ от отношений.

Цифровая эпоха вызывает необходимость пересмотра мотивов и ценностей, лежащих в основе создания брака. На это существуют полярно противоположные точки зрения: «семья изжила свои функции, в традиционной форме она должна отмереть» и «именно развитие семьи может вывести общество из ценностного и нравственного тупика».

Первый путь не решает никаких задач, просто констатирует факт и не предлагает эффективных вариантов замены.

Сторонники второй точки зрения предлагают множество вариантов решения этой важной социальной проблемы. Наиболее распространенный – это формирование элементарной грамотности в семейном строительстве и семейное просвещение во всех его видах и формах, на разных этапах становления личности человека и его опыта развития в семье – родительской или собственной.

Особое значение это приобретает в профессиях с высоким психологическим напряжением. Так как стрессовый характер профессиональной деятельности вызывает необходимость балансирования своего состояния рядом с близкими людьми.

Организация семейного просвещения требует разработки содержания для просветительской деятельности. Количество современных изданий на эту тему насчитывает сотни наименований. Десятки авторов пишут книги и дают практические советы о том, как понимать мужчину или женщину, как выйти замуж, как разрешать семейные конфликты. Популярная и научно-популярная литература на эту тему издаётся огромными тиражами, проводятся научные конференции по вопросам семьи и семейного воспитания. О семейных отношениях постоянно говорят представители всех религиозных конфессий. В России с 2008 г. отмечается праздник Петра и Февронии, легендарных супругов, которые и после смерти хотели быть вместе. Всё это говорит о востребованности данной тематики в обществе.

Однако целенаправленное семейное воспитание ни в одном образовательном учреждении не осуществляется. Такие учебные дисциплины, как «Семьеведение» или «Психология семейного самоопределения», введены в образовательных организациях высшего образования гуманитарного профиля, прежде всего, в методических целях профессиональной подготовки специалистов. Задачам семейного воспитания они отвечают лишь в определенной степени. Поэтому вопросам проектирования и развития семьи могут быть посвящены лишь отдельные темы в рамках психолого-педагогических и этико-философских дисциплин. Широко распространена точка зрения, согласно которой семейное воспитание наиболее эффективно происходит в условиях каждой конкретной семьи. Но поскольку современная семья, как уже говорилось выше, находится в условиях кризиса, то и вопрос о семейных ценностях студентов требует целенаправленного изучения и формирования в пространстве образовательной организации.

Внесение современных мировоззренческих основ в практику семейного просвещения является сейчас объективной необходимостью. Количество психолого-практической литературы, построенной на новом подходе к пониманию механизмов развития и построения счастливой жизни человека, огромно. И тут возникает методическая сложность: как не запутаться в количестве информации, порою противоречащей друг другу, особенно в юношеском возрасте, когда социальный опыт еще небольшой.

Содержание семейного воспитания должно опираться на ценности, принятые в Российской Федерации, и быть направлено на преодоление кризисов в данной сфере и понимание психолого-педагогических процессов, которые происходят в триадных отношениях муж–жена–дети.

Формы и методы семейного воспитания непосредственно зависят от условий, в которых оно реализуется. Для студентов обсуждение такого рода вопросов возможно в период их обучения в образовательных организациях высшего образования, на курсах повышения квалификации или в рамках целенаправленных мероприятий. Также подобные вопросы могут быть рассмотрены на учебных занятиях по психолого-педагогическим и философским дисциплинам, в рамках заседаний научного кружка или при проведении научно-исследовательской работы. Тема взаимоотношений между мужчиной и женщиной, а также построения семьи является одной из самых востребованных при определении тематики научных работ среди студентов-девушек.

Во II семестре 2023/24 учебного года на базе Дальневосточного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» было проведено исследование студентов 4-го курса разных форм обучения. Для диагностики семейных ценностей студентов были использованы мини-сочинение «Я через 10 лет», индивидуальные и групповые беседы. Всего в исследовании приняли участие 28 человек, 18 девушек и 10 юношей. В результате исследования была установлена бедность ролевых функций, а также преобладание гендерных стереотипов. Так, большая часть девушек отмечали, что через 10 лет успешно совмещают семью и карьеру, замужем и имеют двоих детей. Юноши указывали профессиональную реализацию и то, что состоят в отношениях. При этом никто из опрошенных не рассматривал качество отношений внутри пары и не мог раскрыть содержание фраз «замужем», «есть девушка». Иными словами, ими осознается необходимость отношений или брака, но ценностной составляющей это не имеет. Следует также пояснить, что под бедностью

ролевых функций понимается ограниченность в восприятии ролей. В текстах сочинения это выглядело так: «Я жена любимого мужчины»; «У меня есть двое детей. Я их люблю». При этом никто из опрошенных не мог пояснить, что значит быть женой или любить детей. Приведенные данные не являются исключением из общих правил, скорее можно говорить о тенденции в обществе. Цифровая эпоха с помощью социальных сетей создала картины жизни, которые не имеют отношения к реальности. Так как в виртуальном общении человек показывает только одну свою сторону, как правило, ту которую считает более выгодной. И эта односторонность передается и зрителям: есть только образ, но нет глубины. В результате это приводит к тому, что при столкновении с реальностью люди оказываются не готовыми к проживанию кризиса, не владеют навыками построения отношений.

Гендерные стереотипы ограничивают людей в рамках своих функций. Так, указанное опрошенными девушками рождение двух детей является именно таким стереотипом. И, как любое ограничение, не позволяет увидеть другие варианты, как, например, рождение большего числа детей или выбор материнства как возможности реализации. Это также негативно сказывается как на личности, так и на семье, потому что не позволяет увидеть многообразие вариантов и понять собственные потребности.

О том, что к этой теме имеется высокий интерес, особенно у женщин, свидетельствует большое количество платных семинаров, курсов, тренингов, консультаций, которые проводятся при образовательных, культурно-просветительских и медицинских учреждениях. Люди готовы тратить немалые средства для того, чтобы разобраться в причинах конфликтных отношений в собственной семье или семье детей. В связи с этим следует отметить, что мужчины меньше интересуются информацией подобного рода. Это может объясняться направленностью мужчин на решение разного рода проблем собственными силами, нежеланием публично проявлять слабость в каких-то вопросах и, следовательно, повышенным уровнем субъективного восприятия и опоры только на свой опыт. В таком случае лекционный формат позволит психологу или педагогу озвучить мнение, которое заставит мужчин несколько изменить свою картину мира. Однако это может быть связано и с тем, что мужчины меньше заинтересованы в личностном развитии, стремясь к социальным достижениям. В таком случае необходимо показать связь между благоприятным климатом в семье и социальной реализацией.

Общим содержанием для семейного просвещения студентов в образовательном процессе и воспитательной работе в образовательных организациях высшего образования является:

- развитие современного мировоззрения, ориентации на осмысленное и осознанное построение собственной жизни в паре;

- формирование отношения к семье как условия для достижения радостной, счастливой жизни, личностного роста и жизненного благополучия;

- самопознание и осознание собственных установок, стереотипов, идеализаций, преодоление которых впоследствии происходит методом «проб и ошибок»;

- формирование рефлексивных умений, которые позволяют анализировать собственные жизненные стратегии, внутренние конфликты, причины жизненных стрессов и неудач, затруднения во взаимоотношении и взаимодействии с окружающими.

Как было отмечено Мерзляковой С.В. и Бибарсовой Н.В., «В результате целенаправленного воспитания у студентов гуманистической и миротворческой ориентации личности ранняя зрелость оказывается наиболее благоприятным периодом для развития смысложизненных ориентаций, представлений о временной перспективе, готовности к выполнению обязанностей в соответствии с семейной ролью, уверенности в себе, внутреннего локуса контроля. Развитие высокой степени ответственности способствует формированию таких составляющих регулятивно-поведенческого компонента семейного самоопределения, как представления о временной перспективе и распределении супружеских ролей при реализации семейных функций» [2: с. 147].

Решение этих задач в образовательном процессе осуществляется средствами, свойственными каждой учебной дисциплине, или в ходе целенаправленной воспитательной работы. Самой важной целью просветительства в этой области следует признать формирование интереса к самообразованию в сфере семейных отношений.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что семейное воспитание сегодня является необходимостью как для государства и образовательных организаций, так и для каждого человека. Цифровая эпоха требует усиления семейных ценностей, выработки навыков построения и сохранения отношений как в паре, так и триаде муж–жена–ребенок. Юношеский возраст является наиболее благоприятным периодом для получения знаний об отношениях, формирования навыков существования в паре.

Список источников

1. Данные Росстата на 2023 и 2024 год. URL: https://yastatic.net/s3/web4static/_/v2/static/media/achievement_verified_16.4eeacdf6.svg (дата обращения: 10.09.2024).
2. Мерзлякова С.В., Бибарсова Н.В. Воспитание семейных ценностей и психолого-педагогическое сопровождение семейного самоопределения студентов цифрового поколения // Стратегии и ресурсы личностно-профессионального развития педагога: современное прочтение и системная практика. 2022. № 3. С. 144–147.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45788> (дата обращения: 10.09.2024).

References

1. Rosstat data for 2023 and 2024. URL: https://yastatic.net/s3/web4static/_/v2/static/media/achievement_verified_16.4eeacdf6.svg (accessed: 10.09.2024).
2. Merzlyakova S.V., Bibarsova N.V. Education of family values and psychological and pedagogical support of the family self-determination of students of the digital generation // Strategies and resources for personal and professional development of a teacher: modern interpretation and systematic practice. 2022. No. 3. P. 144–147.
3. On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" on the education of students : Federal Law No. 304-F3 of July 31, 2020. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45788> (accessed: 10.09.2024).

Информация об авторе

Н.Е. Браженская – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

N.E. Brazhenskaya is Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-124-131

ФЕНОМЕН МАТЕРИНСКОЙ АГРЕССИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Ольга Ивановна Маховская

Институт психологии Российская академия наук, Москва, Россия, makhovskayaoi@ipran.ru

Аннотация. В статье описан феномен женской агрессии в закрытых сетевых сообществах молодых матерей. Применялись качественные и количественные методы: глубокое интервью, включенное наблюдение и анкетирование участников исследования. Показано, что проявление агрессии считается нормой в женских сетевых сообществах. Причины агрессии у молодых матерей: культурологические (разрыв межпоколенных связей, стремление изменить традиционную модель поведения матери-жертвы), физиологические (послеродовая депрессия), социальные (давление социальных и экономических стандартов, инверсия мужских и женских ролей в обществе). Сетевая агрессия у женщин чаще носит демонстративный, компенсаторный, упреждающий характер. Указаны приемы модерирования и саморегуляции агрессии в сети.

Ключевые слова: цифровая социализация, матери, агрессия, нарциссизм, защитные механизмы, межпоколенный разрыв, нормализация, интервью, анкетирование, включенное наблюдение

Original article

THE PHENOMENON OF MOTHERS' AGGRESSION IN DIGITAL SOCIALIZATION

Olga I. Makhovskaya

Institute of Psychology, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, makhovskayaoi@ipran.ru

Abstract. The article describes the phenomenon of female aggression in closed online communities of young mothers. Qualitative and quantitative methods were used: in-depth interviews, included observation and questionnaires of the online group's participants. It is shown that the manifestation of aggression is considered the norm in women's online communities. The causes of aggression in young mothers are culturological (generation gap, the desire to change the traditional model of behavior of the mother-as-victim), physiological (postpartum depression), social (the pressure of social and economic standards, inversion of male and female roles in society). Online aggression in women is more often demonstrative, compensatory, and proactive. The techniques of moderation and self-regulation of aggression in the network are indicated.

Keywords: digital socialization, mothers, aggression, narcissism, defense mechanisms, intergenerational gap, normalization, interview, questionnaire, included observation

Ресурс цифровой социализации матерей

Если влиянию интернета на развитие детей и подростков уделяется достаточно внимания, то почти нет работ по цифровой социализации матерей, не менее важном ресурсе детского развития [3; 8]. Разделение на отцовскую и материнскую роли в рамках культурно-заданной (православной) модели семьи позволяет описать цифровую социализацию матерей. Материнская и отцовская фигуры максимально удалены друг от друга, власть принадлежит отцам, ответственность матерям [4; 5; 12]. В России отцы стали главными протagonистами новых технологий в семье, а для матерей сетевое взаимодействие может оставаться психотерапевтическим, компенсаторным способом совладания с негативными эмоциями в первые годы после беременности, в периоды семейных кри-

зисов. Цифровая социализация матерей происходит на фоне нарастающей социально-экономической конкуренции в обществе, ослабления институтов поддержки семьи и материнства, перераспределения функций в расширенной семье, реформ дошкольного и школьного воспитания и образования, что может усиливать напряженность до уровня агрессии.

Проблема материнской агрессии ставилась ранее вне контекста сетевого общения. Психофизиологи и психологи описывали феномен послеродовой депрессии, которая может носить характер ажитации, агрессии, в отдельных случаях запускать механизм биполярного расстройства. Около 13 % матерей страдают послеродовой депрессией [13]. Она может принимать характерные для подростков экстремальные формы из-за жестких внешних

предписаний, что должна чувствовать и как реагировать молодая мать, из-за задержки эмансипации, инверсии женских и мужских ролей в процессе социализации [3].

Из-за высокой неопределенности, вариативности, дистантности, анонимности интернет можно считать гигантской проективной методикой, которая позволяет выявить особенности мотивации и поведения, которые прежде оставались скрытыми, неочевидными даже для самих участников сетевых групп [6]. Социально-психологический аспект материнской агрессии проявляется в специализированных сетевых группах, «материнских» сообществах с определенными критериями отбора участников, специфическим кодом поведения, тематической направленностью.

Оптимистические взгляды на роль сетевого общения, уверенность, что оно помогает справиться с депрессиями, одиночеством и становится способом формирования новых положительных идентичностей, сопровождается тревожными данными о росте сетевой агрессии. Исследования показали, женщины ведут себя даже агрессивней и опасней, чем мужчины, например, быстрее распространяют компрометирующую информацию, сплетни [8; 9; 14–16]. Современные женщины позиционируют себя гораздо более агрессивными и могущественными, чем предписывается стереотипами и оценивается самими мужчинами. Женская вербальная агрессия, по мнению психологов, остается пассивной отложенной агрессией, и в отличие от прямой физической агрессии у мужчин она не влечет опасных последствий [1; 3].

Сетевая этика и медиаграмотность слабо контролируются самими сообществами, а тон в сети задают не эксперты, психологи, педагоги, а наиболее популярные блогеры, «звезды», часто молодые участники без образования и опыта. В условиях публичности некоторые формы поведения, которые прежде интересовали клиническую психологию, быстро распространяются, нормализуются и даже идеализируются. Это в полной мере касается сетевой агрессии, нарциссизма [6]. Произошло радикальное изменение представлений об интимности, которая стала публичной, а вместе с нею процессы, которые протекали скрыто, за кадром, сдерживались моральными чувствами стыда, долга, вины, стали объектом групповой манипуляции и контроля. Отмечается, что развитие новых технологий привело к нарушению традиций, обострило отношения между поколениями [6]. Несмотря на общественный и академический алармизм, мы считаем, что новые, как и старые (радио, телевиде-

ние, пресса), медиа могут стать ресурсом совладания с негативными эмоциями, гармонизации личности матери, отношений с её окружением [5], способствовать формированию установок на ответственное материнство.

Методы исследования

Цель статьи: на основании экспертизы сетевых проектов, включенного наблюдения в закрытых «материнских» сетевых группах, анкетирования, анализа текстов сообщений, а также очных глубоких интервью с участницами взаимодействия описать и проанализировать феномен сетевой агрессии у молодых матерей и его главные причины.

Гипотеза: предполагается, что высокий уровень агрессии в сетевых материнских сообществах обусловлен не только физиологическими, но и социально-психологическими, культурологическими причинами – разрывом межпоколенных связей в индивидуализирующемся обществе, социально-экономической конкуренцией среди молодых, низким уровнем солидарности внутри и вне семьи, высокой нейротизацией современных матерей, бывших «детей перестройки», низкой готовностью к ответственному материнству.

Методы: 22 глубинных онлайн интервью с участницами закрытых социальных групп, контент-анализ текстов сообщений 13 закрытых «материнских» сообществ (mamshare, mamochki, vladmama, uagmata и т.д., от 321 до сотен тысяч участников), анкетирование, в котором приняли участие 1472 женщины из этих групп.

Результаты и обсуждение

1. Мотивация

Как сообщили участники в процессе интервью и анкетирования, общение в группе служит им «отдушиной», «способом выпустить пар», «поучиться у других», «убедиться, что у подруг такие же проблемы», «сеть отвлекает от трудностей», «помогает терпеливо ждать пока он [ребенок] сосет грудь» и т.д. Анкетирование выявило три основных мотива – снять психологическое напряжение (около 24 % ответов), получить психологическую поддержку (37 %) и получить новую полезную информацию (73 %). Вовлеченность в сетевое общение может ослаблять родительский контроль, создавать эффект «психологически отсутствующей матери», которая свое благополучие и интересы ставит выше детских. Почти все участницы опроса уверены, что их сетевая активность не мешает, а помогает реальному родительству (91 %). Примечательно, что интервьюируемые стремились давать социально-желательные ответы, что само по себе может указывать на сильную потребность в психологиче-

ской защите и социальной поддержке у участниц взаимодействия. Кросс-культурные психологи отмечают, что пользователи из индивидуалистских культур ищут в сети информацию, а представители коллективистских культур стремятся выразить себя и получить психологическую поддержку [4; 5; 15]. В поведении молодых матерей в нашем исследовании выражены прагматические мотивы получить полезную информацию. Это поколение матерей, бывших «детей перестройки», выросло более индивидуалистическим, а не коллективистским, в отличие от поколения их матерей и бабушек. Альтернативой индивидуализации могла бы стать внутри- и межгрупповая солидарность [4].

Высокая активность матерей в социальных сетях обнаруживает внутрисемейную конкуренцию за внимание, время и удовольствия не только между родителями, но и между матерью и ребенком. Первородящие матери 25–26 лет (в среднем по России) сами остаются играющими детьми. Родителей и первенцев связывает детская по своему характеру конкуренция. Мы наблюдаем её развитие, когда родители и подростки оспаривают время и место возле компьютера. В среднем у компьютера больше проводят времени первородящие и неопытные матери: 78 к 22 % у матерей с двумя и более детьми.

2. Интенсивность сетевого взаимодействия

Интенсивность сетевого взаимодействия высокая, но неравномерная по группам: в среднем раз в неделю заходят в групповой чат 37 %, периодически, 2–3 раза в неделю – 12 %, раз в день – 18 %, постоянно на связи – 25 %, не только читают, но и выкладывают свои посты – 15 %, другие – 3 %. Большинство записавшихся в состав закрытых групп являются пассивными участницами, они не задают вопросы, не реагируют «лайками» на сообщения других, не высказывают свое мнение. Эти «невидимые» участницы обнаруживаются в «холодных» (горячих, принимающих характер бескомпромиссной войны) обсуждениях, количество «лайков» возрастает на порядок. Под типичным сообщением «материнского» сообщества обычно ставится 20–30 лайков. «Звезды», инициирующие обсуждения, систематически выкладывают свои посты, составляют всего 5 % участников, их доля уменьшается по мере увеличения числа участников группы. Таким образом, в группе происходит версификация участников по уровню активности и включенности. Общение внутри группы описывается «телевизионной моделью» сегментирования аудитории, когда большинство – только зрители, которые пассивно наблюдают за «звездами», только некоторые из них становятся «гостями студии».

3. Расслоение материнского сообщества по критерию «ответственность»

Анализируя содержание сообщений, мы обнаружили три стратегии социализации с учетом перспективы материнства, две из них противоположные – гиперответственных матерей и женщин с низкой ответственностью, отказом от материнства. В сети представлено новое движение мотивированных матерей, так называемые «мамашки-овуляшки». За два года до ожидаемой беременности они садятся на диету, соблюдают особый режим труда и отдыха, высчитывают циклы овуляции, выбирают лучший день, чтобы забеременеть. Гиперответственность «мамашек-овуляшек» противоположна стратегии полного отказа от ответственности за другого, от самого ребенка, которые мы наблюдали у представителей движения *child-free*, которое сейчас запрещено в России. Поляризация молодых женщин вокруг ценности материнства скрывается, может объясняться высокой нейротизацией молодых, страхом проиграть, страхом ответственности, санкций со стороны окружения и т.д. Еще одна, третья группа и стратегия – матери-скептики, которые с иронией относятся и к «мамашкам-овуляшкам» и к тем, кто бессрочно откладывает материнство или отказывается от него. Их скепсис распространяется и на матерей, бабушек, хотя, кажется, они ориентируются на традиционную модель материнства. Демонстрация критичности, независимости, автономности в сети мы расцениваем как эффекты эмансипации молодых матерей. Интервью показали, что в реальности они пользуются помощью семьи и подруг, но для них важно сохранять свою исключительную роль.

4. Причины закрытости сетевых сообществ матерей

Большинство «материнских» групп закрыты, в них можно попасть только по рекомендации участников. На вопрос, от кого закрываются, мы получили разные ответы: «От журналистов»; «В группах участвуют известные персоны, певицы, ведущие, участники медийных проектов. Мы не хотим, чтобы информация о проблемах или болезнях детей стала достоянием общественности»; «От мужей. Иногда женщины жалуются на своих любимых, но не для того, чтобы бросить, зачем их пугать?»; «От подруг, которые стремятся контролировать эмоции как в старые времена, но уже плохо понимают, что с тобой происходит»; «От домашних, пусть думают, что я занимаюсь только домом, а не отвлекаюсь на подруг»; «Когда я пришла, у них уже была закрытая группа».

В рамках традиционной модели семьи женщины (невестки, тещи, свекрови, соседки, подруги)

всегда неформально помогали друг другу. Можно сказать, в сеть перекечвала православная традиция сестринства или сходная советская традиция женской солидарности. Это обозначает, что теневая часть коллективной жизни женщин, построенной на взаимопомощи в трудных обстоятельствах, важна и для современных матерей, хотя большинство это отрицает (57 %); 21 % затруднились ответить. Женщины ищут опору вне семьи, не в отношениях с мужьями, но не хотели бы, чтобы этот скрытый ресурс стал объектом социального и психологического контроля. Активная женская солидарность размывает границы семьи, если решения принимаются вне семейного круга, в частности, в закрытых сетевых группах [3].

Закрытость поведения участников группы может служить показателем незащищенности и высокой тревожности участников группы. Агрессия – способ психологической защиты. Молодые матери испытывают давление со стороны высоких стандартов материнства, которые транслируются через медиа, медицинских, социальных работников («Сейчас набегут и начнется: ты же мать! Как тебе не стыдно!»), через мужей, которые хотели бы, чтобы их жены и дети соответствовали высокому статусу семьи («Он говорит, что жена – это круглосуточная работа, за которую он готов платить», «Он хочет меня контролировать, а меня это выбешивает, я и так завишу от ребенка!»). Общение в группах может носить и компенсаторный характер для поддержки положительной самооценки, социального признания. Закрытая сетевая группа может стать единственной референтной группой для женщины, привязанной к дому и вовлеченной в воспитание ребенка.

5. «Холливары» – периодические всплески агрессии

Периодически возникают так называемые «холливары» (от. holy war священная религиозная война) – обмен «горячими», иногда откровенно оскорбительными сообщениями, цель которых – ультимативно навязать свою точку зрения. Они вызывают наибольший ажиотаж и используются для привлечения внимания. К «горячим» темам в «материнских» сетевых группах относятся вопросы детского режима, практики кормления грудью, вопросы эмансипации детей, выбора направления путешествий, проблем раннего развития, сексуального воспитания и т.д. Внутри сетевых сообществ формируются группировки вокруг наиболее активных, иногда агрессивных участниц, которые прибегают к обценной лексике. Демонстрация агрессии и готовности нарушать социальные нормы, на наш взгляд, является неизжитым подростковым поведением. Грубые нападки на авторитетных или по-

пулярных личностей в сети вызывают наибольший отклик, возбуждают «фолловеров». Участники взаимодействия могут стать мишенями переадресации агрессии, и тогда можно наблюдать возбуждение группы как во время подросткового буллинга. Синдром одичания и проявление особой жестокости у подростков, которые внезапно оказываются вне родительского контроля и санкций, был описан в знаменитом романе «Повелитель мух» (1954) лауреата Нобелевской премии У. Голдинга.

Материнские стратегии подвержены модам. Новая мода – вызов традиционным представлениям о материнстве с идеалами жертвенности. Детоцентризм сменился материнским центризмом, когда интересы, состояние, желания матери ставятся на первый план. В сетевых обсуждениях был представлен и оставался постоянным референтом эпатажный «хολиварный» книжный тренд, жизнеописание молодых мам-блогеров: В. Паевская «Я плохая мама? Как воспитать ребенка, не имея на это времени», Е. Кронгауз «Я плохая мать?», Н. Папудогло «#Ты же мать», М. Трауб «Плохая мать», А. Быкова «Как стать ленивой мамой?». За нарочитой эпатажностью сообщений в материнских сетевых сообществах скрывается запоздалая личностная эмансипация, когда психологический подростковый возраст перемежается с материнством. Демонстрация в сети достатка, способности решать проблемы и одновременно ревнивое отслеживание навыков развития у чужих детей, достижений у других матерей указывает на более высокую ценность статуса и успеха самой матери, чем ценность физического здоровья ребенка, его привязанности к матери, которые поддерживались в условиях относительного социального равенства в советские времена [3]. Обсудить тему в группах не удалось, она вызвала агрессию и угрозу исключить из группы со стороны администратора.

6. Первородящие матери – послеродовой синдром

Первородящие матери активней присутствуют в сети, составляют до 80 % участников группы, ведут себя агрессивней. Дебют материнства для многих был связан с шоком: «После родов не было никаких салютов. Я поняла, что моя жизнь кончилась. Теперь я раба», «Муж хотел девочку, а я мальчика, в итоге он победил. Все будет, как хочет он!», «Мне нужен отдых. Но даже намеки на это вызывают раздражение. Особенно у моей мамы – она ведь растила меня одна!» Феномен послеродовой депрессии, судя по сетевым жалобам, имеет сложную композицию: страх не справиться, навредить ребенку, обмануть ожидания мужа, переживания по

поводу болезней или непонятных, новых проявлений у ребенка, усталость из-за бессонницы, кормления грудью, разочарование новой ролью матери, ощущение, что она недооценена, не произошло радикальной перемены в жизни, материнство не стало счастливым периодом жизни.

В литературе отмечается, что послеродовая агрессия может достигать стадии психоза, сопровождаться неконтролируемой агрессией, опасной для ребенка и самой матери. Агрессию матери по отношению к ребенку связывают и со сбоем этологической программы, переадресацией агрессии на ребенка или кого-то из членов семьи, няню, участниц сетевого взаимодействия. Выделяется несколько стадий материнской агрессии – стадия упреждающей агрессии, стадия агрессивно-конфликтного поведения и агрессивно-контактное поведение. Первая стадия плохо осознается, но именно она в силу экспрессивности, вербализации наиболее информативна и регулируема; она связана, как правило, с распределением ресурсов, территории и мест в иерархии [2]. На наш взгляд, именно она представлена в общении в сетевых сообществах. Активное общение в группах направлено на поддержание и защиту символического статуса «женщина-мать», нового для большинства участников «материнских» групп. Можно сказать, что первородящие матери проходят сетевую инициацию, виртуальное сообщество принимает их как настоящих взрослых матерей, компенсируя нехватку внимания в жизни.

7. Структура групп, социальная и психологическая защиты

Наблюдение за сетевым общением позволяет заключить, что внутри многочисленных «материнских» сообществ, несмотря на провозглашаемый демократизм («правила определяются и поддерживаются большинством»), существует иерархия, которая определяется опытом (стажем) материнства – у кого он больше, тот и прав, у того вес голоса больше. Так всегда было и в других российских закрытых сообществах, военных подразделениях или иммигрантских анклавах, в которых правила и стили жизни определяют авторитеты. Неформальная структура сильнее формальной, попытки внешних авторитетов (профессиональных психологов, родственников, не-матерей, мужей, мужчин) пресекаются, их высказывания становятся предметом насмешек и критики. Фигура серьезного опытного психолога не типична для сетевых сообществ. В одной из групп психологам строго запрещалось участие.

В группе есть «звезды» и «фолловеры», последователи, фанаты или просто симпатизирующие

им. Скрытая «дедовщина», презрение и агрессивное подавление проявляется со стороны тех, кто считает, что с рождением ребенка женщина должна получать внимание и заботу, а не отрабатывать социально заданные программы. Они пытаются получать удовольствие от воспитания (гедонизм против ответственности), но признают, что такое времяпрепровождение – привилегия избранных. Один их новых стилей материнства – путешествие вместе с младенцами по всему миру с выкладыванием селфи в сети и короткими рассказами. Так, на наш взгляд, в сети культивируется идентичность и стиль элитарности материнства. Материнство верифицируется вокруг ценностей «ответственность», «удовольствие», «счастье». Известный отечественный культуролог Ю. Лотман выделял три типа русских женщин: несчастных женщин, вечно жалующихся обреченных жертв; «богемных кокоток», использующих свою власть над другими за счет силы визуального образа; женщин-героинь, гиперответственных женщин, опорных фигур в семье и обществе [3]. С развитием технологий визуализации усиливается и «гламуризация» материнства.

Самоидеализация, стремление выглядеть лучше, чем на самом деле, – еще один защитный механизм. Они хотят быть не просто идеальными, они хотят быть новейшими, «модерновыми», более технологичными мамами. Обратной стороной самоидеализации может быть низкая самооценка, чувство неуверенности и ощущение некомпетентности.

Ресурсы сетевой социализации молодых матерей

Экспертная оценка сетевого общения позволяет оценить ресурс цифровой социализации молодых матерей. Среди сетевых факторов, влияющих на растормаживание и агрессию, называют анонимность, невидимость, асинхронную связь, индивидуально-психологические особенности личности (например, дефицит эмпатии) и социокультурное происхождение [10; 15]. Последствия растормаживания могут быть как положительными, так и отрицательными, в зависимости от последствий [14].

Особенности сетевого взаимодействия, которые могут усиливать или снижать агрессивное поведение молодых матерей:

1. *Асинхронность сетевого взаимодействия.* Все составляющие классического речевого акта рассогласованы во времени: участники, сообщения, средства передачи, контексты. Перспективы взаимодействия становятся в принципе размытыми, цели расфокусированными, взаимодействие может стать неуправляемым и непредсказуемым, многовариантным. Асинхронность обозначают ча-

ще всего другим термином – неопределенность, но правильней говорить о вариативности. А это создает возможность для перехвата инициативы и реализации желаемой стратегии взаимодействия. Высокий уровень немотивированной агрессии блокирует взаимодействие. Мотивированная агрессия может быть продуктивной, приводит к быстрому сближению позиций, распространению важной социально значимой информации, предупреждению опасных способов ухода за ребенком и т.д. В процессе споров может происходить ответвление, разделение группы, когда участники уходят вслед за новыми лидерами, создают свою группу.

2. Из-за анонимности и транзитности общения в интернете участницы могут делиться личными переживаниями, раскрывать себя, что обычно опасаются делать в реальной жизни. Можно сказать, что это «синдром случайного попутчика» на новый лад [10]. Молодые матери «чувствуют облегчение», делясь секретами или смущающей их информацией в онлайн-чатах [11]. Самораскрытие позволяет быстрее установить межличностные отношения и выражать себя тем, кто испытывает проблемы общения в реальном мире – интровертам, застенчивым, тревожным, людям с заиканием или нарушением слуха [10].

3. *Отсутствие обратной связи.* Одно из важных последствий разрыва в коммуникации – отстроченная или отсутствующая обратная связь. Не исключено, что повышение агрессии у некоторых участников вызвано желанием восполнить разрыв, восстановить целостность взаимодействия, получить обратную связь. Обратная связь содержит в себе возможность как наказания, так и поощрения, а её отсутствие может приводить как к ухудшению взаимодействия, нарастанию непонимания, конфликтности, так и к улучшению, снижению накала и напряженности во взаимодействии, остановке проблемного взаимодействия. Среди отрицательных последствий сетевого взаимодействия без достаточной обратной связи – завышенная или неадекватная самооценка, нарциссизм, высокая конфликтность. Положительным следствием иллюзорной обратной связи может стать преодоление коммуникативных барьеров, формирование навыков публичных выступлений и т.п. [6].

4. *Невозможность полного контроля над коммуникацией.* Рассогласованность во времени затрудняет контроль над сетевым взаимодействием в целом. Анонимность усугубляет эту проблему, делая участников неуязвимыми по отношению к внешним санкциям. Хотя и провайдеры, и организаторы взаимодействия, и сами участники следят

за цивилизованностью взаимодействия, отбраковывая сообщения и участников, агрессор может продолжить вести себя вызывающе под другим именем. Разоблачение и выдворение («бан») разрушителя коммуникации – один из приемов борьбы с сетевой агрессией. Относительная свобода самовыражения в сети стимулирует развитие сетевой культуры, способствует выработке гласных и негласных правил поведения.

5. *Десенсбилизация.* Следствием асинхронии взаимодействия можно считать десенсбилизацию, утрату навыков тактильного и зрительного контакта, важных каналов передачи невербальной информации в очном общении, выработанное равнодушие к конфликтам в сети. Интерактивность сетевого взаимодействия носит условный (слишком опосредованный, дистантный) характер. Как бы ни развивались средства связи, техники визуализации, участники пока остаются в искусственном физическом окружении и сталкиваются с навязанным форматом, непреодолимой физической дистанцией, невозможностью естественного зрительного контакта (принятого в культуре, интуитивно усвоенного ракурса, запрета/разрешения на прямой зрительный контакт, его продолжительность, экспрессивность и т.д.), физического тактильного контакта (невозможность прикоснуться или обнять в знак примирения), которые подтверждают или опровергают более существенные для личной коммуникации смыслы – степень связанности с партнером, близость позиций, совпадение вкусов, серьезность его высказываний, симпатию или антипатию. Вот почему время, проведенное в сети, по-прежнему нужно контролировать.

6. *Высокая субъектность сетевого общения.* Участник взаимодействия является не только автором сообщений, он может режиссировать сложное взаимодействие, формируя список «друзей», участвуя в разных сообществах. Он может пользоваться сетевым ресурсом в режиме пассивного просмотра как зритель в условиях старого телевидения. Навыки активного поведения в сети, умение создавать и рассылать сообщения в качестве автора, режиссера событий в сети могут быть перенесены и в реальную жизнь. Сетевая активность может носить подражательный, инфантильный характер, а может быть ответственным заявлением своей позиции по тем или иным вопросам в расчёте на серьезное обсуждение, в поисках своего круга общения. Сетевое общение может усиливать Я субъекта, повышать ответственность, а может снижать ценность личностных высказываний, подвергая их критике и насмешкам («токсичное» общение).

Заключение

Развитие новых технологий ставит новые социальные, этические и психологические вопросы. Произошел разрыв поколений, который стал важной причиной нарастания агрессии, защиты от традиционных и разрушительных для психики идеалов материнской жертвенности. Феномен разрыва поколений, хотя и многократно отмечался, не получил еще должного психологического объяснения. Мы связываем его с трансформацией и кризисом традиционных моделей семьи в сложные исторические периоды. Традиционные для нашей страны модели семьи по православному и мусульманскому типу содержат установки на сотрудничество среди младших и их абсолютное подчинение старшим членам семьи. Среди сегодняшних факторов, усугубляющих разрыв поколений, называют социально-экономическое расслоение, уменьшение количества традиционных социализаторов (бабуш-

ки, дедушки, родственники, руководители детских студий и т.д.), времени, которое они проводят с детьми, высокую мобильность, миграцию, социальную аномию (отсутствие целого ряда важных регулирующих ценностей) и нарушение традиционных сценариев социализации. Одно из объяснений могло бы состоять в том, что структура семьи и все сценарии взаимоотношений между поколениями были рассчитаны скорее на внешнюю поддержку, чем на внешнее давление [3]. Конфликты и агрессия в сети – только проекция реальных отношений, особенностей формирования новой идентичности у современных матерей. Их агрессия носит в основном демонстративный, защитный, компенсаторный, упреждающий характер [6]. Сетевое взаимодействие может стать эффективным инструментом совладания с негативными эмоциями материнства, но пока эти возможности только изучаются специалистами и самими участниками.

Список источников

1. Кузьминых А.А., Ениколопов С.Н. Бытующие представления о мужской и женской агрессии // Психологическая наука и образование, 2011. № 5. С. 70–80.
2. Исаенко О.С. Агресія в системі комунікації «мати-дитина» як фактор соціальної дезаптації молодших школярів : автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата психологічних наук. Київ, 2007. 21 с.
3. Маховская О.И. Роль медиа в формировании поколений «гамлетов» и «донкихотов» в России // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 2. С. 105–113. doi:10.17759/chrp.2019150213
4. Маховская О.И. О роли медиа в формировании солидарности в условиях пандемии COVID-19 (по материалам зарубежных исследований) // Психология. Высшая школа экономики. 2022. Т. 19, № 1. С. 183–194. doi:10.17323/1813-8918-2022-1-183-194
5. Маховская О.И. Культурно-историческая специфика решения проблемы «отцов и детей» в отечественной гуманитарной традиции: нравственно-психологические аспекты // Психология социальных явлений : сборник. Москва : Институт психологии РАН, 2011. С. 168–182.
6. Маховская О.И., Марченко Ф.О. Сетевые агрессия и нарциссизм: искажения и ложные презентации личности // Человек и мир. Москва : Институт психологии РАН, 2018. Т. 2 (2). URL: <http://chelovekimir.ru/engine/documents/document240.pdf> (дата обращения: 12.09.2024).
7. Маховская О.И., Семенова Т.И. Феномен сетевой агрессии в закрытых сообществах молодых матерей // Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований : сб. науч. статей Всероссийской юбилейной научной конференции (7 декабря 2018 г.). Москва : Институт психологии РАН, 2018. С. 377–386.
8. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308
9. Barlett C.P., Gentile D.A., Nanyang Ch. Predicting Cyberbullying From Anonymity // Psychology of Popular Media Culture. 2014. Vol. 5, № 2. P. 171–180.
10. Lapidot-Lefler N., Barak A. The benign online disinhibition effect: Could situational factors induce self-disclosure and prosocial behaviors? // Cyberpsychology : Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2015. № 9 (2). doi:10.5817/cp2015-2-3
11. Magsamen-Conrad K., Billotte-Verhoff Ch., Greene K. Technology addiction's contribution to mental wellbeing: The positive effect of online social capital // Computers in Human Behavior. 2014. № 40. P. 23–30. doi:10.1016/j.chb.2014.07.014
12. Marchenko F., Matweeva L., Makhovskaya O. Fathers' Role in Co-use of Video Games in Russia // Early Childhood Care and Education : Fifth Annual International Conference (12–14 May 2016, Moscow, Russia) Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 233, 17 October. P. 455–458. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.10.184> (accessed: 12.09.2024).
13. O'Hara M., Swain A. Rates and risks of postpartum depression – meta-analysis // International Review of Psychiatry. 1996. № 8. P. 3–14.
14. Suler J. The Online Disinhibition Effect/ Cyber Psychology & Behavior. 2004. № 7(3). P. 321–326. doi:10.1089/1094931041291295
15. Terry Ch., Jeff C. The Emerging Issue of Digital Empathy // American Journal of Pharmaceutical Education. 2016. № 80(4). P. 52–64. doi:10.5688/ajpe80458
16. Kenneth M. Leveraging disinhibition to increase student in asynchronous online discussion. (Case study) // Journal of Asynchronous Learning Networks. 2013. № 17(3). P. 34–48.

References

1. Kuz'minyh A.A., Enikolopov S.N. Bytuyushchie predstavleniya o muzhskoj i zhenskoj agressii [Current ideas about male and female aggression] Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]. 2011. № 5. S. 70–80.
2. Isaenko O.S. Agresiya v sistemi komunikacii «mati-ditina» yak faktor social'noi dezaptacii molodshih shkolyariv [Aggression in communication system "mother-child" as a factor of social desadaptation younger students] : Avtoreferat disertacii na zdotbuttya naukovogo stupenya kandidata psihologichnih nauk [Thesis, Ph.D., Diss.]. Kiiv : Publ. IP UAN, 2007. 21 p.
3. Makhovskaya O.I. Rol' media v formirovanii pokolenij «gamletov» i «donkihотов» v Rossii [The role of media in the formation of generations of " hamlets "and" quixotes " in Russia] Kul'turno-istoricheskaya psihologiya [Cultural and Historical Psychology]. 2019. Vol. 15, No. 2. S. 105–113. doi:10.17759/chp.2019150213
4. Makhovskaya O.I. O roli media v formirovanii solidarnosti v usloviyah pandemii COVID-19 (po materialam zarubezhnyh issledovaniy) [On the Role of Media in the Development of Solidarity in the Context of the COVID-19 Pandemic (Based on the Materials of Foreign Studies)] [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2022. Vol. 19, No. 1. P. 183–194. doi:10.17323/1813-8918-2022-1-183-194
5. Mahovskaja O.I. Kul'turno-istoricheskaja specifika reshenija problemy «otcov i detej» v otechestvennoj gumanitarnoj tradicii: nraivstvenno-psihologicheskie aspekty [Cultural and historical specificity of solving the problem of "fathers and children" in the Russian humanitarian tradition: moral and psychological aspects]// Sbornik. Ser. «Psihologija social'nyh javlenij» [Collection «Psychology of social phenomena»]. Moscow : Publ. IP RAN, 2011. S. 168–182.
6. Makhovskaya O.I., Marchenko F.O. Setevye agressiya i narcissizm: iskazheniya i lozhnye prezentacii lichnosti [Network Aggression and Narcissism: Distortions and False Representations of Personality], Chelovek i mir [Man and the World], Moscow: Publ. IP RAN, 2018. Vol. 2(2). URL: <http://chelovekimir.ru/engine/documents/document240.pdf> (accessed: 12.09.2024).
7. Makhovskaya O.I., Semenova T.I. Fenomen setevoi agressii v zakrytyh soobshchestvah molodyh materei [Phenomenon of Young Mothers Network Aggression in Closed Russian Internet Communities]. Sbornik nauchnyh statei, Vserossiiskaya yubileynaya nauchnaya konferenciya «Problemy social'noi i ehkonomicheskoi psihologii: itogi i perspektivy issledovaniy» (Moscow, 7 dekabrya 2018) [Collections of social and economic psychology: results and prospects of researches. All-Russian Anniversary Scientific Conference. Collection of articles, 7 December 2018]. Moscow : Publ. IP RAN, 2018. P. 377–386.
8. Soldatova G.U. Cifrovaya socializaciya v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenyayushchijsya rebenok v izmenyayushchemy mire [Digital Socialization in Cultural-Psychological Paradigm: Changing Child in Changing World] Social'naya psihologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]. 2018. Vol. 9, No. 3. S. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308
9. Barlett C.P., Gentile D.A., Nanyang Ch. Predicting Cyberbullying From Anonymity // Psychology of Popular Media Culture. 2014. Vol. 5, No. 2. P. 171–180.
10. Lapidot-Lefler N., Barak A. The benign online disinhibition effect: Could situational factors induce self-disclosure and prosocial behaviors? // Cyberpsychology : Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2015. No. 9 (2). doi:10.5817/cp2015-2-3
11. Magsamen-Conrad K., Billotte-Verhoff Ch., Greene K. Technology addiction's contribution to mental wellbeing: The positive effect of online social capital // Computers in Human Behavior. 2014. No. 40. P. 23–30. doi:10.1016/j.chb.2014.07.014
12. Marchenko F., Matweeva L., Makhovskaya O. Fathers' Role in Co-use of Video Games in Russia // Early Childhood Care and Education : Fifth Annual International Conference (12–14 May 2016, Moscow, Russia) Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 233, 17 October. P. 455–458. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.10.184> (accessed: 12.09.2024).
13. O'Hara M., Swain A. Rates and risks of postpartum depression – meta-analysis // International Review of Psychiatry. 1996. No. 8. P. 3–14.
14. Suler J. The Online Disinhibition Effect/ Cyber Psychology & Behavior. 2004. No. 7(3). P. 321–326. doi:10.1089/1094931041291295
15. Terry Ch., Jeff C. The Emerging Issue of Digital Empathy // American Journal of Pharmaceutical Education. 2016. No. 80(4). P. 52–64. doi:10.5688/ajpe80458
16. Kenneth M. Leveraging disinhibition to increase student in asynchronous online discussion (Case study) // Journal of Asynchronous Learning Networks. 2013. No. 17(3). P. 34–48.

Информация об авторе

О.И. Маховская – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O.I. Makhovskaya is Candidate of Sciences (Psychology), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 304.4

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-132-137

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ НА ЛИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Ольга Георгиевна Злобина¹, Роман Валерьевич Карякин²

^{1, 2}Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия

¹olga_zlobina@list.ru

²romkar2002@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования заключалась в выявлении влияния цифровых технологий на современных учащихся, в определении потребности студентов в использовании онлайн платформ в процессе обучения. В статье представлены результаты опроса о влиянии интернета на студентов первого курса технических специальностей Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС) Императора Александра I. Результаты анкетирования выявили негативные стороны воздействия цифровых технологий на учащихся, приводящие к возникновению проблем с физическим и психологическим здоровьем. Предлагается использовать время, проводимое студентами в интернете, на создание компьютерных игр по английскому языку в рамках изучаемого материала.

Ключевые слова: цифровые технологии, компьютерные игры, студенты технических специальностей

Original article

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON STUDENTS OF TECHNICAL SPECIALTIES

Olga G. Zlobina¹, Roman V. Karyakin²

^{1, 2}Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russia

¹olga_zlobina@list.ru

²romkar2002@yandex.ru

Abstract. The aim of the study was to identify the impact of digital technologies on modern students, to determine the students' need to use online platforms in the learning process. The article presents the results of a survey on the influence of the Internet on the first-year students of technical specialties of the Emperor Alexander I Saint-Petersburg State Transport University. The results of the survey revealed the negative aspects of the impact of digital technologies on students, leading to problems with physical and psychological health. It is suggested that the time spent by students on the Internet may be used for creating computer games in the English language within the framework of the studied material.

Keywords: digital technologies, computer games, students of technical specialties

Цифровизация, являясь жизненно важным стимулом развития общества, ведет к глобальным преобразованиям во всех сферах жизни и деятельности человека. Цифровые технологии не только способствуют развитию новых отраслей, но и решают важные социальные задачи, внося значимый вклад в решение проблем общества, таких как промышленность, образование, здравоохранение, экология и т.д. Информационно-цифровая среда требует от человека гибкости, креативности, способности быстро меняться и адаптироваться, привносит новые ценности.

Ряд исследователей отмечают, что адаптационные возможности человека не совпадают с ро-

стом новых технологий, что порождает риски, в том числе личностные и психологические. Представляется важным изучать и оценивать процесс цифровизации, осуществлять поиск решений для нивелирования негативных воздействий современных технологий на человека. Вхождение человека в эпоху глобальных перемен влечет за собой трансформацию не только форм и содержания его жизнедеятельности, но и социальных отношений. Цифровизация как объективный и неизбежный процесс порождает одну из наиболее значимых угроз – подмену или потерю социальных ценностей. Изучение степени влияния IT-технологий на человека, анализ мировоззрения и ценностных

ориентаций в цифровую эпоху являются актуальными в настоящее время.

По данным В.В. Соболевникова [1], результаты исследований показывают, что более трети россиян высказывают опасение, связанное с развитием современных технологий. Респонденты полагают, что цифровизация всех сфер жизнедеятельности, закон о биометрии (досье на личность включая электронную подпись, слепок голоса, скан сетчатки и др.), перевод всего документооборота в цифру, отмена наличных денег резко снижают защищенность личности и порождают негативные чувства. Информация превращается в товар, трансформируя человека в «цифровую личность». Интернет-технологии отслеживают деятельность человека и в зависимости от его способностей и количества освоенных им цифровых навыков и компетенций проводят дифференциацию общества.

В современном обществе в рамках высшего образования цифровые технологии и основанные на них формы обучения неизбежно становятся частью учебного процесса в университетах. Развитие онлайн-образования, появление онлайн-курсов, наличие информации в открытых источниках приводят к доступности образования, охватывая миллионы человек по всему миру. Однако цифровизация образования создает ряд сложностей, требуя адаптации образовательной системы к цифровой разработке аспектов применения цифровых технологий в вузе. Преподаватель становится координатором в образовательном процессе, а не транслятором информации [2].

В литературе выделены позитивные и отрицательные факторы глобальной цифровизации образования [3–7]. К позитивным факторам авторы относят следующие: формирование цифровых компетенций у участников образовательных отношений при работе с цифровыми инструментами; открытость цифровых образовательных платформ для большого количества участников образовательных отношений; мобильность участников образовательных отношений; возможность использования искусственного интеллекта в виртуальной образовательной среде. Отрицательные факторы следующие: развитие гиподинамии и связанные с ней последствия у участников образовательных отношений при онлайн-обучении; возможность развития коммуникативных расстройств у обучающихся, что может осложнить эффективность и результативность их социализации; возможность трансформации эмоционального интеллекта у участников образовательных отношений; снижение уровня эмпатии; возможность развития стрессовых

ситуаций при возникновении проблем в цифровой образовательной среде; развитие клипового мышления и снижение уровня сформированности когнитивной компетентности у студентов.

В ряде публикаций последних лет описывается так называемая теория поколений [8; 9]. Главным элементом этой теории стали «ценности поколения», которые формируются в возрасте до 12–14 лет под влиянием общественных отношений, семейного воспитания и т.д. Большое внимание уделяется поколению Z, родившемуся в период с середины 1990-х до начала 2010-х гг., следовательно, относящемуся к возрастной группе от 14 до 29 лет по состоянию на 2024 г. Это поколение изначально включено в цифровой мир и мобильные технологии, так как было рождено в период информационно-цифрового бума и эпохи интернета. Отличительная черта данного поколения – это способность работать в скоростном и многозадачном режиме с использованием гибкого графика работы. Данное поколение ежедневно находится в режиме онлайн; ему свойственно клиповое мышление, позволяющее выполнять одновременно несколько функций, быстро ориентироваться в изменениях и обновлениях информации. Отмечается, что в психологическом плане представители поколения Z склонны к повышенному уровню невротизма, возбудимости нервной системы, эмоционально нестабильны, проявляют рассеянность внимания, неустойчивость в стрессовых ситуациях, не готовы к соперничеству, интуитивности, эмпатии, отстаиванию собственной точки зрения.

Таким образом, анализ поколения Z в психолого-педагогической литературе показал высокую степень влияния процесса цифровизации на личность, психику, когнитивные особенности представителей данного поколения.

Задача системы высшего образования в современном мире должна способствовать развитию всех компетенций, необходимых для подготовки высококвалифицированных специалистов, соответствующих требованиям цифровой экономики. Так, при подготовке студентов в Институте бизнеса БГУ использование инноваций в образовательном процессе поддерживается информационными технологиями и методами управления учебной деятельностью. При изучении курсов в учебном процессе задействованы такие возможности интерактивного обучения, как вебинары, тестирование, форумы в виде круглого стола, лабораторные практикумы, видеолекции [2]. В ходе обучения студенты взаимодействуют с преподавателем, который проводит консультации и контроль выполнения всех видов

работ на базе учебных порталов. Благодаря форме обучения с использованием технологии цифрового обучения выполняется студенческое голосование за лучшие проекты. Внедрение цифровых технологий за последние годы приобрело статус актуального направления в обучении, однако на современном этапе, отличающемся активной цифровизацией, возникают риски, которые приводят к трансформациям в жизни человека.

Риски, возникающие в эпоху цифровизации общества, могут способствовать разрушению социальных связей, личностных и общественных ценностей, появлению негативных явлений, отрицательных влияющих на человека.

Однако цифровизация предоставляет для человека широкие возможности для обучения, творчества, науки и искусства.

Обучение с применением цифровых технологий предполагает персонализированное обучение, что предоставляет возможность для реализации системы адаптивного образования, индивидуального подхода и критериев, позволяющих максимально учитывать потребности, уровень и интересы обучающихся.

Материалы и методы

Задача настоящего исследования – изучить влияние цифровых технологий на студентов технических специальностей, определить потребности учащихся в использовании онлайн платформ в процессе изучения английского языка. Исследование проводилось среди студентов технических специальностей первого курса ПГУПС. Предпосылкой данного исследования является идея о том, что поколение Z, привыкшее к интернету и социальному общению с рождения, активно использует гаджеты для решения головоломок, задач и т.д. Согласно литературным данным известно, что отдел мозга поколения Z, отвечающий за визуальные способности, гораздо более развит, что делает изобразительные формы обучения, такие как онлайн игры, более предпочтительными по сравнению с традиционным обучением [10; 11].

В ходе эксперимента сначала было проведено анкетирование среди учащихся для выявления их отношения к использованию цифровых технологий на занятиях по английскому языку. В исследовании принимали участие 114 студентов. В анкете № 1 студентам было предложено ответить на следующие вопросы:

1. Сколько времени в сутки Вы проводите в интернете: 1. 0–1 час. 2. 1–3 часа. 3. 3–5 часов. 4. Более 5 часов.

2. Какие эмоции Вы испытываете, если у Вас нет доступа к интернету: 1. Расстраиваетесь.

2. Злитесь. 3. Раздражаетесь. 4. Нервничаете. 5. Не испытываете отрицательных эмоций.

3. Как Вам легче общаться с людьми: 1. В социальных сетях интернета. 2. Оффлайн, при личных встречах.

4. Сколько времени Вы можете провести без интернета, чувствуя себя комфортно: 1. 0–15 минут. 2. 15–60 минут. 3. 1–3 часа. 4. 3–5 часов. 5. Более 5 часов.

5. Считаете ли Вы себя зависимым от интернета (компьютерных игр): 1. Да. 2. Нет.

6. Возникали ли у Вас проблемы, связанные с долгими часами в интернете (компьютерные игры, чаты, блоги и т.д.): 1. Проблемы со зрением, боли в глазах. 2. Головная боль. 3. Боли в шее, руке, спине. 4. Быстрая утомляемость. 5. Бессонница, трудно заснуть. 6. Нежелание общаться вживую. 7. Не хватает ни на что другое времени. 8. Другие проблемы (напишите).

В анкете № 2 были предложены следующие вопросы:

1. Какие методы обучения Вы предпочитаете: 1. Традиционные (читать, переводить, выписывать и учить слова). 2. Современные (онлайн платформы, компьютерные игры, интернет-сайты).

2. Как часто Вы предпочитаете использовать компьютерные технологии (игры) на занятиях по английскому языку: 1. На каждом занятии. 2. По каждой изученной теме. 3. 50 % учебного времени и более занимать компьютерными играми. 4. Не использовать игры или использовать редко.

3. Отметьте положительные стороны использования компьютерных технологий (игр) на занятиях по английскому языку: 1. Возможность повысить уровень своих знаний и навыков. 2. Поощрение в виде бонусных баллов в игре. 3. Интересная тематика игр. 4. Возможность обменяться идеями с одноклассниками. 5. Поощрение и поддержка со стороны преподавателей. 6. Развитие уверенности в себе.

4. Отметьте отрицательные стороны использования компьютерных технологий (игр) на занятиях по английскому языку: 1. Непонятный интерфейс игры. 2. Медленное интернет-соединение. 3. Недостаток уверенности в себе. 4. Отсутствие интересных тем для игр.

Результаты и обсуждение

В результате проведенных опросов было выявлено, что 51 % студентов проводит в интернете 5 часов в сутки и более, а некоторые из них – 8 часов и более. От 3 до 5 часов в сутки посвящают интернету 47 % опрошенных. Полученные данные

косвенно подтверждают, что даже на занятиях в вузе студенты не перестают пользоваться гаджетами не в учебных целях. При этом 40 % респондентов написали, что просмотр интернет-сайтов, блогов, переписка в чатах, интернет-игры и прочее занимает большую часть времени и «ни на что другое» времени не хватает.

Следует отметить, что 43 % учащихся признали, что им легче общаться с людьми посредством интернета и социальных сетей, а не «вживую».

27 % студентов написали в опросном листе, что расстраиваются, если попадают в ситуацию, когда у них нет доступа к интернету, некоторые начинают нервничать (17 %), злятся и раздражаются (19 %), и только 37 % опрошенных заявили, что не испытывают никаких отрицательных эмоций при отсутствии интернет-соединения.

45 % студентов могут чувствовать себя комфортно, если нет доступа к интернету от 1 до 3 часов, 31 % может провести без интернета от 3 до 5 часов, 20 % учащихся могут не обращаться к интернету более 5 часов.

Интересно отметить, что только 32 % респондентов написали, что считают себя зависимыми от интернета и компьютерных игр, соответственно 68 % не испытывают интернет-зависимости.

Многие студенты отметили, что у них возникали проблемы со здоровьем, связанные с долгими часами в интернете, играх, чатах, блогах, а именно: проблемы со зрением и боли в глазах (27 %), головные боли (20 %), боли в шее, руке, спине (25 %), бессонница и проблемы с засыпанием (21 %). А 7 % опрошенных указали, что привычка находиться в режиме онлайн привела к нежеланию общаться «вживую».

В результате анкетирования по вопросам, связанным с применением компьютерных игр на занятиях по английскому языку, было выявлено, что 68 % студентов хотели бы использовать компьютерные игры и прочие интернет-технологии в обучении. 36 % этих студентов предпочли бы использовать компьютерные игры для закрепления изученного материала после каждой новой темы, 23 % хотят уделять онлайн играм половину учебного времени и более, а 15 % готовы играть на каждом занятии.

Следует отметить, что 26 % учащихся против использования компьютерных игр, что коррелирует с опросом по современным и традиционным методам обучения, в котором 32 % респондентов высказались за традиционные методы (чтение, перевод и т.д.) в изучении английского языка.

В своих ответах студенты перечислили несколько положительных сторон использования компью-

терных игр на занятиях по английскому языку. Ответы распределились следующим образом: возможность повысить уровень своих знаний и навыков – 75 % ответов; игры имеют интересные темы – 52 % ответов; в играх есть поощрительные бонусы и баллы – 28 % ответов; во время игры развивается уверенность в себе – 26 % ответов. Поровну распределились следующие ответы: возможность общаться и обмениваться идеями с одноклассниками во время игры (23 %) и возможность получать поощрение и поддержку со стороны преподавателя (23 %).

Студенты также отметили отрицательные стороны использования компьютерных игр на занятиях по английскому языку: медленное интернет-соединение (74 % ответов), отсутствие интересных тем для игр (23 % ответов), непонятный интерфейс игры (16 % ответов). В 15 % ответов респонденты написали, что недостаточно уверены в себе во время игры.

Показано, что цифровые технологии оказывают влияние на привычки, установки, ценности и образ жизни современных студентов. Изучение аспектов жизни и обучения, связанных с цифровизацией, представляется особенно актуальным в условиях высшей школы, где формируется личность будущего специалиста.

Значимыми являются результаты исследования зависимости студентов от интернета, чатов, компьютерных игр как в количестве часов, проводимых в онлайн пространстве, так и в наличии ярких отрицательных эмоций при отсутствии онлайн соединения. Выявлен тип личности, предпочитающий виртуальные коммуникации, игнорирующий офлайн общение с окружающими. В результате у учащихся формируется дефицит общения и межличностной непосредственной коммуникации.

Выявлены негативные последствия, связанные с многочасовым погружением в онлайн среду: проблемы с физическим и психическим здоровьем, такие как болезненные ощущения в глазах, шее, спине, руках, головные боли, быстрая утомляемость, бессонница, нарушение сна, отстраненность, страх «живого» общения и неспособность ограничить время, проводимое в интернете.

Показано, что большинство студентов отдают предпочтение цифровым технологиям в обучении, полагая, что данные технологии помогают повысить уровень знаний и одновременно приносят положительные эмоции в виде интересного контента, бонусных баллов, поощрений со стороны преподавателя, поддержки одноклассников во время игры, а также способствуют развитию уверенности в себе.

На базе полученных результатов представляется обоснованным использовать цифровые предпочтения студентов на занятиях по английскому языку в вузе. Студентам было предложено поиграть в компьютерные игры, созданные преподавателем на платформе Learningapps.org, что позволило познакомить студентов с возможностями этой платформы и различными типами игр, представленными на платформе. Затем студенты самостоятельно создавали свою онлайн игру по изученному грамматическому материалу. Студентам была предоставлена возможность консультироваться с преподавателем в процессе работы. Преподаватель, проводивший эксперимент, впоследствии проанализировал полученные игры. Всего в ходе эксперимента студентами было создано 24 игры, причем все игры с некоторыми изменениями и корректировками были пригодны для использования в учебном процессе, что является одним из доказательств эффективности данного вида учебной деятельности.

Студентам была предоставлена возможность перенаправить свое времяпрепровождение в интернете на использование цифровых технологий в образовательных целях и на самостоятельное создание онлайн игр в процессе изучения английского языка. Таким образом, время в интернете было проведено с пользой, была создана комфортная образовательная среда, и студенты испытывали положительные эмоции на занятии. Проведенный анализ позволил сделать вывод о целесообразности дальнейшего применения компьютерных игр при изучении английского языка в техническом вузе.

Выводы

Современное общество живёт в цифровую эпоху – эпоху цифровых технологий, цифровых знаний,

оказывающих влияние на личность, которая создает свой цифровой образ жизни, цифровые коммуникации, цифровые социальные отношения.

В этой связи перед нами стоит сложная задача, связанная с более глубоким изучением психологии цифрового поколения и психолого-педагогическим его сопровождением в будущем. Очевидно, потребуются качественно новый подход, в котором определенное место может занять изучение мировоззрения современного «цифрового» поколения, его ценностных ориентаций.

Существуют многочисленные негативные последствия цифровизации, оказывающие влияние на современных студентов, такие как развитие гиподинамии и проблем со здоровьем, формирование сетевого типа личности, возможность развития коммуникативных расстройств (что может осложнить эффективность социализации); возможность трансформации эмоционального интеллекта; возможность развития стрессовых ситуаций при возникновении технологических проблем в цифровой среде.

На современном этапе представляется важным найти способы нивелирования отрицательного воздействия цифровой среды на физическое и психологическое здоровье учащихся, устранения рисков нахождения в цифровом пространстве, оказания помощи в преодолении трудностей, вызванных цифровизацией.

В этой связи следует определить наиболее эффективные формы и методы работы с цифровыми технологиями, используя их как средство для повышения уровня знаний, развития навыков и умений учащихся.

Список источников

1. Собольников В.В. Цифровая трансформация как фактор развития виртуальной личности // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 1. С. 3601–3610. doi:10.15 372/PEMW20200123
2. Гопка Е.А. Трансформация жизни человека в цифровую эпоху. Бизнес. Образование. Экономика : сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 2 апреля 2020 г.). В 2 ч. Ч. 1 / В.В. Манкевич (гл. ред.) [и др.]. Минск : Институт бизнеса БГУ, 2020. С. 37–39.
3. Красильников А.Н., Абзалова А.Х. Трансформация личности в условиях информационно-цифровой среды профессионального образования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. Т. 24, № 83. С. 36–40.
4. Городнова Н.В., Самарская Н.А. Проблемы современного человека и качество его жизни в цифровой экономике // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 7. С. 1313–1327.
5. Карцхия А.А. Цифровая трансформация и права человека // Русская политология. 2018. № 4(9). С. 33–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-i-prava-cheloveka> (дата обращения: 28.09.2024).
6. Лавринович Е.В. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей // Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи : материалы III Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения (Москва, 5–6 апреля 2018 г.). 2018. С. 37–43.
7. Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121–136.
8. Лига М.Б., Щеткина И.А. Человек в эпоху цифровизации общества. Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 29–38.

9. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.

10. Daud Md Y., Khalid F., Ahmad M., Abd Rahman M.J., Karim A.A. To Participate or Not?: Identifying the Factors Affecting University Students' Participation in an e-Forum. *Creative Education*. 2016. № 7. P. 2791–2802. URL: <http://dx.doi.org/10.4236/ce.2016.718259> (accessed: 22.09.2024).

11. Клементьев Б.С. Трансформация личности в пространстве Интернета // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, Вып. 2(22). С. 173–178.

References

1. Sobol'nikov V.V. Cifrovaya transformaciya kak faktor razvitiya virtual'noj lichnosti // Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire. 2020. Т. 10, № 1. С. 3601–3610. doi:10.15 372/PEMW20200123

2. Gopka E.A. Transformaciya zhizni cheloveka v cifrovuyu ehpokhu. *Biznes. Obrazovanie. Ehkonomika* : sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 2 aprelya 2020 g.). V 2 ch. / V.V. Mankevich (gl. red.) [i dr.]. Minsk : Institut biznesa BGU. 2020. CH. 1. S. 37–39.

3. Krasil'nikov A.N., Abzalova A.KH. Transformaciya lichnosti v usloviyakh informacionno-cifrovoj sredy professional'nogo obrazovaniya *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 2022. Т. 24, № 83. С. 36–40.

4. Gorodnova N.V., Samarskaya N.A. Problemy sovremennogo cheloveka i kachestvo ego zhizni v cifrovoj ehkonomie // *Kreativnaya ehkonomika*. 2019. Т. 13, № 7. С. 1313–1327.

5. Karckhiya A.A. Cifrovaya transformaciya i prava cheloveka [Ehlektronnyj resurs] // *Russkaya politologiya*. 2018. № 4(9). С. 33–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-i-prava-cheloveka> (accessed: 28.09.2024).

6. Lavrinovich E.V. Identichnost' lichnosti v virtual'nom prostranstve social'nykh setej // *Budushchee v nastoyashchem: chelovecheskoe izmerenie cifrovoj ehpokhi* : materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Gumanitarnye Gubkinskie chteniya (Moscow, 5–6 aprelya 2018 g.). 2018. С. 37–43.

7. Tul'chinskij G.L. Cifrovaya transformaciya obrazovaniya: vyzovy vysshej shkole // *Filosofskie nauki*. 2017. № 6. С. 121–136.

8. Liga M.B., Shchetkina I.A. Chelovek v ehpokhu cifrovizacii obshchestva. *Gumanitarnyj vektor*. 2021. Т. 16, № 2. С. 29–38.

9. Pishchik V.I. Pokoleniya: social'no-psikhologicheskij analiz mental'nosti // *Social'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2011. № 2. С. 80–88.

10. Daud Md Y., Khalid F., Ahmad M., Abd Rahman, M.J., Karim A.A. To Participate or Not?: Identifying the Factors Affecting University Students' Participation in an e-Forum. *Creative Education*. 2016. № 7. R. 2791–2802. URL: <http://dx.doi.org/10.4236/ce.2016.718259> (accessed: 28.09.2024).

11. Klement'ev B.S. Transformaciya lichnosti v prostranstve Interneta // *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*. 2017. Т. 6, Vyp. 2(22). С. 173–178.

Информация об авторах

О.Г. Злобина – кандидат социологических наук, доцент;

Р.В. Карякин – студент специалитета 10.05.03 «Информационная безопасность автоматизированных систем».

Information about the authors

O.G. Zlobina is Candidate of Science (Sociology), Associate Professor;

R.V. Karyakin is a student of specialty 10.05.03 “Information security of automated systems”.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
Личность и профессия

PERSONALITY PSYCHOLOGY
PERSONALITY AND PROFESSION

Научная статья

УДК 37.015.3

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-138-145

**ПЕРЕЖИВАНИЕ СМЫСЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ПЕДАГОГОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ЛИЧНОСТИ**

Алиса Андреевна Никитина

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, Alise-nia@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6836-3771>

Аннотация. Изучение переживания смысла педагогической деятельности необходимо для понимания профессиональной востребованности преподавателя высшей школы. В статье определены основные составляющие смысла в переживании профессиональной деятельности. Описаны результаты диагностики профессиональной востребованности личности преподавателей вуза. Определена связь переживаний в деятельности с профессиональной востребованностью личности. Описаны особенности переживания смысла в деятельности у преподавателей с разным уровнем профессиональной востребованности личности.

Ключевые слова: профессиональная востребованность личности, переживание смысла, осмысленность деятельности, уровни профессиональной востребованности, преподаватель высшей школы

Original article

**EXPERIENCE OF THE MEANING OF ACTIVITY AMONG LECTURER
AT THE HIGHER SCHOOL WITH DIFFERENT LEVELS OF PROFESSIONAL RELEVANCE**

Alisa A. Nikitina

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, Alise-nia@yandex.ru

Abstract. The study of the experience of the meaning of pedagogical activity is important for understanding the professional relevance for a higher education teacher. The article defines the main components of meaning in the experience of professional activity. It describes the results of diagnosing the professional relevance of university teachers. The connection between experiences in activity and professional relevance for the personality is determined. The article outlines the features of experiencing meaning in the activities of teachers with different levels of professional relevance for the individual.

Keywords: professional relevance for the personality, experience of meaning, meaningfulness of activity, levels of professional relevance, higher education teacher

Введение

Взаимосвязь осмысленности деятельности и качеств личности преподавателя вуза является одной из важнейших задач психологии образования. Для выявления и изучения психологических закономерностей, формирующих факторов и условий профессионального психологического развития преподавателя высшей школы необходимо понимание переживания смысла своей деятельности в рамках его профессиональных потребностей. В ста-

тье анализируется один из подходов к переживанию профессиональной деятельности преподавателя и его связь с таким качеством личности, как профессиональная востребованность.

Исследованием смысла в переживании деятельности занимались многие отечественные философы и психологи, начиная с досоветского периода и заканчивая современными воззрениями. Поиск смысла в деятельности может осуществляться через творчество (Н.А. Бердяев, А.А. Мелик-Пашаев)

и стремление к счастью (В.В. Розанов, Н.Я. Грот), через свободу (Б.П. Вышеславцева, Н.К. Рерих) и ответственность (С.Л. Рубинштейн), как осознание смысла деятельности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев) и как жизненная ценность (Л.И. Анцыферова, Е.А. Климов, Д.Н. Завалишина). Иногда поиск смысла в самом процессе поиска (В.Ф. Марцинковский, М.М. Рубинштейн), а иногда рассматривается как основной жизненный ресурс (Н.Е. Водопьянова, И.В. Серафимович).

Исследования А.А. Бодалева, К.В. Карпинского, Д.А. Леонтьева, Л.М. Митиной, Е.Н. Осина, Е.В. Харитоновой и других ученых формируют современные взгляды на проблему смысла и востребованности в педагогической деятельности.

Многие психологи указывают на совместное взаимовлияние личности, социума и профессии. Так, понятие смысла жизни через призму деятельности, сознания и личности в идеях А.А. Бодалева, Д.А. Леонтьева, Е.В. Харитоновой подчеркивается важностью соотношения между социумом, личностью и профессией для определения профессиональной востребованности [4: с. 41] раскрываются через то, как осознание личностного смысла профессиональной деятельности влияет на развитие и эффективность человека. Иерархическая система смысла жизни состоит из ценностей и целей, которые помогают человеку ориентироваться в мире и влияют на формирование личности.

Так, К.В. Карпинский утверждал, что профессиональная деятельность выполняет смыслоберегающую, смыслообразующую, смыслореализующую функции [13: с. 173], она, как утверждает Е.В. Харитонова, является ключевым фактором успешной самореализации и эффективности адаптации в обществе. Осознание личного смысла и профессиональной ценности необходимо для полноценной жизни и развития личности. По Л.М. Митиной, интегральные характеристики личности учителя, педагогическая направленность, педагогическая компетентность, педагогическая гибкость детерминируют эффективность труда учителя и являются объектом профессионального развития (саморазвития) учителя [20].

Роль профессиональной педагогической деятельности в становлении смысложизненных ориентаций исследовалась в работах Т.В. Максимовой, Л.А. Длужневской, К.В. Пирумовой и др. Главный смысл работы педагога заключается в проекции результатов труда в будущее. Исследования Т.В. Максимовой показывают, что соотношение смысложизненных ориентаций и индивидуальности может быть гармоническим или диссонирующим.

Внутренняя свобода профессионала, по Я.В. Агафонову, позволяет позитивно воспринимать трудовые задачи и развивать личную и профессиональную эффективность [1]. Д.Р. Насырова выявила, что уровень профессиональной самореализации коррелирует с ответственностью и свободой, возрастом и стажем работы [23]. И.Р. Григорова подчеркивает, что отсутствие конфронтации с собственным Я способствует самореализации, а самопонимание обеспечивает успешную жизнедеятельность [9]. И.Я. Хазанов указывает на регресс смысловой составляющей жизни у молодого поколения, подчеркивая важность осмысленности педагогической деятельности для профессионального саморазвития [32]. А.В. Орлов и соавторы отмечают, что профессиональная востребованность отражает осмысленность жизни и уверенность в будущем [24]. А.М. Гирис указывает, что смысл профессиональной деятельности может искажаться из-за несоответствия идеализированного и реального образа профессии [8]. Вот некоторые из современных точек зрения на смысл в переживании деятельности профессионала.

Авторы отмечают, что переживания могут находиться в различных сочетаниях, что приводит к формированию различных комплексных переживаний, таких как радость, ответственность и поток (наслаждение) [25]. Важно отметить, что переживания удовольствия, смысла, усилия и пустоты могут быть связаны с профессиональными характеристиками и влиять на профессиональную востребованность. Оптимальные переживания в деятельности способствуют формированию переживания увлеченности, что оказывает важное влияние на эффективность профессиональной деятельности.

На основании многолетних исследований Е.В. Харитоновой было доказано, что «высокий уровень социально-профессиональной востребованности личности является значимым предиктором осмысленности жизни и эффективности адаптивных процессов вне зависимости от возраста и пола» [36: с. 52]. Рассматривая востребованность через смысловые структуры, Е.В. Харитонова выделила высший уровень: востребованность как личностная ценность, что выступает смыслообразующей по отношению ко всем остальным структурам. Далее идет уровень смысловой регуляции, который образуют мотивы, смысловые конструкты и диспозиции. И последний уровень образуют личностные смыслы и смысловые установки конкретной деятельности, порождаемые как мотивом этой деятельности, так и устойчивыми смысловыми конструктами и диспозициями личности [33: с. 58].

При этом смысл является одним из ключевых в теории конструкта переживаний в деятельности Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина с соавторами. Переживания в данном контексте рассматриваются как неотъемлемая часть самого процесса деятельности, находясь на стыке взаимодействия личности и профессии в действии [25].

Профессиональная востребованность как качество личности – это совокупность определённых черт и состояний, которые помогают адаптироваться к изменениям, взаимодействовать с окружающими и отдельными социальными группами в профессиональной деятельности. От уровня профессиональной востребованности зависит успешность, развитие, целеустремлённость, самопрезентация и поведение индивида.

В своей теории Е.В. Харитоновна выделяет три уровня профессиональной востребованности: востребованный специалист, средневостребованный и невостребованный. Профессионально востребованная личность проявляется в конструктивности, гармоничности личности и адаптационном потенциале. Средневостребованные респонденты различны по своим профессиональным характеристикам, но в большинстве случаев на фоне общей гармоничной саморегуляции возможны проблемы с адаптацией к изменениям и ситуативная реакция на стресс. Профессионально невостребованная личность описывается у Е.В. Харитоновой как имеющая неустойчивую или неэффективную систему саморегуляции с дезадаптацией [34].

Проведя анализ источников, можно сделать вывод о взаимосвязи осмысленности, переживания смысла в деятельности с профессиональной востребованностью личности. Для подтверждения теоретических изысканий было проведено исследование на преподавателях, работающих в сфере высшего профессионального образования.

Методы исследования

Участники. В исследовании приняли участие 87 преподавателей высшего образования (21,8 % мужчин) в возрасте от 21 до 74 лет ($M = 43,82$; $SD = 13,55$), работающих на кафедрах Амурского государственного университета (г. Благовещенск) и имеющих аудиторную нагрузку. Педагогический стаж от 1 до 51 года ($M = 18,18$; $SD = 12,8$). Выборка была разделена на три группы: первая – от года до девяти лет стажа ($N = 21$), вторая – от 10 до 25 лет стажа ($N = 50$) и третья – более 26 лет педагогического стажа ($N = 16$).

Методики. Опросник «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ) Е.В. Харитоновой, А.Б. Ясько – диагностика уровня профессиональной

востребованности личности и её индивидуального профиля (взят один из показателей: принадлежность к профессиональному сообществу) самоотношения, обусловленного восприятием своей значимости как профессионала [39]. Методика «Диагностика переживаний в деятельности» (ДПД) Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева, измеряющая переживания удовольствия, осмысленности, усилия и пустоты в рамках выполняемой деятельности [25], в основу исследования взята шкала «переживание смысла».

Статистический анализ осуществлялся с помощью программы SPSS Statistics 27. Для обработки эмпирических данных, их систематизации и количественного описания посредством основных статистических показателей была использована описательная статистика. Для оценки тесноты связи между различными шкалами методик использовался коэффициент ранговой корреляции Пирсона. Для выявления различий между группами с разным уровнем ПВЛ был взят U-критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования

Для выявления наличия взаимосвязи между переживанием смысла в педагогической деятельности преподавателя вуза и его профессиональной востребованностью был использован статистический показатель вероятности связи между двумя переменными, измеренными в количественной шкале на одной и той же выборке преподавателей. Сопоставлялись все шкалы методики «Профессиональная востребованность личности» и шкала «переживание смысла». Все взаимосвязи оказались статистически значимыми.

В процессе корреляционного анализа была выявлена одна положительная связь умеренной степени значимости между шкалами «отношение других» и «переживание смысла» ($r = 0,246$ при $p \leq 0,011$). Остальные связи со шкалой «показатель смысла» имеют положительную связь высокой степени значимости: «общий уровень ПВЛ» ($r = 0,49$ при $p \leq 0,001$); «реализация профессионального потенциала» ($r = 0,364$ при $p \leq 0,001$); «принадлежность к профессиональному сообществу» ($r = 0,352$ при $p \leq 0,001$); «профессиональная самореализация» ($r = 0,372$ при $p \leq 0,001$); «профессиональная компетентность» ($r = 0,412$ при $p \leq 0,001$); «профессиональный авторитет» ($r = 0,277$ при $p \leq 0,005$); «оценка результатов профессиональной деятельности» ($r = 0,514$ при $p \leq 0,001$); «самоотношение» ($r = 0,471$ при $p \leq 0,001$).

Наличие полученных корреляционных связей смысла переживания в деятельности со всеми шкалами ПВЛ указывает на тесную взаимосвязь переживания смысла с ощущением своей востребованности в профессии для всей выборки преподавателей.

Интересующий нас показатель смысла у педагогов с разным стажем по среднему значению показал проседающий график, когда показатель ценности переживания педагогической профессии у педагогов со стажем до 9 лет и третьей группы (более 26 лет) был на несколько пунктов выше, чем у группы со стажем от 10 до 25. Это может говорить о том, что многие начинающие педагоги и преподаватели с большим стажем относительно чаще испытывают ощущение связи своей профессии с другими сторонами жизни. Но статистически значимых различий по параметру «показатель смысла» между группами с разным педагогическим стажем выявлено не было.

Для изучения особенностей групп преподавателей, разделенных на три уровня профессиональной востребованности: востребованный специалист, средневостребованный и невостребованный – был проведен корреляционный анализ внутри каждой группы.

У группы педагогов, имеющих высокий общий уровень ПВЛ ($N = 38$), показатель «переживание смысла» связан оценкой результатов профессиональной деятельности ($r = 0,342$, $p = 0,03$). Чем больше высоковостребованный педагог ощущает поддержку от своих коллег, видит значимость того, чего он достиг в деятельности, тем более осмысленной переживается эта деятельность. При этом у данной группы преподавателей имеется отрицательная динамика в связи показателей «переживание смысла» и «профессиональная самореализация», т.е. иногда педагог, полностью уверенный в своих знаниях, умениях и навыках и возможности их верно применить, начинает терять смысл в переживании данной деятельности, как бы говоря: «я и так все умею и сделаю на отлично, к чему здесь еще стремиться».

У педагогов со средним общим уровнем профессиональной востребованности личности ($N = 41$) с показателем «переживание смысла» коррелирует общий уровень ПВЛ ($r = 0,454$, $p = 0,001$) и показатель «самоотношение» ($r = 0,472$, $p \leq 0,001$). Таким образом, педагог, относящийся у Е.В. Харитоновой к «средне востребованной личности, стремящийся к личностной и профессиональной самореализации» [35: с. 267], тогда переживает осмысленность своей педагогической деятельности, когда он положительно оценивает саму профессиональную деятельность и её результаты, так как считает себя компетентным специалистом, чувствует, что он как профессионал является незаменимой ячейкой общества.

Теперь перейдем к сравнению групп, относящихся к высокому, среднему и иногда низкому

уровню профессиональной востребованности, при этом вся выборка была распределена и проанализирована отдельно по каждому показателю, выявленному с помощью методики «Профессиональная востребованность личности».

Группа со средним уровнем реализации профессионального потенциала (РПП) отличается от группы с высоким уровнем реализации профессионального потенциала, так как были выявлены статистически значимые различия в рамках диагностики переживания профессиональной деятельности – это шкалы «показатель удовольствия» ($U = 257,5$ при $p = 0,022$) и «показатель смысла» ($U = 221,5$ при $p = 0,004$). При этом все перечисленные выше шкалы имеют более высокие значения у группы с высоким уровнем РПП. Это может означать то, что педагоги, имеющие высокий уровень реализации профессионального потенциала, а именно те, кто полностью удовлетворен своим профессиональным статусом и уровнем своей компетентности, испытывают полное самоуважение, видят смысл в своей профессии и получают удовольствие от самой работы.

При сравнении групп с высоким ($N = 15$) и средним ($N = 41$) уровнем по переменной «Уровень принадлежности к сообществу» (ППС) статистически значимые различия были выявлены по «Показателю смысла» ($U = 152,0$ при $p = 0,004$) в рамках переживания профессии. Представление себя как полноценной части профессионального сообщества полностью оправдывается пониманием смысла своей профессии и участием в её развитии и достижениях.

Сравнение групп, сформированных по переменной «высокий ($N = 21$) и средний ($N = 35$) уровень показателя оценки результатов профессиональной деятельности». Статистически значимым на передний план вышел показатель педагогического стажа ($U = 242,0$ при $p = 0,034$), при этом чем больше педагогический стаж, тем слабее педагоги оценивают результаты своей профессиональной деятельности, хуже оценивают свой вклад в жизнь общества. Еще у этих двух групп различен показатель смысла ($U = 243,0$ при $p = 0,037$), шкалы поддержки ($U = 241,5$ при $p = 0,034$) и самоуважения ($U = 200,0$ при $p = 0,0047$). Педагоги, высоко оценивающие результаты своей деятельности, также переживают осмысленность в процессе своей деятельности, причастность к жизни.

При сравнении групп с высокими ($N = 27$) и средними ($N = 30$) значениями по показателю «самоотношение», который Е.В. Харитонova описывает как оценку профессионализма через призму

нужности и важности его для референтной группы личности, можно отметить следующие особенности. У групп с высоким уровнем самоотношения по методике «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» были выявлены более высокие показатели удовольствия и смысла и низкие показатели усилия, чем у групп со средними значениями шкалы «самоотношение». Что характеризует первых как респондентов 4-го кластера в исследованиях Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева. Как описано в исследовании, респонденты этого кластера характеризуются отсутствием субъективного ощущения затрат усилий при высоком объективном уровне их задействования в деятельности – картина наиболее близка к переживанию потока [25].

Итоговая шкала диагностики профессиональной востребованности личности (Е.В. Харитоновна, А.Б. Ясько) – это общий уровень профессиональной востребованности личности (ОУ ПВЛ). При сравнении результатов исследования респондентов, разделенных на высокий (N = 27) и средний (N = 28) общий уровень ПВЛ, были получены следующие результаты. Самым важным для профессионально востребованной личности является переживание смысла (U = 261,0 при p = 0,049), т.е. осмысленность деятельности и её результатов. Например, выделенные Л.М. Митиной совладающее поведение, эмоциональное вовлечение, рефлексивное проектирование [20]. Ведь профессиональное развитие личности педагога является непрерывным процессом «повышения уровня и совершенствования структуры направленности, компетентности, гибкости путем актуализации рефлексивного ресурса разрешения внутриличностных противоречий и осознания необходимости изменения, преобразования своего внутреннего мира и образа жизни» [22].

Радости жизни профессионально востребованный педагог находит в первую очередь во времени, проведенном с делом и теми, кто является ценным для ощущения себя целостным и завершенным. Для педагога с высоким уровнем профессиональной востребованности необходимы значимость деятельности, ценность и ясный порядок. Деятельность, личность и контакты должны быть компонентами единой функциональной системы, которая позволяет педагогу раскрываться, «устремляясь к будущему и к ценностям, которые предстоит в нем воплотить» [38]. Педагог стремится чувствовать самоценность и принимать те решения, которые идут «изнутри». При этом чувство справедливости идет обоюдным с теми, кто его окружает, формируя гармонию мировосприятия в рамках важных систем взаимосвязей. Таким образом, профессио-

нальная деятельность должна иметь смысл для самореализации педагога как востребованного профессионала.

Обсуждение

Через целеполагание, постановку различных задач и целей человек отыскивает смысл своих устремлений и посредством предметной деятельности воплощает смысл своей жизни. Самореализация человека в обществе осуществляется в процессе развития, обогащения сфер его познания и самопознания, восприятия и самовосприятия, созидания окружающего мира и самосозидания. Ощущение профессиональной востребованности позволяет педагогу комфортно чувствовать себя в профессиональной среде, раскрывать свой потенциал, свои возможности, быть успешным.

В ходе профессионализации существенно изменяются требования личности к работе, разные её аспекты приобретают личностный смысл и определяют привлекательность профессии для субъекта деятельности. При этом ведущим фактором, определяющим требования субъекта деятельности к профессии, является сама профессиональная деятельность [37]. В ходе профессионализации потребности личности находят свой предмет в деятельности, и, таким образом, идёт формирование структуры профессиональных мотивов и их осознание. В результате этого процесса устанавливается личностный смысл деятельности (по А.Н. Леонтьеву) и отдельных её аспектов. Осознание личностного смысла деятельности находит отражение в характере выполнения отдельных её аспектов. Осознание личностного смысла деятельности находит отражение в характере выполнения отдельных действий и деятельности в целом.

Заключение

Профессиональная востребованность преподавателя связана с переживанием смысла своей деятельности. Педагоги высшей школы, осознающие свою реализацию в профессии, обладают возможностью свободного выбора и находят радость в профессиональной деятельности и взаимодействии с ценными для себя людьми. Важно, чтобы профессиональная деятельность имела смысл для самореализации педагога. Целеполагание и выполнение задач помогают найти смысл в жизни, а ощущение профессиональной востребованности способствует комфортному функционированию в профессиональной среде и раскрытию потенциала. В процессе профессионализации развивается личностный смысл деятельности, что влияет на её привлекательность и осознание профессиональных мотивов.

Список источников

1. Агафонова Я.В. Роль психологической категории свободы в профессиональной деятельности личности // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52-2. С. 244–250.
2. Анцыферова Л.И. Личность в динамике: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 5. С. 12–25.
3. Бердяев Н.А. Я и мир объектов / ред. Е.А. Алехина. Москва : Т8, 2018.
4. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. Москва, 1998. 168 с.
5. Водопьянова Н.Е. Противодействие синдрому выгорания в контексте ресурсной концепции человека // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2011. № 2. С. 38–50.
6. Выготский Л.С. Проблема возраста // Собрание сочинений. Т. 4. Ч. 2. Москва, 1972.
7. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. Москва, 1994.
8. Гирис А.М. Профессиональное самоотношение и смысл профессиональной деятельности педагога // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 12, № 1. С. 144–152.
9. Григорова И.Р. Экзистенциальный аспект профессиональной самореализации личности // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2016. № 3(5). С. 40–42.
10. Грот Н.Я. Устои нравственной жизни и деятельности // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 27. С. 145–168.
11. Длужневская Л.А., Длужневский И.Г. Влияние смысложизненных ориентаций на удовлетворенность жизнью // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 2 (125).
12. Завалишина Д.Н. Профессиональная деятельность как смысл жизни // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. В 2 ч. Ч. 1. / под ред. А.А. Бодалева, Г.А. Вайзер, Н.А. Карповой, В.Э. Чуковского. Москва : Смысл, 2004. 328 с.
13. Карпинский К.В., Гижук Т.В., Кисельникова Н.В. Функциональная оптимальность личностного смысла профессии // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13, № 1. С. 171–183. doi:10.17759/exppsy.2020130113.
14. Климов Е.А. Психология профессионала : избранные психологические труды / Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т. Москва : Изд-во Московского психолого-социального ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2003. 454 с.
15. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Смысл, 2019.
16. Леонтьев А.А. Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. Москва : Смысл, 2005. 431 с.
17. Максимова Т.В. Смысл жизни и индивидуальный стиль педагогической деятельности // Мир психологии. 2001. № 2(26). С. 114–118.
18. Марцинковский В.Ф. Смысл жизни. Новосибирск, 1996.
19. Мелик-Пашаев А.А. Доминанта и творчество // Вопросы психологии. 2020. № 3. С. 80–91.
20. Митина Л.М. Личностно-профессиональное развитие учителя: стратегии, ресурсы, риски. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. 456 с.
21. Митина Л.М. Особенности личностного и профессионального развития субъектов образования. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. 376 с.
22. Митина Л.М. Психология профессиональной деятельности педагога: системный личностно-развивающий подход // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2012. № 3. С. 48–64.
23. Насырова Д.Р. Экзистенциальные аспекты профессиональной самореализации личности // Молодой ученый. 2023. № 29 (476) С. 107–109.
24. Орлов А.В., Башук Е.Н., Орлова О.М. Значение профессиональной востребованности работников для их трудовой мотивации и восприятия привлекательности организации (на примере персонала офтальмологической клиники) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10, № 5А. С. 241–252.
25. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики // Организационная психология. 2017. Т. 7, № 2. С. 30–51.
26. Пирумова К.В. Смысложизненные ориентации как фактор профессионального развития педагога : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Психологический институт РАО. Москва, 2004. 24 с.
27. Рерих Н.К., Рерих Е.И. Учение живой этики: воспитание в общине. Новосибирск, 1996.
28. Розанов В.В. Цель человеческой жизни. Опубл.: 1893.
29. Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу. В 2 т. Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2008. Т. 1. 480 с. Т. 2. 376 с.
30. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. Москва, 1976.
31. Серафимович И.В. Ресурсность профессионального мышления и эмоциональное выгорание в профессиях социального типа // Психолого-педагогические исследования. 2023. Т. 15, № 1. С. 56–72.
32. Хазанов И.Я. Формирование смысла педагогической деятельности у будущих учителей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 182–193.
33. Харитонов Е.В. Востребованность личности с позиций системного подхода // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 1. С. 54–61.

34. Харитоновна Е.В. Поведенчески-результативные типы личности с разным уровнем профессиональной востребованности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. № 3. С. 200–206.
35. Харитоновна Е.В. Психология социально-профессиональной востребованности личности : монография. Москва : Институт психологии РАН, 2014. 411 с.
36. Харитоновна Е.В. Социально-профессиональная востребованность личности как фактор психического здоровья // Актуальные проблемы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения высшего образования: интеграция науки и практики : материалы IX научно-практической конференции (Хабаровск, 25 ноября 2021 г.) / сост. Н.Л. Перевезенцева. Хабаровск : Дальневосточный государственный медицинский университет, 2022. С. 51–57.
37. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / отв. ред. К.А. Абульханова-Славская. Москва : Наука, 1982. 185 с.
38. Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. № 4.
39. Ясько Б.А., Харитоновна Е.В. Опыт разработки психодиагностической методики «Профессиональная востребованность личности» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2009. № 4. С. 282–288.

References

1. Agafonova Ya.V. The role of the psychological category of freedom in the professional activity of a person // Problems of modern pedagogical education. 2016. No. 52-2. P. 244–250.
2. Antsyferova L.I. Personality in dynamics: some results of the study // Psychological Journal. 1992. Vol. 13, No. 5. P. 12–25.
3. Berdyayev N.A. I and the world of objects / Ed. by E.A. Alyokhina. Moscow : T8, 2018.
4. Bodalev A.A. The peak in adult development: characteristics and conditions of achievement. Moscow, 1998. 168 p.
5. Vodopyanova N.E. Countering burnout syndrome in the context of the human resource concept // Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 16: Psychology. Pedagogy. 2011. No. 2. P. 38–50.
6. Vygotsky L.S. The problem of age // Collected works. Vol. 4. Part 2. Moscow, 1972.
7. Vysheslavtsev B.P. Ethics of the transformed Eros. Moscow, 1994.
8. Giris A.M. Professional self-attitude and the meaning of professional activity of a teacher // Bulletin of the Grodno State University named after Yanka Kupala. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology. 2022. Vol. 12, No. 1. P. 144–152.
9. Grigorova I.R. Existential aspect of professional self-realization of personality // Scientific notes of the Crimean Engineering Pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology. 2016. No. 3(5). P. 40–42.
10. Grot N.Ya. The foundations of moral life and activity // Questions of philosophy and psychology. 1895. Book 27. P. 145–168.
11. Dluzhnevskaya L.A., Dluzhnevsky I.G. The influence of life-meaning orientations on life satisfaction // Yaro-Slavsky pedagogical bulletin. 2022. № 2 (125).
12. Zavalishina D.N. Professional activity as the meaning of life // The meaning of life and acme: 10 years of search. At 2 p.m. 1. / Ed. by A.A. Bodalev, G.A. Weiser, N.A. Karpova, V.E. Chukovsky. Moscow : Smysl, 2004. 328 p.
13. Karpinsky K.V., Gizhuk T.V., Kiselnikova N.V. Functional optimality of the personal meaning of the profession // Experimental psychology. 2020. Vol. 13, No. 1. P. 171–183. doi:10.17759/expppy.2020130113.
14. Klimov E.A. Psychology of a professional : selected psychological works / Russian Academy of Sciences. education, Moscow Psychological and Social Institute. Moscow : Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute ; Voronezh : MODEK, 2003. 454 p.
15. Leontiev D.A. Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality. 4th ed., ispr. and add. Moscow : Smysl, 2019.
16. Leontiev A.A. Leontiev D.A., Sokolova E.E. Alexey Nikolaevich Leontiev. Activity, consciousness, personality. Moscow : Smysl, 2005. 431 p.
17. Maksimova T.V. The meaning of life and the individual style of pedagogical activity // The world of psychology. 2001. No. 2(26). P. 114–118.
18. Marcinkovsky V.F. The meaning of life. Novosibirsk, 1996.
19. Melik-Pashaev A. A. Dominant and creativity // Questions of psychology. 2020. No. 3. P. 80–91.
20. Mitina L.M. Personal and professional development of a teacher: strategies, resources, risks. Moscow ; St. Petersburg : Nestor-Istoriya, 2018. 456 p.
21. Mitina L.M. Features of personal and professional development of subjects of education. Moscow ; St. Petersburg : Nestor-Istoriya, 2014. 376 p.
22. Mitina L.M. Psychology of professional activity of a teacher: a systematic personality-developing approach // Bulletin of the Moscow University. Series 20: Teacher education. 2012. No. 3. P. 48–64.
23. Nasyrova D.R. Existential aspects of professional self-realization of personality // Young scientist. 2023. No. 29 (476) P. 107–109.
24. Orlov A.V., Bashuk E.N., Orlova O.M. The importance of professional demand of employees for their work motivation and perception of the attractiveness of the organization (on the example of the staff of an ophthalmological clinic) // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2021. Vol. 10, No. 5A. P. 241–252.
25. Osin E.N., Leontiev D.A. Diagnostics of experiences in professional activity: validation of methodology // Organizational psychology. 2017. Vol. 7, No. 2. P. 30–51.
26. Pirumova K.V. Meaningful life orientations as a factor of professional development of a teacher : abstract of the thesis ... cand. Psychological Sciences : 19.00.13 / Psychological Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2004. 24 p.

27. Roerich N.K., Roerich E.I. The teaching of living ethics: education in the community. Novosibirsk, 1996.
28. Rozanov V.V. The purpose of human life. Publ.: 1893.
29. Rubinstein M.M. About the meaning of life. Works on philosophy of value, theory of education and university education. In 2 volumes Moscow : Publishing house "Territory of the Future", 2008. Vol. 1. 480 p. Vol. 2. 376 p.
30. Rubinstein S.L. Problems of general psychology. Moscow, 1976.
31. Serafimovich I.V. Resourcing of professional thinking and emotional burnout in professions of a socio-economic type // Psychological and pedagogical research. 2023. Vol. 15, No. 1. P. 56–72.
32. Khazanov I.Ya. Formation of the meaning of pedagogical activity among future teachers // Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 478. P. 182–193.
33. Kharitonova E.V. The demand for personality from the standpoint of a systematic approach // Russian Psychological Journal. 2009. Vol. 6, No. 1. P. 54–61.
34. Kharitonova E.V. Behaviorally effective personality types with different levels of professional demand // Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2011. No. 3. P. 200–206.
35. Kharitonova E.V. Psychology of social and professional relevance of personality: monograph. Moscow : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2014. 411 p.
36. Kharitonova E.V. Socio-professional relevance of personality as a factor of mental health // Actual problems of psychological, pedagogical and medico-social support of higher education: integration of science and practice : materials of the IX scientific and practical conference (Khabarovsk, November 25, 2021) / comp. N.L. Perevezentseva. Khabarovsk : Far Eastern State Medical University, 2022. P. 51–57.
37. Shadrikov V.D. Problems of systemogenesis of professional activity / Ed. by K.A. Abulkhanova-Slavskaya. Moscow : Nauka, 1982. 185 p.
38. Shumsky V.B., Ukolova E.M., Osin E.N., Lupandina Ya.D. Diagnostics of existential fulfillment: the original Russian version of the test of existential motivations // Psychology. HSE Journal. 2016. No. 4.
39. Yasko B.A., Kharitonova E.V. The experience of developing a psychodiagnostic Technique "professional personality demand" // Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2009. No. 4. P. 282–288.

Информация об авторе

A.A. Никитина – аспирант.

Information about the author

A.A. Nikitina is a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 159.99

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-146-152

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА: СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ, ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Юлия Валерьевна Бадалян¹, Светлана Рашидовна Зенина²

^{1,2}Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

¹sfinkc1978@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5182-5948>

²SPIN code: 4519-9338

Аннотация. В данной работе рассматриваются теоретические основы изучения психологической компетентности педагогов. Особое внимание уделяется факторам, способствующим развитию этой компетентности, а также её структуре. В рамках статьи проведено исследование, направленное на анализ психологической компетентности педагогов. Также представлены методы исследования и полученные результаты, касающиеся выявления уровня психологической компетентности у педагогов.

Ключевые слова: психологическая компетентность, педагог, педагогическая деятельность

Original article

PSYCHOLOGICAL COMPETENCE OF A TEACHER: STRUCTURE, CONTENT, FACTORS OF DEVELOPMENT

Yulia V. Badalyan¹, Svetlana R. Zenina²

^{1,2}Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

¹sfinkc1978@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5182-5948>

²SPIN code: 4519-9338

Abstract. This paper examines the theoretical foundations of the study of psychological competence of teachers. Special attention is paid to the factors contributing to the development of this competence, as well as its structure. Within the framework of the article, a study was conducted to analyze the psychological competence of teachers. The research methods and obtained results concerning the identification of the level of psychological competence of teachers are also presented.

Keywords: psychological competence, teacher, pedagogical activity

Психологическая компетентность педагога представляет собой сложный набор навыков и умений. Педагог должен не только глубоко владеть своим учебным предметом, но и постоянно обновлять свои знания и навыки в соответствии с последними достижениями науки. Существует множество исследований, посвященных проблеме психолого-педагогической компетентности. Например, работы таких психологов, как Б.Г. Ананьев, К.К. Платонов и С.Л. Рубинштейн, детально освещают основы психолого-педагогической компетенции. Исследования В.С. Аванесова выявляют различные методы и инструменты для диагностики уровня профессиональной компетентности педагогов [1; 2].

Несмотря на обширный объем существующих исследований в этой области, в системе образования по-прежнему наблюдается проблема низкого уровня психологической компетентности у педаго-

гов. Многие из них не учитывают психологические состояния учащихся, их индивидуальные особенности поведения, мотивацию к обучению и межличностные отношения в коллективе. Это приводит к возникновению негативных явлений в образовательной среде. Таким образом, актуальность повышения уровня профессионализма работников образования и развитие их психологической компетентности остается важной задачей для системы образования.

Исследования, касающиеся психологической компетентности, проводили такие ученые, как Ю.П. Азаров, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Л.Н. Захарова и др. Однако на сегодняшний день не существует единого и общепринятого определения этого понятия [3].

Обобщая различные подходы, можно определить психологическую компетентность как совокупность навыков и качеств личности, а также её

психологической грамотности, что способствует эффективному выполнению профессиональных обязанностей и решению возникающих проблем. Психологическая компетентность взрослого во взаимодействии с ребенком проявляется через следующие действия:

- предоставление оптимальных решений для кризисных ситуаций;
- демонстрацию самопринятия, самоуважения и конструктивности, поскольку только психологически здоровый взрослый способен воспитать счастливого ребенка;
- эмпатийное и толерантное общение с детьми, что создает условия для их развития;
- психологическую поддержку ребенка в формировании конструктивной индивидуальной реальности, включая жизненные планы и адекватную самооценку;
- стимулирование мотивации личностного роста и прогнозирование позитивных достижений [4].

Эти аспекты подчеркивают важность психологической компетентности для успешного воспитания и развития детей.

Структуру психологической компетентности исследовали такие психологи, как Ю.И. Емельянов, Л.С. Колмогорова, М.А. Холодная и др. Они выделили ключевые компоненты этого явления, включая компетентность в общении, интеллектуальную компетентность и социально-психологическую компетентность. Н.В. Андропова в своей работе выделяет два основных блока: **интеллектуальный** (когнитивный), включающий психологические знания и мышление, и **практический** (действенный), охватывающий психологические умения и навыки.

По мнению Т.Н. Щербаковой, структура психологической компетентности педагога включает когнитивную, коммуникативную, социальную и аутопсихологическую подсистемы. Важными элементами этой структуры являются психологические знания, умения педагога, его личностные качества и система субъективного контроля. Каждый из этих компонентов проявляется по-разному в зависимости от специфики педагогической деятельности, и у разных педагогов они могут иметь различную степень выраженности и формироваться в разные периоды [5].

На основе вышеизложенного можно выделить следующие ключевые компоненты психологической компетентности:

- **коммуникативную компетентность** – способность эффективно взаимодействовать с другими;
- **аутопсихологическую компетентность** – осознание собственных эмоциональных состояний и их регулирование;

- **социально-педагогическую компетентность** – умение применять психологические знания в образовательной практике;

- **когнитивную компетентность** – уровень знаний о психологии и педагогике.

Эти компоненты подчеркивают значимость комплексного подхода к развитию психологической компетентности у педагогов для повышения эффективности их профессиональной деятельности.

Характеризуя различные компоненты психологической компетентности, следует подчеркнуть, что **коммуникативная компетентность** занимает одно из ведущих мест. Она позволяет эффективно организовывать процесс общения, устанавливать положительные отношения с окружающими, четко выражать свои мысли и налаживать контакт с собеседниками [6].

Когнитивная компетентность имеет важное значение для успешного решения профессиональных задач. Она включает способность применять разнообразные методы и приемы для поиска решений, а также умение анализировать и синтезировать информацию, что особенно актуально в сложных ситуациях.

Социально-педагогическая компетентность проявляется в том, как педагог организует и планирует свою деятельность, управляет процессом обучения, выбирает соответствующие методы и средства, а также осуществляет контроль и обратную связь с обучающимися.

Аутопсихологическая компетентность предоставляет возможность контролировать собственное поведение, осознавать свои личностные качества и развивать сильные стороны. Она включает в себя навыки самосовершенствования, самооценки и саморегуляции [7].

Эти компоненты подчеркивают многообразие аспектов психологической компетентности и их значимость для эффективной профессиональной деятельности педагога.

Для повышения уровня психологической компетентности педагогу необходимо понимать условия, способствующие её развитию и формированию. В этом процессе самообразование и поддержка со стороны психолога играют важную роль, особенно в сложных ситуациях. На основе изучения теоретико-методического материала в данной области можно выделить основные условия формирования и развития психологической компетентности педагога.

1. Педагогический такт – это умение учителя соблюдать принцип меры в общении с детьми, что подразумевает уважение, внимательность и доверие, а также разумные требования к выполнению

учебных задач. Педагогический такт является важным показателем мастерства педагога и включает в себя чуткое отношение к учащимся и их психическому состоянию.

2. **Индивидуальный подход** – способность находить правильный подход к каждому ученику, учитывая его индивидуальные и психолого-возрастные особенности.

3. **Стремление работать с детьми** – наличие желания и готовности взаимодействовать с учащимися.

4. **Заинтересованность в результатах** – активная вовлеченность педагога в свою профессиональную деятельность и стремление к улучшению результатов.

5. **Учет мотивации учащихся** – при планировании учебно-воспитательного процесса важно учитывать уровень мотивации учеников и полноту их знаний по учебному материалу.

6. **Организаторские навыки** – педагог должен обладать умениями организовывать учебный процесс и взаимодействовать с учениками.

7. **Ясность речи** – способность педагога выражать свои мысли просто и убедительно в общении с учащимися.

8. **Управление психическим состоянием учеников** – создание комфортной учебной обстановки и умение различать психическое состояние детей на уроках.

9. **Эмпатия** – способность чувствовать эмоциональное состояние ученика, сопереживать ему и реагировать на его проблемы [8–10].

Эти условия подчеркивают важность комплексного подхода к развитию психологической компетентности у педагогов, что способствует более эффективному взаимодействию с учениками и улучшению образовательного процесса.

Выявленные и сформулированные условия повышения уровня психологической компетентности педагога могут быть успешно применены как педагогами, так и психологами в их профессиональной практике. Психологическая компетентность специалиста включает в себя:

– **специальные знания, умения и навыки**, необходимые для выполнения профессиональных задач;

– **готовность и способность** осуществлять свою деятельность;

– **качества и ценностные ориентации**, которые необходимы для эффективного выполнения работы [11–13].

Эти теоретические положения стали основой для определения целей и задач исследования. Основной целью данного исследования было изучение психологической компетентности педагогов.

Базой исследования выступило муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Школа № 13 города Благовещенска», выборку составили 40 педагогов, работающих по основной образовательной программе для 5–9-го классов и имеющих стаж работы более 10 лет.

В ходе исследования решались следующие задачи:

– определение особенностей профессионально важных качеств испытуемых;

– оценка готовности испытуемых к выполнению педагогической деятельности;

– проведение статистического анализа полученных данных.

Гипотеза исследования заключалась в том, что педагоги с различным уровнем готовности к выполнению своей деятельности обладают разной выраженностью профессионально важных качеств.

Для определения профессионально важных качеств педагогов были использованы следующие методики:

– «Психологический портрет учителя» (автор Г.В. Резапкина);

– «Диагностика уровня эмпатии» (автор И.М. Юсупов).

Для оценки готовности испытуемых к педагогической деятельности применялась методика «Оценка готовности и адаптированности личности к педагогической деятельности» (В. Симонов, Ю. Дементьева).

Для статистической обработки данных использовался критерий Манна-Уитни, предназначенный для оценки различий между двумя выборками по уровню количественно измеряемого признака. Исследование началось с характеристики готовности и адаптированности испытуемых к педагогической деятельности.

На рис. 1 представлены данные об уровне готовности испытуемых к осуществлению педагогической деятельности, измеряемом по шкале «уверенность в своих силах». Этот показатель отражает внутреннюю уверенность педагогов в своих способностях при выполнении профессиональных обязанностей.

Согласно полученным данным 55 % педагогов отметили высокий уровень готовности. Это достаточно значительный процент, что может быть связано с тем, что в исследовании участвовали педагоги со стажем работы более 10 лет. Эти специалисты хорошо знакомы с особенностями своей деятельности, уверенно владеют своим предметом и имеют богатый опыт взаимодействия как с коллегами, так и с учениками.

Высокий уровень готовности предполагает, что такие педагоги способны:

- **уверенно выступать** на конференциях и собраниях без особых эмоциональных переживаний;
- **быстро реагировать** на возникающие ошибки и исправлять их;
- **наслаждаться участием** в профессиональных конкурсах и состязаниях;
- **самостоятельно справляться** с задачами в своей работе, не прибегая к помощи других.

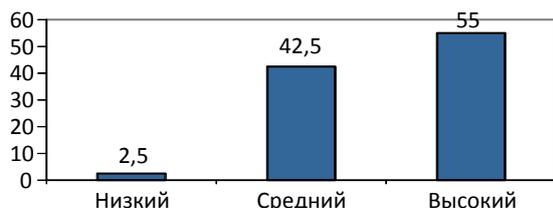

Рис. 1. Уровень готовности к осуществлению педагогической работы

Таким образом, педагоги, обладающие высокой уверенностью в своих силах, проявляют упорство и настойчивость, что способствует их успешной профессиональной деятельности. Эти результаты подчеркивают важность опыта и уверенности как ключевых факторов в формировании психологической компетентности педагогов.

Средний уровень готовности к осуществлению педагогической деятельности отметили у себя 42,5 % педагогов. Эти специалисты в целом уверены в своих силах, способны обходиться без посторонней помощи и могут выступать на конференциях или участвовать в конкурсах. Однако у них также присутствует чувство неуверенности, что затрудняет ориентирование в нестандартных ситуациях. Такие педагоги не склонны признавать свои ошибки и стараются избегать соревновательных моментов в своей деятельности.

Низкий уровень готовности к выполнению педагогической деятельности был выявлен только у 2,5 % педагогов. Эти респонденты испытывают значительные трудности в своей профессиональной деятельности и скорее предпочли бы другую, менее энергозатратную работу.

Обсуждая наличие психологической компетентности в профессиональной деятельности, важно отметить, что оценка готовности к выполнению педагогических обязанностей была основана на самооценке самих педагогов. Это внутреннее представление о своих возможностях не всегда отражает реальную степень их компетентности. В связи с этим был проанализирован еще один важный показатель – **адаптированность** к выполнению педагогической деятельности (рис. 2).

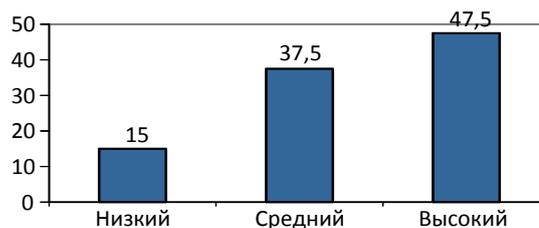

Рис. 2. Уровень адаптированности к педагогической работе

Этот показатель позволяет оценить, насколько болезненными являются определенные аспекты профессиональной деятельности для педагога, такие как контроль со стороны администрации школы. В шкалу также входят вопросы, позволяющие оценить наличие вегетативной симптоматики дезадаптированности, что может свидетельствовать о стрессовых реакциях на профессиональные требования и условия работы.

Высокий уровень адаптированности к педагогической деятельности отмечают у себя 47,5 % педагогов. Эти специалисты сообщают, что после рабочего дня им легко засыпать, они способны адаптироваться к различным условиям работы и стилям руководства. Контроль со стороны администрации воспринимается ими как необходимый элемент работы, а общение с непонятливыми или медлительными людьми проходит без особых трудностей. Они не проявляют беспокойства при ожидании и быстро реагируют на происходящее.

Средний уровень адаптированности отметили 37,5 % испытуемых. Эти педагоги проявляют меньше терпения и такта в общении с разными категориями обучающихся, болезненно воспринимают критику и могут считать контроль со стороны администрации оценкой своих возможностей. У таких педагогов могут наблюдаться признаки дезадаптации, такие как сложности с засыпанием и неспособность полноценно отдохнуть во время каникул или отпусков. Они склонны долго обдумывать вопросы, которые их беспокоили в процессе работы.

Низкий уровень адаптированности был выявлен у 15 % педагогов. Им требуется помощь в преодолении многих профессиональных ситуаций.

Показатели готовности и адаптированности к педагогической деятельности могут косвенно указывать на наличие психологической компетентности испытуемых. Анализ ответов показал, что педагоги, высоко оценивающие свою готовность к выполнению педагогических обязанностей, часто оценивают свою адаптированность как среднюю или низкую. В то же время те, кто считает свою адаптированность высокой, могут оценивать свою готовность как более низкую.

В связи с этим выборка была разделена на две группы:

1-я группа – педагоги с высоким уровнем адаптированности и готовности к педагогической деятельности (13 человек);

2-я группа – педагоги со средним или ниже среднего уровнем адаптированности и готовности (27 человек).

Все последующие результаты будут рассмотрены для каждой из групп отдельно.

При оценке психологической компетентности педагога важно учитывать такие особенности, как стиль деятельности, ценностные ориентации и направленность. Информация о таких особенностях была собрана с помощью методики «Психологический портрет учителя», разработанной Г.В. Резапкиной. Эта методика позволила выделить индивидуальные стилевые особенности деятельности педагогов.

Индивидуальный стиль деятельности может как способствовать эффективности работы, так и осложнять выполнение профессиональных обязанностей (рис. 3).

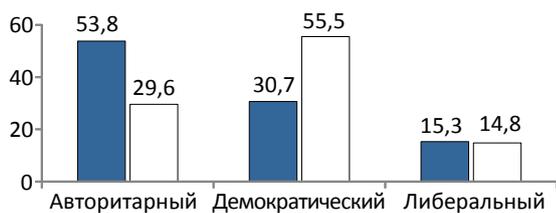

Рис. 3. Результаты диагностики предпочитаемого подопытными стиля деятельности:
■ – 1-я группа; □ – 2-я группа

Авторитарный стиль деятельности в основном характерен для 53,8 % педагогов первой группы, в то время как во второй группе этот стиль демонстрируют 29,6 % педагогов. При авторитарном подходе учитель использует свои полномочия, не учитывая мнения детей и требований ситуации. Основные методы воздействия включают приказы и поучения. Такие педагоги могут иметь репутацию «сильного учителя», однако это часто становится способом самоутверждения без понимания потребностей учеников. Начинающие педагоги могут применять авторитарный стиль как форму компенсации.

Демократический стиль, напротив, характерен для 55,5 % педагогов второй группы. Эти учителя рассматривают ребенка как личность и стремятся использовать методы, позволяющие детям самостоятельно принимать решения и высказывать свое мнение. Они поощряют самостоятельность суждений и учитывают индивидуальные особенности

каждого ученика. Основные методы воздействия в этом случае – побуждение, совет и просьба. Для таких педагогов характерны гибкость, высокая степень принятия себя и других, открытость в общении и доброжелательный настрой, что способствует эффективности обучения.

Либеральный стиль деятельности проявляется у 15,3 % педагогов первой группы и 14,8 % педагогов второй группы. Эти специалисты часто избегают принятия решений, передавая инициативу родителям, коллегам или даже детям. Их организация и контроль работы осуществляются без четкой системы, что проявляется в нерешительности и колебаниях. Для таких педагогов характерна низкая самооценка, чувство тревоги и неуверенности в себе.

В заключение исследования психологической компетентности педагогов был измерен уровень развития эмпатии с помощью методики «Диагностика уровня эмпатии» (И.М. Юсупов) (рис. 4).

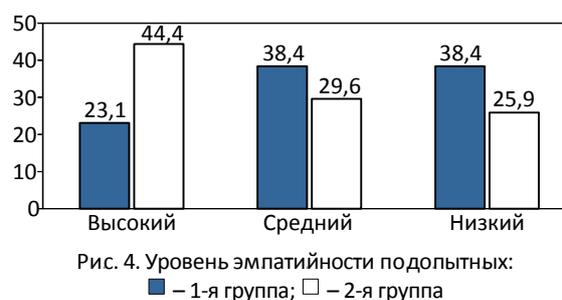

Рис. 4. Уровень эмпатийности подопытных:
■ – 1-я группа; □ – 2-я группа

Из рисунка видно, что в первой группе педагогов 38,4 % продемонстрировали средний уровень эмпатийности, а также 38,4 % – низкий уровень. Педагоги со средним уровнем эмпатийности не относятся к эмоциональным и чувствительным личностям; они склонны судить о других по их поступкам, а не доверять своим личным впечатлениям. Все эмоциональные проявления этих людей находятся под контролем. В общении они внимательны и стараются понять больше, чем сказано словами, однако при излишнем влиянии чувств собеседника могут терять терпение. Эта категория испытуемых не обладает достаточной терпеливостью, что может затруднять их взаимоотношения с окружающими и создавать дополнительные трудности. В межличностном взаимодействии могут проявлять черты авторитаризма, что совпадает с данными предыдущих методик.

Испытуемые с низким уровнем эмпатийности сталкиваются с трудностями в установлении контактов с окружающими. Они являются рациональными людьми и оценивают других по их деловым качествам. Эмоциональные проявления в поступ-

ках окружающих кажутся им непонятными и лишены смысла. Такие люди предпочитают уединенные занятия и конкретные дела, а работа с людьми для них менее привлекательна. В своей деятельности они слишком сосредоточены на себе, что делает их продуктивными в индивидуальной работе, однако во взаимодействии с другими они не всегда достигают взаимопонимания, что может приводить к конфликтным ситуациям.

Во второй группе большинство испытуемых продемонстрировали высокий уровень эмпатийности (44,4 %). Эти педагоги эмоционально отзывчивы, общительны и быстро устанавливают контакты с окружающими. Они чувствительны к нуждам и проблемам других людей, склонны прощать им ошибки и стараются избегать конфликтов, находя компромиссные решения. Такие люди проявляют неподдельный интерес к другим и чаще предпочитают работать в команде, а не в одиночку.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась: педагоги с разным уровнем готовности к выполнению педагогической деятельности обладают различной выраженностью профессионально важных качеств. Педагоги с высоким уровнем

адаптированности и готовности к профессиональной деятельности демонстрируют высокий уровень работоспособности и самоуправления, в то время как испытуемым второй группы характерен средний уровень работоспособности и сниженный уровень самоуправления.

Статистически достоверно чаще во второй группе испытуемых приоритетом является отношение к детям как ценность, тогда как в первой группе более выражены отношения с коллегами. Психологическое состояние педагогов разных групп не имеет значительных различий, как и уровень самооценки. Большинство педагогов обеих групп обладают позитивной самооценкой.

Педагоги с высоким уровнем адаптированности и готовности к профессиональной деятельности имеют более высокий уровень субъективного контроля и предпочитают использовать авторитарный стиль преподавания, в то время как педагоги с более низким уровнем готовности и адаптированности чаще применяют демократический стиль преподавания и статистически достоверно имеют более высокий уровень эмпатии.

Список источников

1. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 23–25.
2. Корлякова С.Г., Чопозова М.А. Психологическая компетентность современного педагога как условие качественного освоения образовательной программы // Молодой ученый. 2023. № 11 (458). С. 152–154.
3. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. Москва : Наука, 2016. 234 с.
4. Божович Л.И. Психологический анализ условий формирования и строения гармонически развитой личности. Москва, 2018. 180 с.
5. Золотухина-Аболина Е.В. О специфике высших духовных ценностей // Философские науки. 2021. № 1. С. 11–18.
6. Абульханова-Славская К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. Москва : Наука, 2014. С. 16–45.
7. Асмолов А.Г. О предмете психологии личности // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 12–15.
8. Никулина Н.В. Психологическая компетентность преподавателя высшей школы // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 82 (1-2). С. 39–45.
9. Малахов В.А. Ценность как категория культуры // Философская мысль. 2022. № 5. С. 76–85.
10. Лазаренко Л.А. Психологическая компетентность педагога как фактор профессионализации // Современные наукоемкие технологии. 2018. № 1. С. 67–68.
11. Анцыферова Л.И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 37–50.
12. Веснин В.Г. Основы менеджмента. Москва : Гном-Пресс, 2019. 440 с.
13. Фидра П.И., Диденко В.Н. Психологическая компетентность как компонент профессиональной компетентности руководителя образовательной организации // Молодёжь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. 2020. № 5. С. 153–159.

References

1. Bozhovich L.I. Stages of personality formation in ontogenesis // Questions of psychology. 2019. No. 4. P. 23–25.
2. Korlyakova S.G., Chopozova M.A. Psychological competence of a modern teacher as a condition for the qualitative development of an educational program // Young scientist. 2023. No. 11 (458). P. 152–154.
3. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Activity and personality psychology. Moscow : Nauka, 2016. 234 p.
4. Bozhovich L.I. Psychological analysis of the conditions of formation and structure of a harmoniously developed personality. Moscow, 2018. 180 p.
5. Zolotukhina-Abolina E.V. On the specifics of higher spiritual values // Philosophical Sciences. 2021. No. 1. P. 11–18.

6. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Personality development in the process of life activity // Psychology of personality formation and development. Moscow : Nauka, 2014. P. 16–45.
7. Asmolov A.G. On the subject of personality psychology // Questions of psychology. 2019. No. 3. P. 12–15.
8. Nikulina N.V. Psychological competence of a high school teacher // Bulletin of Samara State University. 2015. No. 82 (1-2). P. 39–45.
9. Malakhov V.A. Value as a category of culture // Philosophical thought. 2022. No. 5. P. 76–85.
10. Lazarenko L.A. Psychological competence of a teacher as a factor of professionalization // Modern high-tech technologies. 2018. № 1. P. 67–68.
11. Antsyferova L.I. Some theoretical problems of personality psychology // Questions of psychology. 2018. No. 1. P. 37–50.
12. Vesnin V.G. Fundamentals of management. Moscow : Gnom-Press, 2019. 440 p.
13. Fidra P.I., Didenko V.N. Psychological competence as a component of professional competence of the head of an educational organization // Youth and science: actual problems of pedagogy and psychology. 2020. No. 5. P. 153–159.

Информация об авторах

Ю.В. Бадалян – кандидат психологических наук, доцент;
С.Р. Зенина – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

Yu.V. Badalyan is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;
S.R. Zenina is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 37.015.32

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-153-160

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Елена Сергеевна Ермакова

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия, e_s_ermakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6467-8804>

Аннотация. Результаты эмпирического исследования позволили выявить более высокие значения показателя «деперсонализация» у педагогов дошкольного образования со стажем работы более 10 лет, чем у педагогов со стажем работы менее 10 лет. Факторный анализ позволил выделить различия в структуре связей показателей профессионального выгорания, конфликтности, агрессивности, самоорганизации деятельности и стрессоустойчивости педагогов дошкольного образования с разным стажем работы. Показано, что самоорганизация деятельности препятствует, а агрессивность и конфликтность способствуют выгоранию и подверженности стрессу педагогов с различным стажем профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, агрессивность, конфликтность, самоорганизация деятельности, стрессоустойчивость, педагоги дошкольного образования

Original article

PROFESSIONAL BURNOUT AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF PRESCHOOL TEACHERS

Elena S. Ermakova

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russia, e_s_ermakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6467-8804>

Abstract. The results of the empirical study revealed higher values of the «depersonalization» indicator for preschool teachers with more than 10 years of work experience compared to teachers with less than 10 years of work experience. Factor analysis made it possible to identify differences in the structure of relationships between indicators of professional burnout, conflict, aggressiveness, self-organization of activities and stress resistance of preschool teachers with varying lengths of service. It is shown that self-organization of activity hinders, and aggressiveness and conflict contribute to burnout and exposure to stress among teachers with different professional experience.

Keywords: professional burnout, aggressiveness, conflict, self-organization of activities, stress tolerance, preschool teachers

В настоящее время актуальным является вопрос изучения профессиональной пригодности педагогов дошкольных учреждений, их адаптации к быстро меняющимся требованиям труда. Воспитатели как субъекты образовательного процесса по роду своей деятельности вынуждены общаться с детьми, их родителями, а также с коллегами и административным персоналом, выполнять множество функций и пребывать в разных ролях, выполняя различные требования, предъявляемые этими ролями.

Синдром профессионального выгорания наиболее характерен для представителей социально-коммуникативных профессий – системы «человек-человек», к которой относятся педагоги дошкольного образования. Воспитание и обучение детей требует значительного личного вклада в установление доверительных отношений и умения управлять эмоцио-

нальной напряженностью общения. Профессиональное выгорание негативно влияет на соматическое и психическое состояние педагогов, способствуя неудовлетворенности работой, стремлению свести к минимуму деловые и межличностные контакты с коллегами, снижению производительности труда [1].

По определению Н.Е. Водопьяновой, профессиональное выгорание – это длительная стрессовая реакция, возникающая в результате профессионального стресса. Выгорание, по её мнению, представляет собой совокупность негативных психологических переживаний, связанных с интенсивными и длительными межличностными взаимодействиями, характеризующихся эмоциональной насыщенностью и возникающих в случаях превышения адаптационных возможностей человека по преодолению стрессовой ситуации [2].

В.В. Бойко исследует феномен эмоционального выгорания как психологический защитный механизм в виде полного или частичного исчезновения эмоций в ответ на разные травмирующие воздействия. В.В. Бойко рассматривает выгорание как динамический процесс, протекающий поэтапно по механизму возникновения стресса. Ученый выделил три стадии формирования выгорания: напряжение, сопротивление и утомление. Каждая стадия содержит определенные симптомы, описывающие динамику развития выгорания [3].

Исследование выборок педагогов с разным стажем профессиональной деятельности показывает, что все педагоги имеют выраженный синдром выгорания. При этом в фазе истощения пребывают 22 % педагогов со стажем работы менее 15 лет и 94 % педагогов со стажем работы более 15 лет [4].

Влияние возраста педагогов на эффект выгорания неоднозначно, отмечает Н.Е. Водопьянова. Некоторые исследования выявили предрасположенность к выгоранию не только педагогов старшего возраста, но и молодых. Состояние начинающих педагогов объясняется «эмоциональным потрясением», которое они испытывают при столкновении с реальностью, не соответствующей их ожиданиям относительно профессиональной действительности [5].

Несмотря на постоянный рост исследований проблемы профессионального выгорания, недостаточно изученной является связь выгорания с определенными личностными характеристиками, которые могут как способствовать, так и препятствовать выгоранию.

Работа с людьми связана с повышенным эмоциональным напряжением, возможной конфликтностью, психофизическим напряжением, стрессом, что негативно сказывается на деятельности и здоровье педагога, отношениях с воспитанниками, коллегами. Изучение агрессивности и конфликтности педагогов дошкольного образования имеет особое значение, так как именно агрессия вызывает наиболее разрушительные последствия взаимодействия субъектов педагогического процесса, оказывая пагубное влияние на развитие личности воспитанников. Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова рассматривают агрессивность педагогов как механизм компенсации неблагоприятных эмоциональных состояний и негативного отношения к труду [6].

Причиной агрессивного поведения педагога может служить рассогласование мотивационных, целевых, функциональных и оценочных компонентов педагогической деятельности. Наиболее часто встречающейся характеристикой агрессивности педагога является неуравновешенность, которая

выражается в импульсивных действиях и враждебных высказываниях. Кроме того, отмечаются проявления вербальной агрессии в форме враждебных высказываний, нетерпеливость, враждебная эмоциональная окраска речи, нетерпимость [7].

Конфликты педагогов дошкольного образования могут подразделяться на организационные, социальные и личностные. Причинами организационных конфликтов являются управленческие проблемы, причинами социальных конфликтов – проблемы деловой коммуникации, причинами личностных – психологическая несовместимость работников. Уровень выраженности конфликтности у воспитателей наиболее высокий при стаже более 10 лет [8].

В связи с повышением требований к содержанию трудовых функций и действий воспитателей дошкольных учреждений одним из ключевых навыков профессиональной деятельности является такая личностная компетенция, как самоорганизация деятельности. Самоорганизация считается синонимом понятий «саморегуляция», «самоменеджмент», «самоуправление» и означает управление собой, своей жизнью или организацией своей жизни в целом. Специалист, обладающий навыками самоорганизации, быстрее и экономичнее решает поставленные перед ним задачи, эффективнее преодолевает трудности, проявляет инициативу, творческий подход и готов корректировать свою деятельность в случае неудачи [9].

Самоорганизация деятельности воспитателя определяется как планирование и управление временем, что требует определенных знаний и подготовки воспитателя. Планирование заключается в том, чтобы заранее определить порядок и последовательность воспитательно-образовательной деятельности, указать необходимые условия, формы, средства и методы. Планирование является важной частью организации учебного процесса в дошкольных учреждениях. С его помощью педагоги определяют учебные задачи, намечают, когда и какие мероприятия следует проводить, думают, как организовать среду, какие выбрать материалы, пособия и игрушки. Анализируя выполнение планов работы, можно определить причинно-следственную связь между деятельностью и её результатами, выявляя условия, обеспечивающие успех работы, и недостатки [9].

Стрессоустойчивость – важное индивидуально-личностное свойство педагога, характеризующееся таким взаимодействием эмоционально-волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности человека, которые обеспечивают успешное достижение цели дея-

тельности в сложной эмоциональной обстановке. Стрессоустойчивость педагога является важнейшим условием благополучной адаптации к педагогической профессии и профессиональной реализации в ней. Исследователи выделяют такие предпосылки стрессоустойчивости, как толерантность, инициативность, стремление к саморазвитию, коммуникабельность, способность к социальной адаптации, сохранение значимых межличностных отношений, самореализация, самопознание и саморазвитие, способность к достижению целей, бесценное отношение к людям, гибкость и способность изменять в соответствии с меняющимися обстоятельствами свою стратегию и тактику, свои способы решения проблем, которые возникают в процессе жизнедеятельности [10; 11].

Исследование стрессоустойчивости педагогов дошкольных образовательных учреждений показало, что 72,9 % педагогов имеют удовлетворительный уровень стрессоустойчивости, 22 % – хороший уровень, плохой уровень стрессоустойчивости у 3,2 % педагогов, у 1,6 % – отличный. Не выявлено связи между уровнем стрессоустойчивости и уровнем образования, квалификации или возрастом педагогов [12].

Все вышеизложенное определило актуальность проблемы изучения профессионального выгорания и таких личностных характеристик работников сферы дошкольного образования, как агрессивность и конфликтность, самоорганизация деятельности, стрессоустойчивость.

Целью нашего эмпирического исследования явился анализ особенностей и связей показателей профессионального выгорания, агрессивности, конфликтности, самоорганизации деятельности, стрессоустойчивости педагогов дошкольного образования.

Методы исследования: методика «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой; методика «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина, П.А. Ковалева; опросник самоорганизации деятельности (ОСД) Е.Ю. Мандриковой; тест самооценки стрессоустойчивости (Шкала воспринимаемого стресса, PSS-10) С. Коэн, Г. Вильямсон в адаптации В.А. Абабкова.

Выборка представлена воспитателями дошкольных учреждений г. Санкт-Петербурга в возрасте от 23 до 47 лет. Общее количество исследуемых – 60 человек, из них 28 педагогов со стажем работы менее 10 лет, в возрасте от 23 до 38 лет; 32 педагога со стажем более 10 лет, в возрасте от 34 до 47 лет.

Анализ результатов позволил выделить значимые различия между показателями методики пе-

дагогов со стажем менее 10 лет и педагогов со стажем более 10 лет. С помощью U-критерия Манна-Уитни были обнаружены значимые различия по шкале «Деперсонализация» методики «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой ($u = 309,5$, $p = 0,05$). У воспитателей со стажем работы более 10 лет показатели деперсонализации (8,44) выше, чем у педагогов со стажем работы менее 10 лет (5,08). Можно полагать, что опытные работники менее эмоциональны в отношениях с коллегами, воспитанниками и родителями, могут формально выполнять свои профессиональные обязанности, испытывают раздражительность и негативизм. Такие результаты могут свидетельствовать о нарастающем профессиональном выгорании воспитателей со стажем работы более 10 лет.

По остальным показателям методик значимых различий выявлено не было.

Для анализа структуры связей показателей методик был проведен факторный анализ показателей профессионального выгорания, конфликтности, агрессивности, самоорганизации деятельности и стрессоустойчивости педагогов дошкольного образования.

Факторный анализ проводился методом главных компонент с ротацией варимакс с нормализацией Кайзера в программе SPSS Statistics 17.0.

Факторный анализ всей выборки позволил выделить 5 факторов, (табл. 1), которые объясняют 62,669 % дисперсии.

Таблица 1

Факторный анализ показателей профессионального выгорания, конфликтности, агрессивности, самоорганизации деятельности, стрессоустойчивости по результатам исследования всей выборки

Переменная	Факторная нагрузка
1. Самоорганизация деятельности (объясненная дисперсия 16,002 %)	
Общий показатель самоорганизации	0,958
Фиксация	0,843
Целеустремленность	0,799
Настойчивость	0,688
Планомерность	0,588
Самоорганизация	0,584
2. Агрессивность и эмоциональное истощение (объясненная дисперсия 15,594 %)	
Позитивная агрессивность	0,852
Мстительность	0,761
Напористость	0,750
Неуступчивость	0,736
Негативная агрессивность	0,636
Эмоциональное истощение	0,503

Окончание табл. 1

Переменная	Факторная нагрузка
3. Конфликтность и стрессоустойчивость (объясненная дисперсия 13,523 %)	
Конфликтность	0,932
Вспыльчивость	0,873
Обидчивость	0,780
Стессоустойчивость	-0,614
4. Бескомпромиссность, планомерность – профессиональное выгорание (объясненная дисперсия 8,865 %)	
Бескомпромиссность	0,789
Редукция личных достижений	-0,628
Планомерность	0,555
Эмоциональное истощение	-0,474
5. Агрессивность и ориентация на настоящее (объясненная дисперсия 8,685 %)	
Нетерпимость к мнению других	0,746
Ориентация на настоящее	0,704
Подозрительность	0,698
Негативная агрессивность	0,566

1-й фактор «Самоорганизация деятельности». Включает все показатели самоорганизации, что может свидетельствовать о способности педагогов выборки сочетать структурированный подход к организации времени своей жизни со спонтанностью и гибкостью, ценить все составляющие психологического времени и извлекать для себя ценный опыт из многоплановости своей жизни.

2-й фактор «Агрессивность и эмоциональное истощение». Объединяет показатели позитивной и негативной агрессивности, а также эмоционального выгорания. Чем чаще педагоги проявляют поведение, цель которого добиться желаемого как вызвав, так и не причинив серьезного дискомфорта другим, тем чаще возникают угнетенность, апатия, высокое утомление, эмоциональная опустошенность.

3-й фактор «Конфликтность и стрессоустойчивость». У вспыльчивых, обидчивых воспитателей проявляется склонность к конфликту и подверженность стрессу.

4-й фактор «Бескомпромиссность, планомерность – Профессиональное выгорание». Педагоги, не стремящиеся урегулировать разногласия, уступая в чем-то в обмен на уступки других, постоянно, осознанно планирующие деятельность, испытывают оптимизм и верят в способность решать возникающие проблемы, не испытывают эмоциональной опустошенности.

5-й фактор «Агрессивность и ориентация на настоящее». Недоверчивые педагоги выборки, живущие одним днем «здесь и сейчас», не способны учитывать мнение окружающих и поэтому испытывают фрустрацию, которая вызывает агрессию.

Факторный анализ показателей профессионального выгорания, конфликтности и агрессивности, самоорганизации деятельности и стрессоустойчивости педагогов дошкольного образования со стажем работы менее 10 лет позволил выделить 6 факторов (табл. 2), которые объясняют 74,033 % дисперсии.

Таблица 2

Факторный анализ показателей профессионального выгорания, конфликтности, агрессивности, самоорганизации деятельности и стрессоустойчивости по результатам исследования педагогов дошкольного образования со стажем работы менее 10 лет

Переменная	Факторная нагрузка
1. Агрессивность и профессиональное выгорание (объясненная дисперсия 16,093 %)	
Напористость	0,865
Мстительность	0,860
Позитивная агрессивность	0,848
Негативная агрессивность	0,746
Деперсонализация	0,610
Эмоциональное истощение	0,554
2. Самоорганизация деятельности (объясненная дисперсия 14,726 %)	
Общий показатель самоорганизации	0,896
Настойчивость	0,881
Целеустремленность	0,814
Фиксация	0,757
Планомерность	0,474
3. Конфликтность и стрессоустойчивость (объясненная дисперсия 14,586 %)	
Конфликтность	0,923
Вспыльчивость	0,920
Обидчивость	0,854
Стессоустойчивость	0,686
4. Агрессивность и ориентация на настоящее (объясненная дисперсия 11,160 %)	
Подозрительность	0,837
Ориентация на настоящее	0,822
Нетерпимость к мнению других	0,707
Негативная агрессивность	0,492
5. Бескомпромиссность и профессиональное выгорание (объясненная дисперсия 9,679 %)	
Бескомпромиссность	0,901
Редукция личных достижений	0,766
Эмоциональное истощение	-0,589
6. Планомерность, неуступчивость и стрессоустойчивость (объясненная дисперсия 7,789 %)	
Планомерность	0,744
Неуступчивость	0,628
Стессоустойчивость	-0,406

1-й фактор «Агрессивность и профессиональное выгорание». Объединяет показатели позитивной и негативной агрессивности, а также деперсонализа-

ции и эмоционального истощения. Чем чаще педагоги со стажем работы менее 10 лет проявляют поведение, цель которого добиться желаемого как выжав, так и не причинив серьезного дискомфорта другим, тем чаще возникает черствое, формальное отношение к воспитанникам, угнетенность, апатия, высокое утомление, эмоциональная опустошенность.

2-й фактор «Самоорганизация деятельности». Объединяет показатели самоорганизации, что может свидетельствовать о способности педагогов выборки со стажем работы менее 10 лет сочетать структурированный подход к организации времени своей жизни со спонтанностью и гибкостью, ценить все составляющие психологического времени и извлекать для себя ценный опыт из многоплановости своей жизни.

3-й фактор «Конфликтность и стрессоустойчивость». У вспыльчивых, обидчивых воспитателей проявляется склонность к конфликту и большая подверженность стрессу.

4-й фактор «Агрессивность и ориентация на настоящее». Недоверчивые педагоги выборки, живущие одним днем «здесь и сейчас», не способны учитывать мнение окружающих и поэтому испытывают фрустрацию, которая вызывает агрессию.

5-й фактор «Бескомпромиссность и профессиональное выгорание». Педагоги со стажем работы менее 10 лет, не стремящиеся урегулировать разногласия, уступая в чем-то в обмен на уступки другого, с низкой мотивацией к избеганию напряженности в отношениях, не верят в свои силы и в способность решать возникающие проблемы, ощущают угнетенность, апатию, высокое утомление, эмоциональную опустошенность.

6-й фактор «Планомерность, неуступчивость и стрессоустойчивость». Педагоги, испытывающие потребность в постоянном осознанном планировании деятельности, склонные категорично настаивать на собственной точке зрения, имеют слабую устойчивость к стрессу.

Факторный анализ показателей профессионального выгорания, конфликтности и агрессивности, самоорганизации деятельности и стрессоустойчивости педагогов дошкольного образования со стажем более 10 лет позволил выделить 6 факторов (табл. 3), которые объясняют 70,502 % дисперсии.

1-й фактор «Самоорганизация деятельности и профессиональное выгорание». Педагог со стажем работы более 10 лет, умеющий планировать свою деятельность, стремящийся всеми возможными способами завершить начатое дело, склонный при самоорганизации и планировании прибегать к вспомогательным средствам (ежедневники, бюд-

жетирование времени), отличается оптимизмом, верит в свои силы и в способность решать возникающие проблемы, позитивно относится к работе и сотрудникам.

Таблица 3

Факторный анализ показателей профессионального выгорания, конфликтности и агрессивности, самоорганизации деятельности и стрессоустойчивости по результатам исследования педагогов дошкольного образования со стажем более 10 лет

Переменная	Факторная нагрузка
1. Самоорганизация деятельности и профессиональное выгорание (объясненная дисперсия 15,772 %)	
Общий показатель самоорганизации	0,904
Планомерность	0,851
Целеустремленность	0,843
Фиксация	0,772
Редукция личных достижений	0,709
2. Профессиональное выгорание, стрессоустойчивость и негативная агрессивность (объясненная дисперсия 13,273 %)	
Деперсонализация	0,830
Эмоциональное истощение	0,745
Стрессоустойчивость	0,741
Нетерпимость к мнению других	0,644
Негативная агрессивность	0,589
3. Конфликтность (объясненная дисперсия 12,405 %)	
Конфликтность	0,945
Обидчивость	0,799
Вспыльчивость	0,766
4. Позитивная агрессивность (объясненная дисперсия 10,779 %)	
Позитивная агрессивность	0,915
Неуступчивость	0,777
Напористость	0,707
5. Самоорганизация деятельности и бескомпромиссность (объясненная дисперсия 9,280 %)	
Самоорганизация	0,853
Бескомпромиссность	-0,673
6. Негативная агрессивность (объясненная дисперсия 8,993 %)	
Подозрительность	0,790
Негативная агрессивность	0,625
Мстительность	0,615
Нетерпимость к мнению других	0,512

2-й фактор «Профессиональное выгорание, стрессоустойчивость и негативная агрессивность». Чем выше склонность игнорировать мнение других людей, вызывать своим поведением психологический дискомфорт у других людей, тем чаще возникает подверженность стрессам, черствое, формальное отношение к воспитанникам, угнетенность, апатия, высокое утомление, эмоциональная опустошенность.

3-й фактор «Конфликтность». Фактор объединяет такие показатели конфликтности, как обидчивость и вспыльчивость, что может свидетельствовать о том, что конфликтность является характерной чертой выборки педагогов со стажем работы более 10 лет.

4-й фактор «Позитивная агрессивность». Фактор объединяет все показатели позитивной агрессивности: неуступчивость и напористость. Это может свидетельствовать о том, что поведение, которое помогает человеку добиться желаемой цели, но при этом наносит незначительный дискомфорт другим, является характерной чертой выборки педагогов со стажем работы более 10 лет.

5-й фактор «Самоорганизация деятельности и бескомпромиссность». Чем выше сформированность навыков тактического планирования и стратегического целеполагания педагогов со стажем работы более 10 лет, тем более они стремятся урегулировать разногласия, уступая в чем-то в обмен на уступки другого.

6-й фактор «Негативная агрессивность». Фактор объединяет показатели негативной агрессивности, что может свидетельствовать о том, что поведение, которое вызывает психологический дискомфорт у других людей, является характерной чертой выборки педагогов со стажем работы более 10 лет.

Выводы

Показатель «деперсонализация» выше у педагогов со стажем работы более 10 лет, чем у педагогов со стажем работы менее 10 лет. Воспитатели со стажем более 10 лет по сравнению с воспитателями со стажем до 10 лет менее эмоциональны, более равнодушны к воспитанникам, родителям, коллегам, что показывает нарастание профессионального выгорания.

Факторный анализ позволил выделить различия в структуре связей показателей профессионального выгорания, конфликтности, агрессивности, самоорганизации деятельности и стрессоустойчивости педагогов дошкольного образования с разным стажем профессиональной деятельности.

У педагогов дошкольного образования со стажем работы менее 10 лет в самом значимом первом факторе отражено большинство показателей агрессивности и профессионального выгорания, что позволяет предположить представленность в данной выборке агрессивного поведения, прямо связанного с негативным эмоциональным состоянием в профессиональной деятельности.

У педагогов дошкольного образования со стажем работы более 10 лет в самом значимом первом факторе объединены показатели самооргани-

зации деятельности, противостоящие редукции личных достижений, что говорит о сформированности навыков тактического планирования и стратегического целеполагания, снижающих профессиональное выгорание.

Второй фактор, выявленный у педагогов дошкольного образования со стажем работы менее 10 лет, объединяет показатели самоорганизации, что свидетельствует о наличии у педагогов выборки умения видеть и ставить цели, планировать свою деятельность, в том числе с помощью внешних средств.

Второй фактор, выявленный у педагогов дошкольного образования со стажем работы более 10 лет, может говорить о том, что наличие негативной агрессивности, прямо связанной с профессиональным выгоранием и низкой устойчивостью к стрессам, является характерной особенностью данной выборки.

У педагогов дошкольного образования со стажем работы менее 10 лет выявлены факторы, отражающие связи некорректного использования самоорганизации деятельности с агрессивностью и подверженностью стрессам, являющиеся четвертым и шестым по значимости. Это может говорить о несформированности в целом навыков тактического планирования и стратегического целеполагания.

У педагогов дошкольного образования со стажем работы более 10 лет в пятом по значимости факторе отражены показатели самоорганизации деятельности, которые способствуют урегулированию разногласий, поиску решения спорных вопросов, что может означать более высокую сформированность в целом навыков тактического планирования и стратегического целеполагания.

Выявлены аналогичные структуры связей показателей профессионального выгорания, конфликтности и агрессивности, самоорганизации деятельности и стрессоустойчивости педагогов дошкольного образования с разным стажем работы.

Самые значимые факторы обеих выборок педагогов включают в себя показатели профессионального выгорания, что указывает на его наличие у педагогов с различным стажем профессиональной деятельности.

У всех педагогов выборки выявлено 5 из 6 факторов, включающих характеристики агрессивности и конфликтности, при этом у педагогов дошкольного образования со стажем работы более 10 лет отмечаются три фактора, где присутствуют только показатели агрессивности и конфликтности. Это может свидетельствовать как о значительной представленности в выборке педагогов данных личностных осо-

бенностей, так и о нарастании агрессивности и конфликтности вместе со стажем работы педагогов дошкольного образования. Агрессивность и конфликтность можно рассматривать как механизм компенсации неблагоприятных эмоциональных состояний и негативных установок по отношению к работе, что подтверждает данные исследований Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой [6].

Все характеристики самоорганизации деятельности включены в значимые факторы с высокой объясненной дисперсией и связаны с показателями профессионального выгорания, агрессивности, конфликтности и стрессоустойчивости. При этом самоорганизация деятельности препятствует выгоранию и подверженности стрессу, а агрессивность и конфликтность способствуют выгоранию и подверженности стрессу у педагогов с различным стажем профессиональной деятельности.

Таким образом, можно полагать, что педагогам дошкольного образования со стажем работы менее 10 лет присуще: наличие показателей профессионального выгорания; агрессивное поведение, прямо связанное с негативным эмоциональным состоянием в профессиональной деятельности; наличие умения видеть и ставить цели, планировать свою деятельность, в том числе с помощью внешних средств, но, тем не менее, несформированность в целом навыков тактического планирования и стратегического целеполагания; выраженные агрессивность и конфликтность, снижающие стрессоустойчивость.

Педагоги дошкольного образования со стажем работы более 10 лет отличаются: наличием показателей профессионального выгорания; сформированностью навыков тактического планирования и стратегического целеполагания, снижающих профессиональное выгорание; нарастающими агрессивностью и конфликтностью, снижающими стрессоустойчивость.

Различия структуры связей показателей профессионального выгорания, конфликтности и агрессивности, самоорганизации деятельности и стрессоустойчивости педагогов дошкольного образования с разным стажем работы можно объяснить условиями профессиональной деятельности с её повышенной эмоциональной нагруженностью, реакцией на рабочие стрессы, отсутствием коррекции отрицательных психоэмоциональных состояний, что способствует негативной динамике показателей профессионального выгорания, агрессивности, конфликтности в процессе деятельности. Профессиональное выгорание, агрессивность и конфликтность педагогов дошкольного образования как профессионально обусловленные деформации нуждаются в психологической коррекции.

Вместе с тем самоорганизация деятельности является универсальной компетенцией педагога дошкольного образования, препятствующей профессиональному выгоранию, и требует активного формирования как в процессе получения образования, так и в ходе профессиональной деятельности.

Список источников

1. Костин Е.Ю. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности педагогов дошкольного образовательного учреждения // Педагогика и психология образования. 2013. № 3. С. 40–47.
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2024. 299 с.
3. Бойко В.В. Синдром эмоционального «выгорания» в профессиональном общении. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 474 с.
4. Бутова Л.А., Бычкова Е.С., Лыткина А.В. Исследование психоэмоциональных и поведенческих компонентов эмоционального выгорания у педагогов с различным стажем работы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (136). С. 15–21.
5. Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. 159 с.
6. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. От выгорания к обновлению: опыт и перспективы изучения синдрома выгорания в России // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 126–130.
7. Дикова В.В., Зеер Э.Ф. Педагогическая агрессия как профессионально обусловленная деформация учителя // Образование и наука. 2005. № 4 (34). С. 78–89.
8. Кошкина И.В. Условия формирования конфликтологической компетентности у педагогов дошкольной образовательной организации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, Вып 1 (21). С. 10–14.
9. Анисимова М.В., Валова Н.М., Кудряшова А.С., Шкунова А.А. Проблема распределения времени воспитателя в ДОУ // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 3 (37). С. 5–11.
10. Багадаева О.Ю. Мотивация персонала как организационное условие снижения профессионального стресса педагогов ДОУ // Современное дошкольное образование. 2016. № 10 (72). С. 26–36.
11. Микляева А.В., Безгодова С.А. Стрессоустойчивость как фактор профессиональной самореализации молодых педагогов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 18. С. 66–73.
12. Багадаева О.Ю., Голубчикова М.Г. Критерии стрессоустойчивости педагога с позиций деятельностного подхода // Педагогический ИМИДЖ. 2017. № 4 (37). С. 129–141.

References

1. Kostin E.Yu. Emocional'noe vygoranie v professional'noj deyatel'nosti pedagogov doshkol'nogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya intellekta [Emotional burnout in the professional activities of teachers of preschool educational institutions]. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya*. 2013. № 3. P. 40–47. (in Russ.).
2. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. *Sindrom vygoraniya. Diagnostika i profilaktika*. 3-e izd., ispr. i dop. [Burnout syndrome. Diagnosis and prevention]. Moscow : Yurajt, 2024. 299 p. (in Russ.).
3. Bojko V. V. *Sindrom emocional'nogo «vygoraniya» v professional'nom obshchenii* [Emotional burnout syndrome in professional communication]. St. Petersburg : Piter, 2003. 474 p. (in Russ.).
4. Butova L.A., Bychkova E.S., Lytkina A.B. Issledovanie psihoemocional'nyh i povedencheskih komponentov emocional'nogo vygoraniya u pedagogov s razlichnym stazhem raboty [The study of psychoemotional and behavioral components of emotional burnout among teachers with different work experience] *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2019. № 3 (136). p. 15–21. (in Russ.).
5. Vodop'yanova N.E. *Profilaktika i korrekciya sindroma vygoraniya: metodologiya, teoriya, praktika* [Prevention and correction of burnout syndrome: methodology, theory, practice]. St. Petersburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. 159 p. (in Russ.).
6. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Ot vygoraniya k obnovleniyu: opyt i perspektivy izucheniya sindroma vygoraniya v Rossii [From burnout to renewal: experience and prospects of studying burnout syndrome in Russia]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. 2006. № 1. P. 126–130. (in Russ.).
7. Dikova V.V., Zeer E.F. Pedagogicheskaya agressiya kak professional'no obuslovlennaya deformaciya uchitelya [Pedagogical aggression as a professionally conditioned deformation of a teacher]. *Obrazovanie i nauka*. 2005. № 4 (34). P. 78–89. (in Russ.).
8. Koshkina I.V. Usloviya formirovaniya konfliktologicheskoy kompetentnosti u pedagogov doshkol'noj obrazovatel'noj organizacii [Conditions for the formation of conflictological competence among teachers of a preschool educational organization]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*. 2017. T. 6, Vyp 1 (21). P. 10–14. (in Russ.).
9. Anisimova M.V., Valova N.M., Kudryashova A.S., Shkunova A.A. Problema raspredeleniya vremeni vospitatelya v DOU [The problem of the distribution of the tutor's time in the preschool]. *Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. 2019. № 3 (37). P. 5–11. (in Russ.).
10. Bagadaeva O. Yu. Motivaciya personala kak organizacionnoe uslovie snizheniya professional'nogo stressa pedagogov DOU [Staff motivation as an organizational condition for reducing the professional stress of preschool teachers]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie*. 2016. № 10 (72). P. 26–36. (in Russ.).
11. Miklyaeva A.V., Bezgodova S.A. Stressoustojchivost' kak faktor professional'noj samorealizacii molodyh pedagogov [Stress tolerance as a factor of professional self-realization of young teachers]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*. 2016. T. 18. P. 66–73. (in Russ.).
12. Bagadaeva O.Yu., Golubchikova M.G. Kriterii stressoustojchivosti pedagoga s pozicij deyatel'nostnogo podhoda [Criteria for stress tolerance of a teacher from the standpoint of an activity approach]. *Pedagogicheskij IMIDZh*. 2017. № 4 (37). P. 129–141. (in Russ.).

Информация об авторе

E.C. Ermakova – доктор психологических наук, доцент.

Information about the author

E.S. Ermakova is Doctor of Science (Psychology), Assistant Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 159.9.07
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-161-168

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ПРОФЕССИЯ В КИТАЕ: МОТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ

Наталья Алексеевна Кора

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, Nkora1@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8624-0713>

Аннотация. В современном Китае интерес к профессиональной мотивации преподавателей высшей школы обусловлен реформированием системы образования, которое рассматривается как одно из приоритетных направлений деятельности государства. Современные технологии и подходы к обучению открывают новые горизонты для преподавателей, позволяя им разрабатывать более интерактивные и увлекательные методы. Это не только способствует профессиональному развитию, но и возвращает чувство удовлетворения от преподавания. Профессиональная мотивация играет ключевую роль в эффективности работы и общем благосостоянии сотрудников образовательных организаций. В статье основное внимание уделяется многообразным факторам, влияющим на профессиональную мотивацию преподавателей, включая культурные, экономические и социальные аспекты.

Ключевые слова: образование, профессиональная мотивация, карьерная мотивация, внешняя и внутренняя мотивация, факторы мотивации, преподаватели, образовательные организации, профессиональный рост

Original article

TEACHING PROFESSION IN CHINA: MOTIVES FOR PROFESSIONAL ACTIVITY AND JOB SATISFACTION

Natalia A. Kora

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, Nkora1@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8624-0713>

Abstract. In modern China, interest in the professional motivation of higher education teachers is due to the reform of the education system, which is considered as one of the priority areas of state activity. Modern technologies and approaches to teaching open up new horizons for teachers, allowing them to develop more interactive and engaging methods. This not only promotes professional development, but also brings back the sense of satisfaction from teaching. Professional motivation plays a key role in the performance and overall well-being of employees in educational organizations. The article focuses on the various factors influencing the professional motivation of teachers, including cultural, economic and social aspects.

Keywords: education, professional motivation, career motivation, external and internal motivation, motivation factors, teachers, educational organizations, professional growth

Профессия учителя во всем мире считается одной из самых важных и почетных. Китай – не исключение. В данной статье представлены результаты исследования, которое позволило выявить мотивы выбора преподавательской профессии в Китае, а также уровень удовлетворенности работой.

В последние годы Китай переживает стремительный экономический рост, который не только приносит новые возможности, но и ставит перед обществом множество вызовов. Одним из ключевых элементов этого процесса является сфера образования. Как основа для будущего развития страны, она подвергается глубоким преобразованиям, отражая общественные изменения и требо-

вания стремительно развивающейся экономики [1]. В условиях такой динамики профессия преподавателя, традиционно считавшаяся стабильной, сталкивается с новыми реалиями и вызовами.

Профессиональная мотивация преподавателей играет решающую роль в успешном реформировании системы образования. Именно от нее зависит энтузиазм, стремление к профессиональному росту и в конечном счете эффективность работы учителей. Исследования, проведенные китайскими учеными (Zhang L., Chen X., Guo S., Li J.), подтверждают, что профессиональная мотивация оказывает непосредственное влияние на результаты работы преподавателей. Результаты исследований показыва-

ют, что внутренняя мотивация, связанная с удовлетворением от преподавания и желанием развивать обучающихся, играет ключевую роль в поддержании интереса и эффективности работы. Однако внешние факторы, такие как финансовое вознаграждение, карьерные перспективы и социальный статус, также остаются значимыми.

Китайские ученые подчеркивают необходимость создания благоприятной среды для профессионального роста, что может существенно повлиять на мотивацию учителей и преподавателей. Важно не только повышать их квалификацию, но и активно вовлекать в процесс административного управления учебными заведениями, что создаст условия для продуктивной работы и самореализации [2].

Кроме того, важным аспектом является культурный контекст, в котором работают китайские преподаватели. Концепция «гусеничности», охватывающая стремление к самосовершенствованию и преодолению трудностей, может стать мощным источником внутренней мотивации. Понимание и уважение культурных традиций, таких как конфуцианские идеалы о наставничестве и учебе, могут улучшить взаимодействие между учителями и учениками, создавая положительную атмосферу в группе обучающихся.

Однако, несмотря на важность темы, исследования профессиональной мотивации китайских преподавателей пока недостаточно глубоки. Большая часть исследований фокусируется на отдельных аспектах, таких как исследования в области образовательной политики, управление образованием и требования к работе. Отсутствуют комплексные и систематические исследования, которые изучали бы карьерную мотивацию преподавателей в целом, особенно в контексте институтов и колледжей.

Для того чтобы получить более полное понимание профессиональных мотивов преподавателей в Китае, необходимо провести исследования, которые охватили бы следующие аспекты.

Внешние факторы мотивации, которые включают:

- экономические условия (Как изменяющиеся экономические реалии влияют на выбор профессии преподавателя? Влияют ли зарплаты и социальные гарантии на мотивацию к работе?);

- социальный статус (Какое место в обществе занимает профессия преподавателя в современном Китае? Как социальные представления о статусе профессии влияют на мотивацию преподавателей?);

- политика государства (Какие правительственные программы и инициативы направлены на повышение престижа профессии преподавателя и стимулирование их мотивации?).

2. Внутренние факторы мотивации, включающие:

- личные ценности (Какие ценности и стремления мотивируют преподавателей к работе? Играет ли роль стремление к самореализации и ощущение смысла своей работы?);

- профессиональный рост (Как возможности для профессионального развития и повышения квалификации влияют на мотивацию преподавателей?);

- личные достижения (Какую роль играют личное признание и ощущение собственного успеха в мотивации преподавателей?).

3. Факторы, влияющие на карьерную мотивацию:

- возможности профессионального роста (Какие карьерные траектории доступны преподавателям в Китае? Как это влияет на их мотивацию к работе?);

- стимулирование инноваций (Как система образования поддерживает инициативу и креативность преподавателей?);

- взаимодействие с коллегами (Как культура взаимодействия в коллективе влияет на мотивацию преподавателей? Есть ли у них возможность для обмена опытом и поддержки?) и др.

Подобные исследования позволят не только глубже понять мотивацию преподавателей в Китае, но и разработать эффективные стратегии для повышения их профессиональной мотивации, а также улучшить систему образования в целом.

Повышение мотивации преподавателей в Китае является важной задачей, которая требует комплексного подхода и согласованных усилий со стороны государства, учебных заведений и самих преподавателей.

Профессиональная мотивация – это действие конкретных побуждений, которые обуславливают выбор профессии и продолжительное выполнение обязанностей, связанных с этой профессией. Подобно другим видам, она подвержена влиянию как внутренних, так и внешних факторов, которые могут проявляться как в устойчивой, так и в изменчивой форме. В зависимости от индивидуальных психологических особенностей и обстоятельств мотивация одного человека может сохранять свою силу на протяжении десятилетий, в то время как у другого она может претерпеть кардинальные изменения в значительно более короткие сроки.

По мнению Н.В. Самоукиной, профессиональная мотивация играет ключевую роль в эффективности деятельности. Существенным элементом здесь является сила актуальных мотивов, влияющая на качество выполнения работы: оптимальные результаты достигаются при среднем уровне мотивации, в то время как крайности, – как низкие, так и высокие, – могут ухудшить результаты [3]. Важно также

учитывать, что успешность зависит от сложности задач: в легко решаемых случаях высокая мотивация способствует успеху, тогда как в сложных – оптимальные результаты достигаются при низком или среднем уровне мотивации с учетом соответствия мотивационной сферы сотрудника условиям профессиональной деятельности.

На эффективность профессиональной деятельности существенное влияние оказывают особенности мотивационной сферы личности сотрудника. Так, например, люди с преобладающим мотивом аффилиации достигают более высоких результатов в работе в тех случаях, когда они трудятся не в одиночку, а в составе группы, с членами которой у них установились дружеские взаимоотношения [4]. В данном примере в мотивационной сфере личности доминирует мотив аффилиации, а условия профессиональной деятельности позволяют удовлетворять аффилиативную потребность, т.е. наблюдается соответствие особенностей мотивационной сферы личности условиям профессиональной деятельности, что ведет к росту результативности труда.

Наиболее важным и сложным фактором эффективности деятельности со стороны профессиональной мотивации, как отмечает В.Д. Шадриков, выступает удовлетворенность человека своим трудом: чувство выполненной работы и удовлетворенность от этого способствуют повышению результативности труда [5]. Следовательно, не только удовлетворенность трудом повышает эффективность деятельности, но и эффективность деятельности увеличивает степень удовлетворенности трудом, т.е. существует взаимозависимость между перечисленными переменными.

Кроме того, профессиональная мотивация часто зависит от внешних факторов, как-то: условия труда, уровень заработной платы, социальное признание и возможности для карьерного роста. Эти факторы могут существенно влиять на общее удовлетворение работника и его желание достигать результатов [6]. Как показывает практика, компании, которые инвестируют в создание комфортной рабочей среды и предоставляют своим сотрудникам возможности для развития, имеют значительно более высокие показатели производительности и низкую текучесть кадров.

Не менее важным является и аспект личных целей, которые ставит перед собой работник. Люди, имеющие четкие профессиональные амбиции и стремления, как правило, демонстрируют высокий уровень мотивации, что непосредственно сказывается на их рабочем процессе. Осознание своего ме-

ста в компании и понимание значимости выполнения своих обязанностей способствуют укреплению чувства ответственности и приверженности к делу.

Таким образом, профессиональная мотивация – это многофакторное явление, которое требует постоянного внимания как со стороны работников, так и со стороны руководства. Только в условиях гармоничного сочетания внутренних и внешних факторов возможно достичь наилучших результатов и обеспечить долгосрочную эффективность профессиональной деятельности.

Рассмотрим факторы, оказывающие влияние на профессиональную мотивацию китайских преподавателей.

I. Внешние факторы. Профессиональная среда оказывает влияние на поведение и отношение людей к своей работе. В контексте профессиональной деятельности китайских преподавателей такими факторами являются образовательная культура, управленческий стиль вуза и социальный капитал сотрудников образовательной организации. Эти элементы тесно связаны с профессиональной мотивацией педагогов, и их воздействие зависит как от личных характеристик преподавателей, так и от внешних условий.

Образовательная культура охватывает такие аспекты, как атмосфера на рабочем месте, стиль управления, межличностные связи и институциональные нормы. Она существенно влияет на профессиональную мотивацию, способствуя формированию чувства принадлежности и адаптации у преподавателей. Гармоничные отношения между педагогами и образовательными организациями создают условия для положительного восприятия работы и жизни в целом.

Согласно Ян Ин и др., гармонические взаимоотношения между преподавателями колледжей, институтов и образовательным сообществом – это своего рода совершенная «образовательная культура», которая «принуждает учителей и учащихся испытывать некоторую близость, благоденствие и удовольствие в своей собственной работе и жизни». Хорошая образовательная культура способствует профессиональному развитию преподавателей, а также улучшает их чувства и отношение к работе [7].

По мнению Хуан Джа Ли и др., гармоничная и добросердечная культурная атмосфера в образовательном учреждении может эффективно способствовать гармоничным отношениям между преподавателями и студентами, а также стимулировать такие профессиональные мотивы, как любовь к профессии, удовлетворение и стремление к самореализации среди преподавателей и студентов [2].

На карьерную мотивацию преподавателей в высшем образовании влияют образовательная культура, организационная структура, стиль управления и другие факторы. Под образовательной культурой понимаются общие ценности, системы убеждений, ценностей, поведенческие нормы и стили деятельности, которые существуют в организациях высшего образования с определенной социокультурной природой. Образовательная культура оказывает важное влияние на профессиональную мотивацию преподавателей [4]:

- во-первых, образовательная культура может способствовать формированию у преподавателей положительной мотивации к работе;

- во-вторых, образовательная культура может способствовать осознанию преподавателями важности своей профессии;

- в-третьих, образовательная культура может стимулировать у преподавателей чувство признания и самоуважения в их работе;

- в-четвертых, образовательная культура может улучшить чувство профессиональных достижений преподавателей.

Структура университетской организации, включая взаимодействие между различными департаментами, играет важную роль в достижении общих целей. По словам Сунь Даянганг, менеджеры и сотрудники образовательной организации взаимозависимы: управление и поддержка необходимы для полноценного функционирования. Менеджеры нуждаются в сотрудниках для предоставления услуг, а сотрудники нуждаются в менеджерах, чтобы те помогли им выполнять свои задачи. С одной стороны, предоставляя услуги, менеджеры могут удовлетворить потребности персонала в уважении, признании, безопасности; с другой стороны, предоставляя услуги, персонал может удовлетворить потребности менеджеров во власти, статусе и т.д. [8]. Эти отношения не только способствуют формированию профессиональной мотивации китайских преподавателей, но и могут вдохновить их на более глубокую самоотдачу в преподавательской и исследовательской деятельности.

Таким образом, правильная организационная культура может способствовать повышению профессиональной мотивации и удовлетворенности работников.

II. Внутренние факторы.

1. Личная мотивация и уверенность в себе. Уровень самооффективности, который отражает веру человека в свои способности выполнять задачи, зависит от предыдущих успехов и формирует карьерную мотивацию. Исследования показывают, что

существует заметная связь между производительностью и уровнем личной эффективности: чем выше самооффективность, тем лучше результаты. Также выявлена значительная связь между мотивацией достижения, межличностными отношениями и уровнем компетентности. Существует и отрицательная корреляция, указывающая на то, что по мере роста самооффективности преподавателей снижается их активность в учебных и исследовательских заданиях [4].

2. Возраст. Известно, что потребности людей в самоактуализации возрастают по мере взросления. Статистика демонстрирует, что преподаватели примерно в возрасте 35 лет проявляют наибольший энтузиазм и инициативу, с возрастом это стремление возрастает. Первоначальная профессиональная мотивация, формируемая в начале карьеры, значительно влияет на будущую мотивацию.

3. Гендерный фактор. Разница в количестве мужчин и женщин преподавателей не является индикатором большей конкурентоспособности мужчин. Исследования показывают, что мужчины менее преданы педагогической деятельности. Женщины, обладая большей эмоциональной отзывчивостью и вовлеченностью, иногда показывают более высокие результаты в достижении целей [6]. Образовательные организации должны обратить внимание на различия этнической принадлежности и гендерных ролей среди преподавателей, создавая уважительную и поддерживающую атмосферу.

4. Экономический доход – один из важных факторов, влияющих на карьерную мотивацию преподавателей колледжей и университетов, который напрямую воздействует на их потребности в самореализации. В процессе формирования карьерной мотивации влияние экономического дохода играет наибольшую роль. В то же время существуют различия в экономическом доходе среди преподавателей колледжей разного возраста. Так, преподавателей колледжей в возрасте около 30 лет отличает более выраженная потребность в высокой заработной плате и материальном вознаграждении, а также потребность в достижении успехов в работе (карьерный рост). В то время как преподаватели в возрасте от 40 лет и старше преимущественно уделяют внимание саморазвитию и самореализации, они постоянно работают над собой, ставят перед собой новые цели и стремятся к их достижению.

5. Изменения в потребности в самореализации. В более молодой группе китайских преподавателей потребность в самоактуализации относительно низкая, в то время как чувство удовлетворения и достижений, которые они могут получить на рабо-

те, относительно высокие. Это изменение потребности в самореализации может проявляться двояко: во-первых, расширяется сфера получения чувства достижения и самореализации на работе; во-вторых, достижения и самореализация, полученные на работе, имеют более сильную непрерывность. Было обнаружено, что у молодых преподавателей более высокие требования к достижениям и удовлетворению. В этой возрастной группе требования преподавателей образовательных учреждений к достижениям и удовлетворенности растут.

6. Фактор звания. Звание – это важный показатель карьерного роста и важная мера индивидуальных способностей и уровня преподавателей. Звание связано с преподавательскими и исследовательскими способностями, но не с доходом и профессиональной самореализацией. Система повышения звания преподавателей в колледжах и университетах Китая в основном включает две формы: повышение звания и назначение на должность. Система повышения звания подразумевает повышение звания и зарплаты, назначение на должность тесно интегрировано, эти два фактора имеют взаимное влияние и взаимные ограничения [6]. В системе повышения званий преподавателей, помимо влияния званий на уровень дохода и назначения на должность, существует множество других факторов, которые также влияют на профессиональную мотивацию преподавателей.

Таким образом, для понимания динамики профессиональной мотивации китайских преподавателей необходимо учитывать её многогранность. Внутренние факторы, такие как личные ценности, интересы и убеждения, могут существенно повлиять на уровень мотивации. Преподаватели, стремящиеся к самореализации и личностному росту, как правило, проявляют более высокую мотивацию к педагогической профессии, которая позволяет им развиваться и реализовывать свои таланты.

С другой стороны, внешние факторы, такие как социальное окружение, рынок труда и система вознаграждений, также играют свою роль. Поддержка со стороны коллег и руководства, возможности для карьерного роста и адекватная материальная компенсация могут значительно повысить уровень профессиональной мотивации. Однако важно помнить о том, что мотивация не является статичным состоянием, она может меняться в зависимости от изменений в среде и личных обстоятельствах.

В конечном итоге эффективное управление профессиональной мотивацией требует осознания и учета как внутренних, так и внешних факторов. Образовательные организации, которые инвестируют в

понимание мотивационных потребностей своих сотрудников, могут значительно повысить продуктивность труда и уровень удовлетворенности преподавателей, создавая атмосферу, способствующую творческому и профессиональному развитию.

Исследование особенностей профессиональной мотивации преподавателей высшей школы КНР было проведено на базе университета в городе Хэйхэ (провинция Хэйлуцзян). В исследовании приняли участие 28 преподавателей. Было выдвинуто предположение о том, что для большей части китайских преподавателей образовательного учреждения характерна внутренняя мотивация, а предопределяющими факторами профессиональной деятельности являются мотивационные. Для достижения целей и решения задач исследования испытуемым была предложена разработанная нами анкета закрытого типа. Проанализируем полученные результаты.

Почему китайские преподаватели выбирают свою профессию? Исследование показало, что главным мотивом выбора профессии преподавателя является любовь к процессу обучения (36%). Респонденты отмечали, что им нравится объяснять студентам новый материал, делиться своими знаниями и наблюдать, как ученики усваивают информацию. «Мне нравится работать и общаться со студентами», – делится один из респондентов. Другой добавляет: «Я люблю сама изучать языки, но очень важно для меня, чтобы люди говорили грамотно. И я хочу и готова делиться своими знаниями, делать их речь правильной и красивой».

Вторым по значимости мотивом (27%) является престиж педагогической профессии в Китае. «Учитель в Китае пользуется уважением и признанием. Это человек с большой буквы», – говорит один из респондентов. «Учитель – это тот, с которым интересно и приятно общаться, мастер своего дела, кто умеет учить, разделить радости и печали», – делится другой.

Престиж профессии в Китае означает, что общество ценит и уважает учителей, признавая их вклад в развитие будущих поколений. Это не только авторитет и репутация, но и определенное положение в иерархии профессий.

Финансовые факторы также играют свою роль. 21% опрошенных преподавателей отметили, что хорошая оплата труда стала одним из ключевых мотивов выбора профессии. 16% респондентов выбрали профессию учителя, ценя хорошие условия труда в институтах.

Второй блок анкеты был посвящен определению удовлетворенности респондентов преподава-

тельской работой в институте. Важно отметить, что все опрошенные китайские преподаватели заявили, что они не хотели бы сменить профессию и им нравится работа в институте. Исследование также показало, что большинство преподавателей (27 %) больше всего любят проводить учебные занятия. «Считаю, что у меня есть дар объяснять что-то людям и видеть, как они понимают и запоминают. Работа приносит мне огромное удовлетворение», – поделился один из респондентов.

Для 24 % преподавателей привлекательным в педагогической профессии является «работа со студентами» («...нравится общаться с теми студентами, которые действительно заинтересованы в науке и в исследованиях»).

Работа по самообразованию нравится 23 % китайских преподавателей («Я всегда изучаю нормативные правовые документы и научно-методическую литературу», «Я стараюсь получать новые знания, как общие, так и узкопрофессиональные, по собственной инициативе»).

Общественная деятельность привлекает 10 % преподавателей («Я вхожу в Коммунистический союз молодёжи Китая»), некоторые испытуемые указали на то, что они являются членами гражданских непроизводственных объединений.

Методическая работа привлекает 9 % преподавателей («...изучаю эффективный педагогический опыт преподавателей», «...мне нравится посещать различные методические мероприятия»).

Ответы на вопрос о трудностях в работе преподавателей распределились следующим образом. Наибольшую трудность в работе опрошенных китайских преподавателей представляет подготовка к занятиям (19 %) («Это трудный творческий и необходимый процесс, требующий затрат времени», «...трудно определять цели и задачи учебно-го занятия»).

Ведение документации вызывает затруднения у 18 % опрошенных преподавателей. Самоорганизация и организация образовательного процесса вызывают сложность у 16 % испытуемых. На затруднения в анализе своей деятельности указали 15 % опрошенных. Возможно, это связано с недостаточностью личных знаний, опыта, неумением правильно организовать свою жизнь, окружение, работу, отдых, для того чтобы чувствовать себя нормальным человеком. Только 7 % опрошенных отметили, что им сложно общаться с окружающими – студентами, руководством и другими людьми.

На вопрос: «Как Вы оцениваете свою подготовку к педагогической работе?» – большая часть опрошенных преподавателей (65 %) ответили, что «в

общем удовлетворены», остальные 35 % испытуемых дали ответ «удовлетворены целиком».

На вопрос: «Как Вы относитесь к избранной профессии?» – было получено два варианта ответов – «удовлетворен целиком» (64 %) и «больше нравится, чем не нравится» (36 %).

В заключение опроса все испытуемые дали отрицательный ответ на вопрос: «Изменили бы Вы сегодня свою профессию?».

Итак, анализ полученных результатов анкетирования показал, что профессия преподавателя в Китае не только престижна, но и привлекательна для тех, кто любит учиться и делиться знаниями. Любовь к обучению, престиж профессии, хорошая оплата и условия труда – основные мотивы выбора преподавательской профессии в Китае. Удовлетворенность работой, связанная с любовью к обучению, объясняет, почему китайские преподаватели не хотят менять профессию.

Далее опишем полученные результаты с помощью методики Ф. Герцберга. На основе полученных результатов были определены факторы: материальные, т.е. финансовые мотивы; признание со стороны общества и руководства; наложение ответственности; взаимоотношения с руководящим составом, продвижение по карьерной лестнице; успешность; смысл работы; взаимодействие с коллегами.

Анализ полученных результатов показал, что в общей выборке приоритетными являются следующие факторы: «Содержание работы» (35 %), «Финансовые мотивы» (20 %) и «Общественное признание» (20 %). На последнем месте факторы «Сотрудничество» и «Ответственность». Вероятно, это связано с тем, что китайским преподавателям важно само содержание работы, то, насколько качественно они её выполняют, и то, как им за нее заплатят. А то, что происходит в коллективе и чем занимается руководство образовательной организации, им не столь важно, главное, чтобы была интересная работа и чтобы они выполняли свое любимое дело. Это можно связать со специфическими особенностями педагогической деятельности. Далее отметим, что следующая по убыванию шкала – это шкала «Признание и вознаграждение» (20 %). Возможно, это связано с тем, что китайским преподавателям важно выполнить работу «хорошо» больше для себя, чем для окружающих, что подтверждается шкалой «Содержание работы» (35 %). Шкалы: «Карьера», «Отношение с руководством» и «Ответственность» расположились в середине списка, объясняется это тем, что, возможно, некоторым преподавателям не обязательно было общаться с руководством и подни-

маться вверх по карьерной лестнице, тем самым брать на себя больше ответственности, для них это меньше всего важно.

На основании полученных результатов исследования можно сделать вывод о том, что (внутренние) мотивационные факторы (Д+Е+Ж+З) в сумме составили 55 % и преобладают над (внешними) гигиеническими (А+Б+В+Г), равными 45 %. Подобные результаты свидетельствуют об удовлетворенности китайских преподавателей своим трудом.

Рассмотрим результаты исследования мотивации профессиональной деятельности, полученные в результате применения методики К. Замфир. Стоит отметить, что для китайских преподавателей (исходя из полученных данных) действует формула $ВМ > ВПМ > ВОМ$. Как видим, первостепенную роль играет внутренняя мотивация – направленность на результат, который является интересным самой личности. Это может быть как непосредственно результат педагогического труда, получаемый опыт и навык, так и фактическое достижение поставленных целей и задач в процессе обучения студентов.

Высоко мотивированными оказались 55 % испытуемых. Это указывает на то, что для данной группы китайских преподавателей имеет значение удовлетворение от самого процесса обучения и результата работы, а также и возможность наиболее полной самореализации именно в данной педагогической деятельности.

Внешняя положительная мотивация (средний уровень) была обнаружена у 40 % опрошенных китайских преподавателей. Возможно, это объясняется тем, что для данных испытуемых ведущими являются потребности в достижении социального престижа и уважения со стороны других, стремление к продвижению по службе, денежный заработок.

Внешняя отрицательная мотивация (низкий уровень) была выявлена у небольшой части опрошенных китайских преподавателей (5 %). Подобный вид мотивации свидетельствует о стремлении испытуемых избежать критики со стороны руководителя или коллег, а также возможных наказаний или неприятностей.

Наилучший оптимальный мотивационный комплекс личности: $ВМ > ВПМ > ВОМ$ или $ВМ = ВПМ > ВОМ$ был выявлен у 55 % китайских преподавателей. Такой мотивационный комплекс свойствен тем респондентам, у которых преобладает внутренняя мотивация. Преобладание внутренней мотивации свидетельствует о том, что китайские преподаватели осуществляют свою профессиональную деятельность в соответствии со своими установками, потребностями, интересами, желаниями. Их актив-

ность мотивирована самим содержанием трудовой деятельности, стремлением достичь в ней определенных позитивных результатов, у них снижена эмоциональная нестабильность, они занимаются творческой деятельностью ради нее самой, а не для достижения каких-либо внешних наград. Такая деятельность является самоцелью, а не средством для достижения некоей другой цели. На основе внутренней мотивации китайские преподаватели действуют спокойнее. Они добросовестнее выполняют работу, затрачивают меньше сил. У данной группы испытуемых доминирующими мотивами выступают: социальный престиж и уважение, удовлетворенность от труда и возможность полной реализации.

Промежуточный мотивационный комплекс личности: $ВОМ = ВМ > ВПМ$, $ВПМ > ВМ > ВОМ$, $ВМ > ВОМ > ВПМ$ был выявлен у 40 % респондентов. Это преподаватели, у которых преобладает внешняя положительная мотивация. В основе внешней мотивации профессиональной деятельности лежит стремление к удовлетворению потребностей внешних по отношению к самой деятельности, т.е. их поведение обусловлено поощрениями, наградами, похвалами, одобрением. Для преподавателей с доминирующей внешней мотивацией труд становится лишь средством достижения личных интересов.

У этой группы преобладают такие мотивы, как мотивы социального престижа, заработной платы. Внешние положительные мотивы, несомненно, более эффективны и более желательны со всех точек зрения, чем внешние отрицательные мотивы. Для данных китайских преподавателей преимущественное значение имеют внешние положительные мотивы: заработок, избегание критики со стороны руководства, стремление к продвижению по службе, высокий уровень удовлетворенности трудом, т.е. им важно, чтобы работа хорошо оплачивалась, а их успехи признавались и отмечались руководством и коллегами, студентами, родителями.

Наихудший мотивационный комплекс был обнаружен у 5 % опрошенных китайских преподавателей. Им соответствует мотивационный комплекс личности: $ВОМ > ВМ = ВПМ$, $ВОМ > ВПМ > ВМ$. Это респонденты, у которых преобладает внешняя отрицательная мотивация. Стоит отметить, что таких немного, но они есть и требуют повышенного внимания со стороны руководства образовательной организации. Возможно, в деятельности этих китайских преподавателей преобладают мотивы избегания неудач, порицания над мотивами, связанными с ценностью самой деятельности. У них также повышен уровень эмоциональной нестабильности.

Деятельность китайских преподавателей с таким типом мотивации характеризуется следующими признаками: работой без удовольствия от деятельности или без интереса к преподаваемому предмету; работой по необходимости, мотивом к деятельности для них является наказание, осуждение. Это разрушительно для личности и порождает пассивность, ограниченность, конформизм, безответственность. Судя по всему, это связано с про-

фессиональным выгоранием преподавателей, повышенной нагрузкой.

Итак, исследование показало, что первостепенную роль для китайских преподавателей играет внутренняя мотивация, направленность на результат, интересный самому человеку, что указывает на высокую эффективность труда и положительное отношение китайских преподавателей к выполняемой профессиональной деятельности.

Список источников

1. Чжао Мин Чэнь Реформирование системы образования в Китае // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sistemy-obrazovaniya-v-kitae>.3 (дата обращения: 25.09.2024).
2. Хуан Джа Ли, Гоюань Сан, Вэньцзе Хэ. Мотивация к преподаванию и готовность к преподаванию среди учителей preservice в Китае: влияние добросовестности и конструктивистских педагогических убеждений // Границы в психологии. 2023. Т. 14. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1116321> (дата обращения: 25.09.2024).
3. Самоукина Н.В. Психология и педагогика профессиональной деятельности. Москва : ЭКСМОС, 1999. 352 с.
4. Хуан Джа Ли. Мотивация преподавателей: определение, исследовательская разработка и последствия для преподавателей // Убедительное образование. 2016.
5. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. Москва : Наука, 1982. 183 с.
6. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. Москва : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2004. 752 с.
7. Ян Ин, Правдина Ю.В., Обухова Л.А. Психологические особенности трудовой мотивации китайских учителей школы «Xing Ren» // Российский психологический журнал. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-trudovoy-motivatsii-kitayskih-uchiteley-shkoly-xing-ren> (дата обращения: 25.09.2024).
8. Сунь Даныанг. Развитие и особенности в организации и содержании подготовки учителя в Китае // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 4-3 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiya-i-osobennosti-v-organizatsii-i-soderzhanii-podgotovki-uchitelya-v-kitae> (дата обращения: 25.09.2024).

References

1. Zhaoming Chen. Reforming the Education System in China // Humanitarian Vector. Series: Pedagogy, Psychology. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sistemy-obrazovaniya-v-kitae>. (accessed: 25.09.2024).
2. Huang Ja Li, Guoyuan Sun, Wenjie He. Motivation to teach and readiness to teach among preservice teachers in China: The influence of conscientiousness and constructivist pedagogical beliefs // Frontiers in psychology. 2023. Vol. 14. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1116321> (accessed: 25.09.2024).
3. Samoukina N.V. Psychology and pedagogy of professional activity. Moscow : EKSMOS, 1999. 352 p.
4. Huang Ja Li. Teacher motivation: Definition, research design, and implications for teachers // Persuasive Education. 2016.
5. Shadrikov V.D. Problems of systemogenesis of professional activity. Moscow : Nauka, 1982. 183 p.
6. Derkach A.A. Acmeological basis of professional development. Moscow : lzd-vo Moscow. psychol.-soc. in Voronezh : MODEK, 2004. 752 p.
7. Yan Ying, Pravdina Yu.V., Obukhova L.A. Psychological features of work motivation of Chinese teachers of the Xing Ren school // Russian Psychological Journal. 2016. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-trudovoy-motivatsii-kitayskih-uchiteley-shkoly-xing-ren> (accessed: 25.09.2024).
8. Sun Danyang. Developments and Features in the Organization and Content of Teacher Training in China // Eurasian Union of Scientists. 2016. No. 4-3 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiya-i-osobennosti-v-organizatsii-i-soderzhanii-podgotovki-uchitelya-v-kitae> (accessed: 25.09.2024).

Информация об авторе

Н.А. Кора – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

N.A. Kora is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024. The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 37.013.2

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-169-175

САМООРГАНИЗАЦИЯ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Елена Васильевна Кулеш

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, resurssentr@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается специфика самоорганизации будущих педагогов, основанной на структурно-функциональной модели взаимосвязи самоуправления с культурным интеллектом и базисными убеждениями в условиях межкультурного взаимодействия полиэтнического региона. Определено, что управление процессом профессионального саморазвития, включающего самоорганизацию педагога, эффективно, если оно представлено как единство четырех этапов в системе взаимодействия субъектов образовательной деятельности: самопознания, планирования, реализации практической деятельности, самоконтроля и самокоррекции, включающих в себя рефлексию деятельности.

Ключевые слова: самоорганизация педагога, самоуправление деятельностью, культурный интеллект, структурно-функциональный подход, культурно-образовательное пространство, полиэтнический регион

Original article

TEACHERS' SELF-ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL INTERACTION IN A MULTI-ETHNIC REGION

Elena V. Kulesh

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, resurssentr@mail.ru

Abstract. The article reveals the specifics of self-organization among future teachers, based on a structural-functional model of the relationship between self-management, cultural intelligence, and basic beliefs in the context of intercultural interaction in a multi-ethnic region. It is determined that managing the process of professional self-development, which includes the self-organization of teachers, is effective when it is presented as a unity of four stages in the system of interaction among subjects of educational activity: self-awareness, planning, implementation of practical activity, self-control and self-correction, all of which include reflection of activities.

Keywords: self-organization of teachers, self-management of activity, cultural intelligence, structural-functional approach, cultural and educational space, multi-ethnic region

Сложность и противоречивость процессов развития нашего общества в целом порождает ряд проблем педагогической деятельности, о которых в последние годы написано достаточно много публикаций. В частности, к ним относят такие проблемы, как саморазвитие педагога и возможности преодоления им педагогических стереотипов, восприимчивость педагога к инновационным процессам. На этом фоне отличительной особенностью социокультурных процессов, происходящих в нашем обществе, является переоценка и осмысление ценностей. То, что совсем недавно воспринималось в качестве незыблемых постулатов, сейчас либо полностью отвергается, либо вызывает сомнения в его «полезности», значимости. Утрачивая веру в старые ценности, человек теряет объекты для своей проекции вовне. Это приводит к тому, что он замыкается в себе, а окружающий мир для него становится чуждым и даже враждебным.

Кризис смыслообразующих жизненных и профессиональных ценностей ведет к кризису идентичности, который, в свою очередь, нередко сопровождается духовным вакуумом. И как результат этого – деформация самосознания человека, отчуждение личности от собственной истории, утрата смысла бытия, профессиональной деятельности, т.е. перспектив будущего и ответственности.

В результате профессиональные качества педагога вынуждают его постоянно выбирать между естественным стремлением личности к стабильности и необходимостью ломки старых представлений, смены системы ценностей, что приводит к объективной неопределенности. Как следствие, преодолеть объективную неопределенность возможно посредством самоорганизации человека либо группы людей, т.е. посредством выбора форм и способов поведения, отношений, деятельности, способствующих формированию у ребенка соб-

ственной картины мира, собственного образа будущего и своего способа существования в нем [10].

Разнообразие мнений относительно понятия «самоорганизация» объясняется, на наш взгляд, сложностью этого процесса, его индивидуально-личностной направленностью и вариативностью, тем, что данная категория изучается в различных аспектах: психологическом, педагогическом и др. К анализу самоорганизации учеными применяются различные подходы. Проблема самоорганизации рассматривалась выдающимися отечественными и зарубежными педагогами и психологами: В.М. Бехтеревым, Л.И. Божович, Л.С. Выготским, В.Н. Донцовым, Н.М. Пейсаховым, Н.К. Тутышкиным, А.А. Ухтомским и др. Наиболее близкой нам позицией для анализа состава и структуры процесса самоорганизации является системный структурно-функциональный подход, который позволяет выявить внутренний механизм процесса (способ преобразования содержания) и отражает его наиболее устойчивые, инвариантные элементы. В обозначенном аспекте выделим следующие модели самопроцессов, построенные на базе структурно-функционального подхода: модель осознанной саморегуляции произвольной деятельности О.А. Конопкина, целостную систему самоуправления Н.М. Пейсахова; функциональную структуру учебной самоорганизации Я.О. Устиновой и др.

В рассмотрении структурно-функционального подхода особую остроту для нашего исследования приобретают труды Н.М. Пейсахова, рассматривающего самоуправление как целостную модель самопроцессов личности в контексте её способности прогнозирования будущих результатов своей деятельности, определения дальних целей и планирования своих поступков и действий, выдвижения критериев оценки качества для извлечения информации о ходе процесса самоуправления и внесения в него поправок, что, несомненно, носит творческий характер. Очевидно, что способность самоуправления представляет собой процесс, в котором субъект сам определяет проблему и вырабатывает оптимальную тактику и стратегию своей активности по разрешению различных проблем в жизнедеятельности, реализуя творческий стиль в качестве своеобразной авторской позиции. В результате происходит совмещение усилий преподавателя и обучающегося при организации способов преподавания, выбора содержания, оценивания, образовательных технологий, что предполагает системную перестройку всего процесса профессионального развития педагога, включая подготовку для получения необходимого результата образо-

вания в виде компетенций будущего специалиста. В этом смысле для обучения нового поколения в условиях межкультурного взаимодействия все чаще возникает вопрос о поиске действенных форм и методов организации учебно-воспитательного процесса, способных раскрывать потенциальные возможности обучающихся.

Как следствие, возникновение противоречий в межэтнической сфере, которые имеют под собой не только социально-политические, экономические, но и духовные основания, проявляющиеся в культурных и ценностных различиях. Одним из методов предупреждения конфликтных ситуаций в регионе является формирование навыков межкультурного взаимодействия [1].

На этом фоне все в большей степени проявляется значимость учета региональной специфики в сфере образования, поскольку в повседневности активно задействованы альтернативные способы познания мира, такие как религия, искусство, иррациональные представления [3]. Регионализация системы образования полиэтнического региона предусматривает проведение комплекса мер для усиления подготовки педагогических кадров, в том числе и повышение качества подготовки выпускников к педагогической деятельности в поликультурной среде. Так, одним из приоритетных направлений государственной программы «Развитие образования в Хабаровском крае» является повышение качества профессионального образования, развитие механизмов непрерывного педагогического образования, а также приведение структуры профессионального образования в соответствие с потребностями инновационного развития экономики края.

Параллельно на базе ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет» (переименован в «Тихоокеанский государственный университет») был создан Ресурсный центр «Поликультурное образование и этнокультурное развитие личности», который реализует инновационное направление по сетевому взаимодействию образовательных организаций края в формате единого образовательного пространства педагогического кластера, построенного на принципах культуросообразности и личностно-ориентированного образования, социального партнерства и эффективного информационного взаимодействия всех участников кластера.

С целью реализации механизмов и форм непрерывного педагогического образования в рамках требований профессионального стандарта «Педагог» на базе Ресурсного центра университета с 2016 г. по настоящее время реализуется краевой

инновационный комплекс «Интеграция» по проблеме развития межкультурной компетентности и языковой культуры личности в условиях полиэтнического региона. Модель реализации инновационной деятельности комплекса «Интеграция» построена на принципах взаимодействия учреждений дошкольного, общего, среднего профессионального и высшего образования, включающего сотрудничество в культурно-образовательном пространстве полиэтнического региона.

В проекте инновационной деятельности реализуются два стратегических направления по формированию языковой культуры личности обучающихся. Первое направление комплекса ориентировано на обучение русскому языку как государственному детям-инофонам, испытывающих трудности обучения в связи с адаптацией к иной культурной среде, где происходит сложное освоение русского языка, трудности коммуникации, возникающие в общении с детьми и педагогами. Второе направление комплекса ориентировано на сохранение и популяризацию родных языков, куда вошли образовательные учреждения из сел муниципальных образований Николаевского-на-Амуре и Нанайского районов Хабаровского края (на примере ульчского и нанайского этноса). Ценным в указанном направлении становится активность педагогов-исследователей, которые выстраивают свою деятельность, основываясь на принципе высокой личной убежденности о значимости популяризации родного языка и готовности создавать психолого-педагогические условия в образовательном учреждении по внедрению конкретных технологий его сохранения.

Важно отметить, что культурно-образовательное пространство полиэтнического макрорегиона – это часть единого культурно-образовательного пространства России, специфически организованная с учетом национально-регионального компонента социокультурная и педагогическая среда, способствующая развитию и саморазвитию индивида. В его рамках в пределах полиэтнического макрорегиона происходит взаимодействие и формирование навыков межетнического, межкультурного диалога, представляющего собой процесс обмена между представителями различных этнических групп элементами материальной и духовной культуры. Мы солидарны с мнением И.С. Карабулатовой о том, что в условиях полиэтнических контактов приграничья индивид, обретая этническую идентичность, также обретает культурно-историческую память, глубокие исторические и культурные корни, связь с традицией, ощущение исторической и межпоколенной преемственности, непрерывности и устойчивости [6].

На этом фоне в рамках культурно-образовательного пространства полиэтнического региона формируются этнические особенности, ценностные ориентации, принципы и стереотипы поведения людей, представителей различных этнических общностей. В этой связи культурно-образовательное пространство полиэтнического региона представляет собой условие формирования и развития этноспецифических черт и качеств человека как представителя конкретной этнической группы. В его границах осуществляется процесс усвоения и трансляции субъектом этнонациональных и других гуманистических ценностей с учетом региональной специфики [1: с. 11].

Практика показала, что организация кластерного взаимодействия в культурно-образовательном пространстве полиэтнического региона в первую очередь требует объединения усилий педагогов с развитой способностью самоуправления. Отметим, в переводе с английского языка слово «кластер» (cluster) означает «пучок», «гроздь», «группа», «расти пучками», «концентрация». От того, насколько будут объединены цели педагогов, детей, родителей в одну, согласованы цель и задачи, найдены аспекты личностного смысла, привлекательные для всех субъектов, зависит успешность выработанной стратегии. Под кластером в образовательной системе нами понимается совокупность её свойств, отвечающих за эффективность и качество решения определенного круга задач на конкретном этапе деятельности субъектов [5: с. 17–18].

Начало обучения в профессиональном учебном заведении – наиболее значимый период. Принятие учеником школы новой социальной роли – роли студента существенно влияет на возможности личной самореализации, профессионального самоопределения и построения карьеры. Результаты проведенного диагностического исследования по выявлению уровня развития способности самоуправления (ССУ) у будущих педагогов обращают нас к вопросу о возможности развития их способности самоуправления.

В нашем случае структура модели развития самоуправления будущих педагогов в этнорегиональной подготовке состоит из двух уровней: уровня довузовского профессионального образования и уровня послевузовского рефлексивно-оценочного профессионального образования. Под моделированием как одним из методов научного познания (С.И. Архангельский, В.В. Давыдов, Ю.А. Конаржевский, Н.В. Кузьмина и др.) нами понимается воспроизведение характеристик некоторого объекта на другом объекте, специально созданном для его изучения, который называется при этом моде-

лю [9]. Модель рассматривается как искусственно созданный объект, который, будучи подобен исследуемому объекту (или явлению), отображает и воспроизводит в более простом и обобщенном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами этого объекта [4].

Обратимся к результатам эмпирического исследования, учитывая, что сформированность аналитических умений будущих педагогов – один из критериев профессиональной компетентности, с помощью которых извлекаются знания из практики, что составляет основу педагогического мышления. При этом основу для целеполагания и последующего перебора вариантов возможных путей решения педагогической задачи дает анализ педагогической ситуации, успех которой зависит не только от результатов аналитической деятельности, но и во многом предопределяется способностью к антиципации, т.е. к предвидению появления результата действий еще до того, как они будут реально осуществлены.

Выборка состояла из 150 студентов (будущих педагогов) в возрасте от 17 до 25 лет, обучающихся в полиэтничном образовательном пространстве и проживающих в г. Хабаровске и г. Николаевске-на-Амуре Хабаровского края. Обратимся к результатам диагностического исследования по методике «Способность самоуправления личности» Н.М. Пейсахова (табл. 1).

При анализе полученных показателей способности самоуправления личности мы выявили, что среди студентов промышленно-гуманитарного колледжа менее всего развит такой показатель, как анализ противоречий или ориентировка в ситуации. Это может свидетельствовать о том, что данным студентам сложно обнаруживать противоречия во внешних условиях и создавать субъективную модель сложившейся ситуации. Среди студентов, обучающихся в педагогическом колледже, мы выявили низкую способность к целеполаганию, что может свидетельствовать о слабой способности к формированию моделей желаемого будущего и це-

лей (стратегических, тактических и оперативных). Иностранцы студенты высшего учебного заведения, для которых поликультурное образовательное пространство не является стресс-фактором, показали результаты, находящиеся в пределах средних значений.

Можно предположить, что для современного молодого человека педагогического профиля ключевым навыком становится умение эффективно работать и взаимодействовать с полиэтничным контингентом. Соответственно ключевой компетенцией, которая развивается в процессе самоизменений, становится межкультурная компетентность, которая имеет связь с развитием культурного интеллекта. Культурный интеллект как новое направление исследований находится в прямой связи с различными сферами жизнедеятельности человека, что дает ему возможность понимать других и реагировать на поведенческие модели. В отечественной психологии изучением феномена культурного интеллекта занимается Г.У. Солдатов. Она считает, что культурный интеллект является видом социального интеллекта, который направлен на специфический социальный контекст, определяемый некоторыми культурными особенностями личности. Иными словами, культурный интеллект можно определить как способность человека адаптироваться в новой культурной среде [8].

Наблюдения показывают, что люди с низким уровнем культурного интеллекта не способны управлять собой и конструктивно общаться с другими, и наоборот, люди с высоким уровнем культурного интеллекта способны управлять собой и конструктивно общаться с другими. Важно отметить, что культурный интеллект включает в себя когнитивный, метакогнитивный, мотивационный и поведенческий компоненты, охватывая основные уровни межличностного взаимодействия и обеспечивая интегративный подход к решению кросс-культурных ситуаций, характеризующихся сложностью, неопределенностью, разнообразием культурных измерений, и адаптацию к ним.

Таблица 1

Средние показатели способности самоуправления студентов

Показатель	Пром.-гум. колледж		Пед. колледж		Вуз (ин. студенты)	
	Кол-во выборов	%	Кол-во выборов	%	Кол-во выборов	%
Анализ противоречий	2	0,8	29	16	25	11,1
Прогнозирование	24	10,6	25	13,8	22	9,7
Целеполагание	32	14,2	2	1,1	34	15,1
Планирование	30	13,3	23	12,7	23	10,2
Критерий оценки качества	24	10,6	18	9,9	26	11,5
Принятие решений	26	11,5	16	8,8	17	7,5
Самоконтроль	32	14,2	28	15,4	26	11,5
Коррекция	27	12	24	13,2	28	12,4
Общая ССУ	28	12,4	16	8,8	24	10,6

Обратимся к результатам диагностического исследования по методике «Расширенная шкала культурного интеллекта» Г.У. Солдатовой (табл. 2).

При анализе полученных показателей мы установили, что у студентов педагогического колледжа метакогнитивный показатель культурного интеллекта в среднем диапазоне значений не выявлен, что может свидетельствовать о недостаточной способности студентов рефлексировать по поводу собственной этнической и культурной принадлежности, а также о невозможности прогнозирования поведения в ситуации межкультурного взаимодействия. У студентов промышленно-гуманитарного колледжа был выявлен низкий уровень мотивационного показателя культурного интеллекта, что может свидетельствовать об их слабой готовности к познанию новой культуры. У иностранных студентов было определено отсутствие когнитивного и поведенческого компонента культурного интеллекта. Можно предположить, что у них отсутствуют знания об обычаях, ценностях, нормах и человеческой деятельности в различных культурах, а также представления о вербальных и невербальных формах поведения, которые бы подходили для контакта с носителями других культур.

Мы считаем, что характер базисных убеждений личности является значительным показателем в изучении психологических особенностей взаимосвязи культурного интеллекта с самоуправлением личности в полиэтничном образовательном пространстве. Известно, что постоянно меняющаяся реальность заставляет людей истолковывать происходящие события так, чтобы поддерживать стабильность окружающей картины мира и обеспечить необходимую опору для достижения чувства безопасности. Жизненный опыт таких людей бази-

руется на внутренней структуре, которая состоит из убеждений о доброжелательности–враждебности окружающего мира, его справедливости, а также представления о собственном «Я». Данный феномен отражает представления об окружающем мире и собственном «Я» индивида. Для исследования доминирующих базисных убеждений личности мы использовали методику в адаптации М.А. Падун и А.В. Котельниковой «Шкала базисных убеждений».

В целом базисные убеждения можно определить как устойчивые представления индивида о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение человека. Такая структура находит отражение в пяти субшкалах и состоит из внутренних идей индивида об окружающем мире, собственном «Я», а также способах взаимодействия между «Я» и миром. Базисное убеждение о доброжелательности–враждебности окружающего мира отражает представления индивида о безопасной возможности доверять окружающему миру и представлено субшкалой «доброжелательность окружающего мира». Базисное убеждение о справедливости окружающего мира представляет убеждения индивида о принципах распределения удач и несчастий и содержит две категории: «справедливость» и «убеждения о контроле». Базисное убеждение о ценности и значимости собственного «Я» характеризуется также показателями двух субшкал опросника: «образ Я» и «удача». Благодаря указанным измерениям мы обнаруживаем общие точки соприкосновения этнокультурных традиций с глобальными общекультурными ценностями, основанными на устойчивой духовной традиции [2: с. 90]. Результаты диагностического исследования по методике «Шкала базисных убеждений» в адаптации М.А. Падун и А.В. Котельниковой представлены в табл. 3.

Таблица 2

Средние показатели культурного интеллекта студентов

Культурный интеллект	Пром.-гум. колледж		Пед. колледж		Вуз (ин. студенты)	
	Кол-во выборов	%	Кол-во выборов	%	Кол-во выборов	%
Мотивационный	1	10	3	21,4	1	20
Когнитивный	4	40	3	21,4	–	–
Метакогнитивный	2	20	–	–	2	40
Поведенческий	2	20	7	50	–	–
Общий	1	10	1	7,1	2	40

Таблица 3

Средние показатели базисных убеждений студентов

Показатель	Пром.-гум. колледж		Пед. колледж		Вуз (ин. студенты)	
	Кол-во выборов	%	Кол-во выборов	%	Кол-во выборов	%
Образ Я	33	22,2	27	14,4	41	24,7
Доброжелательность окружающего мира	22	14,9	31	16,6	30	18
Справедливость	33	22,2	28	15	32	19,3
Удача	31	20,9	72	38,5	32	19,3
Убеждение о контроле	29	19,6	29	15,5	31	18,7

При анализе полученных показателей установлено, что у студентов педагогического колледжа преобладают два типа базисных убеждений. Первый – это базисное убеждение «образ Я», второй тип базисных убеждений – это «справедливость». У студентов промышленно-гуманитарного колледжа преобладает базисное убеждение «доброжелательность окружающего мира»; у иностранных студентов преобладает базисное убеждение «образ Я».

Для определения наличия взаимосвязи между изучаемыми показателями мы провели корреляционный анализ с помощью коэффициента Пирсона. Результаты корреляционного анализа показали, что иностранные студенты вуза характеризуются высоким уровнем взаимосвязи между метакогнитивным показателем культурного интеллекта, способностью самоуправления личности и базисными убеждениями «доброжелательность окружающего мира», «образ Я» и «удача» (при $r = 0,70$). Это может свидетельствовать о высоком уровне осведомленности и умении формировать модели взаимодействия с представителями других национальностей, а также может указывать на то, что при наличии противоречий между своей культурой и другими культурами студенты предпочитают быть убежденными в превосходстве своей культуры, при том что они не готовы на радикальные действия во имя своих этнических интересов.

Среди студентов педагогического колледжа мы выявили взаимосвязь между самоуправлением личности и мотивационным культурным интеллектом с такими базисными убеждениями, как «доброжелательность окружающего мира» и «справедливость» (при $r = 0,60$). Это может свидетельствовать о готовности студентов при обнаружении противоречий во внешней поликультурной среде создавать модель сложившейся ситуации и полагаться при её разрешении на благосклонность от окружающего мира. Кроме того, это может свидетельствовать о наличии у студентов способности направлять своё внимание на изменение системы самоуправления личности в условиях поликультурной образовательной среды в целях предотвращения формирования дискриминационных форм межэтнических отношений в образовательном пространстве. У студентов промышленно-гуманитарного колледжа выявлен средний уровень показателей взаимосвязи между самоуправлением личности, шкалами культурного интеллекта и базисными убеждениями «убеждение о контроле», «доброжелательность окружающего мира», «удача» (при $r = 0,55$).

Таким образом, результаты теоретического и эмпирического анализа особенностей взаимосвязи культурного интеллекта с самоуправлением будущих педагогов позволили определить, что существуют особенности во взаимосвязи самоуправления личности с их культурным интеллектом, проявление которых будет зависеть от различного содержания убеждений в культурно-образовательном пространстве полиэтничного региона. Эти особенности могут проявляться в отношении к представителям своей и других этнических групп, в наличии социальной дистанции и с разным уровнем готовности к взаимодействию с людьми разных национальностей. На основе этого можно заключить, что в развитии профессионального образования требуется поиск новых подходов к учебному процессу с целью развития творческого потенциала и социокультурной адаптивности студентов, являющихся представителями разных культур внутри профессиональных учебных заведений с полиэтничной образовательной средой.

Таким образом, в свете политики регионализации системы образования Хабаровского края нами определено, что управление процессом профессионального саморазвития, включающего самоорганизацию педагога, эффективно, если он представлен как единство четырех этапов в системе взаимодействия субъектов образовательной деятельности:

- самопознания, которое предполагает изучение требований, предъявляемых к педагогу, рефлексию собственной профессиональной деятельности, её самооценку;
- планирования, состоящего из определения цели и задач, разработки программы саморазвития, выбора личных правил поведения, форм, средств, методов и приемов решения задач в работе над собой;
- реализации, предполагающей непосредственную практическую деятельность;
- самоконтроля и самокоррекции, включающих в себя рефлексию деятельности.

Кроме того, полученные характеристики эмпирического исследования позволяют заключить о значимости психолого-педагогического сопровождения будущих педагогов по развитию межкультурной коммуникации в полиэтничной образовательной среде учебного заведения. Последующая работа направлена на реализацию курса теоретико-тренинговых занятий, включающего блок тренинговых упражнений по развитию межкультурной коммуникации, что позволит студентам осознать новое качество своей социальной позиции; осознать необходимые профессиональные и личностные качества,

скорректировать собственные планы на период обучения в профессиональном учреждении [7]. Дополнительный эффект может проявляться в запуске механизмов группообразования, создания благоприятного психологического климата и развития межкультурного обмена опытом в различных учебных группах с полиэтничным контингентом обучающихся. В результате представленная педагогическая система будет способствовать созданию условий для развития самоорганизации педагогов на этапах довузовского и послевузовского образования.

Список источников

1. Багдасарова А.Б. Культурно-образовательное пространство в полиэтничном макрорегионе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 2. С. 9–13.
2. Вязникова Л.Ф. Ментальность в аксиологическом пространстве общества // Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур : материалы Международного форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой» (Хабаровск, 16–17 ноября 2016 г.). Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2016. С. 89–91.
3. Гожев К.М. Антропология образования и социальный конфликт. Санкт-Петербург, 2004. 218 с.
4. Дахин А.Н. Педагогическое моделирование. Новосибирск : НИПКиПРО, 2005. 230 с.
5. Игнатова И., Екимова Н. «Пучки» и «гроздь» управления // Управление школой. 2009. № 24. С. 17–20.
6. Карабулатова И.С. Трансформация ментальности современного российского полиэтничного региона как явление толерантности // Гуманитарные проблемы миграции: социально-правовые аспекты адаптации соотечественников в Тюменской области. Ч. 1. Тюмень, 2006. С. 31.
7. Кулеш Е.В. Теоретико-тренинговые занятия на этапе адаптации студентов в средних и высших учебных заведениях «От самоопределения к самоуправлению» : учебно-методическое пособие. Хабаровск : Изд-во Дальневосточ. гос. гуманит. ун-та, 2011. 99 с.
8. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Кулеш Е.В., Тихомиров М.Ю. Этносоциальные и личностные предикторы направленности межкультурной коммуникации у жителей российских городов с различным этническим составом населения // Психологические исследования : электронный журнал. 2018. Т. 11, № 62. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1650-soldatova62.html>. (дата обращения: 29.08.2024).
9. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. Москва : Политиздат, 1987. 590 с.
10. Эшби Р.У. Принципы самоорганизации // Самоорганизующиеся системы. Москва : Мир, 1966. С. 314–343.

References

1. Bagdasarova A.B. Cultural and educational space in a multiethnic macroregion // Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social Sciences. 2008. No.2. P. 9–13.
2. Vyaznikova L.F. Mentality in the axiological space of society // Russia in the global community: the semantic space of the dialogue of cultures: materials of the International Forum "The Eastern Vector of Migration processes: dialogue with Russian culture" (Khabarovsk, November 16–17, 2016). Moscow : Publishing House of the Pacific State University, 2016 P. 89–91.
3. Gozhev K.M. Anthropology of education and social conflict. St. Petersburg, 2004. 218 p.
4. Dakhin A.N. Pedagogical modeling. Novosibirsk : NIPKiPRO, 2005. 230 p.
5. Ignatova I., Ekimova N. "Bunches" and "bunches" of management // School management. 2009. No. 24. P. 17–20.
6. Karabulatova I.S. Transformation of the mentality of the modern Russian multiethnic region as a phenomenon of tolerance // Humanitarian problems of migration: socio-legal aspects of adaptation of compatriots in the Tyumen region. Part 1. Tyumen, 2006. P. 31.
7. Kulesh E.V. Theoretical training sessions at the stage of adaptation of students in secondary and higher educational institutions "From self-determination to self-government" : studies.- the method. the manual. Khabarovsk : Publishing House of the Far Eastern State Humanitarian University. Unita, 2011. 99 p.
8. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Kulesh E.V., Tikhomirov M.Yu. Ethnosocial and personal predictors of the orientation of intercultural communication among residents of Russian cities with different ethnic composition of the population // Psychological research : electronic journal. 2018. Vol. 11, No. 62. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1650-soldatova62.html> (accessed: 29.08.2024).
9. Philosophical dictionary / Ed. by I.T. Frolov. Moscow : Politizdat, 1987. 590 p.
10. Ashby R.U. Principles of self-organization // Self-organizing systems. Moscow : Mir, 1966. P. 314–343.

Информация об авторе

Е.В. Кулеш – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

E.V. Kulesh is Candidate of Science (Psychology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024. The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 316.444.54
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-176-182

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ВЫГОРАНИЮ СОТРУДНИКОВ НАРКОКОНТРОЛЯ

Анна Андреевна Леженина¹, Алена Дмитриевна Ишмухаметова²

^{1,2} Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹anna0808@mail.ru

²alenash98@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема личностных ресурсов противодействия профессиональному выгоранию. Авторы кратко описывают основные рассматриваемые категории: личностные ресурсы, профессиональное выгорание, специфику профессиональной деятельности. Авторы подробно описывают результаты эмпирического исследования личностных ресурсов противостояния профессиональному выгоранию сотрудников наркоконтроля. Подводя итоги, авторы указывают основные личностные ресурсы противодействия профессиональному выгоранию: конструктивную коммуникацию, осознанную саморегуляцию, способность к прогнозированию своих действий, социальный интеллект; высказывают предположение, что указанные личностные ресурсы могут являться ресурсами противостояния профессиональному выгоранию представителей профессиональной деятельности типа «человек-человек».

Ключевые слова: личностные ресурсы, профессиональное выгорание, профессиональная деятельность

Original article

PERSONNEL RESOURCES TO COUNTER THE PROFESSIONAL BURNOUT OF DRUG CONTROL OFFICERS

Anna A. Lezhenina¹, Alyona D. Ishmukhametova²

^{1,2} Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹anna0808@mail.ru

²alenash98@mail.ru

Abstract. The article deals with the issue of personal resources to counteract professional burnout. The authors briefly describe the main categories under consideration: personal resources, professional burnout, specific professional activity. They provide a detailed account of the results of an empirical study on personal resources of counteracting the professional burnout of drug control officers. In conclusion, the authors identify the main personal resources that help resist professional burnout: constructive communication, conscious self-regulation, the ability to anticipate actions and social intelligence. They suggest that the personal resources may serve as tools to counteract the professional burnout of professionals involved in people-oriented activity.

Keywords: personal resources, professional burnout, professional activity

Большое число специалистов различных профессий, могут испытывать состояние интеллектуального, физического и эмоционального истощения вследствие рабочих перегрузок и стрессов, что приводит к профессиональному выгоранию. Соответственно необходимо формировать внутреннюю готовность к решению профессиональных задач. По мнению С. Хобфолла, В.А. Бодрова, А.Г. Маклакова и др., условием противостояния профессиональному выгоранию является система ресурсов личности.

Бодров В.А. рассматривал ресурсы как физические и духовные возможности человека, мобилизация которых приводит к предотвращению или

купированию стресса. Личностные ресурсы – навыки и способности, позволяющие адаптироваться в сложных жизненных ситуациях [1].

Хобфолл С. писал, что именно потеря личностных ресурсов приводит к потере субъективного благополучия, к переживанию психологического стресса, что сказывается на психологическом здоровье профессионала [2].

Столкнувшись с жизненными проблемами, человек может предпринять действия, направленные на предотвращение эмоционального истощения и, как следствие, профессионального выгорания посредством личностных ресурсов. Проблема профессионального выгорания сегодня активно изучается, од-

нако ресурсы, способствующие противодействию профессиональному выгоранию, изучены недостаточно. В целях изучения системы ресурсов личности, способствующих предотвращению профессионального выгорания, было проведено исследование.

Анализ литературы показал, что первоначально термин «выгорание» применялся в медицине, позднее появляются понятия «психологическое выгорание», «профессиональное выгорание» и «эмоциональное выгорание».

Впервые понятие «выгорание» отмечено в работах американского психиатра Х. Дж. Фрейденберга. Он ввел новый термин для характеристики психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами, пациентами в эмоционально нагруженной атмосфере при оказании профессиональной помощи [3].

Российские же психологи начали изучать синдром выгорания позже, в конце XX в. Отечественные и зарубежные ученые начали изучать данную проблему в сфере труда, выявив зависимость результатов труда от здоровья и эмоционального состояния работника. Отечественные психологи, занимавшиеся исследованием профессионального выгорания (Н.Е. Водопьянова, Т.И. Форманюк, В.Е. Орел, Е.С. Старченкова, Т.В. Решетова и др.), связывают данное явление с психологическим состоянием и эмоциями человека. Они считают, что текущая экономическо-политическая обстановка, условия труда и отдыха могут способствовать развитию профессионального выгорания у работников, особенно у служащих [4].

Существуют различные подходы к определению понятия «профессиональное выгорание», остановимся на определении, предложенном Н.Е. Водопьяновой, которая детерминирует профессиональное выгорание как «совокупность психических процессов, состояний, отношений, профессиональных установок и ценностей, способов преодоления трудных и кризисных профессиональных ситуаций, профессионально важных качеств субъектов, которые вовлекаются в трудовую деятельность и претерпевают деструктивные изменения под влиянием противоречий между возможностями субъекта и организационно-профессиональными требованиями к нему» [5]. Н.Е. Водопьянова указывает на то, что профессиональное выгорание проявляется в изменениях личностных характеристик, следовательно, противостояние профессиональному выгоранию возможно именно посредством работы с личностными ресурсами.

Проблема ресурсов поднималась в работах В.А. Бодрова, В.И. Моросановой, Л.Г. Дикой, Д.А. Леонтьева, Л.А. Китаева-Смыкина, Т.Л. Крюковой, А.К. Осницкого, А.Б. Леоновой, О.А. Конопкиной и др.

Моросанова В.И. писала, что в структуру ресурсов входят компетентности человека, которые могут осознанно использоваться как средство решения задач различной степени конкретности. Они могут накапливаться, расходоваться и восстанавливаться [6]. Водопьянова Н.Е. уточняла, что ресурсы – это внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях [7]. Таким образом, можно продолжить, что ресурсы – это средства самоконтроля: контроля над эмоциями, контроля над активностью, вовлеченностью в процесс. Иными словами, если человек осознанно подходит к процессу использования собственных ресурсов, он контролирует ситуацию: противостоит эмоциональным переживаниям, перегрузкам, стрессам, профессиональному выгоранию [8].

Изучая проблему противодействия профессиональному стрессу посредством личностных ресурсов, мы обратили внимание на сотрудников наркоконтроля.

Специфика профессиональной деятельности сотрудников наркоконтроля требует от специалистов не только хорошей физической подготовки и профессиональных навыков, но также и высокой психологической устойчивости, и специфических качеств личности. Сотруднику наркоконтроля по роду деятельности приходится иметь дело с наиболее трудным в социальном отношении контингентом, для которого характерно наличие асоциальных установок, непредсказуемость, скрытый характер преступной деятельности, сопротивление и враждебное отношение к представителям власти.

Оперативно-служебную деятельность сотрудников органов наркоконтроля следует отнести к сложным видам профессиональной деятельности, которая характеризуется многообразием и сложностью служебных задач, наличием ситуаций, при которых выполнение служебных задач связано с риском и опасностью для жизни, высоким уровнем психической напряженности труда, жесткими временными ограничениями для достижения требуемого профессионального уровня, повышенной социальной ответственностью за профессиональные ошибки.

Одной из основных особенностей работы сотрудников наркоконтроля является постоянный стресс, связанный с возможностью столкнуться с опасными и насильственными ситуациями, угрозами для собственной безопасности и для здоровья других людей. Это требует от них способности эффективно контролировать свои эмоции, принимать решения в сложных и быстро изменяющихся ситуациях, оставаясь спокойными и решительными.

Другим важным аспектом является моральная составляющая работы сотрудников наркоконтроля. Они сталкиваются с различными этическими дилеммами, такими как баланс между соблюдением законов и прав человека, необходимость применения принудительных мер и т.д. Это может вызывать внутренние конфликты и сомнения, которыми также необходимо уметь управлять.

С учетом специфики профессиональной деятельности сотрудников наркоконтроля именно специалисты указанной профессиональной деятельности выступили респондентами исследования, цель состояла в изучении личностных ресурсов противостояния профессиональному выгоранию.

На первом этапе эмпирического исследования проводилась диагностика уровня сформированности профессионального выгорания сотрудников наркоконтроля посредством методики «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач и С. Джексон (рис. 1).

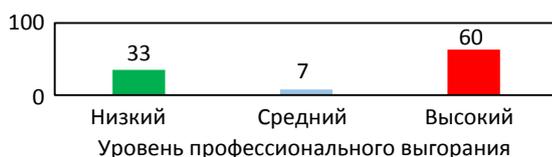

Рис. 1. Результаты исследования профессионального выгорания респондентов, %

Как наглядно показано на рис. 1, у большей части респондентов (60 %) выявлен высокий уровень профессионального выгорания: присутствует чувство эмоционального истощения и нехватка энергии, повышенная психическая дистанцированность от работы, чувство негативизма или цинизма, низкая профессиональная эффективность, общее негативное состояние людей, которое может проявиться из-за хронического стресса, проблем в коллективе, плохих условий труда. Установленный факт может быть связан с тем, что деятельность сотрудников протекает в ситуациях с непредсказуемым исходом, сопряжена с высокой ответственностью за свои действия, вынужденным общением с различными категориями граждан, постоянными физическими и психическими перегрузками, с риском собственной безопасности.

У 7 % респондентов был выявлен средний уровень профессионального выгорания, следовательно, у них происходит повышение эмоционального истощения, снижение профессиональной эффективности, снижение профессиональной мотивации, нарастание негативизма в отношении служебных обязанностей. Это свидетельствует о том, что респонденты чувствуют усталость на работе, но это ощущение не приводит к серьезному падению эф-

фективности, также в целом они удовлетворены условиями своей работы, однако находятся обстоятельства, которые немного снижают эффективность.

У 33 % респондентов был выявлен низкий уровень профессионального выгорания, это выражается в вовлеченности в работу, эмоциональной активности, внимательном выполнении профессиональных обязанностей. Следовательно, респонденты не чувствуют усталости на работе, условия труда их устраивают, проблем в коллективе не возникает. Указанный результат зафиксирован у «новых» сотрудников, которые вовлечены в работу и заинтересованы в новой деятельности, стремятся достичь высоких результатов.

В результате исследования было установлено, что респонденты со средним уровнем профессионального выгорания имеют пороговый уровень профессионального выгорания, следовательно, их можно отнести к группе с низким уровнем профессионального выгорания.

На основании полученных результатов респонденты были разделены на 2 группы:

- группа 1 – респонденты, имеющие высокую степень профессионального выгорания;
- группа 2 – респонденты, имеющие низкую степень профессионального выгорания.

На втором этапе исследования проводилась диагностика личностных ресурсов противостояния профессиональному выгоранию посредством применения следующих методик: опросника «Оценка потерь и приобретений персональных ресурсов» (Н.Е. Водопьянова, 2005; 2013); опросника «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций – SACS», (Н.Е. Водопьянова, 2009), CERQ (Д.А. Носова, Н.Е. Водопьянова); методики «Шкала удовлетворенности качеством жизни» (Н.Е. Водопьянова, 2005); анкеты «Профессиональное самосознание» (Е.В. Конев).

Рассмотрим данные, полученные посредством опросника «Оценка потерь и приобретений персональных ресурсов» (Н.Е. Водопьянова, 2005; 2013) для определения субъективной оценки ресурсообеспеченности (рис. 2).

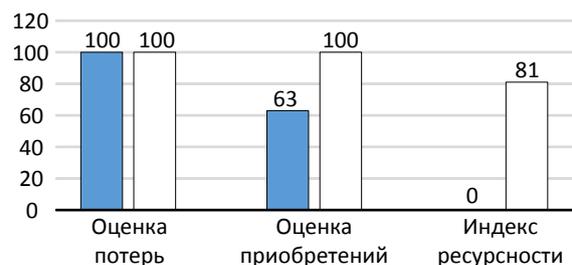

Рис. 2. Результаты применения методики «Оценка потерь и приобретений персональных ресурсов» (Н.Е. Водопьянова, 2005; 2013): ■ – группа 1; □ – группа 2

По шкале «Оценка потерь» у всех респондентов был выявлен высокий уровень выраженности (100 %), который свидетельствует о низкой удовлетворенности «качеством» жизни, т.е. можно констатировать, что у всех респондентов присутствуют показатели психологического выгорания.

Данные, полученные по шкале «Оценка приобретений», показывают, что у респондентов группы 2 в большей степени присутствуют адаптационные, приспособительные возможности. Данные шкалы «Индекс ресурсности» свидетельствуют о том, что у 80 % респондентов группы 2 сбалансированы жизненные разочарования и достижения, что свидетельствует о низкой стрессовой уязвимости.

Обобщая данные всех шкал методики, необходимо отметить, что стрессовое состояние зафиксировано у всех респондентов, что может быть связано с трудностями профессиональной деятельности. Однако у респондентов с высоким уровнем профессионального выгорания отмечена психологическая травмированность, тогда как у респондентов с низким уровнем профессионального выгорания установлена возможность ценить себя, свой труд, они в профессиональной деятельности используют конструктивные модели поведения, актуализирующие их способности быть более адаптивными и стрессоустойчивыми. Таким образом, можно констатировать наличие у респондентов группы 2 регуляторного ресурса – осознанной саморегуляции.

Рассмотрим данные, полученные посредством опросника «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций – SACS» Н.Е. Водопьяновой, 2009, CERQ Д.А. Носовой, Н.Е. Водопьяновой (рис. 3).

Как видно из рис. 3, респондентам с высоким уровнем профессионального выгорания свойственно стремление открыто заявлять о своих целях и намерениях, не уважая при этом интересы окружающих, респонденты самостоятельно решают свои проблемы, им не нужна поддержка со стороны окружающих, они могут действовать стихийно, решения принимают легко, быстро и необдуманно.

Респонденты с низким уровнем профессионального выгорания активно вступают в социальные контакты, открыто заявляют о своих целях и намерениях, уважая при этом интересы окружающих. Респонденты стремятся поделиться своими переживаниями с другими людьми, обсудить с ними ситуацию, им присуще длительное обдумывание и тщательное взвешивание всех возможных вариантов решений, стремятся найти компромисс.

Данные, полученные посредством методики «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций – SACS» Н.Е. Водопьяновой, показывают взаимосвязь

психологических ресурсов личности и уровня профессионального выгорания [10]. Профессиональная деятельность сотрудников наркоконтроля предполагает системное, специфическое взаимодействие с окружающими людьми, что само по себе является фактором стресса. Наличие таких ресурсов, как способность к конструктивной коммуникации, прогнозирование собственных действий, социальная направленность, позволяют респондентам снижать эмоциональное напряжение, связанное с профессиональной деятельностью.

Рис. 3. Данные, полученные посредством опросника «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций – SACS» Н.Е. Водопьяновой: ■ – группа 1; □ – группа 2

Рассмотрим данные, полученные посредством опросника «Шкала удовлетворенности качеством жизни» Н.Е. Водопьяновой (рис. 4).

Как показано на рис. 4, у респондентов группы 1 установлен низкий уровень выраженности таких шкал, как «Работа» (100 %), «Личные достижения» (96 %), «Здоровье» (100 %), «Общение с близкими людьми» (92 %), «Поддержка» (92 %), «Оптимистичность» (96 %), «Напряженность» (80 %), «Негативные эмоции» (62 %), это свидетельствует о том, что по указанным областям у сотрудников с высоким уровнем сформированности профессионального выгорания присутствует психическая напряженность, т.е. они не удовлетворены состоянием рабочего места, графиком работы; у них возникают проблемы со здоровьем; отсутствует оптимистич-

ный настрой в разрешении критических ситуаций; может возникать чувство вины и стыда, многие вещи воспринимаются тяжело и с раздражением.

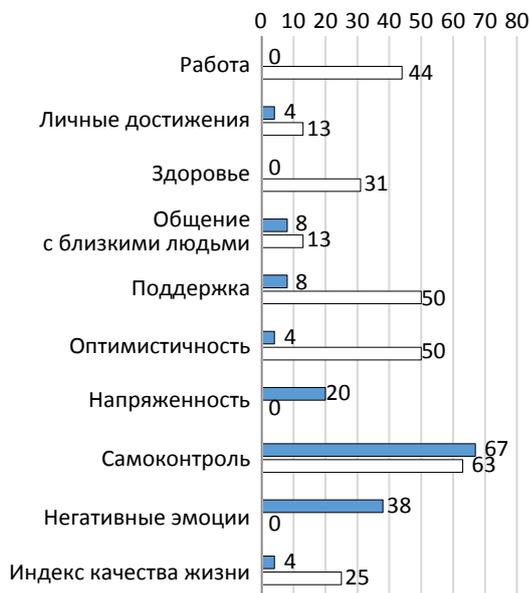

Рис. 4. Данные, полученные посредством опросника «Шкала удовлетворенности качеством жизни» Н.Е. Водопьяновой: ■ – группа 1; □ – группа 2

У респондентов группы 2 установлен низкий уровень выраженности таких шкал, как «Личные достижения» (87 %), «Общение с близкими людьми» (87 %), «Напряженность» (100 %), «Негативные эмоции» (100 %). Полученный результат подтверждает, что у респондентов присутствуют признаки профессионального выгорания, но результаты обработки данных шкал «Поддержка», «Оптимистичность», «Самоконтроль» свидетельствуют о том, что удовлетворенность в различных сферах профессиональной деятельности может меняться, респонденты осознают ответственность за свои действия, легко приспосабливаются к новой ситуации [10].

Результаты обработки данных, полученных с использованием методики «Шкала удовлетворенности качеством жизни» Н.Е. Водопьяновой, подтверждают высказанное ранее предположение, о том, что способность к конструктивной коммуникации, осознанность в собственных действиях снижает эмоциональное напряжение и позволяют противостоять профессиональному выгоранию.

Перейдем к анализу данных, полученных посредством анкеты «Профессиональное самосознание» Е.В. Конева.

Анализ полученных ответов показал наличие когнитивной компетентности относительно профессиональной деятельности у респондентов обеих групп. В частности установлено, что все респон-

денты, участвующие в исследовании, уведомлены о нормах, правилах и требованиях к своей должности.

Описывая эталонное поведение специалиста наркоконтроля, респонденты обеих групп указывают на необходимость таких качеств, как ум, коммуникабельность, пунктуальность, сила, упорство, грамотная речь, тактичность, усидчивость, стрессоустойчивость, знание законов, целеустремленность, лидерство, исполнительность, но необходимо отметить, что респонденты группы 2 выделили в качестве эталонного поведения ответственность. Указанное уточнение, отмеченное в ответах респондентов группы 2, подтверждает более личностное отношение к выполнению профессиональных обязанностей респондентов с низким уровнем профессионального выгорания.

Рассуждая о качествах личности, необходимых для эффективной деятельности сотрудника наркоконтроля, респонденты обеих групп отметили упорство, коммуникабельность, пунктуальность, стрессоустойчивость, ответственность. Нужно отметить, что респонденты группы 1 добавили такое качество, как терпеливость, а респонденты группы 2 – тактичность, усидчивость и целеустремленность.

Большая часть респондентов высоко оценили свой уровень профессионализма: 75 % респондентов группы 1 и 90 % группы 2. Полученный результат подтверждает, что респонденты положительно оценивают себя, им свойственно стремление к развитию своих профессиональных навыков.

Интересный результат получен и при анализе ответов на вопрос об удовлетворенности деятельностью. Удовлетворены профессиональной деятельностью 92 % респондентов с высоким уровнем профессионального выгорания и 60 % респондентов с низким уровнем профессионального выгорания. Можно предположить, что респонденты группы 1, не включаясь активно в процесс профессиональной деятельности, выполняют обязанности, их удовлетворяет материальное вознаграждение и они «плывут по течению» профессиональной жизни, тогда как респонденты с низким уровнем профессионального выгорания осознанно относятся к работе, понимая её преимущества и недостатки.

На третьем этапе исследования все полученные данные были подвергнуты процедуре математического анализа посредством U-критерия Манна-Уитни, г-критерия Пирсона.

Полученные статистически значимые различия показали, что для респондентов с низким уровнем профессионального выгорания свойственны:

– конструктивная коммуникация: способность решать конфликты, выражать свои мысли и чувства

без агрессии и находить компромиссы в сложных ситуациях;

– осознанная саморегуляция: выражение собственных мыслей, чувств, потребностей при сохранении уважения к другим; понимание своих границ и способности четко выражать свои потребности и чувства, что помогает не перегружаться работой, устанавливать здоровые пределы в общении с коллегами и начальством, что уменьшает риск негативных последствий, связанных с переработкой;

– способность к прогнозированию своих действий: осторожность, разумные подходы к работе;

– социальный интеллект: общение с коллегами в сложных ситуациях как источник поддержки и понимания; общение с коллегами, друзьями, близкими людьми как условие снижения уровня стресса; обмен информацией, опытом, лучшими практиками как фактор создания комфортной атмосферы.

Результаты корреляционного анализа подтвердили наличие взаимосвязей между уровнем сформированности профессионального выгорания и личностными ресурсами. Установлено, что оценка потерь и приобретений, импульсивные действия,

социальный контакт, непрямые действия, ассоциальные действия, агрессивные действия, напряженность, негативные эмоции взаимосвязаны с процессами формирования профессионального выгорания.

Итак, проведенное исследование подтвердило: профессиональное выгорание сотрудников наркоконтроля формируется при снижении ресурсообеспечения субъекта профессиональной деятельности. Личностными ресурсами противостояния профессиональному выгоранию являются способности к конструктивной коммуникации, осознанной саморегуляции, прогнозированию и социальный интеллект.

Респондентами исследования выступали специалисты наркоконтроля. Как было указано, их профессиональная деятельность имеет ряд специфических особенностей, однако основная её часть базируется на взаимодействии с человеком. Следовательно, можно предположить, что указанные выше личностные ресурсы могут способствовать противостоянию профессиональному выгоранию широкого круга специалистов профессии типа «человек-человек».

Список источников

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. Москва : ПЕР СЭ, 2018. 528 с.
2. Лизинский В.М. Профессионально-личностное выгорание и способы повышения сохранности и способности качественно выполнять свои профессиональные и социальные обязанности. Москва : Педагогический поиск, 2019. 96 с.
3. Андреева Н.Ю. Особенности профессионального выгорания как нарушенной идентичности // Среднее профессиональное образование. 2019. № 9.
4. Аббабаков В.А. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. Москва : Пере; Санкт-Петербург : Речь, 2014. 166 с.
5. Великанова Л.П. Диагностика и профилактика синдрома эмоционального выгорания на ранних этапах формирования // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 377.
6. Бойко В.В. Синдром «профессионального выгорания» в общении. Санкт-Петербург : Питер, 2019. 216 с.
7. Борисова М.В., Медведев В.В. Взаимосвязь удовлетворённости трудом с уровнем профессионального выгорания // Актуальные проблемы науки: ИГУМО и ИТ как исследовательский центр. 2018. №17. С. 5–12.
8. Кондратюк Н.Г., Цыганов И.Ю., Колесникова И.М., Моросанова В.И. Регуляторные ресурсы жизненных планов человека в условиях неопределенности (на примере ситуации распространения пандемии COVID-19 в России) // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. № 18 (1). С. 7–24.
9. Водопьянова Н.Е., Никифоров Г.С. Теоретические аспекты профилактики и коррекции профессионального выгорания // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 16. 2019. Вып. 2. С. 5–13.
10. Thorndik E.L. Intelligence and its uses // Harper's Magazine. 1920. № 140. P. 227–235.

References

1. Bodrov V.A. Psikhologicheskii stress: razvitiye i preodoleniye. Moscow : PER SE, 2018. 528 s.
2. Lizinskiy V.M. Professional'no-lichnostnoye vygoraniye i sposoby povysheniya sokhrannosti i sposobnosti kachestvenno vypolnyat' svoi professional'nyye i sotsial'nyye obyazannosti. Moscow : Pedagogicheskii poisk, 2019. 96 s.
3. Andreyeva N.Yu. Osobennosti professional'nogo vygoraniya kak narushennoy identichnosti // Sredneye professional'noye obrazovaniye. 2019. No. 9.
4. Abbabakov V.A. Adaptatsiya k stressu. Osnovy teorii, diagnostiki, terapii. Moscow : Pere; St. Petersburg : Rech', 2014. 166 s.
5. Velikanova L.P. Diagnostika i profilaktika sindroma emotsional'nogo vygoraniya na rannikh etapakh formirovaniya // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. No. 2. S. 377.
6. Boyko V.V. Sindrom «professional'nogo vygoraniya» v obshchenii. St. Petersburg : Piter, 2019. 216 s.
7. Borisova M.V., Medvedev V.V. Vzaimosvyaz' udovletvoronnosti trudom s urovnem professional'nogo vygoraniya // Aktual'nyye problemy nauki: IGUMO i IT kak issledovatel'skiy tsentr. 2018. No. 17. S. 5–12.
8. Kondratyuk N.G., Tsyganov I.Yu., Kolesnikova I.M., Morosanova V.I. Regulyatornyye resursy zhiznennykh planov cheloveka v

usloviyakh neopredelennosti (na primere situatsii rasprostraneniya pandemii COVID-19 v Rossii) // Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2021. № 18 (1). S. 7–24.

9. Vodop'yanova N.Ye. Nikiforov G.S. Teoreticheskiye aspekty profilaktiki i korrektsii professional'nogo vygoraniya // Vestn. S. Peterb. un-ta. Ser. 16. 2019. Vyp. 2. S. 5–13.

10. Thorndik E.L. Intelligence and its uses // Harper's Magazine, 1920. No. 140. P. 227–235.

Информация об авторах

А.А. Леженина – кандидат психологических наук, доцент;

А.Д. Ишмухаметова – аспирант.

Information about the authors

A.A. Lezhenina is Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

A.D. Ishmukhametova is a graduate student.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 159.99

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-183-190

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МЕНЕДЖЕРОВ

Светлана Рашидовна Зенина¹, Юлия Валерьевна Бадалян²

^{1, 2}Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

¹s_zenina@mail.ru, SPIN code: 4519-9338

²<https://orcid.org/0000-0002-5182-5948>

Аннотация. В статье обсуждается важность изучения субъективного благополучия в профессиональной сфере и его влияние на активность, качество выполнения работы и удовлетворенность трудом в целом. Одним из ключевых выводов статьи является факт тесной корреляционной связи между удовлетворенностью трудом и субъективным благополучием. Подобное исследование может помочь организациям понять, как улучшить рабочие условия и мотивацию персонала для обеспечения более успешной и продуктивной деятельности.

Ключевые слова: субъективное благополучие, удовлетворенность трудом, психологическое благополучие, профессиональная деятельность, профессиональная успешность

Original article

JOB SATISFACTION AS A FACTOR OF SUBJECTIVE WELL-BEING OF EMPLOYEES

Svetlana R. Zenina¹, Yulia V. Badalyan²

^{1, 2}Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

¹s_zenina@mail.ru, SPIN code: 4519-9338

²<https://orcid.org/0000-0002-5182-5948>

Abstract. The article discusses the importance of studying subjective well-being in the professional sphere and its impact on activity, quality of work and job satisfaction in general. One of the key conclusions of the article is the fact of a close correlation between job satisfaction and subjective well-being. Such research can help organizations better understand how to improve working conditions and staff motivation to ensure more successful and productive activities.

Keywords: subjective well-being, job satisfaction, psychological well-being, professional activity, professional success

Изучение влияния выбранной профессии на человека – это ключевая задача, стоящая перед исследователями. Различия в восприятии профессии как подходящей или неподходящей могут значительно повлиять на результаты трудовой деятельности. Кроме того, важно учитывать, что человеческие потребности могут быть разнообразны, и их удовлетворение через профессиональную деятельность играет важную роль.

Многие исследования показывают, что уровень субъективного благополучия в профессиональной сфере имеет прямое влияние на эмоциональное состояние и общее самочувствие человека. Уровень удовлетворенности работой может повлиять на мотивацию, продуктивность труда и даже здоровье.

Благополучие в профессиональной сфере тесно связано не только с самооценкой, но и с внешним

восприятием окружающих. Важно учитывать не только внутренние факторы, но и взаимодействие с коллегами, руководством и общими условиями работы. Только гармоничное сочетание внутренних и внешних факторов обеспечит полноценное субъективное благополучие в профессиональной деятельности.

В современном мире интерес к проблеме субъективного благополучия растет с каждым годом. Это явление нашло свое отражение в работах выдающихся зарубежных психологов. Среди них можно выделить таких исследователей, как Н. Брэдбурн, Э. Динер, М. Селигман, М. Аргайл, а также Эндрюс и Уайтти. Эти ученые сделали значительный вклад в изучение данной проблемы и привнесли новые подходы к пониманию субъективного благополучия.

В отечественной психологии проблема субъективного благополучия остается малоисследованной, однако есть авторы, которые активно трудятся над этим вопросом. Среди них нельзя не упомянуть Р.М. Шамионову, Л.М. Куликова, М.В. Соколову, Г.Л. Пучкову и других ученых, чьи работы вносят важный вклад в изучение данной темы.

В последние десятилетия проблема удовлетворенности трудом как фактор субъективного благополучия стала предметом все более тщательного исследования. Работы таких авторов, как Л.В. Куликов, И. Гурвич, М. Аргайл, А.И. Дука, Р.М. Шаминов, Г.Е. Гудим-Левкович, позволяют нам лучше понять влияние трудовой деятельности на чувство счастья и удовлетворения людей.

Субъективное благополучие олицетворяет в себе множество аспектов, которые влияют на качество жизни человека. Полагаясь на слова Б.Ф. Ломова, можно сказать, что субъективность социальной психологии открывается через анализ личности и личностных отношений к социальным явлениям. Необходимо рассматривать это явление как результат воздействия внешних и внутренних факторов, включая: семейные отношения и поддержку близких, уровень социальной поддержки и взаимодействия с окружающими, самооценку и самопризнание в обществе [6].

Целью социально-психологического анализа субъективного благополучия является не только понимание проявлений благополучия или неудовлетворения, но и выявление процессов, которые влияют на уровень благополучия. Они включают в себя комплекс факторов, оказывающих влияние на качество жизни личности. Таким образом, субъективное благополучие формируется в результате взаимодействия:

- личных внутренних убеждений и ценностей;
- окружения и восприятия общественного мнения;
- внешних обстоятельств и социокультурной среды.

Исследование влияния субъективно переживаемого благополучия позволяет понять, какие аспекты личности и общества оказывают наибольшее влияние на уровень благополучия и как можно улучшить качество жизни в целом.

Отношения человека с окружающим миром – это сложный механизм, в котором субъективные переживания играют важную роль. Как отмечал В.Н. Мясищев, эти отношения представляют собой сознательную и избирательную психологическую связь с различными аспектами реальности. Они проявляются в действиях, реакциях и переживаниях человека. Это подтверждает, что наше поведе-

ние и профессиональная деятельность во многом определяются взаимодействием с внешней средой и другими людьми [1].

Важно понимать, что субъективное воздействие не только на нас самих, но и на наше окружение. Наши эмоции, убеждения и ценности формируют наше восприятие мира и влияют на наши отношения с другими людьми. Эта взаимосвязь между внутренним и внешним миром является ключом к пониманию сложности человеческого поведения и взаимодействия.

Каждый человек вступает в различные отношения – семейные, профессиональные, социальные и т.д. В каждой из этих сфер влияние субъективных факторов на поведение и взаимодействие неизбежно. Понимание этого взаимодействия позволяет лучше ориентироваться в мире и улучшать свои взаимоотношения.

Для многих людей уровень удовлетворенности от их собственной деятельности или отношений является ключевым фактором, способствующим активности. Неудовлетворенность также может стать толчком для изменений и новых действий. Стремление к удовлетворенности или же избегание неудовлетворенности может возникнуть как результат накопленного опыта и переживаний.

Человек как личность постоянно стремится улучшить свое положение, найти способы достижения благополучия и удовлетворения. Стремление к счастью и удовлетворенности является важным двигателем для развития личности. Мотивация к действию может быть разной и зависеть от личностных особенностей каждого индивида.

Различные мотивы, побуждающие к действию, могут порождать разнообразные результаты. Важно осознавать, что наши действия и стремления не всегда приводят к однозначным и одинаковым последствиям. Каждый человек воспринимает и реагирует на удовлетворенность и неудовлетворенность по-своему, что формирует уникальную картину мира и способы реагирования на него.

Понимание психологического благополучия в профессиональной сфере находится в центре внимания как в индивидуальном, так и в коллективном плане. Это концепция, которая охватывает не только личность и её отношения, но также влияние на объект труда.

Важное понятие применительно к данной теме – удовлетворенность трудом. Оно определяется как эмоциональное и оценочное отношение к выполняемой работе и условиям её осуществления. Этот аспект можно также рассматривать как эмоциональное настроение и психическое состояние субъекта [5].

Интегративный показатель удовлетворенности трудом имеет существенное значение для оценки благополучия личности в профессиональной деятельности. Этот аспект выражает важность удовлетворения от занятия определенной работой и влияние этого на самочувствие и результативность труда [8].

В психологии существует широкий спектр подходов к изучению удовлетворенности трудом, включая анализ мотивации, уровня вовлеченности в работу и взаимосвязи с другими аспектами психологического благополучия.

Исследования показывают, что уровень удовлетворенности работой считается важным компонентом профессиональной идентичности. Помимо самореализации это также влияет на общее состояние личности профессионала.

О.Н. Родина отмечает, что удовлетворенность работой – это субъективная оценка успехов в труде, которая связана с осознанием достижений. Согласно Ю.П. Поваренкову, профессиональное счастье является вершиной профессиональной идентичности личности [8].

Профессиональная идентичность является ключевым элементом в развитии карьеры и самоутверждении в профессии. Важно научиться находить равновесие между удовлетворенностью работой и стремлением к самореализации.

В процессе реализации труда на уровень субъективного благополучия влияет не только сам труд, но и система отношений, а также различные психологические и социально-психологические факторы. Важную роль играют развитие социальных навыков и умение строить удовлетворительные социальные отношения.

Индивиды, обладающие разносторонне развитыми социальными навыками, часто ощущают большую удовлетворенность от своего труда, поскольку легче находят общий язык с коллегами и клиентами.

Особое значение имеют социальные навыки в профессиональных сферах, где взаимодействие с людьми играет ключевую роль. Например, в работе «человек-человек» не менее важными являются способности устанавливать контакты, проявлять эмпатию и эффективно взаимодействовать с окружающими. Важно уметь создавать и поддерживать позитивные отношения для успешной профессиональной деятельности.

Профессиональная удовлетворенность играет ключевую роль в повышении стрессоустойчивости сотрудников, как выявил М.В. Демин в своем исследовании. Анализ Л.В. Куликова показывает, что субъективное благополучие влияет на различные аспекты психического состояния, успешность работы и эффек-

тивность общения между людьми [26: с. 135]. Значительное внимание в работе Е.А. Углановой уделено влиянию субъективного экономического благополучия на общую оценку качества жизни.

Несомненно, уровень удовлетворенности рабочей деятельностью напрямую связан с эмоциональным комфортом работников и, как следствие, их способностью эффективно управлять стрессом. Поддержание позитивного внутреннего состояния благоприятно сказывается на качестве профессиональной жизни сотрудников. С другой стороны, обеспечение материальной стабильности также играет важную роль в общем уровне удовлетворенности жизнью.

Итак, стремление к достижению баланса между профессиональным и экономическим благополучием является важным фактором для обеспечения качества жизни и улучшения психического состояния человека в современном мире.

Вопрос о взаимосвязи субъективного благополучия с трудовыми процессами не перестает привлекать внимание исследователей. Имена таких ученых, как Захаров, Гурвич И., Хакман Дж., Лоулер Е., Поваренков Ю.П. и многие другие, ассоциируются с углубленным изучением влияния различных аспектов труда на общее благополучие и удовлетворенность жизнью. К сожалению, все неоднозначно: некоторые ученые выделяют наличие труда и содержание труда, другие обращают внимание на взаимоотношения в процессе труда, в то время как третьи акцентируют внимание на психологических и социально-психологических особенностях трудовой деятельности [4].

М. Аргайл, проводя анализ эмпирических данных, делает вывод о тесной связи между удовлетворенностью трудом и удовлетворенностью жизнью в целом. Наблюдения показывают, что сферы жизни, включая рабочую, имеют общие черты, что влияет на общее чувство удовлетворенности. Подобно тому, как общая удовлетворенность жизнью может отражаться на отношении к работе, так и удовлетворенность работой может оказывать воздействие на общее благополучие и самочувствие [3].

Изучение взаимосвязи между уровнем удовлетворенности работой и жизнью открывает перед исследователями множество аспектов, подлежащих дальнейшему изучению и анализу. Каждый отдельный случай может представлять интерес для изучения влияния различных факторов на общее благополучие и индивидуальное чувство счастья.

Исследование американских психологов Р. Лукаса и Э. Динера сосредоточивается на значимости субъективного благополучия и уровне удовлетво-

рѐнности сотрудников для эффективности компании. Прежде чем говорить о влиянии счастья на производительность, необходимо разобраться, что подразумевается под счастливым и довольным работником. Важнейшим аспектом здесь является эмоциональное состояние человека [4].

Кроме того, Р. Лукас и Э. Динер отмечают, что счастливые сотрудники получают большее социальное вознаграждение, чем их несчастные коллеги. Исходя из современных исследований об эмоциональном состоянии и настроениях, они утверждают, что связь между счастьем и эффективностью не обусловлена только поведенческими факторами и социальными нормами.

Важно учитывать, что эмоциональное состояние работника может существенно повлиять на его способность к концентрации, принятию решений, а также на общую мотивацию и вовлеченность в работу. Следовательно, поддержание психологического комфорта и благополучия персонала может быть ключевым фактором для повышения результативности организации.

Глубже погружаясь в тему субъективного благополучия в сфере профессиональной деятельности, следует отметить, что А.И. Дука также изучал данную проблему. Он определяет субъективное благополучие как ключевой фактор, оказывающий влияние на уровень удовлетворенности работника своей деятельностью и его общее психоэмоциональное и физическое состояние.

Г.Е. Гудим-Левкович, в свою очередь, подчеркивает важность анализа субъективного благополучия и профессиональной успешности в контексте жизненного успеха личности. Он рассматривает их как важные составляющие личного и социального развития человека [2].

Исследования в области психологии труда и профессиональной деятельности также указывают на влияние субъективного благополучия на мотивацию, продуктивность и общую удовлетворенность сотрудников. Какие факторы способствуют формированию и поддержанию позитивного восприятия своей профессиональной деятельности?

Изучение данной темы подразумевает не только выявление сфер влияния субъективного благополучия, но и поиск способов оптимизации процессов, направленных на улучшение психологического состояния работников. Какие методики и практики могут способствовать улучшению субъективного благополучия в профессиональной сфере?

Высокий уровень личностной зрелости, согласно мнению автора, является одним из показателей

личностного успеха, который характеризуется ощущением субъективного и семейного благополучия.

Этот аспект успеха тесно связан с профессиональным развитием и творческим своеобразием в достигнутом результирующем продукте или деятельности.

Однако, по мнению экспертов, жизненный успех может быть достигнут не только путем гиперкомпенсации в одной из областей, но и через идеальное сочетание личностных и профессиональных компонентов.

Этот комплексный подход формирует основу для устойчивого развития и достижения жизненного успеха, который охватывает различные сферы жизни человека и способствует гармонии в личном и профессиональном росте.

Общение играет ключевую роль в формировании субъективного благополучия личности. Наша профессиональная деятельность также оказывает огромное влияние на наше самочувствие и уровень удовлетворенности жизнью. Не следует забывать, что наше благополучие зависит не только от профессиональной сферы, но и от ценностей, которых мы придерживаемся.

Исходя из представленной информации, становится очевидным, что необходимо стремиться к балансу между социальными связями и профессиональной деятельностью для достижения гармонии в жизни. Умение находить компромисс и распределять время между работой и личной жизнью становится важным аспектом нашего благополучия.

Безусловно, каждый человек уникален, и для каждого определение счастья и благополучия может быть разным. Однако осознание влияния занятости и социальных отношений на общее самочувствие поможет нам строить более осознанные и удовлетворительные жизненные пути.

В несомненном факте, что система детерминант находится в сложных отношениях, кроется ключ к пониманию её функционирования. Важно выявить механизмы этих отношений, а также учесть влияние третьих факторов, обилие и разнообразие которых могут оказаться весьма значительными [7].

Понимание уровня удовлетворенности работой представляет собой важный аспект в корректной оценке рабочей среды. Это приятное положительное эмоциональное состояние проистекает из самооценки собственного труда и опыта, а его результатом является оценка сотрудниками того, насколько их работа удовлетворяет важные для них потребности [5].

В большинстве случаев выявление факторов, влияющих на уровень удовлетворенности трудом,

позволяет улучшить рабочие процессы и сделать их более продуктивными. Разнообразие подходов и методов анализа этого вопроса открывает широкие перспективы для улучшения организационной культуры и мотивации персонала.

Цель исследования

Цель настоящего исследования заключается в анализе влияния уровня удовлетворенности трудом на субъективное благополучие менеджеров в современной рабочей среде. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть различные аспекты, оказывающие влияние на формирование позитивных представлений о себе в профессиональной сфере. Важными факторами, влияющими на субъективное благополучие, являются:

- 1) работа над улучшением профессиональных навыков и знаний;
- 2) построение конструктивных отношений с коллегами и руководством;
- 3) соответствие заработной платы трудовым усилиям и результатам;
- 4) комфортные условия труда и возможность для саморазвития;
- 5) поддержка и признание со стороны руководства.

Исходя из указанных факторов, можно сделать вывод о том, что уровень удовлетворенности работой напрямую влияет на общее благополучие личности в рабочей среде. Таким образом, изучение и понимание этой взаимосвязи является неотъемлемой частью управления персоналом и создания здоровой организационной культуры.

Гипотеза исследования: удовлетворенность трудом выступает детерминантой субъективного благополучия менеджеров.

Процедура и методики исследования

В рамках исследования были использованы такие методики, как:

- «Шкала субъективного благополучия» в адаптации А.А. Рукавишникова;
- методика определения удовлетворенности трудом А.В. Батрашева.

Базой исследования выступил Дальневосточный банк Сбербанка России в городе Благовещенске. Анализ проводился с участием 36 человек, среди которых было двое мужчин и 34 женщины. Основной категорией испытуемых были менеджеры по продажам финансовых продуктов в возрасте от 24 до 37 лет, имеющие стаж работы более трех лет.

Должностные обязанности и стресс современного менеджера оказывают значительное влияние на качество его жизни. Важным аспектом здесь является субъективное благополучие, которое отражает не

только профессиональную успешность, но и уровень адаптации к социально-бытовым условиям.

Результаты исследования уровня субъективного благополучия менеджеров, проведенного при помощи методики «Шкала субъективного благополучия» А.А. Рукавишникова, представлены на рис. 1. Этот инструмент позволяет оценить не только внешний успех и достижения, но и внутреннее состояние человека в профессиональной и личной сфере.

Рис. 1. Уровень субъективного благополучия менеджеров, %

На рисунке отображены различные аспекты, влияющие на субъективное благополучие менеджеров: от уровня удовлетворенности своей работой до качества отношений в семье и обществе. Это наглядно демонстрирует, что понятие благополучия охватывает разнообразные сферы жизни человека и требует комплексного подхода к его измерению.

При анализе результатов исследования стало ясно, что среди опрошенных преобладают субъективно благополучные и уравновешенные люди. Так, 38,9 % менеджеров оценивают свое состояние скорее как субъективно благополучное. Им характерно умеренное эмоциональное состояние, отсутствие серьезных проблем, уверенность в себе, активность и успешное взаимодействие с окружающими.

Однако значительная часть группы, а именно 30,6 % испытуемых, имеют крайне низкие значения по показателю субъективного благополучия. Такие данные указывают на полное отрицание серьезных психологических проблем и полное эмоциональное благополучие у этой части исследуемых. Они могут столкнуться с проблемой в управлении своим поведением и эмоциями.

Важно осознать, что отклонения в оценках, указывающие на субъективное неблагополучие

(8–9 баллов), обнаружены у 11,1 % менеджеров. Эти показатели свидетельствуют о том, что у этих людей часто возникают проблемы с депрессией, тревогами и стрессом. Характеристики таких людей включают пессимистичное мышление, замкнутость, зависимость и плохую адаптацию к стрессовым ситуациям.

Чтобы более детально проанализировать состояние субъективного благополучия менеджеров, необходимо обратиться к результатам исследования по отдельным компонентам. Уровни выраженности каждого компонента субъективного благополучия в процентах показаны в табл. 1.

Из результатов исследования видно, что у менеджеров с уровнем субъективного благополучия 8–9 стенов наблюдаются различия в оценках по отдельным компонентам. Это позволяет выявить те аспекты, которые требуют наибольшего внимания и поддержки для улучшения общего благополучия и профессиональной успешности.

Таблица 1

Результаты исследования выраженности отдельных компонентов субъективного благополучия менеджеров, %

Показатель	Уровни		
	высокий	средний	низкий
Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику	22,2	58,4	19,4
Изменения настроения	0	13,9	86,1
Напряженность и чувствительность	13,9	11,1	75
Значимость социального окружения	0	13,9	86,1
Самооценка здоровья	0	0	100
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	19,4	11,1	69,5

Таблица показывает, что в представленной группе наиболее выраженными компонентами субъективного благополучия являются признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику и степень удовлетворенности повседневной деятельностью. Однако стоит отметить, что степень напряженности, испытываемой в профессиональной деятельности, имеет тенденцию к увеличению. Это негативно сказывается как на удовлетворенности повседневной деятельностью, так и в целом на уровне субъективного благополучия. Важно уметь распознавать и адекватно реагировать на эти факторы для поддержания психологического комфорта и эмоционального равновесия.

Данные методики определения удовлетворенности трудом А.В. Батрашева проливают свет на

важный аспект оценки профессиональной деятельности. Важно помнить, что удовлетворенность работой напрямую влияет на результативность сотрудников и общий успех компании.

Результаты исследования общего уровня удовлетворенности трудом менеджеров, представленные на рис. 2, подчеркивают ключевые тенденции. Большинство менеджеров отмечают высокий уровень удовлетворенности трудом, что свидетельствует о позитивном отношении к своей работе и радости от профессионального роста.

Рис. 2. Результаты исследования общего уровня удовлетворенности трудом менеджеров, %

Следует обратить внимание и на тех, кто испытывает низкую удовлетворенность профессиональной деятельностью. Группа менеджеров (8,3%), уровень удовлетворенности которых оказался низким, страдает от неудовлетворенности важными аспектами работы, что может привести к снижению их эффективности и благополучия.

Уровень удовлетворенности работой – это многогранный аспект, который можно анализировать через различные компоненты и показатели. При рассмотрении результатов диагностики по отдельным компонентам труда у менеджеров (табл. 2) можно выделить несколько ключевых точек.

В целом удовлетворенных трудом в структуре опрошенных значительно больше, чем неудовлетворенных. Высокий уровень удовлетворенности работой характеризуется преобладанием позитивного, конструктивного отношения к работе со стороны сотрудников, которое проявляется в исполнительности, высокой степени ответственности за выполняемую работу, стремлении сделать её как можно лучше, соблюдении норм поведения и требований организации, сотрудничестве, взаимопомощи, желании повышать свой профессиональный уровень. Неудовлетворенность работой проявляется в низких результатах труда, высокой текучести персонала, его нестабильности, высоком уровне заболеваемости, нарушении норм поведения, в

том числе правил техники безопасности, снижении трудовой активности. Из всех компонентов, входящих в структуру удовлетворенности трудом, больше всего менеджеры недовольны достижениями в работе (30,6 %) и взаимоотношениями с руководством (27,8 %).

Таблица 2

Результаты исследования выраженности отдельных компонентов удовлетворенности трудом менеджеров, %

Показатель	Уровни		
	высокий	средний	низкий
Интерес к работе	27,8	44,4	27,8
Достижения в работе	33,3	36,6	30,6
Взаимоотношения с коллегами	38,9	47,2	13,9
Взаимоотношения с руководством	11,1	61,1	27,8
Притязания в профессиональной деятельности	22,2	61,1	16,7
Предпочтение выполняемой работы более высокому заработку	2,8	50	47,2
Условия труда	44,4	55,6	0
Профессиональная ответственность	38,9	41,7	19,4

Отметим также, что 47,2 % менеджеров готовы предпочесть свою настоящую работу более высокооплачиваемой. При достаточно высоком проценте менеджеров, удовлетворенных своим трудом, такой процент сотрудников, готовых обменять работу на более высокооплачиваемую, характеризует их мотивационный аспект труда, их карьерную ориентированность не только на саму деятельность, но и на её материальную составляющую.

Корреляционный анализ с применением непараметрического коэффициента корреляции (r) Спирмена позволил установить наличие взаимосвязей между показателями субъективного благополучия и показателями удовлетворенности трудом.

Между показателями удовлетворенности трудом и показателями субъективного благополучия выявлена тесная обратная корреляционная связь

($r_s = -0.811$). Высокие значения по шкале субъективного благополучия свидетельствуют о низком уровне благополучия. Высокий уровень удовлетворенности трудом связан с высоким уровнем субъективного благополучия.

Для более детального анализа исследователи также провели корреляционный анализ показателей по отдельным шкалам методики «Определение удовлетворенности трудом» и кластерам методики «Шкала субъективного благополучия». Это помогло более точно определить взаимосвязи и выделить основные факторы, влияющие на общее благополучие человека.

Подробный анализ отношений между компонентами удовлетворенности трудом и субъективного благополучия менеджеров привел к любопытным выводам. Интерес к работе оказался одним из ключевых факторов субъективного благополучия, имея 4 взаимосвязи высокой степени тесноты с компонентами благополучия. Это свидетельствует о важности внутренней мотивации и признания важности самой работы для менеджеров.

Кроме того, результаты выявили, что эмоциональное состояние менеджеров, выраженное в компоненте «Изменения настроения», имеет тесные связи с уровнем удовлетворенности трудом. Это подчеркивает влияние психологического благополучия на общее удовлетворение от работы.

Интересным фактом является то, что удовлетворенность достижениями в работе также оказала значительное влияние на субъективное благополучие менеджеров, имея 6 взаимосвязей высокой степени тесноты с компонентами благополучия. Это говорит о том, что чувство удовлетворения своими результатами играет ключевую роль в общем самочувствии профессионалов в управлении.

Следовательно, важно стремиться к созданию условий, способствующих удовлетворенности работой, чтобы обеспечить более полное и гармоничное развитие как индивидуальной, так и профессиональной жизни руководителей и специалистов в сфере управления.

Список источников

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. Москва : Мысль, 2003. 329 с.
2. Алимбаева Р.Т., Мартаева А.У. Субъективное благополучие и удовлетворенность жизнью // Инновационная наука. 2016. № 11-3.
3. Аргайл М. Психология счастья / пер. с англ. А. Лисицыной. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 271 с.
4. Гордеева Т.О. Оптимистическое мышление личности как составляющая личностного потенциала // Психологическая диагностика. 2007. С. 32–65.
5. Ильясов Ф.Н. Удовлетворенность трудом (анализ структуры, измерение, связь с производственным поведением) / под ред. В.Г. Андреевкова. Ашхабад : Ылым (Наука), 2005. 100 с.
6. Кадырова М.Ш. Субъективное благополучие личности // Мировая наука. 2020. № 3 (36).
7. Кужильная А.В. Факторы субъективного благополучия личности // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 3-7 (12).

8. Лазарева Н.В. Исследование влияния различных факторов трудовой среды на удовлетворенность трудом // Сборник научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия «Экономика». Вып. 5. Ставрополь, 2002. 400 с.

Reference

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Strategy of life. Moscow : Mysl, 2003. 329 p.
2. Alimbayeva R.T., Martayeva A.U. Subjective well-being and life satisfaction // Innovative science. 2016. No. 11-3.
3. Argyle M. Psychology of happiness / translated from English by A. Lisitsyna. St. Petersburg : Peter, 2003. 271 p.
4. Gordeeva T.O. Optimistic thinking of personality as a component of personal potential // Psychological diagnostics. 2007. P. 32–65.
5. Ilyasov F.N. Satisfaction with work (analysis of structure, measurement, connection with production behavior) / Ed. by V.G. Andreenkov. Ashkhabad : Ylym (Science), 2005. 100 p.
6. Kadyrova M.S. Subjective well-being of personality // World Science. 2020. № 3 (36).
7. Kuzhilnaya A.V. Factors of subjective well-being of the individual // Eurasian Union of Scientists. 2015. № 3-7 (12).
8. Lazareva N.V. Investigation of the influence of various factors of the work environment on job satisfaction // Collection of scientific papers of the North Caucasus State Technical University. The series "Economy". Issue 5. Stavropol, 2002. 400 p.

Информация об авторах

С.Р. Зенина – кандидат психологических наук, доцент;
Ю.В. Бадалян – кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

S.R. Zenina is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;
Yu.V. Badalyan is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Научная статья

УДК 316.485.6

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-191-195

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Александр Сергеевич Ким¹, Дарья Игоревна Свирид²

^{1, 2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹stosorok2005@yandex.ru, <https://ORCID: 0000-0002-0533-8786>

²darya.svirid@gmail.com, <https://ORCID: 0009-0008-6623-7971>

Аннотация. Статья посвящена проблеме социально-экономических аспектов раннего предупреждения социальной напряжённости на Дальнем Востоке на примере Хабаровского края. Проблема анализируется в ракурсе рассмотрения деятельности региональной власти по регулированию рынка труда и занятости. Авторы приходят к заключению о том, что эффективность раннего предупреждения социальной напряжённости определяется созданием дополнительных социально-экономических условий для улучшения социального благополучия населения дальневосточных территорий.

Ключевые слова: дальневосточный, территория, социально-экономический, раннее предупреждение, социальная напряжённость, рынок труда и занятости, миграция

Original article

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF EARLY WARNING OF SOCIAL TENSION IN THE FAR EASTERN TERRITORIES (USING THE EXAMPLE OF THE KHABAROVSK TERRITORY)

Alexander S. Kim¹, Daria I. Svirid²

^{1, 2}Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹stosorok2005@yandex.ru, <https://ORCID: 0000-0002-0533-8786>

²darya.svirid@gmail.com, <https://ORCID: 0009-0008-6623-7971>

Abstract. The article is devoted to the problem of socio-economic aspects of early warning of social tension in the Far East, focusing on Khabarovsk Krai. The problem is analyzed from the perspective of the regional government's activities in regulating the labor and employment market. The authors come to the conclusion that the effectiveness of early warning of social tension is determined by the creation of additional socio-economic conditions to improve the social well-being of the population in the Far Eastern territories.

Keywords: Far East, territory, socio-economic, early warning, social tension, labor and employment market, migration

С 3 по 6 сентября 2024 г. во Владивостоке прошёл IX Восточный экономический форум. Мероприятие собрало представителей государственных структур, ведущих экономистов, российских и зарубежных бизнесменов. Основная тема форума в этом году – «Дальний Восток – 2030. Объединим усилия, создавая возможности» [3: с. 1]. В работе ВЭФ-2024 участвовали свыше семи тысяч человек (включая более 1500 представителей СМИ) из 75 стран и регионов. Самые многочисленные делегации – из Китая, Малайзии, Болгарии, Вьетнама и

Мьянмы. Сообщается, что подписано 313 соглашений на общую сумму 5,57 трлн руб., включая непубличные соглашения Минвостокразвития России и АО «КРДВ» на 3,8 трлн. Среди крупных соглашений Хабаровский край и ООО «Компания Ремсталь» – морской терминал по перевалке СУГ с инвестициями 95 млрд руб. [1: с. 7].

Несомненно, что социально-экономические условия и факторы занимают важное место в пространственном региональном развитии. Их содержание отражает реалии разделения труда, занято-

сти, инфраструктуры производства и распределения, обуславливают характер и направленность развития региона. При этом социально-экономическая составляющая регионального развития является одной из важных сфер, в рамках которой протекают процессы социально-группового взаимодействия и межкультурной коммуникации. Кризисные же социально-экономические состояния и процессы являются одними из основных условий зарождения конфликтных ситуаций, нередко – на этнической и религиозной почве. Социальная напряжённость как социальный феномен является определенным состоянием общественного сознания и поведения, обусловленных конфликтогенным восприятием и оценками социальной реальности. Такое состояние свойственно предконфликтной или конфликтной ситуации, а также собственно конфликту. Масштабы социальной напряженности, как правило, сопоставимы с масштабами конфликтогенности (предпосылок конфликта) или самого конфликта и обусловлены ими. Социально-экономические аспекты социальной напряженности связаны с формированием и развертыванием следующих конфликтогенных обстоятельств:

- прогрессированием при кризисных явлениях в экономике (безработица, конфликты распределения) страха перед конкуренцией, приводящего к усилению архаизации общественного сознания (обращение к прошлому), этнической и религиозной мобилизации определённых групп населения;

- резким и критическим падением уровня жизни определенной социальной группы, понижением её социального статуса и связанных с ним реальных прав и свобод;

- отсутствием у группы реальных социально-экономических возможностей обеспечить в перспективе свое социальное самосохранение или качественно улучшить свое положение;

- перераспределением собственности и доходов в интересах одних социальных групп за счет других;

- внешней трудовой миграцией как социально-экономическим процессом, нередко приводящим к нарастающему совпадению разделения труда, сфер занятости с этническими и религиозными различиями.

В контексте раннего предупреждения конфликтных ситуаций необходима управленческая деятельность, ориентированная на минимизацию (редукцию) социально-экономических условий, связанных с нарастанием социальной напряженности. Так, по мнению Президента РФ, следует не только сосредоточиться на строительстве заводов и

фабрик, но и обеспечить достойные условия жизни для людей, на них работающих. Необходимо помнить о таких социальных аспектах развития, как строительство школ, больниц и других объектов инфраструктуры [3: с. 1]. Следует отметить, что Хабаровский край заключил на IX Восточном экономическом форуме в сентябре 2024 г. соглашения на сумму 124 млрд руб. На пленарной сессии с участием Президента России был обозначен ряд важных инициатив. Например, в их числе:

- 1) фиксация ставки по дальневосточной ипотеке на уровне 2 % годовых (в условиях, когда ключевая ставка держится Центробанком (ЦБ РФ) на уровне 18 %, данное решение позволит привлечь в Дальневосточный федеральный округ новых резидентов и представителей бизнеса);

- 2) выделение дополнительных 100 млрд руб. на реализацию мастер-планов для дальневосточных городов (включая Хабаровск).

Президент упомянул о том, что на развитие дальневосточных территорий уже привлечено более 120 млрд руб. и построено около двух тысяч социальных и инфраструктурных объектов [3: с. 1].

По данным Фонда Росконгресс, Хабаровский край занял третье место среди дальневосточных субъектов по объему и сумме подписанных соглашений на IX Восточном экономическом форуме (17 договоренностей на 124 млрд руб.). В их числе:

- 1) соглашение о строительстве морского терминала по перевалке сжиженных углеводородных газов (предприятие планируется запустить в 2025 г., для реализации проекта потребуются инвестиции в размере 95 млрд руб., в результате чего появятся около 10 тысяч новых рабочих мест);

- 2) соглашение о комплексной реконструкции систем водоснабжения в Комсомольске-на-Амуре (как отметил глава Хабаровского края Д. Демешин, 53 % водоснабжающих сетей в Комсомольске – ветхие);

- 3) договорённость между главой Хабаровского края Д. Демешиним и основательницей одного из крупнейших российских маркетплейсов Т. Бакальчук о строительстве распределительного комплекса в Хабаровском крае (реализация проекта начнется в 2025 г., что обеспечит 7 тыс. рабочих мест, а также посредством новых цифровых сервисов жители региона теперь смогут не только быстрее забирать заказы, но и покупать через электронную площадку продукцию местного производства);

- 4) соглашение с генеральным директором одной из ведущих российских золотодобывающих компаний А. Востоковым о расширении социально-экономического сотрудничества (компания в 2025 г.

начнет строительство инфраструктуры на месте рождения Чульбаткан) [3: с. 1].

Масштабный процесс постсоветской миграции, включающий в себя различные составляющие, протекает и в Дальневосточном регионе России. Необходимо отметить, что ещё с дореволюционных времен значимость миграции и жизнедеятельности на Дальнем Востоке состояла в его освоении как российской, а позднее советской территории. Данное обстоятельство являлось объединяющей основой дальневосточного сообщества, в котором ассимилировались представители различных этнических групп и где мирно уживались вместе с переселенцами представители коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Увеличение масштабов трудовой миграции на региональном уровне, субъекты которой резко отличаются от старожильческого населения фенотипическими особенностями, культурной и языковой спецификой, приводит к ситуациям потенциального риска, способствующим этнической мобилизации, институционализации этничности и формированию конфликтных ситуаций в сфере этноконфессиональных отношений. Однако риски не равнозначны угрозам, поскольку конфликтным или бесконфликтным межэтническое взаимодействие становится в зависимости от того, какой характер и направленность имеет на определенной территории регулирование миграционных процессов.

По мнению губернатора Хабаровского края Д. Демешина, государство должно усиливать «заградительную» политику, поскольку вызовы, связанные с миграцией, требуют серьезных ответных мер. Однако в этом деле крайне важно соблюдать баланс. С одной стороны, необходимо избежать дефицита рабочей силы, а с другой – обеспечить социальную защиту населения региона. Здесь очень тонкая грань. При этом к тем, кто нарушает закон и не проявляет уважения к местным жителям, необходимо принимать жёсткие меры. Действенным методом борьбы с нелегальной миграцией и её деструктивными последствиями глава региона считает четырехэтапную стратегию, которую он ранее раскрывал в своем Telegram-канале. Она заключается: 1) в ужесточении карательных мер не для самих нелегалов, а для тех, кто пускает их в Россию; 2) упрощении процедуры выдворения; 3) поднятии престижа работы в России путем введения квот на количество рабочих мест для иностранцев; 4) проведении скоординированной межведомственной профилактики преступности [2: с. 7].

Вместе с тем само по себе ужесточение миграционной политики в части административно-

правового регулирования миграции даже в сочетании с усилением социальной защиты местного населения не даст должного эффекта, если не будет сопровождаться соответствующими мерами по конструктивному воздействию на рынок труда и процессы занятости. Такая деятельность осуществляется в Хабаровском крае. В 2024 г. более 100 региональных организаций поучаствовали во Всероссийской ярмарке вакансий, которая прошла в Хабаровске. Соискателям рабочих мест предлагали более 25 тыс. вакансий с зарплатами от 30 до 200 тыс. руб. В 2023 г. в процессе регионального этапа Всероссийской ярмарки в Хабаровском крае удалось трудоустроить более 600 чел. Между тем спрос на трудовые резервы сейчас в регионе превышает предложение. Так, в среднем на одного безработного в крае приходится порядка шести вакансий. По данным комитета по труду и занятости населения края, на сегодняшний день в регионе официально числится менее четырех тысяч безработных. При этом в региональном банке вакансий предложений в несколько раз больше. Так, в Хабаровске работодатели, среди которых крупнейшие региональные предприятия, социальные службы, рестораны, магазины, предлагают жителям города более двух тысяч вакансий по самым разным профессиям. А всего по региону свободно около 25 тыс. вакансий [5: с. 2].

С точки зрения раннего предупреждения социальной напряжённости в сфере занятости следует уделить внимание сокращению дисбаланса предложения и спроса на рынке труда. По сведениям центра КГКУ «Центр занятости населения Хабаровского края», жители региона ищут работу экономистов, юристов и менеджеров, в то время как работодатели преимущественно ждут строителей, инженеров, продавцов, врачей и учителей. Нехватка кадров сегодня особенно ощутима в строительстве и обрабатывающей промышленности. Эти отрасли нуждаются в самых разнообразных работниках – от высококвалифицированных специалистов до обычных разнорабочих. Причина такого дисбаланса, по мнению Е. Даниленко, директора КГКУ «Центр занятости населения Хабаровского края», прежде всего, демографическая. Она заключается в том, что сейчас на рынок труда вышли люди, рожденные в 1990-е гг., когда в стране наблюдалась демографическая «яма». Именно поэтому низкая рождаемость того периода сказывается на рынке современного трудоустройства, что ощущается в нехватке трудовых ресурсов почти во всех отраслях. В числе новых вакансий, которые предлагаются в Хабаровске, – кораблестроители, газоспасате-

ли и варщики безалкогольной продукции с заработной платой от 35 до 200 тыс. руб. [5: с. 2].

Как отметила Е. Даниленко, весьма остро требуются сотрудники в сфере обслуживания, особенно в торговле и общепите. Так, нехватка работников ощущается почти во всех крупных супермаркетах города (от кассиров до грузчиков). При этом зарплаты, которые предлагаются в торговой отрасли, в среднем составляют от 35 до 60 тыс. Следует отметить, что по данным краевого комитета по труду, почти все крупные предприятия готовы обучать для себя сотрудников. В то время как несколько лет назад работодатели предпочитали принимать уже подготовленных специалистов. По сведениям комитета по труду и занятости населения Хабаровского края, на сегодняшний день соискатель вакансий имеет возможность выбрать искомую профессию из предложенного списка на сайте «Работа России», а также обратиться в центр занятости населения и пройти обучение с последующей помощью по дальнейшему трудоустройству [5: с. 2].

Диспропорции на рынке труда являются объективной предпосылкой, которая при определенном наборе условий сможет способствовать формированию причин социальной напряженности и конфликтности. С одной стороны, нехватка работников в сферах обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли, строительства, сельского хозяйства порождает необходимость привлечения трудовых мигрантов. С этой точки зрения дефицит кадров в стране может обостриться после начала массового оттока трудовых мигрантов из страны. С другой стороны, для работников-россиян отток мигрантов – это скорее благоприятное обстоятельство, так как работодатели будут вынуждены повышать зарплаты, чтобы на места, освобожденные мигрантами, пришли граждане России.

Влияние дисбаланса спроса и предложения, порожденного воздействием на рынок труда различных факторов, в том числе и внешней трудовой миграции, следует учитывать при оценке общественных настроений. Так, наиболее низкая доля людей, опасющихся потери работы, на Урале (21 %) и Северном Кавказе (24 %). Опасения же потери работы выше на Дальнем Востоке (38 %) и в Сибири (36 %). Самый низкий уровень тревожности, связанной с риском не найти соответствующую работу в своем регионе, на Урале (22 %) и Дальнем Востоке (28 %) [5: с. 5].

Вероятно, ситуация действительно может ухудшиться в случае значительного оттока трудовых мигрантов из страны, в частности, вследствие теракта в Крокус Сити Холле в марте 2024 г. Однако

ряд экспертов полагают, что отток мигрантов из России будет временным и не окажет значимого влияния на национальную экономику. Так, омбудсмен по вопросам соблюдения прав предпринимателей при осуществлении надзора в сфере соблюдения трудового законодательства Д. Порочкин полагает, что отток мигрантов будет не столь продолжительным и его почувствуют только работодатели в сферах, привлекающих мигрантов. При этом он считает, что освободившиеся рабочие места могут занять мигранты из других стран [5: с. 5].

По информации пресс-службы Министерства труда РФ, для снижения напряженности на рынке труда ведомством предложено в 2024 г. назначить госкомпанию «Работа в России» государственным оператором, который будет осуществлять организованный набор трудовых мигрантов. Создание такого механизма является составляющей комплекса решений по совершенствованию вопросов регулирования трудовой миграции. Данный оператор станет государственным кадровым агентством для российских компаний, которое будет заключать соглашения с работодателями, осуществляющими организованный набор мигрантов, заниматься формированием и ведением реестра таких работодателей, проводить адресный подбор сотрудников с учетом потребностей российских компаний и предприятий [5: с. 5].

С учетом вышеизложенного целесообразно полагать, что эффективность деятельности по раннему предупреждению социальной напряженности на региональном уровне должна достигаться сочетанием мер по регулированию рынка труда и занятости населения со следующими направлениями экономической и социальной политики:

- 1) созданием дополнительных социально-экономических условий для улучшения социального благополучия граждан, прежде всего в районах с высокой внешней миграционной активностью, сложным этническим и религиозным составом населения, а также в приграничных районах Дальнего Востока;

- 2) формированием гибкой системы расселения, учитывающей многообразие региональных и местных укладов жизни населения;

- 3) обеспечением доступа граждан к социальному и иным видам обслуживания в отдаленных и труднодоступных районах;

- 4) созданием условий для устойчивого развития экономики традиционных отраслей хозяйствования коренных малочисленных народов в местах их традиционного проживания и повышением уровня адаптации их традиционной хозяйственной дея-

тельности к современным экономическим условиям наряду с обеспечением защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни;

5) формированием в регионе миграционной ситуации, направленной на решение задач его социально-экономического, пространственного и демографического развития, повышения качества жизни населения, защиты регионального рынка труда;

б) использованием механизмов приграничного

сотрудничества в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития приграничных районов и создания условий для свободного международного культурного и гуманитарного сотрудничества;

7) мониторингом состояния межэтнических отношений на региональном и муниципальном уровнях с целью раннего предупреждения конфликтных ситуаций [1].

Список источников

1. Информация о состоянии этноконфессиональных отношений на территории Хабаровского края. Комитет по внутренней политике Правительства Хабаровского края. Конфликтологический мониторинг этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае (2021 г.) URL: <https://guvp.khabkrai.ru/Deyatelnost/Gosudarstvenno-nacionalnaya-politika-v-kraye/Informaciya-o-sostoyanii-etnokonfessionalnyh-otnoshenij-na-territorii-habarovskogo-kraya> (дата обращения: 07.09.2024).
2. Лукоянов А. Дмитрий Демешин: «У меня готово множество предложений и вопросов». Врио губернатора Хабаровского края пообщался с жителями в соцсетях // Аргументы и факты. 2024. № 34. С. 6–7. URL: www.aif.ru.ХАБАРОВСК (дата обращения: 11.11.2024).
3. Лукоянов А. Не просто красивое мероприятие. Хабаровский край заключил на ВЭФ-2024 соглашения на сумму 124 млрд рублей // Аргументы и факты. 2024. № 37. С. 1. URL: www.aif.ru.ХАБАРОВСК (дата обращения: 11.11.2024).
4. Львова Н. Дорогой мой форум. Бизнес праздник глазами дилетанта // Хабаровский Экспресс. 2024. № 37. 11–18 сентября. С. 7.
5. Подпенко Е. Инженеры и врачи нужны краю. Кого искали на ярмарке вакансий // Хабаровский Экспресс. 2024. № 16. 17–24 апреля. С. 2.
6. Соловьева О. Работа не волк? Россияне перестали тревожиться из-за вакансий («Независимая газета») // Хабаровский Экспресс. 2024. № 14. 3–10 апреля. С. 5.

References

1. Information on the state of ethno-confessional relations in the Khabarovsk Territory. Committee on Domestic Policy of the Government of Khabarovsk Krai. Conflictological monitoring of ethno-confessional and ethno-political relations in Khabarovsk Krai (2021) [Informatsiya o sostoyanii etnokonfessional'nykh otnosheniy na territorii Khabarovskogo kraya. Komitet po vnutrenney politike Pravitel'stva Khabarovskogo kraya. Konfliktologicheskij monitoring etnokonfessional'nykh i etnopoliticheskikh otnosheniy v Khabarovskom krae (2021)]. URL: <https://guvp.khabkrai.ru/Deyatelnost/Gosudarstvenno-nacionalnaya-politika-v-kraye/Informaciya-o-sostoyanii-etnokonfessionalnyh-otnoshenij-na-territorii-habarovskogo-kraya> (accessed: 07.09.2024).
2. Lukoyanov A. *Dmitry Demeshin: "I have many proposals and questions ready." The acting governor of Khabarovsk Krai communicated with residents on social networks* [Dmitriy Demeshin: "U menya gotovo mnozhestvo predlozheniy i voprosov". Vrio gubernatora khabarovskogo kraya poobshchalsya s zhitelyami v sotssetyakh] // Arguments and Facts. 2024. No. 34. P. 6–7. URL: www.aif.ru.KHABAROVSK (accessed: 11.11.2024).
3. Lukoyanov A. *Not just a beautiful event. Khabarovsk Krai concluded agreements worth 124 billion rubles at the EEF-2024* [Ne prosto krasivoye meropriyatiye. Khabarovskiy kray zaklyuchil na VEF-2024 soglasheniya na summu 124 mlrd. rubley] // Arguments and Facts. 2024. No. 37. P. 1. URL: www.aif.ru.KHABAROVSK (accessed: 11.11.2024).
4. Lvova N. *My dear forum. Business holiday through the eyes of an amateur* [Dorogoy moy forum. Biznes prazdnik glazami diletanta] // Khabarovsk Express. 2024. No. 37. September 11–18. P. 7.
5. Podpenko E. *Engineers and doctors are needed in the region. Who was sought at the job fair* [Inzhenery i vrachi nuzhny krayu. Kogo iskali na yarmarke vakansiy] // Khabarovsk Express. 2024. No. 16. April 17–24. P. 2.
6. Solovieva O. *Is Work a Wolf? Russians Have Stopped Worrying About Vacancies* [Rabota ne volk? Rossiyanе perestali trevozhit'sya iz-za vakansiy] (Nezavisimaya Gazeta) // Khabarovsk Express. 2024. No. 14. April 3–10. P. 5.

Информация об авторах

А.С. Ким – доктор политических наук, доцент;

Д.И. Свирид – студентка 2-го курса (направление подготовки «Государственное и корпоративное управление»).

Information about the authors

A.S. Kim is Doctor of Political Sciences, Associate Professor;

D.I. Svirid is a 2nd year student (major "Public and Corporate Management").

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024. The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6 (571.3)

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-196-202

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И УДЕРЖАНИЯ МОЛОДЁЖИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Валентина Викторовна Комарова¹, Анна Андреевна Леженина², Анастасия Дмитриевна Леженина³

^{1, 2, 3} Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹komarova_v_v@bk.ru

²anna0808@mail.ru

³anastasiad@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема кадрового дефицита в Дальневосточном федеральном округе. Описываются истоки сложившейся ситуации. Авторы предполагают, что решить проблему кадрового дефицита поможет системная работа с молодёжью. Посредством анализа психологических особенностей людей возрастных периодов юности и ранней взрослости доказывается возможность привлечения молодёжи на новое место жительства. В статье приводятся результаты эмпирической работы с респондентами – коренными жителями Дальнего Востока, объясняются стремления к переезду в центральные регионы России; приводятся данные, полученные при работе с молодёжью центральных регионов нашей страны, и описываются факторы, определяющие готовность переезда в ДФО.

Ключевые слова: молодёжь, возрастные особенности личности, факторы закрепления, факторы привлечения, период юношества, период ранней взрослости

Original article

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS FOR RETAINING YOUTH IN THE RUSSIAN FAR EAST

Valentina V. Komarova¹, Anna A. Lezhenina², Anastasia D. Lezhenina³

^{1, 2, 3} Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹komarova_v_v@bk.ru

²anna0808@mail.ru

³anastasiad@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of staff shortage in the Far Eastern Federal District. It describes the origins of the current situation. The authors suggest that systemic work to attract and retain young people in the Far East will help solve the problem of personnel shortage. By analyzing the psychological characteristics of people in the age periods of youth and early adulthood, it is proven that it is possible to attract young people to a new place of residence. The article presents the results of empirical work with respondents – indigenous residents of the Far East. It explains the desire to move to central regions of Russia, includes data obtained from working with youth in the central regions of our country and describes the factors, determining the readiness to move to the Far Eastern Federal District.

Keywords: youth, age characteristics of personality, retention factors, attraction factors, youth, early adulthood

Дальневосточный федеральный округ – крупнейший по размерам территории. Его активное освоение первопроходцами началось в XIX в.

На протяжении долгого времени на территории активно развивалась промышленность, благодаря чему имелось большое количество рабочих мест. Впоследствии заводы и фабрики стали закрываться, что привело к сокращению потребности в рабочих руках, к миграционному оттоку с Дальнего Востока. Стабильный миграционный отток зафиксирован с 1991 г.

Современная геополитическая обстановка и развитие экономики Российской Федерации потребовали переосмысления роли и значения Дальнего Востока для страны. Дальний Восток с его географией, природными ресурсами, прямым выходом на самые перспективные мировые рынки – это новые возможности для приложения предпринимательской инициативы и развития экономики страны. Средний прирост промышленного производства в современной России составляет 7 %, тогда как ДФО развивается опережающими темпами,

имея показатель на уровне 15 % в год. В макрорегионе реализуются проекты, связанные с разработкой нефтегазовых месторождений, строятся газоперерабатывающие заводы, горно-обогатительные комбинаты, строится Байкало-Амурская магистраль.

Выполнение задач развития региона невозможно без трудовых ресурсов. На Дальнем Востоке проживает 7 млн 904 тыс. чел., что составляет 4,5 % населения страны. Система расселения имеет очаговый характер. Большая часть населения (76 %) проживает в южной его части – Республике Бурятия, Забайкальском, Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Еврейской автономной областях. В настоящее время территории Дальнего Востока имеют низкую плотность населения (менее 1 чел./км²). Указанное значение почти в 8 раз меньше, чем в других регионах России. Дальний Восток занимает 41,1 % территории страны, однако проживает на ней лишь 5,56 % населения РФ.

Заявленная работодателями в ключевых отраслях экономики Дальнего Востока кадровая потребность до 2026 г. составляет 102 098 чел. Наибольшая кадровая потребность наблюдается в таких отраслях, как: строительство и производство строительных материалов; добыча угля, металлических руд и алмазов; транспорт и логистика; рыболовство и аквакультура, машиностроение. Сложные климатические условия, удаленность от центра России, низкая плотность заселения отдельных территорий Дальневосточного региона приводят к возникновению дефицита трудовых ресурсов. Соответственно проблема закрепления молодёжи на Дальнем Востоке России максимально актуальна [1].

Анализ литературы показывает, что молодёжь сегодня рассматривается как особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности. Социальная группа «Молодёжь» находится на наиболее активной стадии социализации и является главным резервом развития страны [2].

Современная молодёжь является одной из наиболее активных и динамичных групп общества. Понимание мотивов её территориального закрепления позволит разрабатывать эффективные стратегии работы с молодёжью и создавать условия для её успешного развития.

С точки зрения возрастной психологии к молодёжи относятся две возрастные группы: юность и ранний период взрослости.

Для периода юности характерно изменение самосознания, в этом возрасте эволюционируют и перестраиваются психические процессы и свойства

личности, меняется эмоционально-волевой строй жизни [3].

Юность – период, когда человек проходит путь от неуверенного, непоследовательного юноши или девушки, притязающего на взрослость, до действительного повзросления.

В юности молодой человек сталкивается с проблемой выбора жизненных ценностей, формирования жизненных целей [4]. Важное новообразование юности – появление жизненных планов, установка на сознательное построение собственной жизни как проявление начала поиска её смысла. Особенностью современных молодых людей является то, что они не имеют жесткой привязанности к конкретному месту проживания. Молодёжь готова к переездам на новое место жительства, если новые условия позволят им максимально раскрыть свой потенциал, удовлетворить потребности.

Желание самостоятельности и независимости – еще одна характерная черта молодых людей. Стремясь к самостоятельности, они часто предпочитают жить в таких местах, где смогут сами принимать решения и обрести большую свободу действий [5].

Люди периода ранней взрослости характеризуются изменением мотивационной сферы жизни. Изменения мотивов поведения человека лишь в незначительной степени обусловлены специфическими возрастными изменениями, происходящими в организме. Прежде всего они определяются личными, социальными и культурными событиями и факторами: решаются конфликты юношеского периода, происходит поиск своего места, связывание себя обязательствами, предполагающими стабильное предсказуемое будущее.

Молодой человек, вступающий во взрослую жизнь, стоит перед необходимостью выбора профессии и решения многих проблем, причем выбор профессионального пути остается в приоритете [6].

На этапе вхождения в возрастную группу «взрослость» молодые люди уже могут иметь отрицательный опыт самореализации в месте основного проживания, у них сформирована готовность к смене места жительства с целью пробы себя в новых условиях. Понимание перспектив профессиональной самореализации на новом месте, в частности на Дальнем Востоке России, может помочь в принятии решения, значимого для демографической ситуации ДФО.

Наиболее значимыми мотивами принятия решения о переезде в другой регион страны являются практические соображения: стремление к увеличению дохода, желание реализовать свои способности, интерес к карьерному росту [7; 8].

Сегодня Дальний Восток воспринимается как регион для реализации возможностей. Положительное представление о Дальнем Востоке России складывается благодаря его географическому расположению: близость к морю, граница с КНР; дефицит кадров дает возможность занять руководящие должности с высоким уровнем заработной платы; множественные федеральные программы позволяют преодолеть трудности покупки собственного жилья [9].

Однако ситуация сегодняшнего дня показывает, что имеющихся мер для привлечения молодёжи и закрепления её на Дальнем Востоке недостаточно. По данным статистики, около 20 % молодых людей, которые получают высшее образование в Хабаровском крае, планируют после окончания обучения переезд из региона.

Для того чтобы у молодых специалистов был интерес к проживанию и работе на территории Дальневосточного федерального округа, необходимо мотивировать дальневосточную молодёжь через надбавки к заработной плате, более ранний выход на пенсию, предоставление беспроцентной ипотеки, отсрочку от армии и т.д. При таком подходе у людей будет не только стимул ехать на работу на Дальний Восток, но и закрепиться.

В целях уточнения факторов привлечения молодёжи и удержания её на Дальнем Востоке России был проведен ряд исследований. Рассмотрим результаты некоторых из них.

Остановимся на результатах исследования, которое проводилось с привлечением респондентов – жителей Хабаровского края в возрасте от 20 до 30 лет.

Эмпирическая работа проводилась посредством тестовых методик, направленных на диагностику потребностей и мотивов молодёжи, посредством анкетирования, направленного на выявление факторов привлечения (удержания) молодёжи в ДФО, ассоциативного эксперимента, используемого в целях получения представления об отношении молодёжи Хабаровского края к родному региону.

Данные, полученные посредством методики «Иерархия потребностей» в модификации И.А. Акиндиновой, показали, что наибольшую выраженность у респондентской группы имеют материальные потребности (значимы для 25 % респондентов), потребности в самовыражении (значимы для 24 % респондентов), потребности в признании (значимы для 20 % респондентов).

Период молодости характеризуется активным самоопределением, стремлением к самостоятельности и независимости. Важность самореализации и социального статуса оказывает сильное влияние

на формирование ценностей и потребностей. Ценности материального благополучия и карьерных достижений становятся доминирующими у молодёжи. Нестабильность социально-экономической ситуации, трудности с трудоустройством в начале профессионального пути стимулируют установки на материальную обеспеченность, дополнительно сложности в самореализации обостряют потребность в самовыражении, в признании.

Потребности в прочных социальных связях (значима для 19 %) хотя и важны, но могут отходить на второй план по сравнению с прагматическими целями (материальными потребностями). Молодые люди нередко сталкиваются с прессингом общества в плане достижения материального благополучия и профессионального успеха. Это может несколько «заслонять» потребность в принятии и межличностном взаимодействии.

В наименьшей мере актуальна для респондентов потребность в безопасности (значима для 15 %). Можно предположить, что установленный факт связан с тем, что современная культура пропагандирует ценности индивидуализма и активности, а не статичной безопасности.

По результатам описательного анализа выраженности актуальных базовых потребностей респонденты проявляют умеренный или высокий уровень удовлетворенности своими потребностями. Это говорит о том, что они осознают важность этих потребностей для достижения состояния благополучия и готовы уделять им внимание в своей повседневной жизни.

В таблице представлены результаты оценки возможности удовлетворения потребностей у молодёжи, проживающей на Дальнем Востоке, полученные при проведении анкетирования.

Таблица

Оценка возможности удовлетворения потребностей у молодёжи, проживающей на Дальнем Востоке, баллы

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение
Профессиональный рост	4,1	0,8
Материально обеспеченная жизнь	3,85	0,8
Взаимная забота о близких людях	4,45	0,8
Интересная работа	4,05	0,8
Путешествия	3,65	1,3
Получение желаемого образования	4	0,9
Развлечения	3,85	0,9
Получение новой информации	4,05	0,8
Творчество	4,05	1,1
Уважение другими людьми	4,2	0,7

Анализируя данные таблицы, обратим внимание на то, что респонденты оценили возможность удовлетворения потребностей, связанных с социальными контактами, выше остальных, а именно потребности во взаимной заботе о близких (4,45) и в уважении другими людьми (4,2). Причиной таких результатов могут выступать возрастные особенности респондентов, возраст 20–30 лет является периодом высокой социальной активности: обучение в университете, становление себя как профессионала, создание собственной семьи.

Ниже всего молодёжь Дальнего Востока оценивает возможность удовлетворения потребности в путешествиях (3,65), в материально обеспеченной жизни (3,85) и в развлечениях (3,85). На представленные результаты может влиять геополитическая особенность дальневосточных регионов. Путешествия осложняются долгой дорогой, развлечения не так разнообразны, как в центральных регионах России.

Для изучения мотивации молодёжи на проживание на Дальнем Востоке был использован ассоциативный эксперимент на слова-стимулы: Дальний Восток; карьера на Дальнем Востоке; профессии, востребованные на Дальнем Востоке; моя будущая семья. Остановимся на результатах.

Полученные данные свидетельствуют о том, что первое место по частоте упоминания в общем массиве качеств, отражающих представления о Дальнем Востоке, занимает категория «Географический аспект» (49 %). В эту категорию включены следующие ассоциации: природа, далеко, море, Владивосток, тайга, лес. Второе место по частоте встречаемости занимает категория «Социальный аспект» (26 %). Эта категория объединила такие ассоциации, как дом, родина, семья. Третье место по частоте упоминания занимает категория «Особенности региона» (20 %). Эта категория объединила такие ответы, как холодная зима, жаркое лето, морепродукты, тигр, японские авто.

Результаты ассоциативного эксперимента на слово-стимул «Дальний Восток» доказывают, что у коренных жителей Дальнего Востока сформировано положительное отношение к своей родине, они осознают преимущества жизни в ДФО.

Результаты, полученные на слово-стимул «карьера на ДВ», подтверждают высказанное ранее предположение о наличии у молодёжи положительного отношения к жизни в родном регионе. Первое место по частоте упоминания в общем массиве ассоциаций занимает категория «Карьерные возможности» (65 %). Ассоциации, которые включены в данную категорию, – это возможность реа-

лизовать себя, карьерный рост, небольшая конкуренция, разнообразие, перспективность, успешность, собственный бизнес, связи. Второе место по частоте встречаемости занимает категория «Карьерный путь» (25 %). Эта категория объединила такие ассоциации, как: потихоньку, развитие, саморазвитие, усердие, трудолюбие. Реже остальных встречается категория «Карьерные сложности» (10 %). В данную категорию включены следующие ассоциации: низкая зарплата, трудности.

Анализ данных, полученных на слово-стимул «карьера на ДВ» показывает, что молодёжь видит перспективы жизни в ДФО, понимая и имеющиеся трудности.

Анализ представления о востребованных профессиях у молодёжи, проживающей на Дальнем Востоке, показал, что первое место по частоте упоминания в общем массиве ассоциаций принадлежит категориям «Промышленность» и «Медицина» (20 % в каждой категории). Реже упоминали как востребованные профессии такие категории, как «Образование и наука» и «Сфера IT» (12 %). С меньшей частотой были упомянуты профессии из категорий «Строительство» и «Юриспруденция» (8 %). Полученные данные свидетельствуют о включенности молодёжи в жизнь своего региона. Оценка востребованности специалистов указанных профессий совпадает с реальными оценками рынка труда. Можно предположить, что молодые люди проявляют интерес к ДФО, видят возможности своего будущего в ДФО.

Анализ представлений о собственной будущей семье молодого дальневосточника показал, что наиболее распространены ассоциации из категорий «Члены семьи» и «Положительные эмоции и состояния» (33 % в каждой из категорий). Второе место по распространенности занимают ассоциации из категории «Процесс и ориентация на будущее» (21 %). Ассоциации, которые были объединены в данную категорию, – это крепость, стабильность, успешная, полная, цели, планы, семейные традиции, развитие. Категория «Материальная обеспеченность» занимает третье место по распространенности у респондентов нашей выборки (13 %). К ней были отнесены следующие ассоциации: дом, машина, достаток.

Проведя анализ полученных ассоциаций, можно говорить о разнообразии представлений о Дальнем Востоке, о карьере на ДВ, о востребованных профессиях на ДВ, о будущей семье у молодёжи, проживающей на Дальнем Востоке.

Все полученные данные были подвергнуты процедуре корреляционного анализа. На основа-

нии полученных статистически достоверных взаимосвязей можно констатировать следующее:

- при неудовлетворенной потребности в безопасности снижается возможность реализации некоторых социальных потребностей. Ранее упоминалось, что потребность в безопасности не является ведущей у молодых людей, но полученная корреляционная пара дает возможность предположить, что потребность в безопасности, являясь базовой, уходит на бессознательный уровень, т.е. эта потребность ясно не осознаваема, но первична, и только ощущение безопасности дает возможность дальнейшей реализации себя. Дальний Восток – родина респондентов, формирует ощущение безопасности;

- чем больше человек желает самовыражаться, тем больше он желает получать новую информацию. Полученная корреляционная пара характеризует возрастные особенности респондентов, для которых свойственно стремление к новому, интересному, выгодному. На такой результат может влиять то, что самовыражение может происходить как раз благодаря получению новой информации и передаче её окружающим.

Итак, молодых людей на Дальнем Востоке удерживают родственные узы; они положительно относятся к региону в целом, понимая его преимущества; осознают возможности карьерного продвижения в ДФО; однако удаленность от центра России, низкий уровень заработной платы молодого специалиста заставляют молодёжь задумываться о переезде. Следовательно, для закрепления молодёжи на Дальнем Востоке России необходимо продолжать имеющиеся федеральные программы поддержки, расширить программу информирования о имеющихся возможностях для комфортной жизни молодёжи в ДФО. Необходимо подчеркнуть отсутствие отрицательных оценок жизни в ДФО, т.е. молодёжь Дальнего Востока положительно относится к своему региону, при понимании процесса удовлетворения материальных потребностей, потребностей в самореализации молодые люди готовы оставаться в родном регионе.

Перейдем к рассмотрению результатов исследования готовности молодёжи разных регионов России к переезду в ДФО.

Исследование проводилось посредством тестирования с целью диагностики актуальных потребностей и мотивов молодёжи, анкетирования с целью определения факторов, способствующих переезду в ДФО.

Представляемые результаты были получены при работе с респондентами Санкт-Петербурга (6 %); Москвы (10 %); Иркутска (6 %); Новосибирска (6 %); Тосно (6 %); Сочи (6 %).

Остановимся на результатах анкетирования.

Полученные данные показали, что по результатам ответов на вопросы респонденты разделились на 2 группы: 56 % респондентов готовы к переезду на Дальний Восток России; 44 % респондентов не готовы к переезду из родного региона.

Уточним, что средний возраст респондентов, готовых к смене места жительства, – 25 лет, средний возраст респондентов, не склонных к смене места жительства, – 20 лет.

Возможно, сложность в принятии решения о переезде в другие регионы РФ обусловлена возрастными особенностями. У респондентов 25 лет более сформирована готовность к принятию ответственных решений, к изменениям в жизни, поскольку они уже знают, чего хотят и к чему стремятся. Респонденты 20 лет в силу возрастных особенностей чаще не готовы к серьезным изменениям в жизни. В 20 лет, как правило, еще получают образование, поэтому место обучения может задерживать в родном регионе.

В качестве основных мотивов переезда респонденты назвали карьерные перспективы (44 %). Готовность к переезду выявлены у респондентов, уже имеющих высшее образование, поскольку для них важно найти работу, где они смогут подняться по карьерной лестнице до управленческих должностей. Возможно, респонденты столкнулись с трудностями трудоустройства в родном регионе и заинтересовались переездом в другой регион ради хорошего трудоустройства.

Интересно отметить, что высокая заработная плата менее важна при принятии решения о смене места жительства, только 28 % респондентов указали на необходимость определенной суммы. Также 28 % респондентов написали о том, что готовы переехать ради смены обстановки.

Установлен интересный факт, респонденты, в настоящее время отказывающиеся от идеи переезда, не категоричны в своем решении. 36 % готовы в будущем вернуться к рассмотрению предложения о переезде в целях смены обстановки, 21 % респондентов – в целях построения карьеры. Только 7 % респондентов написали, что мотиваторов переезда для них нет.

Основная причина, которая удерживает респондентов в родном регионе, – учеба (37 %). Возможно, учеба является основным родом деятельности для респондентов. Не менее важное место в жизни респондентов занимает семья (31 %), которую они не могут оставить и переехать в другой регион. Для респондентов, проживающих в Москве, важны перспективы мегаполиса (8 %).

Важно отметить, что большая часть респондентов описывают социально-экономическую ситуацию в регионе проживания как среднюю. Возможно, это связано с низкими зарплатами в некоторых регионах России.

Установлено, что большая часть респондентов (67 %) не готовы к переезду именно на Дальний Восток. Возможно, Дальний Восток не актуален в связи со сформированными представлениями: суровый климат, низкий уровень развития промышленности, свободное обитание диких животных, которые ходят по городам.

Анализ ответов респондентов показал, что 50 % респондентов проинформированы о социальных программах, реализуемых на Дальнем Востоке. Наибольший интерес вызывают такие программы, как:

- 1) Дальневосточная ипотека;
- 2) Дальневосточный гектар;
- 3) Земский доктор (учитель);
- 4) Субсидированные билеты;

5) Социально-экономическая программа развития Дальнего Востока.

67 % респондентов готовы к переезду на Дальний Восток за материальное вознаграждение (разовая выплата от 1 до 3 млн руб.), для 57 % респондентов интересна высокая заработная плата (были названы суммы от 45 000 до 230 000 руб.), 8 % респондентов интересны карьерные перспективы (руководящие должности).

Важно уточнить, что респонденты не рассматривают Дальний Восток как место будущего постоянного проживания, они готовы к переезду на период от 3 до 5 лет (66 % респондентов). Возможно, это связано с тем, что респонденты могут быть не знакомы с жизнью на Дальнем Востоке и не готовы переезжать навсегда. Возможно, Дальний Восток рассматривается как место с благоприятными условиями для начала карьеры.

Перейдем к рассмотрению результатов, полученных посредством методики «Самооценка» Дембо–Рубинштейн.

По результатам методики можно заметить, что респонденты имеют уровень притязаний выше, чем имеющийся у них в данный момент уровень самооценки. Это может быть связано с тем, что респонденты стремятся достичь поставленной цели той степени сложности, к которой они считают себя способными.

У респондентов, готовых к переезду, такие качества, как здоровье, ум, внешность, уверенность в себе, находятся на очень высоком уровне, что свидетельствует о завышенной самооценке и является характерной чертой юношества, т.е. респонденты не совсем способны оценивать себя и свои способ-

ности реалистично. Высоко респонденты оценивают и свой характер, авторитет, умелые руки.

Таким образом, можно констатировать, что готовность к переезду зафиксирована у людей, чувствующих уверенность в себе, не склонных к тревожности, верящих в свои силы, чаще всего умеющих решать проблемы, справляться с жизненными коллизиями, не впадая в панику, отстаивать свою позицию.

Перейдем к результатам, полученным посредством методики «Иерархия мотивов труда» Г.В. Резапкина.

В соответствии полученными данными можно констатировать, что у респондентов доминирует мотив «труд как деньги». Ранее уже было установлено, что именно материальное благополучие может стать основным фактором в принятии решения о переезде на Дальний Восток.

Менее всего выражен мотив «труд как служение», что свидетельствует о том, что в настоящее время все меньше людей преданы своему делу. Респонденты ставят свои интересы выше, чем интересы других людей.

Результаты корреляционного анализа показали, что готовность к смене места жительства взаимосвязана со стремлением проявить себя, быть всегда в первых рядах. Полученные корреляционные пары доказывают, что респондентам важно ощущение власти, они стремятся быть лучше других. Возможно, им кажется, что именно переезд в регионы с кадровым дефицитом поможет удовлетворить их амбиции.

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать следующий вывод: молодёжь, готовая к переезду из центральных регионов России, в том числе и в ДФО, характеризуется стремлением выстраивать жизненную перспективу, уверенностью в своих способностях, жадой карьерных свершений.

При анализе работы с респондентами-дальневосточниками и с респондентами, проживающими в центральных регионах России, мы видим схожие черты молодёжи: потребность в материальном благополучии, потребность в самореализации, потребность в признании.

Следовательно, можно говорить о необходимости выстраивания единой стратегии работы с молодёжью по привлечению и удержанию её на Дальнем Востоке России. Привлечение молодёжи на Дальний Восток позволит решить стратегические задачи развития страны, стать международным центром притяжения динамично развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона, деловой и инвестиционной активности, территорией, где есть возможности реализации молодёжи в полной мере.

Список источников

1. Мишук С.Н. Социально-демографические аспекты наводнений на российском Дальнем Востоке в 2013–2023 гг. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-demograficheskie-aspekty-navodneniy-na-rossiyskom-dalнем-vostoke-v-2013-2023-gg?ysclid=m1wz9xnb8t726044763> (дата обращения: 12.09.2024).
2. Белый О.И. Определение понятия «молодёжь». URL: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-molodezh> (дата обращения: 12.09.2024).
3. Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодёжи в России // Современная аналитика образования. 2019. № 5(26). 48 с. URL: <https://publications.hse.ru/books/270028474> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Рыбалко Е.Ф. Возрастная и дифференциальная психология : учебное пособие. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 256 с.
5. Dommermuth L., Klüsener S. Formation and realisation of moving intentions across the adult life course. *Population Place and Space*. 2018. № 25(5). P. 1–24. URL: <https://doi.org/10.1002/psp.2212> (accessed: 12.09.2024).
6. Кон И.С. Психология ранней юности : учебное пособие. Москва, 1976. 255 с.
7. Hoppe A., Fujishiro K. Relations anticipated job benefits, career aspiration, and generalized self-efficacy as predictors for migration decision-making // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. № 47. P. 13–27. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.03.025> (accessed: 12.09.2024).
8. Мухина В.С. Возрастная психология : учебник для студентов вузов. Москва, 1997. 656 с.
9. Bryer T.A., Rauleckas R., Murealeedharan V., Butkevičienė E., Vaičiūnienė J., Miežanskienė R. Non-economic emigration factors that might be pushing citizens out of Lithuania. *Public Policy and Administration*. 2020. № 19(1). P. 35–52. URL: <https://doi.org/10.5755/j01.ppa.19.1.25114> (accessed: 12.09.2024).

References

1. Mishchuk S.N. Sotsial'no-demograficheskiye aspekty navodneniy na rossiyskom Dal'nem Vostoke v 2013–2023 gg. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-demograficheskie-aspekty-navodneniy-na-rossiyskom-dalнем-vostoke-v-2013-2023-gg?ysclid=m1wz9xnb8t726044763> (accessed: 12.09.2024).
2. Bely O.I. Opredeleniye ponyatiya «molodezh'». URL: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-molodezh> (accessed: 12.09.2024).
3. Gabdrakhmanov N.K., Nikiforova N.Yu., Leshukov O.V. «Ot Volgi do Yeniseya...»: obrazovatel'naya migratsiya molodezhi v Rossii // *Sovremennaya analitika obrazovaniya*. 2019. No. 5(26). 48 s. URL: <https://publications.hse.ru/books/270028474> (accessed: 12.09.2024).
4. Rybalko Ye.F. *Vozrastnaya i differentsial'naya psikhologiya: ucheb. Posobiye*. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1990. 256 s.
5. Dommermuth L., Klüsener S. Formation and realisation of moving intentions across the adult life course. *Population Place and Space*. 2018. No. 25(5). P. 1–24. URL: <https://doi.org/10.1002/psp.2212> (accessed: 12.09.2024).
6. Kon I.S. *Psikhologiya ranney yunosti: ucheb. Posobiye*. Moscow, 1976. 255 s.
7. Hoppe A., Fujishiro K. Relations anticipated job benefits, career aspiration, and generalized self-efficacy as predictors for migration decision-making // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. No. 47. P. 13–27. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.03.025> (accessed: 12.09.2024).
8. Mukhina V.S. *Age psychology : textbook for university students*. Moscow, 1997. 656 p.
9. Bryer T.A., Rauleckas R., Murealeedharan V., Butkevičienė E., Vaičiūnienė J., Miežanskienė R. Non-economic emigration factors that might be pushing citizens out of Lithuania. *Public Policy and Administration*. 2020. No. 19(1). P. 35–52. URL: <https://doi.org/10.5755/j01.ppa.19.1.25114> (accessed: 12.09.2024).

Информация об авторах

Комарова Валентина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент;
 Леженина Анна Андреевна – кандидат психологических наук, доцент;
 Леженина Анастасия Дмитриевна – студентка 5-го курса.

Information about the authors

V.V. Komarova is Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;
 A.A. Lezhenina is Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;
 A.D. Lezhenina is a 5-year student.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
 The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 371.83

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-203-209

**РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА
В МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ)**

Артем Константинович Пляскин¹, Юлия Владимировна Агранат²

^{1, 2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹prur@festu.khv.ru

²pvr@festu.khv.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подготовки кадров высшей квалификации в рамках формирования партнерств между образовательными организациями и индустрией, применение современной инфокоммуникационной платформы для организации такого рода взаимодействия. Предлагаются подходы к созданию совместных образовательных проектов бизнеса и образования, описываются механизмы организации обучения студентов на основе непрерывной модели развития профессиональных компетенций.

Ключевые слова: университет, студент, образование, обучение, предприятие, компания, компетенции, выпускник, технологии, информационная система, модуль, модель

Original article

**THE ROLE OF EDUCATIONAL PARTNERSHIPS IN INCREASING THE COMPETENCE OF STUDENTS
(ON THE EXAMPLE OF EDUCATIONAL PROJECTS OF THE FAR EASTERN STATE TRANSPORT UNIVERSITY)**

Artyom K. Plyaskin¹, Yulia V. Agranat²

^{1, 2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹prur@festu.khv.ru

²pvr@festu.khv.ru

Abstract. The article considers the issues of training of highly qualified personnel within the framework of forming partnerships between educational organizations and industry. The use of modern info-communication platform for organizing this kind of interaction is examined. Approaches to the creation of joint educational projects between business and education are proposed, mechanisms for organizing student training on the basis of a continuous model of professional competence development are described.

Keywords: university, student, education, organization, company, competence, graduate, technology, information system, module, model

Обществу необходимо высшее образование, которое удовлетворяет потребности выпускников и рынка труда, оперативно реагирует на перемены, региональные и национальные вызовы, в процессе которого можно получить эффективные и актуальные знания. В таком контексте миссия высшего учебного заведения – быть центром для обмена экспертизой между игроками рынка и академическим сообществом [1: с. 4].

Большинство университетов современной России находятся в стадии преобразований, многие формируют целевые модели и стратегии развития. Меняя свои целевые установки, модернизируя процессы, стремятся стать лидерами в определен-

ных областях знаний и науки. На пути своего развития на данном этапе университеты не должны замыкаться только на своих собственных мощностях и ресурсах, как интеллектуальных, так и технико-технологических. Партнерство должно играть неотъемлемую роль в развитии образования.

Объективный разрыв в требованиях академического образования, рынка труда и обучающихся, смещение акцента с обучения на создание образовательной среды, позволяющей интегрировать знание в профессиональную деятельность, можно рассматривать как основания для определения специфических особенностей партнерства: разработки образовательной программы для решения

задач развития социального сектора; совместной разработки программы, содержание которой согласовано с целями партнера; устойчивого характера партнерства (взаимодействие переросло из краткосрочного в постоянно действующее, активная включенность управленческого звена, некоммерческая организация интегрировала университет в стратегическую деятельность, а не ограничилась решением конкретной, локальной задачи); длительного периода согласования интересов и адаптации к нетипичным ролям представителей университета; необходимости приобретения знания об организации-партнере; адаптации коммуникативных стратегий; готовности к участию в образовательной инициативе со стороны обучающихся [2; 3].

Мотивация для взаимодействия университетов между собой, с бизнесом и экономикой может быть весьма разнообразна – от исследовательских целей и поиска дополнительного финансирования до возможности повлиять на процессы в регионе, стране и даже за её пределами. Приведем некоторые мотивы для формирования партнерств между высшими учебными заведениями и индустрией:

- влияние на развитие общества в целом (университеты отлично справляются с задачей генерации и трансляции фундаментальных знаний, а бизнес – с задачей прикладного использования этих знаний. Партнерство, направленное на совместный поиск новых знаний, в итоге приводит к открытиям, полезным для всего общества);

- активное участие в формировании карьеры студентов и выпускников (задача любого вуза – подготовка студента к будущей карьере. Совместная работа с компанией-партнером поможет разнообразить спектр активностей за пределами аудитории или лаборатории, организовать полезные мастер-классы и лекции, программы наставничества, научно-практические стажировки на предприятии);

- решение проблем финансирования (совместное финансирование проектов, спонсорская помощь компании-партнера решают многие вопросы дополнительного финансирования на закупку необходимого вузу оборудования, расходных материалов, проведения научно-исследовательских работ);

- вклад в экономическое развитие региона (сотрудничество местных вузов с региональными компаниями ведет к непрерывному развитию вовлеченного сообщества из студентов, выпускников, попечителей и предпринимателей);

- вклад в развитие предпринимательской среды (вузы при поддержке бизнес-инициатив имеют все шансы стать центром формирования инновацион-

ного предпринимательского мышления, которое в долгосрочной перспективе приводит к ускоренным темпам роста экономического и социального благосостояния).

Взаимодействие бизнеса с вузами, которое приносит пользу обеим сторонам, может происходить в одном или нескольких направлениях – всё зависит от его целей и тех ресурсов, которые готовы затратить участники процесса. Целесообразно говорить о следующих направлениях и форматах партнерств:

- организации и проведении стажировок в компании, разработке реальных кейсов для практической работы студентов, участии в ярмарках вакансий, обращении к услугам университетских исследовательских групп и лабораторий, поддержке студенческих стартапов;

- создании учебных программ и отдельных модулей на основе экспертизы компании, привлечении специалистов компании к преподаванию в качестве приглашенных лекторов, проведении курсов повышения квалификации для преподавателей, организации бизнес-школ;

- создании лабораторий на площадках вузов или организаций;

- проведении совместных исследований; поддержке лучших студентов и молодых преподавателей-исследователей (именные стипендии);

- участии в наблюдательных советах вузов; созданию собственных исследовательских институтов и институтов профессиональной подготовки [1: с. 5, 7].

Переходя от общих теоретических размышлений к конкретным примерам, стоит отметить, что университеты России одинаковы только в своих основных процессах и проблемах, в остальном достаточно разные. Поэтому важнейшим элементом развития, как известно, является качественное академическое и индустриальное партнерство [4; 5].

Сегодня есть механизмы и уже достаточно устойчивая нормативная и системная практика эффективного взаимодействия нескольких образовательных организаций на основе сетевого партнерства. Причем организации могут быть разными по форме и уровню образования, но очень эффективны в «бесшовном» взаимодействии друг с другом. Рассматривая конкретные примеры Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС), стоит отметить, что взаимодействие с партнерскими организациями позволило сформировать программы подготовки с новым уровнем качества образовательных программ и профессиональных знаний, получаемых студентами. Помимо интеграции с академическими органи-

зациями ведется программная работа по совместной деятельности с индустриальными и отраслевыми компаниями.

Вместе с тем еще одним фактором, усиливающим подготовку специалистов, являются образовательные проекты и программы получения знаний, где в базовом и профессиональном «ядре» лежат исследования, научная практика и прикладные изыскания.

Как пример стоит рассмотреть модели образовательного цикла, сочетающие в себе несколько вариантов взаимодействия и, что также немало важно, отражающие методику данной образовательной сборки.

Первая схема (рис. 1) показывает концепцию формирования образовательных программ в разрезе четырех, пяти и шести лет обучения. В данном проекте в организации программы обучения и вы-

страивании технологии формирования компетенций студентов участвуют индустриальные партнеры, формируя профессиональную сущность внутреннего наполнения компетенции в зависимости от запросов отрасли. Вместе с тем в образовательную программу встраивается проектная и исследовательская деятельность обучающихся.

На рис. 2 показана система формирования образовательного проекта, построенного на технологии «бесшовного перехода» от одного уровня образования к другому. Такой процесс можно организовать с участием образовательных организаций разного уровня. Также подобную сборку можно осуществить в рамках одного университета, если в нем предполагается разноуровневая подготовка (СПО, ДПО, ВО).

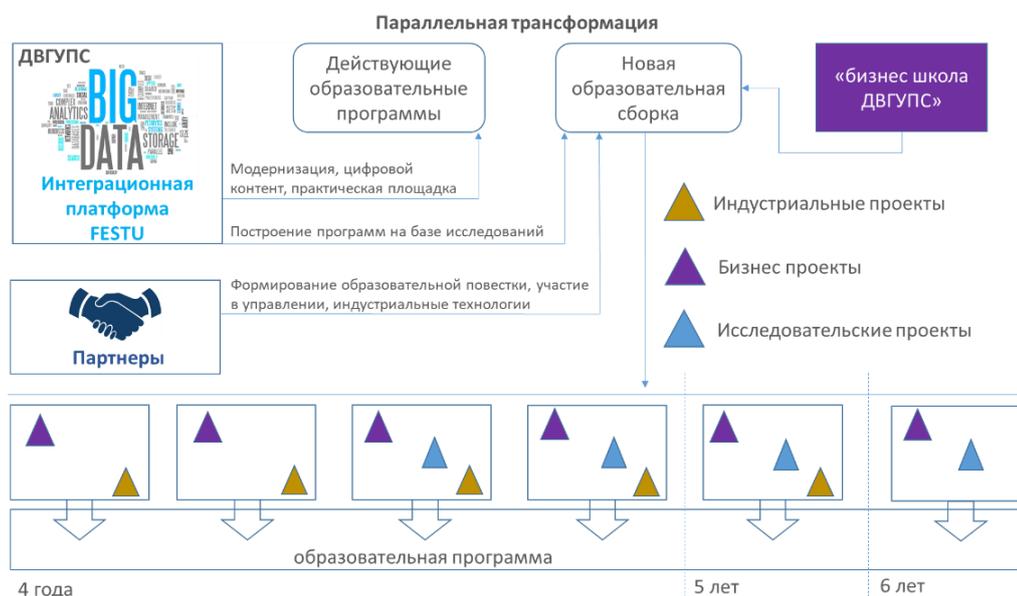

Рис. 1. Концепция формирования образовательной программы

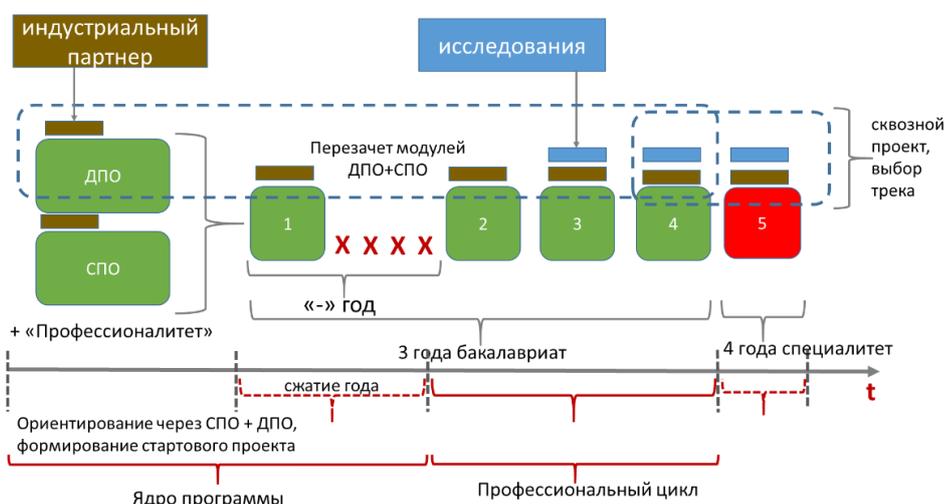

Рис. 2. Преемственный переход – многоуровневая программа

Синергия глобальных экономических систем и высокие темпы развития технологий ставят перед индустрией образования и науки задачу подготовки высококвалифицированных и, самое главное, эффективных кадров. Не являются исключением и транспортные компании, разрабатывающие и внедряющие масштабные проекты, эксплуатирующие новейшую технику и оказывающие широкий спектр сервисных услуг. Например, такими партнерами для нашего многопрофильного транспортно-университета являются холдинг ОАО «РЖД», компания «Трансмашхолдинг», группа компаний «Синара» и ряд других крупных отраслевых игроков.

За результатом деятельности любого производства стоит профессионализм людей, его создающих, который зависит от постоянного повышения уровня их компетенций, что в полной мере невозможно без механизмов передачи запросов производства к образованию.

Условия современного бизнеса таковы, что большинство компаний – заказчиков основного интеллектуального «продукта» университета – желают получить специалиста, способного без затрат на его дополнительную подготовку решать сложные задачи.

Реальная практика показывает, что большинство выпускников учебных заведений, приходя после обучения на производство, проходят длительный адаптационный период, пока их профессиональные компетенции не достигнут требуемого компанией уровня.

В этих условиях предприятия несут не прямые потери, складывающиеся из неумения нового специалиста самостоятельно решать сложные корпоративные задачи.

Времени, отведенного в университетских образовательных программах на приобретение студентами практических навыков, катастрофически не хватает. Да это и невозможно в условиях высокой академической нагрузки обучаемого. От этого страдают все три стороны рассматриваемого процесса:

- студент, который теряет время на добор недостающих профессиональных производственных знаний и, соответственно, определенный процент заработка;
- производство, которое тратит время и средства на доведение специалиста до необходимого уровня соответствующих компетенций;
- университет, у которого значительно падает имидж организации, осуществляющей качественную подготовку специалистов, и, как следствие, возможное отсутствие спроса со стороны потенциальных абитуриентов и партнеров на подготовку таких специалистов.

В такой ситуации целью университета является разработка модели подготовки высококвалифицированных кадров при условии вовлеченности всех заинтересованных сторон.

Создание такого механизма обучения невозможно без применения современных подходов в образовании, представляющих собой симбиоз информационных, технологических, социальных и личностных моделей.

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, являясь кадровой опорой транспортной отрасли Востока России, обеспечивая учебный процесс современными методами и технологиями, основывается в образовательных новациях не только на опыте, но и на реалиях современной действительности.

Сегодня студенты, будучи частью высокотехнологического общества, гораздо хуже воспринимают традиционную модель обучения по сравнению с предыдущими поколениями. На это влияют процессы сверхвысоких темпов развития общества. Жизнь современной молодежи характеризуется активной мобильностью, обязательным присутствием в социальных медиа, потребностью в постоянном использовании интернета.

Сотрудниками ДВГУПС разработана информационная модель обучения, обладающая высокой степенью мобильности, практической ориентированностью, высокой степенью актуальности обучающего контента с возможностью «открытого доступа» к образовательным ресурсам. В данном контексте «открытый доступ» означает доступность обучающихся и контролирующих механизмов всем участникам образовательного процесса.

Наблюдая за студентами, можно сделать вывод, что в своем большинстве классическую модель обучения они не воспринимают эффективно, быстро теряют интерес к изучаемым дисциплинам и нередко игнорируют желание преподавателя донести до них знания. Но в то же время, как только в процесс обучения включаются современные информационно-обучающие технологии и реальная практика, у студентов происходит всплеск активности и понимания поставленных в изучаемой дисциплине задач. И это происходит потому, что тот же самый учебный материал конвертирован в современную коммуникационную среду.

На базе созданной модели обучения с применением технологий нелинейного проектирования информационно-управляющих систем разработана инфокоммуникационная платформенная модель профессиональной подготовки кадров в ДВГУПС. Сущность данной технологии заключается в воз-

возможности объединения интересов трех вышеназванных сторон – студентов, производства и университета. В дополнение к вышеназванному – неограниченное число участников и открытость платформы для интеграции с любыми информационными системами и курсами.

Удовлетворение потребностей всех участников образовательного процесса потребовало модульных решений, объединенных общей структурированной сетью.

Модуль 1. Предназначен для коммуникации преподавателей и студентов. По существу, это образовательная социальная сеть, позволяющая во всех режимах общения (on-line и off-line) осуществлять обучение. Для удобства пользователей образовательной сети предусмотрены личные электронные кабинеты преподавателей, студентов и тьюторов. Технология функционирования системы проста и доступна для полного понимания, на её освоение требуется 1–2 часа.

Основная роль преподавателя – наполнение и актуализация образовательного контента и формирование электронных площадок обучения, как групповых, так и индивидуальных. Преподаватель является основным звеном в линии приобретения студентом квалифицированных знаний.

Основная роль студента – качественная обработка, изучение образовательного контента, самоподготовка, промежуточная и итоговая аттестация.

Прогрессивной и важной задачей студента при работе с системой является его участие в реальном секторе производства, а это уже следующий уровень обучения – обособленный, но в то же время выполняемый согласно основной образовательной программе.

Модуль 2. Сущность данного модуля заключается в организации погружения студента в производственную проблематику таким образом, чтобы при освоении основной образовательной программы (ООП) он непрерывно решал задачи действующих компаний.

Данный модуль – своего рода площадка для размещения заказов реальных предприятий, его можно назвать «проектный маркетплейс», направленный на выполнение различных проектных и предпроектных исследований, разработку технических и технологических решений. Схема такова, что предприятия могут размещать специализированный пакет заказов-проектов, соответствующих разделам ООП, реализуемым в университете. Студент или группа студентов, подписываясь на проект или несколько проектов, могут планомерно над ними работать. Куратором и профессиональным наставни-

ком в этом случае может являться как академический преподаватель, так и преподаватель-практик.

Таким образом, обучающиеся выполняют не абстрактные теоретические курсовые и прочие виды самостоятельных работ, а будут вовлечены в решение конкретной производственной задачи.

Открытая архитектура модели и логика информационно-обучающей системы позволяет студентам консультироваться с представителями компаний, а те, в свою очередь, смогут корректировать и оценивать выполняемую работу и в конечном итоге оценить квалификацию студентов – своих будущих кадров.

На данном этапе имеет смысл в принципе пересмотреть конфигурацию и наполнение основных образовательных программ, особенно в практико-ориентированном сегменте, с целью оптимизации учебных планов и реализации, например, производственной практики в основном профессиональном ядре программы. Это позволит концентрировать студента на погружение в программу обучения, освобождая время на проекты. В свою очередь предприятие уже на ранних стадиях может предложить трудоустройство студентам, а университет сможет адаптировать программу под запросы всех участников процесса.

В рамках реализации второго модуля заложены категории проектов: неоплачиваемые и, наоборот, оплачиваемые (получаемые при определенных условиях). Студенты, проходя основные этапы обучения и приобретая профессиональные компетенции, по согласованию с курирующей компанией могут перейти к реализации оплачиваемых проектов. Таким образом, студенты в процессе обучения смогут получать и заработную плату.

Такая схема выгодна всем участникам:

- 1) для компаний большое количество задач решится бесплатно, в дополнение можно получить готового конкурентоспособного профессионала после окончания университета;
- 2) студент выигрывает в наборе квалифицированных знаний и заинтересован материально;
- 3) у вуза повышается имидж и количество заинтересованных абитуриентов. Появляются дополнительные финансовые средства за выполнение и разработку прямых заказов производства;
- 4) преподаватель заинтересован в повышении компетенций студентов, которых он учит и сопровождает, поскольку при этом повышается вероятность работы над оплачиваемыми проектами, где он как куратор также получает финансовое вознаграждение.

Модуль 3. Задача этого модуля – сквозное сопровождение подготовленных кадров от момента их выпуска из университета и до окончания трудовой деятельности. Вступив в открытую систему образования, её участник не теряет права ею пользоваться в течение всей жизни – это и есть образовательная социальная сеть.

Описываемый модуль функционирует как дистанционная система подготовки и повышения квалификации. Университет совместно с потенциальными заказчиками создает обучающие программы и сопровождает процесс обучения. Слушатель курсов, повышающий свой профессиональный уровень, обучается в благоприятных для себя условиях, т.е. в удобном месте и в удобное время.

Если на курсы повышения слушателя направил работодатель, то последний может оценить уровень подготовки своего сотрудника и качество образовательных ресурсов.

Модуль 4. Модуль, называемый «Портфолио», формируется при функциональном анализе трех предыдущих и, в свою очередь, состоит из двух частей:

- 1) портфолио студента;
- 2) портфолио преподавателя (профессора, доцента, руководителя и т.п.).

Данная подсистема формирует показатели профессионализма участников образовательного процесса. Системное постоянное пополнение достижений обеих сторон – преподавателя и обучаемого – гарантирует повышение интереса к преподавателю как к профессионалу и трудоустройство выпускника.

Стержнем международных партнерских отношений является качественная коммуникативная среда. Информационная платформа позволяет использовать единый инструментарий и единые правила работы и обучения для всех участников проекта независимо от государственной принадлежности и гражданства.

Фундаментом для межгосударственных отношений в образовании и бизнесе является концепция, лежащая в основе создания еще одного модуля системы. Этот модуль можно назвать интернациональным или применить популярное сегодня название «микшерный».

Сущность данного модуля заключается в постоянном взаимодействии групп студентов, руководителей обучения, корпораций и компаний, участвующих в проекте. Отличительная способность разрабатываемой системы интегрироваться не только в любую автоматизированную структуру, но и в любую социальную или организационную среду позволяет снять барьеры при обеспечении учебы и работы международных групп и объединений.

Выделим основные цели данного направления.

1. Создание международных групп обучения. Данное объединение позволяет студентам, участвующим в программах международного обмена, приобрести межкультурные компетенции, познакомиться с особенностями культуры и менталитета стран-участников проекта.

2. Решение студентами при выполнении курсовых проектов, дипломных работ и коммерческих заказов реальных производственных задач для предприятий своей страны, а также для стран-участников проекта. Такой подход к реализации учебного процесса позволяет студентам приобрести не только профессиональные знания в исследуемой области, но и лучше понять культуру, организацию и принципы функционирования зарубежных компаний и производств.

3. Взаимодействие на открытой образовательной платформе обучающихся международных групп в реальном времени с преподавателями принимающей стороны, а также с учебными заведениями, преподавателями и производственниками на родине. Существует возможность консультирования и более глубокого понимания процесса при освоении образовательной программы «без отрыва от своей страны».

4. Решение студентами межгосударственных, межкультурных и межпроизводственных задач с использованием потенциала объединенных проектных групп как в рамках учебного процесса, так и вне его при выполнении коммерческих и социальных проектов. Это формирует основу для создания интернациональных фирм и компаний, которые смогут в будущем эффективно взаимодействовать, выполняя коммерческие и производственные задачи.

5. Выполнение научных и производственных задач, участие в проектах и исследованиях разных стран, позволяющих осуществить коммуникации между преподавателями, работодателями и производственниками партнерских государств, рост уровня профессионализма преподавателей и, соответственно, повышение качества знаний, передаваемых студентам.

6. Обеспечение взаимодействия неограниченного числа участников с использованием открытой архитектуры информационно-обучающей системы, создающей научный и межпроизводственный «мост» между странами-партнерами. Развитие площадки постоянного взаимодействия обеспечивает стабильные межвузовские и межпроизводственные связи разных стран и, самое главное, рост качества подготовки специалистов. С использованием описанной выше технологии присоединение участников происходит в любой момент времени.

В настоящей статье отражены основные задачи, которые можно решить с помощью нелинейной информационно-управляющей системы. Понимая важность и взаимную выгоду международных партнерских отношений, нельзя не отметить неоспоримые преимущества использования описанных выше технологий в программе «Сетевой университет». Развитие данного направления с использованием

инфокоммуникационной платформы профессиональной подготовки кадров будет способствовать реализации современных подходов образования.

Объединив усилия партнерских вузов и компаний в развитии образовательных технологий, можно создать основу для подготовки конкурентоспособных профессиональных кадров для мирового транспортного рынка.

Список источников

1. Образовательные партнерства: практики взаимодействия между вузами и бизнесом // EduTech. 2020. № 7(38). URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/journals/4737/> (дата обращения: 14.08.2024).
2. Глушанок Т.М. Социальное партнерство как средство повышения качества профессионального образования // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=1144> (дата обращения: 20.08.2024).
3. Русецкая Э.А., Тараненко Н.Ю., Котова Д.А. Образовательные партнерства: практики взаимодействия работодателей и профессиональных образовательных организаций // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2021. № (4). С. 189–199. URL: <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2021.4.24> (дата обращения: 11.08.2024).
4. Дроздов Н.А. Социальное партнерство в образовании: сущность и содержание понятия // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2016. № 180.
5. Левицкая И.А. Социально-образовательное партнерство в современных социокультурных условиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 10.

References

1. Obrazovatel'nye partnerstva: praktiki vzaimodejstviya mezhdru vuzami i biznesom [Educational partnerships: practices of interaction between universities and businesses] (In Russian) // EduTech. 2020. № 7(38). URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/journals/4737/> (accessed: 14.08.2024).
2. Glushanok T.M. Social'noe partnerstvo kak sredstvo povysheniya kachestva professional'nogo obrazovaniya [Social partnership as a means of improving the quality of professional education] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2008. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=1144> (accessed: 20.08.2024). (In Russ.).
3. Ruseckaya E.A., Taranenko N.Yu., Kotova D.A. Obrazovatel'nye partnerstva: praktiki vzaimodejstviya rabotodatelej i professional'nykh obrazovatel'nykh organizacij [Educational partnerships: practices of interaction between employers and professional educational organizations] // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2021. No. (4). P. 189–199. URL: <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2021.4.24> (accessed: 11.08.2024). (In Russ.).
4. Drozdov N.A. Social'noe partnerstvo v obrazovanii: sushchnost' i sodержание ponyatiya [Social partnership in education: essence and content of the concept] // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. 2016. No. 180. (In Russ.).
5. Levickaya I. A. Social'no-obrazovatel'noe partnerstvo v sovremennykh sociokul'turnykh usloviyakh [Socioeducational partnership in modern social and cultural conditions] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2012. No. 10. (In Russ.).

Информация об авторах

А.К. Пляскин – кандидат технических наук, доцент, проректор по учебной работе;
Ю.В. Агранат – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по молодёжной политике и воспитательной деятельности.

Information about the authors

A.K. Plyaskin is Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs;
Yu.V. Agranat is Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vice-rector for Youth Policy and Educational Activities.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 316.444.54 (571.6)
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-210-216

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ С СУБЪЕКТИВНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ (НА ПРИМЕРЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

Наталья Владимировна Резанова¹, Марина Александровна Помченко², Валентина Юрьевна Ахмолина³

¹Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск, Россия, nvrezanova75@mail.ru

²Центр технического цифрового образования «ТЕХНО ИТ-куб», г. Хабаровск, Россия, marina-pom@mail.ru

³Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа с. Мичуринское им. В.К. Арсеньева

Аннотация. В статье проанализированы основные подходы к изучению проблем эмоционального выгорания и субъективного благополучия личности. Изложены результаты исследования эмоционального выгорания и субъективного благополучия педагогов сельских школ Дальнего Востока. Определен характер взаимосвязи между эмоциональным выгоранием личности педагога и его субъективным благополучием. Проведенный анализ показывает, что уровень профессионального выгорания влияет на субъективное благополучие личности.

Ключевые слова: профессиональное эмоциональное выгорание, субъективное благополучие, эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция профессиональных достижений

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL BURNOUT AND THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF TEACHERS (ON THE EXAMPLE OF TEACHING STAFF IN RURAL SCHOOLS IN THE FAR EAST)

Natalya V. Rezanova¹, Marina A. Pomchenko², Valentina U. Akhmolina³

¹Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, nvezanova75@mail.ru

²Technical digital educational center "TECHNO IT – cube", Khabarovsk, Russia, marina-pom@mail.ru

³Municipal budgetary educational institution secondary educational school v. Michurinskoye named after V.K. Arseniev

Abstract. The article analyzes the main approaches to studying the problems of emotional burnout and subjective well-being of the individual. The results of the study of emotional burnout and subjective well-being of teachers in rural schools in the Far East are presented. The nature of the relationship between the emotional burnout of a teacher's personality and his subjective well-being is determined. The analysis shows that the level of professional burnout affects the subjective well-being of an individual.

Keywords: professional emotional burnout, subjective well-being, emotional exhaustion, depersonalization, reduction of professional achievements

Национальный проект «Образование», направленный на повышение качества образования и подписанный В.В. Путиным еще в 2005 г., является одним из приоритетных векторов развития общества. Направления, предусмотренные этим проектом, обширны и взаимосвязаны. Они включают комплектование школ оборудованием, поставку школьных автобусов в сельскую местность, подключение к сети Интернет, поощрение лучших учителей и дотации за классное руководство, поддержку инноваций в среде образования и талантливой молодежи. Несомненно, многое за эти годы

удалось осуществить в рамках проекта. Но проблемы сельских школ, тем более отдаленных, во многом остаются нерешенными. Самая, пожалуй, большая образовательная проблема – это отток учителей как из городских, так и сельских школ. М.Я. Герман пишет, что учителя теряют смысл работы: «...современный учитель оказался в глубочайшем нравственном кризисе – потерял прежние ориентиры своей деятельности и не приобрел новые. Любая педагогика состоятельна только тогда, когда у нее есть нравственный смысл» [1]. Что же касается сельской школы, то это особый мир, центр вос-

питания и культуры, где складываются «...порой семейные взаимоотношения между участниками воспитательного процесса). Сельский учитель – особая профессия, сочетающая в себе "просвещенца", воспитателя, семейного психолога и социального педагога» [2]. Задачей как современного общества в целом, так и глав местных поселений является помощь учителям сельской школы в решении материальных, организационных проблем в образовательном учреждении. По мнению самих сотрудников сельских школ, отток учителей из села может быть объяснен разными причинами, в том числе:

- недостаточным уровнем материально-технической базы;
- переработкой в часах (из-за нехватки кадров педагоги ведут почти 2 ставки);
- привлечением педагогов к ведению непрофильных предметов (учитель географии – музыку, ИЗО; учитель биологии – историю и географию);
- загруженностью отчетной документацией;
- низкой мотивацией учащихся;
- низкой активностью и вовлеченностью родителей в учебный и воспитательный процесс своих детей (из-за низкого социального уровня);
- недостаточным уровнем дополнительного образования в селе (кружковая работа, спортивные секции), связанного с досугом детей во внеурочное и каникулярное время.

На наш взгляд, большой интерес представляет изучение такого деструктивного процесса, как профессиональное эмоциональное выгорание и ощущение субъективного благополучия педагогов сельских школ. Педагоги испытывают физическое и умственное переутомление, длительный стресс, который влияет на здоровье. У них часто наблюдаются чувства опустошенности, дезадаптации. Эмоциональный компонент субъективного благополучия включает эмоциональные переживания человека, такие как бодрость, оптимизм, уверенность в себе, подавленность, ощущение одиночества. Субъективное благополучие может свидетельствовать о депрессии, чувстве тревоги и наличии стрессовой ситуации, проблемах с мотивацией. Потеря мотивации влияет на качество работы. Работоспособность снижается и одновременно формируется негативное отношение к работе. И в конечном итоге это может привести к оттоку кадров. Мы предполагаем, что между эмоциональным выгоранием и субъективным благополучием педагогов сельской школы существует сложная взаимосвязь, характер которой требует изучения. Таким образом, актуальностью и социальной значимостью темы является изучение эмоционального выгорания и субъективного благополучия педагогов сельских школ, а также сложный характер

взаимосвязи эмоционального выгорания и субъективного благополучия.

Методологической основой исследования являются работы Х. Фрейденберга [3], К. Маслач [4], В.В. Бойко [5], И.В. Бухтиярова [6], Л.А. Костина [7], Т.И. Ронгинской [8], С. Чернис [9], А. Стодолска [10], З.С. Алкудски [11], Х. Пилэй [12]. Во второй половине XX в. Х. Фрейденбергер проанализировал межличностное взаимодействие сотрудников социальных профессий и ввел термин «эмоциональное выгорание» [3]. Основными симптомами выгорания могут выступать проявления слабости, критика по отношению к себе, чувство неудовлетворенности результатами труда и неуверенность. К. Маслач разработал методику оценивания уровня выгорания, включающую оценку трех компонентов: эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений [4]. После доработки им опросника выгорания стало возможным определение системного индекса синдрома выгорания от 0 (выгорание отсутствует) до 1 (максимальный уровень выгорания). В.В. Бойко в своих исследованиях предлагает рассматривать эмоциональное выгорание как механизм психологической защиты, в результате которого может наблюдаться исключение эмоций [5]. По мнению исследователей, эмоциональное выгорание может являться причиной психосоматических заболеваний [5–8]. Профессиональный стресс, срыв адаптации проявились ярко во время пандемии ковида [9–11].

Важным многофакторным конструктом характеристики личности, ее отношений и объекта труда является субъективное благополучие. Он включает значимость социального окружения, степень удовлетворения повседневной деятельностью, психоэмоциональную симптоматику, напряженность и чувствительность, самооценку здоровья и изменения настроения. Профессиональное выгорание как состояние эмоционального истощения и ответной реакции на стресс и субъективное неблагополучие могут являться возможными причинами замедления или прекращения профессионального развития, а иногда и прекращения трудовой деятельности. Несмотря на целый ряд исследований, посвященных проблеме эмоционального выгорания и субъективного благополучия, не изучена в полной мере проблема эмоционального выгорания и субъективного благополучия педагогов сельских школ, а также характер их взаимосвязи.

Объектом исследования является профессионально-эмоциональное выгорание.

Предмет исследования – взаимосвязь профессионально-эмоционального выгорания с субъективным благополучием педагогов сельских школ.

Цель исследования: выявить характер взаимосвязи профессионально-эмоционального выгорания с субъективным благополучием педагогов сельских школ. В процессе исследования ставились задачи определения эмоционального выгорания и субъективного благополучия педагогов и задача выявления взаимосвязи параметров эмоционального выгорания, таких как эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция профессиональных достижений с такими составляющими субъективного благополучия, как значимость социального окружения, степень удовлетворения повседневной деятельностью, психоэмоциональная симптоматика, напряженность и чувствительность, самооценка здоровья и изменение настроения. Дополнительно была поставлена задача определить доминирующее состояние педагогов и проанализировать взаимосвязь его показателей с показателями эмоционального выгорания. Результаты исследования могут использоваться для разработки программ коррекции эмоционального выгорания и субъективного благополучия.

Выборку исследования составили педагоги МБОУ СОШ с. Мичуринское им. В.К. Арсеньева. В ходе исследования был определен демографический статус педагогов: пол, возраст, семейный статус, наличие дипломов о высшем образовании, научных степеней и ученых званий, а также информация о последних повышениях квалификации и профессиональных достижениях. Педагоги указали занимаемую должность, недельную почасовую нагрузку и общий педагогический стаж. Было выявлено отсутствие научных степеней и званий, возраст определялся от 23 лет и выше, 66 % опрошенных – со средним педагогическим стажем (6–20 лет) и 34 % опрошенных – с большим педагогическим стажем (больше 21 года). По данным директора школы, отток учителей в предыдущие годы при прежнем руководстве составлял до 10–12 человек в год при общей численности педагогических работников 40 человек, т.е. практически около 25 % сотрудников. При этом директор отметила, что за последние 2,5 года, после ее вступления в должность наметилась положительная тенденция к значительному снижению оттока педагогов, но так как отток учителей в предыдущие годы был существенным, это вызывало определенную обеспокоенность руководства школы и требовало изучения.

Для определения уровня и параметров профессионального выгорания был использован опросник профессионального выгорания К. Маслач, С. Джек-

сон, адаптированный в НИПНИ им. Бехтерева. В результате опроса (22 вопроса) были определены уровни эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений. Далее был определен системный индекс синдрома перегорания. Уровень эмоционального истощения оценивается как низкий при значениях от 0 до 15, средний – от 16 до 24, высокий – от 25 и больше. Уровень деперсонализации оценивается как низкий при значениях от 0 до 5, средний – от 6 до 10, высокий – от 11 и больше. Уровень редукции оценивается как низкий при значениях от 37 и выше, средний – от 31 до 36, высокий – от 30 и меньше.

Полученные результаты показывают, что всего лишь около 14 % опрошенных педагогов сельской школы имеют высокий уровень эмоционального истощения со сниженным эмоциональным тонусом, эмоциональной лабильностью и отсутствием позитивных чувств (табл. 1).

Таблица 1

Оценка уровня профессионального выгорания, %

Субшкала	Уровень		
	Низкий	Средний	Высокий
Уровень эмоционального истощения	48	38	14
Уровень деперсонализации	48	42	10
Уровень редукции профессиональных достижений	45	45	10
Общий уровень профессионального перегорания	48	42	10

Высокий уровень эмоционального отстранения, деперсонализацию показывают также 10 % опрошенных. Такие педагоги могут демонстрировать деструктивный тип формируемых отношений с окружающими. Также получен довольно низкий процент опрошенных с высоким уровнем редукции профессиональных достижений – 10 %. Педагог с высоким уровнем редукции часто негативно оценивает свою компетентность, демонстрирует сниженную профессиональную мотивацию. В целом, всего 10 % опрошенных имеют высокий общий уровень профессионального выгорания (средний системный индекс синдрома перегорания – 0,41) по результатам всех трех шкал. При этом общий стаж работы этих опрошенных от 10 до 18 лет, возраст 40–60 лет.

Низкий уровень общего профессионального выгорания показывают 48 % опрошенных (средний системный индекс синдрома перегорания – 0,19). Общий стаж этих педагогов от 3 до 35 лет, возраст от 23 до 66 лет.

Средний уровень профессионального выгорания имеют 42 % опрошенных (системный индекс синдрома перегорания – 0,26). В целом, полученные результаты показывают достаточно положи-

тельную картину – низкий процент опрошенных с высоким выгоранием и довольно высокий процент педагогов с низким выгоранием.

Для определения уровня субъективного благополучия использовалась Шкала субъективного благополучия Перуэ–Баду в адаптации М.В. Соколовой. Этот психодиагностический инструмент позволяет оценить качество эмоциональных переживаний человека – от оптимизма, уверенности и бодрости, до чувства одиночества, раздражительности и подавленности. Он включает определение таких параметров, как значимость социального окружения, степень удовлетворения повседневной деятельностью, психоэмоциональная симптоматика, напряженность и чувствительность, самооценка здоровья и изменения настроения.

Полученные результаты показывают, что 17 % опрошенных демонстрируют полное эмоциональное благополучие (от 25 до 33 баллов), 59 % опрошенных имеют умеренный эмоциональный комфорт, не испытывают серьезных эмоциональных проблем, уверены в себе, активны, взаимодействуют с окружающими успешно и адекватно (34–38 баллов), 24 % опрошенных демонстрируют умеренное субъективное благополучие с отсутствием серьезных проблем, но и не совсем полным эмоциональным комфортом (49–77 баллов). Следует отметить отсутствие случаев субъективного неблагополучия среди учителей сельской школы (78–92 баллов) и случаев значительно выраженного эмоционального дискомфорта с трудностями в контроле эмоций, неуравновешенностью и ригидностью (93 балла и более).

Методика определения доминирующего состояния позволяет получить представление о состоянии человека, его поведении и отношении к различным явлениям, существенно дополняя анализ субъективного благополучия личности. Для определения доминирующего состояния была использована методика Л.В. Куликова «Определение доминирующе-

го состояния» [13]. Результат теста представлен в 7 шкалах: «Ак» – активное/пассивное отношение к жизненной ситуации; «То» – тонус: высокий/низкий; «Ра» – раскованность/напряженность; «Сп» – спокойствие/тревога; «Ус» – устойчивость/неустойчивость эмоционального тона; «Уд» – удовлетворенность жизнью в целом; «По» – положительный/отрицательный образ самого себя.

Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Определение доминирующего состояния, %

Субшкала	Уровень		
	Низкий	Средний	Высокий
Активное/пассивное отношение	14	59	27
Тонус высокий/низкий	7	51	41
Спокойствие/тревога	3	32	65
Устойчивость эмоц. тона	3	18	79
Удовлетворенность жизнью	0	28	72
Положительный образ себя	7	31	62

Полученные результаты показывают, что 27 % педагогов имеют активное и оптимистическое отношение к жизненной ситуации, 41 % педагогов показывают субъективное ощущение внутренней собранности, энергии, 65 % опрошенных уверены в своих силах и возможностях, у 79 % преобладает положительный эмоциональный тон, 72 % педагогов удовлетворены жизнью в целом, своей самореализацией, 62 % опрошенных высоко оценивают себя, что одновременно показывает недостаточную адекватность самооценки и низкую критичность.

Для проверки гипотезы о том, что между эмоциональным выгоранием и субъективным благополучием личности существует взаимосвязь, был проведен корреляционный анализ Пирсона. Были определены корреляционные зависимости между показателями эмоционального выгорания и показателями субъективного благополучия (табл. 3).

Таблица 3

Анализ взаимосвязи показателей профессионального эмоционального выгорания и параметров субъективного благополучия

Параметр субъективного благополучия	Показатели профессионального эмоционального выгорания			
	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция профессиональных достижений	Общий системный индекс
Субъективное благополучие	0,32*	0,14	-0,30*	0,21
Значимость социального окружения	0,27	0,11	-0,13	0,10
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	0,10	0,03	-0,11	0,01
Напряженность и чувствительность	0,27	0,18	-0,35*	0,24
Признаки, сопровождающие психоэмоциональную симптоматику	0,32*	0,21	-0,20	0,21
Самооценка здоровья	0,25	0,04	-0,36*	0,23
Изменения настроения	0,27	0,18	-0,38*	0,22

Примечание – * – $p < 0,05$.

Полученные результаты показывают умеренную положительную корреляцию субъективного благополучия с эмоциональным истощением (0,32) и умеренную отрицательную корреляцию с редукцией профессиональных достижений (-0,30), т.е. чем выше показатели эмоционального дискомфорта, неудовлетворенность собой и своим положением, трудность в контроле эмоций, беспокойства по поводу неприятностей, реальных и воображаемых, склонность к тревоге и депрессии, тем выше эмоциональное истощение, и чем выше и лучше субъект оценивает свое здоровье, удовлетворенность жизнью, эмоциональное состояние, тем меньше он обесценивает свои профессиональные достижения и слабее ощущает профессиональную некомпетентность. Уровень редукции определяется как низкий при значениях от 37 и выше и как высокий при 30 и ниже (т.е. в этом показателе обратная связь).

Особенности взаимосвязи преимущественно раскрываются во взаимосвязи отдельных параметров: умеренной положительной корреляции между признаками, сопровождающими психоэмоциональную симптоматику и эмоциональное истощение (0,32), умеренной отрицательной корреляции между напряженностью, чувствительностью и редукцией профессиональных достижений (-0,35), умеренной отрицательной корреляции между изменением настроения и редукцией профессиональных достижений (-0,38), умеренной отрицательной корреляции между самооценкой здоровья и редукцией профессиональных достижений (-0,36).

Были определены корреляционные зависимости (корреляционный анализ Пирсона) между показателями эмоционального выгорания и показателями доминирующего состояния (табл. 4).

Получена умеренная отрицательная корреляция между показателями тонуса и эмоционального истощения (-0,34), спокойствия и тревоги и эмоцио-

нального выгорания (-0,32), между устойчивостью эмоционального тона и эмоциональным выгоранием (-0,40), удовлетворенностью жизнью и эмоциональным выгоранием (-0,38). Таким образом, чем ниже эмоциональное истощение, тем выше субъективное ощущение собранности, сил, энергии, готовность к работе (шкала «тонус»), субъект больше уверен в своих силах и возможностях (шкала «спокойствие/тревога»), у субъекта преобладает положительный ровный эмоциональный фон (шкала «устойчивость эмоционального тона»), субъект испытывает удовлетворенность жизнью в целом, самореализуется, слышит собственное «Я» и берет на себя ответственность за свой выбор (шкала «удовлетворенность жизнью»).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Довольно высокий процент педагогов сельской школы демонстрируют низкий уровень эмоционального истощения (48 %), деперсонализации (48 %), редукции профессиональных достижений (45 %), общего эмоционального выгорания (84 %).

2. Полное эмоциональное благополучие показывают 17 % опрошенных, умеренный эмоциональный комфорт и отсутствие проблем имеют 59 % опрошенных, умеренное субъективное благополучие демонстрируют 24 % опрошенных, случаев субъективного неблагополучия не выявлено.

3. Анализ доминирующего состояния позволил определить, что 27 % педагогов имеют активное и оптимистическое отношение к жизненной ситуации, 41 % педагогов показывают субъективное ощущение внутренней собранности, энергии, 65 % опрошенных уверены в своих силах и возможностях, у 79 % преобладает положительный эмоциональный тон, 72 % педагогов удовлетворены жизнью в целом, своей самореализацией, 62 % опрошенных высоко оценивают себя.

Таблица 4

Анализ взаимосвязи показателей профессионального эмоционального выгорания и параметров доминирующего состояния

Параметр доминирующего состояния	Показатели профессионального эмоционального выгорания			
	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция профессиональных достижений	Общий системный индекс
Активное / пассивное отношение	-0,27	-0,08	0,26	-0,19
Тонус высокий / низкий	-0,34*	0,11	0,22	-0,20
Спокойствие / тревога	-0,32*	-0,06	0,22	-0,23
Устойчивость эмоц. тона	-0,40*	-0,04	0,23	-0,25
Удовлетворенность жизнью	-0,38*	-0,09	0,22	-0,25
Положительный образ себя	-0,24	0,01	0,05	-0,12

Примечание – * – $p < 0,05$.

4. Выявлена взаимосвязь между параметрами эмоционального выгорания и субъективным благополучием: умеренная положительная корреляция субъективного благополучия с эмоциональным истощением (0,32) и умеренная отрицательная корреляция с редуцией профессиональных достижений (-0,30).

5. Выявлена взаимосвязь между параметрами эмоционального выгорания и параметрами доминирующего состояния, а именно: умеренная отрицательная корреляция между показателями тонуса и эмоционального истощения (-0,34), спокойствия и

тревоги и эмоционального выгорания (-0,32), между устойчивостью эмоционального тона и эмоциональным выгоранием (-0,40), удовлетворенностью жизнью и эмоциональным выгоранием (-0,38).

6. В целом, полученные результаты исследования демонстрируют позитивные оценки в картине эмоционального выгорания, субъективного благополучия и доминирующего состояния, что, возможно, связано со сменой стиля руководства и изменением условий труда, но эти вопросы не являлись темой данного исследования и требуют дальнейшего изучения.

Список источников

1. Герман М.Я., Колениченко Н.В., Каптевск И.Б. Актуальные проблемы сельской школы и пути их решения в современных условиях // Молодой ученый. 2018. № 40 (226). С. 182–184. URL: <https://moluch.ru/archive/226/52874/> (дата обращения: 16.03.2024).
2. Горшков А.А. Развитие образовательной среды сельской школы // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-obrazovatelnoy-sredy-selskoy-shkoly> (дата обращения: 16.03.2024).
3. Freudenberger H.J. Staff burnout // J. of Social Issues. 1974. Vol. 30. P. 159–165.
4. Maslach C. Understanding burnout: Definitional issues in analyzing a complex phenomenon // Job Stress and Burnout 9Eds W/S/ Paine. Beverly Hills : Sage, 1982. 192 p.
5. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. Санкт-Петербург : Сударыня, 2000. 32 с.
6. Бухтияров И.В., Рубцов М.Ю., Чесалин П.В. Валидизация оценки профессионального стресса у работников офиса // Экология человека. 2012. № 11. С. 20–26.
7. Костина Л.А., Великанова Л.П., Гуреева Л.П. Клинико-психологические характеристики синдрома выгорания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 11. С. 57–59.
8. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 3. С. 85–95.
9. Chernis C. Long-term consequences of burnout: an exploratory study // Journal of Organizational Behaviour. 1992. Vol. 13. P. 1–11.
10. Stodolska A., Wojcik G., Baranska I., Kijowska V., Szczerbinska K. Prevalence of burnout among healthcare professionals during the Covid-19 Pandemic and associated factors – a scoping review // International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health. 2023. Vol. 36 (1). P. 21–58.
11. Alkudsi Z.S., Kamel N.H., El-Awaisi A., Shraim M., El Haiji M.S. Mental health, burnout and resilience in community pharmacists during the COVID-19 pandemic: a cross-sectional study // Saudi Pharmaceutical Journal. 2022. Vol. 30 (7). P. 1009–1017.
12. Pillay H., Goddard R., Wilss L. Well-Being, burnout and competence: implications for teachers // Australian Journal of Teacher Education. 2005. Vol. 30 (2). P. 22–33.
13. Куликов Л.В. Практикум по психологии состояний. Санкт-Петербург : Речь, 2004. 476 с.

References

1. German M.Ya., Kolenichenko N.V., Kaptevsk I.B. Aktual'nye problemy sel'skoj shkoly i puti ih resheniya v sovremennyh usloviyah [Current problems of rural schools and ways to solve them in modern conditions] // Young scientist. 2018. No. 40 (226). P. 182–184. URL: <https://moluch.ru/archive/226/52874/> (accessed: 03.16.2024).
2. Gorshkov A.A. Razvitie obrazovatel'noj sredy sel'skoj shkoly [Development of the educational environment of rural schools] // Universum: Bulletin of Herzen University. 2010. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-obrazovatelnoy-sredy-selskoy-shkoly> (accessed: 03.16.2024).
3. Freudenberger H.J. Staff burnout // J. of Social Issues. 1974. Vol. 30. P. 159–165.
4. Maslach C. Understanding burnout: Definitional issues in analyzing a complex phenomenon // Job Stress and Burnout 9Eds W/S/ Paine. Beverly Hills : Sage, 1982. 192 p.
5. Boyko V.V. Sindrom emotsionalnogo vygoraniya v professionalnom obshchenii [Syndrome of "emotional burnout" in professional communication]. St. Petersburg : Madame, 2000. 32 p.
6. Bukhtiyarov I.V., Rubtsov M.Yu., Chesalin P.V. Validatsiya otsenki professionalnogo stressa rabotnikov ofisa [Validation of the assessment of occupational stress in office workers] // Human Ecology. 2012. No. 11. P. 20–26.
7. Kostina L.A., Velikanova L.P., Gureeva L.P. Kliniko – psikhologicheskiye kharakteristiki sindroma vygoraniya [Clinical and psychological characteristics of burnout syndrome] // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2010. No. 11. P. 57–59.
8. Ronginskaya T.I. Sindrom vygoraniya v sotsialnykh professiyakh [Burnout Syndrome in Social Professions] // Psychological Journal. 2002. Vol. 23, no. 3. P. 85–95.

9. Chernis C. Long-term consequences of burnout: an exploratory study // *Journal of Organizational Behaviour*. 1992. Vol. 13. P. 1–11.

10. Stodolska A., Wojcik G., Baranska I., Kijowska V., Szxzerbinska K. Prevalence of burnout among healthcare professionals during the Covid-19 Pandemic and associated factors – a scoping review // *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health*. 2023. Vol. 36 (1). P. 21–58.

11. Alkudsi Z.S., Kamel N.H., El-Awaisi A., Shraim M., El Haijj M.S. Mental health, burnout and resilience in community pharmacists during the COVID-19 pandemic: a cross-sectional study // *Saudi Pharmaceutical Journal*. 2022. Vol. 30 (7). P. 1009–1017.

12. Pillay H., Goddard R., Wilss L. Well-Being, burnout and competence: implications for teachers // *Australian Journal of Teacher Education*. 2005. Vol. 30 (2). P. 22–33.

13. Kulikov L.V. *Praktikum po psihologii sostoyanij* [Workshop on the psychology of states]. St. Petersburg : Rech, 2004. P. 476.

Информация об авторах

Н.А. Резанова – кандидат психологических наук, доцент;

М.А. Помченко – кандидат психологических наук, доцент;

В.Ю. Ахмолина – директор МБОУ СОШ с. Мичуринское им. В.К. Арсеньева.

Information about the authors

N.A. Rezanova is candidate of psychological sciences, associate professor;

M.A. Pomchenko is candidate of psychological sciences, associate professor;

V.U. Akhmolina is director of MBEI SES v. Michurinskoye named after V.K. Arseniev.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья
УДК 34.03(520)
doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-217-222

ОТКАЗ ОТ ПОЛИТИКИ САМООБОРОНЫ И РЕАКЦИЯ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА НА УСИЛЕНИЕ ЯПОНИИ

Валерий Николаевич Тимошенко¹, Виктория Николаевна Паламар²

^{1, 2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹010124@pnu.edu.ru

²2018101249@pnu.edu.ru

Аннотация. Международное сообщество постоянно сталкивается с изменениями, которые напоминают, что глобализация и взаимозависимость не могут служить гарантом мира для государств. Международный порядок в данный момент находится под угрозой серьезных вызовов на фоне изменения баланса сил и обострения геополитической конкуренции. Потому некоторые страны предпринимают различные попытки для обеспечения собственной безопасности. В данной статье рассматривается реакция стран Азиатско-Тихоокеанского региона на принятие новой стратегии национальной безопасности Японией 16 декабря 2022 г.

Ключевые слова: КНР, стратегия национальной безопасности, КНДР, Япония, Тайвань, Россия

Original article

REACTION OF APAC COUNTRIES TO THE STRENGTHENING OF JAPAN

Valery Nikolaevich Timoshenko¹, Victoria Nikolaevna Palamar²

^{1, 2}Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹010124@pnu.edu.ru

²2018101249@pnu.edu.ru

Abstract. The international community is constantly faced with changes that remind us that globalization and interdependence cannot guarantee peace for states. The international order is currently under serious threat as the balance of power changes and geopolitical competition intensifies. Therefore, some countries are making various attempts to ensure their own security. This article examines the reactions of countries in the Asia-Pacific region to the adoption of Japan's new national security strategy on December 16, 2022.

Keywords: PRC, national security strategy, DPRK, Japan, Taiwan, Russia

Актуальность заявленной темы обусловлена повышенным вниманием к деятельности Японии в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона, а именно: увеличением бюджета для закупки нового вооружения, изменением статус-кво в регионе. Потому важно проанализировать реакцию стран-соседей на действия, предпринятые страной для улучшения «самообороны».

После проигрыша во Второй мировой войне все последующие десятилетия XX–XXI вв. Япония делала ставку на развитие экономической мощи, а не военной. В дальнейшем это привело к тому, что в вопросах, касаемых обороны страны, Япония стала всецело полагаться на США, которые полностью обеспечивали безопасность государства в обмен на предоставление и обслуживание американских военных баз на территории Японии.

Тем не менее администрация Токио со временем начала понимать, что стране необходимо, во-первых, начать усиление своего военного потенциала, во-вторых, снять ряд прежних ограничений в сфере обороны. С чем же была связана такая необходимость? Постоянная нестабильность, сопровождающая Азиатско-Тихоокеанский регион: события на Корейском полуострове, растущая угроза со стороны КНР в прилегающих к Японии водах, а также риск обострения ситуации вокруг Тайваня – всё это и послужило причиной для администрации Токио взяться за наращивание военной мощи.

В середине декабря 2022 г. Япония приняла новую стратегию национальной безопасности (National Security Strategy), что послужило важным шагом для страны, поскольку государство отказывалось от политики, ориентированной на самообо-

рону, которой оно придерживалось уже долгое время [1].

Премьер-министр Японии Фумио Кисида (Fumio Kishida) после утверждения новой стратегии заявил на пресс-конференции, что страна вступила в «поворотный момент» своей истории, который потребовал обновления стратегии [2]. Главную причину изменений Фумио Кисида видит в том, что в окружающих Японию странах и регионах происходят серьёзные события и односторонние попытки силой изменить статус-кво. Поэтому правительство для ответа на эти вызовы намерено использовать более широкий набор военных и дипломатических мер.

Ключевым элементом новой стратегии является создание возможности для нанесения контрудара. Администрация Токио поставила своей целью в течение 10 лет создать оборону, позволяющую «отразить и победить агрессию на более ранней стадии и на значительном расстоянии». А для этого Японии понадобится новое оружие, способное поражать цели на большом расстоянии. Поэтому было принято решение увеличить дальность действия собственных ракет «Туре 12» и закупить американские крылатые ракеты «Томагавк» с дальностью полета около 1600 километров. Правительство Японии решило выделить 51 миллиард долларов на закупку нового вооружения [3].

Принятие 16 декабря 2022 г. новой стратегии национальной безопасности вызвало серьезную обеспокоенность у стран-соседей, находящихся в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

КНР остро отреагировала на принятие новой стратегии, назвав её подтверждением отхода страны от послевоенного «принципа самообороны и мирного развития» [4]. При этом резкой критике подверглись формулировки об угрозе со стороны Китая и планы Японии вооружиться ракетами атакующего класса, которые позволят ей поражать цели в Китае. Посольство КНР в Токио предупредило власти страны о необходимости помнить уроки истории и не спекулировать на использовании термина «китайская угроза» для оправдания своей военной экспансии [5].

Как сообщает Гамза Леонид Анатольевич, Китай подчеркнул, что новая стратегия, принятая Японией, непременно скажется на отношениях между странами, поскольку она больше ориентирована на США и НАТО и, таким образом, подталкивает двусторонние отношения в сторону ещё большей конфронтации, создавая новые сложности в урегулировании конфликтов [5]. В качестве конкретного ответа после принятия Японией своей стратегии Поднебесная сразу направила на учения в запад-

ную часть Тихого океана свою самую крупную эскадру во главе с авианосцем «Ляонин» в сопровождении рекордного числа боевых кораблей. В ходе учений корабли провели боевые стрельбы и пуски ракет, отработали взаимодействие и совместные операции по «обеспечению национального суверенитета, территориальной целостности и интересов государства» [5].

В отличие от материкового Китая и его негативной реакции Тайвань, в свою очередь, наоборот, поприветствовал укрепление оборонного потенциала Японии. Изабель Рейнольдс пишет: «[Япония] демонстрирует решимость поддерживать мир и стабильность в регионе, значительно укрепляя свой оборонный потенциал» [6], – так высказалась Цай Инвэнь на встрече в Тайбэе с главой фракции правящей в Японии Либерально-демократической партии Хирогисэ Сэко. Сам господин Сэко отметил, что новая стратегия национальной безопасности будет служить «явным и сильным сдерживанием для того, кто пробует изменить статус-кво в регионе силой».

Ранее стало известно, что Япония планирует развернуть на отдаленном острове Йонагуни, который расположен вблизи Тайваня, ракетное подразделение Сил самообороны и зенитно-ракетный комплекс. Министерство обороны Японии в связи с этим включило в бюджетную заявку на 2023 г. расходы на покупку земли на острове под эти нужды.

В таком же негативном ключе на принятие новой стратегии национальной безопасности отреагировала и КНДР. «Стремление правительства Фумио Кисиды превратить Японию в военную державу с наступательными возможностями посредством стратегии нацбезопасности, стратегии национальной обороны и плана развития оборонного потенциала вызывает большую обеспокоенность в странах региона, включая нашу» [7].

«Возможность контрудара, о которой говорят в Японии, не имеет никакого отношения к законному праву суверенных государств на самозащиту и является обоснованием для превентивного удара по территории другого государства», – считает дипломат в МИД КНДР. По его словам, новый курс Токио ведет к изменению обстановки в регионе в сфере безопасности. «Утверждение Японией нового агрессивного курса изменило ситуацию в сфере безопасности в Восточной Азии. Ремилитаризация Японии представляет собой грубое нарушение Устава ООН, серьезный вызов международному миру и безопасности», – добавили в Пхеньяне. Как заявил представитель МИД КНДР, скоро Токио осознает, что был сделан «очевидно, неверный и опасный выбор» [7].

Однако стоит отметить, что для Японии быстрое развитие КНДР ракетно-ядерной программы, а также недавний визит Ким Чен Ына в Приморский край России стали представлять ещё большую угрозу, чем это было ранее.

Южный сосед КНДР также негативно отреагировал на стратегию национальной безопасности. Республика Корея выразила протест Японии из-за претензий Токио на острова Токто, суверенитет которых оспаривается двумя странами до сих пор.

«Правительство Республики Корея решительно протестует против включения в обновленную стратегию национальной безопасности Страны восходящего солнца необоснованных утверждений о территориальной принадлежности островов Токто» [8], – говорится в сообщении МИД страны. Сеул утверждает, что острова Токто в западной части Японского моря являются территорией Республики Корея исторически, географически и в соответствии с международным правом. МИД Южной Кореи призвал Японию отказаться от претензии на острова, отметив, что страна «решительно отреагирует на любые провокации» [8].

В число стран, которые негативно отреагировали на принятие новой стратегии безопасности, входит и Россия. Официальный представитель МИД РФ Захаров М.В. заявила, что «официальный Токио стал на путь беспрецедентного наращивания собственной военной мощи, включая обретение ударного потенциала. Налицо откровенный отказ администрации Фумио Кисиды от настойчиво деклариовавшегося предыдущими поколениями политиков мирного развития страны и возвращение на рельсы безудержной милитаризации, что неизбежно спровоцирует новые вызовы безопасности и будет вести к усилению напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такое же понимание видим и в обостренной реакции соседних государств на нынешний поворот японской военной доктрины» [2].

Решение Японии о наращивании своей военной мощи было воспринято Филиппинами положительно. Министерство иностранных дел (DFA) заявило, что государство расценило это как «шаг в правильном направлении», который поможет в скором будущем обеспечить безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «Филиппины приветствуют ценный вклад Японии в обеспечение глобального и регионального мира и стабильности», – отметил на пресс-конференции представитель DFA Чарльз Хосе [9].

Кроме того, представитель DFA заявил: «Мы уверены, что Япония продолжит играть важную

роль в решении наших общих вызовов безопасности. Японское правительство признало необходимость решения международным сообществом подобных проблем, и усилия по уточнению конституционных основ роли Японии в этой области являются шагом в правильном направлении» [9].

Помимо этого, премьер-министр Японии Фумио Кисида и президент Филиппин Фердинанд Маркос-младший договорились расширять двустороннее сотрудничество в области обороны, чтобы лучше реагировать на общие вызовы безопасности, учитывая растущую военную активность Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, сообщил Такахаси Косукэ [10].

«Мы [сейчас] так близки к Японии, и помните, что Япония когда-то была врагом Филиппин, но сейчас мы настолько близки, что я даже сказал японскому послу [в Маниле]: "Вы находитесь на Филиппинах, служите на Филиппинах в одно из лучших времен, потому что вы сейчас почти наравне с США [с точки зрения общих стратегических отношений]", – сказал посол Филиппин в США Хосе Мануэль Ромуальдес в интервью AsiaTimes [11].

Об отношении Индонезии к новой стратегии безопасности Японии можно судить по совместным участиям в военных учениях, а также помощи в поставке оружия со стороны Японии. Оба государства ставят во главу угла вопрос стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как выразился сам Фумио Кисида на пресс-конференции после встречи двух стран, «Индонезия разделяет с нами фундаментальные ценности, а также стратегические цели, она – стратегический партнер» [12].

В 2022 г. Япония приняла участие в ежегодных военных учениях Индонезии. Ежегодные совместные учения Индонезии и Соединенных Штатов будут «значительно более масштабными, чем в предыдущие годы», заявили США. Действительно, помимо Японии присутствовали такие страны, как Австралия и Сингапур, а восемь других стран, включая Францию, Индию и Малайзию, присоединились в качестве стран-наблюдателей.

Существует много аспектов, подталкивающих Японию и Индонезию к сближению, но основные из них заключаются в обеспечении безопасности в АТР и нарастающей угрозы со стороны Китая. Представляет интерес тот момент, что президент Джоко Видодо хотя и не называет Индонезию официальным претендентом на Южно-Китайское море, однако в последние годы там периодически наблюдается напряженность вокруг островов Натуна, которые разделены

пополам морскими претензиями Пекина. Видодо называет Китай «всеобъемлющим стратегическим партнёром Индонезии» [13], при этом соглашаясь с мнением Японии о нарастающей «китайской угрозе». Как он заявил, «Мы должны наполнить партнерство с Китаем сотрудничеством, которое выгодно для нашей страны и в то же время для региона и мира» [14]. Таким образом, такую хитрую внешнюю политику Джоко Видодо можно назвать «прагматичной равноудалённостью».

Если до этого момента мы могли более-менее четко заявить о том, какая страна и как именно отреагировала на усиление военной мощи Японии, то в случае с Малайзией ситуация неоднозначна. Официально она не выражает протеста относительно новой стратегии безопасности, но в то же время и не полностью поддерживает. Скорее она придерживается «прагматичной равноудалённости» Индонезии, однако использует сотрудничество с Японией исключительно в своих целях.

Следует отметить, что в сотрудничестве двух стран инициатором выступает именно правительство Токио, поскольку оно осознает важность вступления Малайзии на пост председателя АСЕАН в 2025 г. [15].

А Малайзия, в свою очередь, понимает, что является критически важной для долгосрочных стратегических расчётов Японии в области обороны и безопасности, сдерживания на море и защиты цепочки поставок, а также выступает в качестве запасного варианта на втором фронте, в то время как Япония продолжает оставаться одним из наиболее важных её партнеров в области обороны и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [15].

Как сообщают японские СМИ: «На одной из встреч премьер-министра Малайзии Анвара Ибрагима и премьер-министра Японии Фумио Кисиды последний выразил надежду, что двустороннее сотрудничество может быть укреплено "для поддержания свободного и открытого международного порядка, основанного на верховенстве закона". В то время как Анвар сказал, что роль Японии в обеспечении стабильности в Азии является "ключевой" и "стратегической" для Малайзии» [16].

В данной статье не раз упоминался термин «китайская угроза» как одна из причин принятия новой стратегии национальной безопасности Японии. Вьетнам также обеспокоен тем, что баланс сил в регионе смещается в пользу КНР, и ему важно усиливать сотрудничество с другими крупными региональными игроками для того, чтобы Пекин не утвердился в Азиатско-Тихоокеанском регионе окончательно [17].

К тому же у Вьетнама и КНР присутствуют территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, в которых и Вьетнам, и Япония сталкиваются с претензиями Китая. Проще говоря, у этих двух государств совпали стратегические интересы, которые касаются установления стабильности и безопасности в АТР.

На данный момент Вьетнам рассматривает именно Японию как самого перспективного стратегического партнёра. Как сообщает Мари Ямагути, «Премьер-министр Японии Фумио Кисида и президент Вьетнама Во Ван Тхьонг провели переговоры в Токио и договорились расширить сотрудничество в области безопасности, работать над передачей оборонного оборудования и технологий и начать обсуждение новой японской программы помощи военным развивающихся стран региона – единомышленников» [18].

На совместной пресс-конференции после их встречи Кисида сказал, что Вьетнам является «ключевым партнером в достижении свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Тхьонг отметил, что тесное сотрудничество между двумя странами способствует миру и процветанию региона [19].

Таким образом, мы можем смело говорить о том, что власти Японии просто продолжают следовать намеченному курсу, всё больше наращивая военный потенциал, несмотря на негативную реакцию стран-соседей АТР, которые в случае каких-либо провокаций отреагируют с помощью практических действий. В связи с усилением военного потенциала Японии ни о какой стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе речи идти не может.

Список источников

1. Ryan Ashley. Japan's new National Security Strategy (NSS) is making waves. URL: <https://www.fpri.org/article/2023/01/japans-new-national-security-strategy-is-making-waves> (accessed: 04.01.2023).
2. Горячева Е.А. «Новый капитализм» Фумио Кисиды и его значение для современной политико-экономической ситуации Японии // Россия и АТР. 2023. № 2. С. 11–27.
3. Анищенко А.Э. Модификация Сил самообороны Японии в контексте современной политической ситуации // Хроноэкономика. 2019. № 2. С. 181–187.
4. Vladimir Terehov. First reaction to Japan's new National Security Strategy. URL: <https://journal-neo.su/2022/12/29/first-reaction-to-japan-s-new-national-security-strategy> (accessed: 29.12.2022).

5. Гамза Л.А. Новая стратегия национальной безопасности Японии как инструмент интегрированного сдерживания Китая. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/japans-new-national-security-strategy-as-a-tool-for-chinas-integrated-deterrence> (accessed: 28.12.2022).
6. Isabel Reynolds. Taiwan's Tsai Lauds Japan's New Security Strategy, Kyodo Says. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-12-28/taiwan-s-tsai-lauds-japan-s-new-security-strategy-kyodo-says> (accessed: 28.12.2022).
7. В КНДР прокомментировали обновленную стратегию национальной безопасности Японии. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16636647> (дата обращения: 20.12.2022).
8. Давыдов О.В. К итогам трёхстороннего саммита США–РК–Япония: корейский угол. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/towards-the-results-of-the-us-rok-japan-trilateral-summit-the-korean-corner> (дата обращения: 22.08.2023).
9. Ruth Abbey Gita-Carlos. PBBM, Kishida vow closer security, economic ties. URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1184367> (accessed: 22.09.2022).
10. Takahashi Kosuke. Japan, Philippines Agree to Intensify Defense Cooperation. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/japan-philippines-agree-to-intensify-defense-cooperation/> (accessed: 03.10.2023).
11. Richard JavadHeydarian. Japan, Philippines on verge of VFA defense pact. URL: <https://asiatimes.com/2023/08/japan-philippines-on-verge-of-vfa-defense-pact/> (accessed: 18.08.2023).
12. Akira Kitado. Japan focused on 'co-creating' future with Asian partners: Kishida // Nikkei Asia. 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/The-Future-of-Asia/The-Future-of-Asia-2023/Japan-focused-on-co-creating-future-with-Asian-partners-Kishida> (accessed: 25.05.2023).
13. Mahinda Arkyasa. President JokoWidodo signs MoUs with President Xi Jinping of China and the shifting focus belt road initiatives // Indonesia Business Post, 2023. URL: <https://indonesiabusinesspost.com/lobby/president-joko-widodo-signs-mous-with-president-xi-jinping-of-china-and-the-shifting-focus-belt-road-initiatives/> (accessed: 26.09.2023).
14. Sebastian Strangio. Japan to Join Indonesia-Hosted Military Exercises for the First Time URL: <https://thediplomat.com/2022/07/japan-to-join-indonesia-hosted-military-exercises-for-the-first-time/> (accessed: 27.07.2022).
15. Collins Chong Yew Keat. The Role of Malaysia in Japan's New Security Strategy // The Diplomat, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/the-role-of-malaysia-in-japans-new-security-strategy/> (accessed: 16.11.2023).
16. Japan to provide rescue boats to Malaysian military amid China's rise // Kyodo News. 2023. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/12/b60ec68c1bc4-japan-to-provide-rescue-boats-to-malaysian-military-amid-chinas-rise.html> (accessed: 16.12.2023).
17. Киреева А.А. Стратегическое партнёрство Японии и Вьетнама: интересы и ограничители // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5, № 4. С. 6–25.
18. Mari Yamaguchi. Japan and Vietnam agree to boost ties and start discussing Japanese military aid amid China threat // World News. 2023. URL: <https://apnews.com/article/japan-vietnam-china-security-partnership-98d1f48de053faf9ba7e71f21187bf6> (accessed: 28.11.2023).
19. Gabriel Dominguez. With eye on China, Japan and Vietnam take ties to 'new heights' // Japan Times. 2023. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/11/28/japan/politics/vietnam-japan-leaders-summit-china-analysis/> (accessed: 28.11.2023).

References

1. Ryan Ashley. Japan's new National Security Strategy (NSS) is making waves. URL: <https://www.fpri.org/article/2023/01/japans-new-national-security-strategy-is-making-waves> (accessed: 04.01.2023).
2. Goryacheva E.A. «Novyj kapitalizm» Fumio Kishida i ego znachenie dlya sovremennoj politiko-ekonomicheskoy situacii Yaponii [“New Capitalism” by Fumio Kishida and its significance for the current political and economic situation in Japan]. Rossiya i ATR. 2023. No. 2. P. 11–27. (In Russ.).
3. Anishchenko A.E. Modifikaciya Sil samooborony Yaponii v kontekste sovremennoj politicheskoy situacii [Modification of the Japan Self-Defense Forces in the context of the current political situation]. Hronoekonomika. 2019. No. 2. P. 181–187. (In Russ.).
4. Vladimir Terehov. First reaction to Japan's new National Security Strategy. URL: <https://journal-neo.su/2022/12/29/first-reaction-to-japan-s-new-national-security-strategy> (accessed: 29.12.2022).
5. Gamza L.A. Japan's New National Security Strategy as a Tool for Integrated Containment of China [Japan's New National Security Strategy as a Tool for Integrated Containment of China]. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/japans-new-national-security-strategy-as-a-tool-for-chinas-integrated-deterrence> (accessed: 28.12.2022). (In Russ.).
6. Isabel Reynolds. Taiwan's Tsai Lauds Japan's New Security Strategy, Kyodo Says. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-12-28/taiwan-s-tsai-lauds-japan-s-new-security-strategy-kyodo-says> (accessed: 28.12.2022).
7. V KNDR prokommentirovali obnovlennuyu strategiyu nacional'noj bezopasnosti Yaponii [North Korea comments on Japan's updated national security strategy]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16636647> (accessed: 20.12.2022). (In Russ.).
8. Davydov O.V. K itogam tryohstoronnego sammita SSHA–RK–Yaponiya: korejskij ugol [Davydov O.V. To the results of the US-ROK-Japan trilateral summit: the Korean angle]. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/towards-the-results-of-the-us-rok-japan-trilateral-summit-the-korean-corner> (accessed: 22.12.2022). (In Russ.).
9. Ruth Abbey Gita-Carlos. PBBM, Kishida vow closer security, economic ties. URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1184367> (accessed: 22.09.2022).
10. Takahashi Kosuke. Japan, Philippines Agree to Intensify Defense Cooperation. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/japan-philippines-agree-to-intensify-defense-cooperation/> (accessed: 03.10.2023).

11. Richard JavadHeydarian. Japan, Philippines on verge of VFA defense pact. URL: <https://asiatimes.com/2023/08/japan-philippines-on-verge-of-vfa-defense-pact/> (accessed: 18.08.2023).

12. Akira Kitado. Japan focused on 'co-creating' future with Asian partners: Kishida // Nikkei Asia. 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/The-Future-of-Asia/The-Future-of-Asia-2023/Japan-focused-on-co-creating-future-with-Asian-partners-Kishida> (accessed: 25.05.2023).

13. Mahinda Arkyasa. President JokoWidodo signs MoUs with President Xi Jinping of China and the shifting focus belt road initiatives // Indonesia Business Post, 2023. URL: <https://indonesiabusinesspost.com/lobby/president-joko-widodo-signs-mous-with-president-xi-jinping-of-china-and-the-shifting-focus-belt-road-initiatives/> (accessed: 26.09.2023).

14. Sebastian Strangio. Japan to Join Indonesia-Hosted Military Exercises for the First Time URL: <https://thediplomat.com/2022/07/japan-to-join-indonesia-hosted-military-exercises-for-the-first-time/> (accessed: 27.07.2022).

15. Collins Chong Yew Keat. The Role of Malaysia in Japan's New Security Strategy // The Diplomat, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/the-role-of-malaysia-in-japans-new-security-strategy/> (accessed: 16.11.2023).

16. Japan to provide rescue boats to Malaysian military amid China's rise // Kyodo News. 2023. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/12/b60ec68c1bc4-japan-to-provide-rescue-boats-to-malaysian-military-amid-chinas-rise.html> (accessed: 16.12.2023).

17. Kireeva A.A. Strategicheskoe partnyorstvo YAponii i V'etnama: interesy i ogranichiteli [Strategic partnership between Japan and Vietnam: interests and limitations]. *V'etnamskie issledovaniya*. 2021. Vol. 5, No. 4. P. 6–25. (In Russ.).

18. Mari Yamaguchi. Japan and Vietnam agree to boost ties and start discussing Japanese military aid amid China threat // World News. 2023. URL: <https://apnews.com/article/japan-vietnam-china-security-partnership-98d1f48de053faf9ba7e71f21187bfb6> (accessed: 28.11.2023).

19. Gabriel Dominguez. With eye on China, Japan and Vietnam take ties to 'new heights' // Japan Times. 2023. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/11/28/japan/politics/vietnam-japan-leaders-summit-china-analysis/> (accessed: 28.11.2023).

Информация об авторах

В.Н. Тимошенко – доктор исторических наук, доцент;
В.Н. Паламар – магистрант Высшей школы педагогики и истории.

Information about the authors

V.N. Timoshenko is Doctor of Historical Sciences, Associate Professor;
V.N. Palamar is Graduate student of the Higher School of Pedagogy and History.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

Научная статья

УДК 338.2:004

doi:10.31079/1992-2868-2024-21-4-223-227

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Елена Валерьевна Фалеева¹, Елена Николаевна Тумилевич², Михаил Дмитриевич Фалеев³

^{1, 3} Дальневосточный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹faleeva@festu.khv.r, <https://orcid.org/0009-0003-5146-0007>

²Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 013139@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4360-570X>

Аннотация. В статье рассматривается потенциал применения технологии блокчейн для повышения эффективности управления организациями на Дальнем Востоке России. Авторами проанализированы особенности ведения бизнеса и решения управленческих задач в этом регионе, а также выявлены проблемы, с которыми сталкиваются компании Дальнего Востока. Представлен обзор принципов работы блокчейна и его преимуществ для различных сфер деятельности. Показано, как технология блокчейн может быть использована для решения управленческих задач организаций Дальнего Востока в ключевых вопросах бизнеса. На основе проведенного анализа в статье сформулированы практические рекомендации по внедрению блокчейна в управление организациями Дальнего Востока. Особое внимание уделено вопросам преодоления организационных и технологических барьеров, а также управлению рисками. Сделаны выводы о перспективах развития данной технологии в региональном контексте.

Ключевые слова: блокчейн, управление организацией, Дальний Восток, информационные технологии, эффективность управления, логистика, финансы, документооборот, организационные барьеры, внедрение технологии, региональные особенности, цифровая трансформация

Original article

USING BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN MANAGING ORGANIZATIONS IN THE FAR EAST

Elena V. Faleeva¹, Elena N. Tumilevich², Mikhail D. Faleev³

^{1, 3}Far Eastern Transport University, Khabarovsk, Russia

¹faleeva@festu.khv.r, <https://orcid.org/0009-0003-5146-0007>

²Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 013139@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4360-570X>

Abstract. The article examines the potential of using blockchain technology to improve the management efficiency of organizations in the Russian Far East. The authors analyze the features of doing business and management tasks in this region, and also identify the problems faced by local companies. An overview of the principles of blockchain operation and its advantages for various fields of activity is presented. It is shown how blockchain technology can be used to solve management problems of organizations in the Far East in the areas of logistics, finance, document management and others. Specific cases of successful implementation of blockchain solutions in regional companies are presented, and their effectiveness is assessed. Based on the analysis carried out, the article formulates practical recommendations for the implementation of blockchain in the management of organizations in the Far East. Particular attention is paid to the issues of overcoming organizational and technological barriers, as well as risk management. Conclusions are drawn about the prospects for the development of this technology in the regional context.

Keywords: blockchain, organization management, Far East, information technology, management efficiency, logistics, finance, document flow, organizational barriers, technology implementation, regional characteristics, digital transformation

Современные условия ведения бизнеса предъявляют все более высокие требования к обеспечению эффективности управления организациями. Особенно острые проблемы в этой области возникают у компаний, работающих в регионах с труднодоступной инфраструктурой, суровыми климатическими условиями и значительной удаленностью от центральных территорий. Дальний Восток Рос-

сии относится именно к таким регионам, где организации сталкиваются с рядом серьезных управленческих вызовов. Однако развитие информационных технологий открывает новые возможности для повышения эффективности управления, в том числе в удаленных и труднодоступных районах. Одна из таких перспективных технологий – блокчейн, которая благодаря своим уникальным характе-

ристикам способна трансформировать многие бизнес-процессы и подходы к управлению [1; 2]. Применение блокчейна в организациях Дальнего Востока может стать ключом к решению ряда управленческих проблем организаций макрорегиона [3].

Настоящая статья посвящена комплексному анализу возможностей использования технологии блокчейн с целью повышения эффективности управления организациями Дальнего Востока. В ней будут рассмотрены особенности управленческих задач в этом регионе, выявлены проблемные зоны, а также раскрыт потенциал блокчейна в контексте специфики Дальневосточного региона. Особое внимание уделено практическим рекомендациям по внедрению блокчейн-решений в управление организациями Дальнего Востока.

Блокчейн – это открытый распределенный реестр, который эффективно и непрерывно регистрирует транзакции между сторонами-участниками [4]. Блокчейн – это распределенная база данных, построенная на принципах криптографии и децентрализации. Ключевая особенность блокчейна заключается в том, что информация о совершенных транзакциях хранится не на одном центральном сервере, а распределена между множеством узлов (компьютеров) в сети. Каждый новый блок данных, содержащий информацию о транзакциях, «приклеивается» к предыдущему, образуя непрерывную цепочку (отсюда и название «блокчейн») [5; 6].

Децентрализация и криптографическая защита делают блокчейн устойчивым к взлому и искажению данных [7]. Вносить изменения в записи можно только путем согласования большинством участников сети, что практически исключает возможность фальсификаций. Блокчейн также характеризуется прозрачностью: любой участник может проследить историю всех совершенных в системе транзакций [8].

Помимо финансовых транзакций технология блокчейн может применяться для организации самых разнообразных бизнес-процессов – от учета прав собственности и управления цепочками поставок до проведения голосований и аудита [9–11]. Ключевыми преимуществами блокчейна для бизнеса являются:

- повышение прозрачности и доверия в цепочках взаимодействий;
- сокращение издержек и ускорение бизнес-операций;
- автоматизация и программируемость бизнес-логики;
- улучшение контроля и снижение рисков мошенничества.

Регион Дальнего Востока России обладает рядом специфических характеристик, которые суще-

ственно влияют на управление организациями, действующими в этой местности (рисунок). К ключевым особенностям можно отнести:

1) географическую удаленность и низкую плотность населения. Дальневосточные субъекты РФ расположены на огромных территориях с крайне неравномерным распределением населения. Это затрудняет коммуникации, логистику и координацию бизнес-процессов;

2) суровые природно-климатические условия. Продолжительные зимы с низкими температурами, наличие вечной мерзлоты, частые стихийные бедствия создают дополнительные сложности в функционировании организаций, серьезно влияют на уровень затрат и, как следствие, на эффективность бизнеса;

3) ограниченность транспортной инфраструктуры. Дальний Восток характеризуется слабым развитием автомобильных и железных дорог, морских и речных портов. Это серьезно осложняет грузоперевозки и пассажирские перевозки;

4) высокий уровень износа основных фондов. Многие производственные мощности, здания и оборудование в регионе нуждаются в модернизации, что требует дополнительных инвестиций;

5) кадровый дефицит и отток населения. Регион испытывает нехватку квалифицированных специалистов, которые предпочитают работать в более комфортных климатических условиях центральной России.

Рисунок. Влияние управленческих проблем организаций Дальнего Востока на эффективность управления организацией

Перечисленные особенности создают для организаций Дальневосточного региона ряд серьезных управленческих проблем. Среди них сложности с оперативным управлением, организацией эффективных коммуникаций, обеспечением прозрачности бизнес-процессов, минимизацией издержек и рисков. Поиск решений этих проблем становится ключевой задачей руководителей компаний в регионе.

Технология блокчейн обладает рядом характеристик, которые позволяют эффективно решать многие

управленческие проблемы, характерные для организаций Дальневосточного региона России.

Для оценки эффективности технологии авторами проанализированы крупнейшие организации Дальнего Востока, которые внедрились в управленческую деятельность блокчейн-технологии. Экспертная оценка эффективности использования блокчейн-технологий была проведена руководителями организаций, которые используют данную технологию. Оценка проводилась по 5-балльной шкале, где 5 баллов – наблюдается высокая эффективность, 4 балла – эффективность несколько увеличилась, 3 балла – нет изменений, 2 балла – снижение эффективности и 1 балл – серьезное снижение эффективности (табл. 1).

Таблица 1

Экспертная оценка внедрения блокчейна в организации Дальнего Востока

Показатель	Экспертная оценка внедрения блокчейна	Коэффициент вариации ответов
Прозрачность бизнес-процессов	4	0,11
Автоматизация управленческих функций	3	0,15
Снижение временных затрат на поиск информации	5	0,13
Сокращение финансовых затрат	3	0,6
Безопасность системы управления	4	0,07

Во-первых, распределенный и прозрачный характер блокчейна способствует повышению прозрачности бизнес-процессов. Данные о производственных, финансовых, логистических и других операциях организации могут храниться в блокчейне, обеспечивая достоверность информации и предотвращая мошенничество. Это особенно важно для компаний, разбросанных по обширным территориям Дальнего Востока.

Во-вторых, программируемость блокчейна позволяет автоматизировать множество управленческих функций, что особенно ценно в условиях нехватки квалифицированных кадров в регионе. Смарт-контракты, встроенные в блокчейн, могут обеспечивать самоисполнение сделок, администрирование прав собственности, управление цепочками поставок и другие бизнес-процессы без участия человека.

В-третьих, блокчейн-решения могут сократить временные и финансовые затраты организаций на обмен данными и проведение транзакций. Это особенно актуально для Дальнего Востока, где инфраструктурные ограничения и удаленность создают существенные логистические проблемы. Невысокая экспертная оценка данного направления руководителями организаций Дальнего Востока обусловлена необходимостью осуществления капитальных затрат на формирование и поддержание данной системы, в том числе на закупку серверного оборудования.

Наконец, высокая отказоустойчивость и защищенность блокчейн-сетей делают их устойчивыми к сбоям и киберугрозам, что критически важно в условиях суровых климатических особенностей региона и изношенности инфраструктуры.

Таким образом, применение технологии блокчейн открывает широкие возможности для повышения эффективности управления организациями, действующими на Дальнем Востоке России. Внедрение блокчейн-решений может стать ключом к решению ряда ключевых управленческих проблем региона.

Отметим, что в целом можно говорить о довольно высоком уровне эффективности блокчейна в компаниях Дальнего Востока РФ и высоком уровне согласованности экспертов в этом вопросе при оценке эффектов.

Анализ опыта внедрения блокчейна в различных сферах бизнеса Дальнего Востока РФ позволил систематизировать уровень внедрения данной технологии (табл. 2).

Таблица 2

Степень использования блокчейна организациями Дальнего Востока России по сравнению с организациями центральной России

Сфера	Степень использования	Примечание
Финансовый сектор	Низкая	Ограниченный доступ к передовым блокчейн-решениям из-за удаленности от крупных финансовых центров
Управление цепями поставок	Средняя	Сравнительно небольшой объем международной торговли по сравнению с центральной Россией
Здравоохранение	Низкая	Недофинансирование и отсутствие поддержки со стороны правительства для проектов на основе блокчейна
Образование	Низкая	Низкая техническая оснащенность вузов, а также кадровый голод обуславливают неразвитость данной технологии
Управление недвижимостью	Низкая	Неразвитая инфраструктура для поддержки регистрации недвижимости с использованием блокчейна
Государственный сектор	Средняя	Запаздывание в реализации пилотных проектов блокчейна в государственном секторе

Сфера	Степень использования	Примечание
Электроэнергетика	Средняя	Ограниченное использование блокчейна для управления микросетями и распределенными ресурсами. Устаревшая энергетическая инфраструктура
Телекоммуникации	Средняя	Удаленность от основных телекоммуникационных центров. Сравнительно низкий уровень проникновения интернета

Для успешного внедрения технологии блокчейн в управление организациями Дальнего Востока нами сформулированы ключевые этапы внедрения данной технологии.

1. Определение приоритетных бизнес-процессов для блокчейнизации [12]. Не все функции организации одинаково подходят для перевода на блокчейн. Необходимо тщательно проанализировать, где использование блокчейна принесет максимальную пользу – будь то логистика, закупки, цепочки поставок, учет прав собственности или что-то еще.

2. Создание прозрачной «дорожной карты» внедрения. Внедрение блокчейна – это масштабный и комплексный проект, требующий четкого планирования. Необходимо определить этапы, сроки, ресурсы, ответственных лиц и ключевые контрольные точки.

3. Повышение компетенций персонала. Внедрение новых технологий всегда требует обучения персонала. Сотрудники организаций Дальнего Востока должны быть обучены базовым принципам работы блокчейна, его возможностям и ограничениям.

4. Развитие экосистемы блокчейн-решений. Для успешного внедрения блокчейна необходимо выстраивание партнерских отношений с разработчиками блокчейн-платформ, интеграторами, консультантами и другими участниками рынка.

5. Обеспечение информационной безопасности. Блокчейн-решения должны быть интегрированы с другими информационными системами организации с соблюдением высоких стандартов кибербезопасности.

6. Постепенное внедрение и гибкая адаптация. Внедрение блокчейна следует осуществлять поэтапно, отслеживая результаты и готовность организации к изменениям. Необходима гибкость для внесения оперативных корректировок в процесс.

Комплексный подход к внедрению блокчейна, учитывающий специфику управления организаци-

ями Дальнего Востока России, позволит реализовать весь потенциал этой технологии для повышения эффективности бизнес-процессов.

Итак, использование технологии блокчейн открывает новые возможности для повышения эффективности управления организациями, действующими в Дальневосточном регионе России. Этот регион обладает целым рядом специфических особенностей, которые создают серьезные управленческие проблемы для компаний: географической удаленностью, суровыми природно-климатическими условиями, ограниченностью инфраструктуры, дефицитом кадров и др.

Блокчейн за счет своих ключевых характеристик – распределенности, прозрачности, программируемости, отказоустойчивости – позволяет эффективно решать многие из этих проблем. Внедрение блокчейн-решений может повысить прозрачность бизнес-процессов, автоматизировать управленческие функции, сократить издержки, связанные с логистикой, и обеспечить высокую защищенность систем организаций.

Для успешного внедрения блокчейна в управление организациями Дальнего Востока необходим комплексный подход, включающий определение приоритетных областей применения, создание стратегии внедрения, развитие компетенций персонала, выстраивание экосистемы блокчейн-решений и обеспечение информационной безопасности. Поэтапное и гибкое внедрение блокчейна позволит раскрыть весь потенциал этой технологии в условиях специфики Дальневосточного региона.

Таким образом, блокчейн может стать ключевым инструментом повышения эффективности управления организациями на Дальнем Востоке России. Его грамотное и своевременное внедрение позволит компаниям в полной мере реализовать конкурентные преимущества региона.

Список источников

- Чернов В.А. Реализация цифровых технологий в финансовом управлении хозяйственной деятельностью // Экономика региона. 2020. № 1. С. 283–297.
- Мейрияни М., Варганегара Д.Л., Андини В. Большие данные, машинное обучение, искусственный интеллект и блокчейн в корпоративном управлении // Форсайт. 2023. № 4. С. 69–75.
- Ручьев А.В. Инвестиции на территории опережающего развития Дальнего Востока и использование финансово-технологических инструментов // Инновации и инвестиции. 2023. № 5. С. 39–42.

4. Рябко В.В., Васильева В.В. Блокчейн: проблемы и перспективы развития // Вопросы развития современной науки и техники. 2021. № 4. С. 165–173.
5. Молчанова А.А. Популяризация технологии Блокчейн и направления развития инновации // Современные инновации. 2019. № 2(30).
6. Соколова Т.Н., Волошин И.П., Петрунин И.А. Преимущества и недостатки технологии блокчейн // ИБР. 2019. № 1(34). С. 49–52.
7. Пахаев Х.Х., Айгумов Т.Г., Абдулмукуминова Ф.М. Роль технологии блокчейн в реализации кибербезопасности // ИВД. 2022. № 10(94).
8. Шилов К.Д., Зубарев А.В. Блокчейн и распределенные реестры как виды баз данных // Инновации. 2018. № 12(242).
9. Коновалова Т.В., Надириян С.Л., Котенкова И.Н., Коцурба С.В. Внедрение технологии блокчейн в деятельности транспортно-логистических предприятий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6.
10. Джумагельдиев С. Цифровая экономика и блокчейн: революция в управлении данными и финансами // Вестник науки. 2024. № 6(75).
11. Баев А.А., Левина В.С., Реут А.В., Свидлер А.А., Харитонов И.А., Григорьев В.В. Блокчейн-технология в бухгалтерском учете и аудите // Учет. Анализ. Аудит. 2020. № 1.
12. Тумилевич Е.Н., Фалеева Е.В. Анализ бизнес-процессов организации // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2022. № 6. С. 83–86.

References

1. Chernov V.A. Realizaciya cifrovyyh tekhnologiy v finansovom upravlenii hozyajstvennoj deyatel'nost'yu [The concept and definition of intelligence]. *Ekonomika regiona*. 2020. No. 1. P. 283–297. (in Russ.).
2. Mejrriyani M., Varganegara D.L., Andini V. Bol'shie dannye, mashinnoe obuchenie, iskusstvennyj intellekt i blokchejn v korporativnom upravlenii. [The concept and definition of intelligence]. *Forsajt*. 2023. No. 4. P. 69–75. (in Russ.).
3. Ruch'ev A.V. Investicii na territorii operezhayushchego razvitiya Dal'nego Vostoka i ispol'zovanie finansovo-tekhnologicheskikh instrumentov [The concept and definition of intelligence]. *Innovacii i investicii*. 2023. No. 5. P. 39–42. (in Russ.).
4. Ryabko V.V., Vasil'eva V.V. Blokchejn: problemy i perspektivy razvitiya [The concept and definition of intelligence]. *Voprosy razvitiya sovremennoj nauki i tekhniki*. 2021. No. 4. P. 165–173. (in Russ.).
5. Molchanova A.A. Populyarizaciya tekhnologii Blokchejn i napravleniya razvitiya innovacii [The concept and definition of intelligence]. *Sovremennye innovacii*. 2019. No. 2(30). (in Russ.).
6. Sokolova T.N., Voloshin I.P., Petrunin I.A. Preimushchestva i nedostatki tekhnologii blokchejn [The concept and definition of intelligence]. *IBR*. 2019. No. 1(34). P. 49–52. (in Russ.).
7. Pahaev H.H., Ajgumov T.G., Abdumukminova F.M. Rol' tekhnologii blokchejn v realizacii kiberbezopasnosti [The concept and definition of intelligence]. *IVD*. 2022. No. 10(94). (in Russ.).
8. SHilov K.D., Zubarev A.V. Blokchejn i raspredelennye reestry kak vidy baz dannyh [The concept and definition of intelligence]. *Innovacii*. 2018. No. 12(242). (in Russ.).
9. Konovalova T.V., Nadiryan S.L., Kotenkova I.N., Kocurba S.V. Vnedrenie tekhnologii blokchejn v deyatel'nosti transportno-logisticheskikh predpriyatij [The concept and definition of intelligence]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*. 2023. No. 6. (in Russ.).
10. Dzhumagel'diev S. Cifrovaya ekonomika i blokchejn: revolyuciya v upravlenii dannymi i finansami [The concept and definition of intelligence]. *Vestnik nauki*. 2024. No. 6 (75). (in Russ.).
11. Baev A.A., Levina V.S., Reut A.V., Svidler A.A., Haritonov I.A., Grigor'ev V.V. Blokchejn-tekhnologiya v buhgalterskom uchete i audite [The concept and definition of intelligence]. *Uchet. Analiz. Audit*. 2020. No. 1. (in Russ.).
12. Tumilevich E.N., Faleeva E.V. Analiz biznes-processov organizacii [The concept and definition of intelligence]. *Evrazijskoe prostranstvo: ekonomika, pravo, obshchestvo*. 2022. No. 6. S. 83–86. (in Russ.).

Информация об авторах

Е.В. Фалеева – кандидат технических наук, доцент;
 Е.Н. Тумилевич – кандидат экономических наук, доцент;
 М.Д. Фалеев – доцент.

Information about the authors

E.V. Faleeva is Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;
 E.N. Tumilevich is Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;
 M.D. Faleev is Associate Professor.

*Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
 Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
 The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.
 The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ / AUTHORS GUIDELINES

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Публикация статей бесплатная.

4. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию, размещены на официальном сайте журнала – <http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm>

5. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

6. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, телефон, e-mail.

7. К рассмотрению принимаются материалы, поступившие только на официальную электронную почту журнала: journal@festu.khv.ru.

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. The publication is free of charge.

4. The requirements for manuscripts submitted to the editorial board – <http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm>

5. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

6. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

7. Please address the materials to the following e-mail: journal@festu.khv.ru

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Подписку на журнал можно оформить по каталогу ООО «Урал-Пресс Округ». Подписной индекс – 84277.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ (2024)

Раздел	Номер	Стр.
Философия		
<i>Болванович С.А., Рудецкий О.А.</i> Формирование предрасположенности к доверию в перинатальный период человеческой жизни	Том XXI, Вып. 3	81
<i>Волкова А.А.</i> О четырех ступенях богопознания в древнерусском памятнике «Палея Толковая» в контексте влияния византийской святоотеческой мысли	Том XXI, Вып. 3	148
<i>Грудинин В.П.</i> Восприятие первооснов философии и принцип синтетизма в интеллектуальном наследии В.Н. Карпова	Том XXI, Вып. 3	135
<i>Ду Ваньюэ, Го Лишуан.</i> Объективация бытия и объективация Бога: критика онтологии в философии Н.А. Бердяева	Том XXI, Вып. 3	118
<i>Дьяконова Т.И.</i> Становление модели теистического рационализма в московской духовной академии: вклад В.Д. Кудрявцева-Платонова	Том XXI, Вып. 3	141
<i>Емельянова М.С.</i> Путь, Истина и Вера в рассказах Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» и А.П. Чехова «На пути»	Том XXI, Вып. 3	98
<i>Королёв А.Д.</i> Ловушки нашего времени (новая реальность и инфантильное сознание)	Том XXI, Вып. 4	31
<i>Королёв А.Д.</i> Не нуждаются в доверии	Том XXI, Вып. 3	46
<i>Лившиц Р.Л.</i> Злоупотребление доверием как социальная проблема	Том XXI, Вып. 3	34
<i>Ли Пин.</i> Гносеологические основания философии духовного опыта славянофильства и почвенничества	Том XXI, Вып. 3	159
<i>Маниковская М.А.</i> Потенциал коммуникативного разума как основание веры в будущее человеческого бытия	Том XXI, Вып. 3	62
<i>Маниковская М.А.</i> Идея личности: существо способа её экзистенции	Том XXI, Вып. 4	14
<i>Мартишина Н.И.</i> Вера и логика	Том XXI, Вып. 3	10
<i>Моисеенко Е.Е.</i> Природа нравственности в духовно-академической философии XIX века в контексте критики ницшеанства	Том XXI, Вып. 3	164
<i>Некрытая О.Н.</i> Особенность философской рецепции семьи и брака в духовно-академической науке конца XIX – начала XX века (на примере казанской школы православного теизма)	Том XXI, Вып. 3	124
<i>Новикова Н.В.</i> Принцип свободы воли в этике И. Канта как объект критики в православном академическом теизме	Том XXI, Вып. 3	130
<i>Павилов Д.А.</i> Проблема взаимосвязи веры и разума в контексте духовно-академической философии религии	Том XXI, Вып. 3	88
<i>Пишун С.В., Гэн Хайтянь.</i> «Закон трёх стадий» О. Конта как объект критики в православном академическом теизме конца XIX – начала XX века	Том XXI, Вып. 3	112
<i>Подкорытова В.А., Сердюков Ю.М., Госькова А.О.</i> Психолингвистические механизмы манипуляции и обмана в виртуальной среде	Том XXI, Вып. 3	68

Раздел	Номер	Стр.
<i>Сердюков Ю.М.</i> Архаические источники веры в «иной мир»	Том XXI, Вып. 3	17
<i>Вань Чансун, Гэн Хайтянь.</i> Вклад Сунь Мутяня в исследование истории советской философии науки и техники	Том XXI, Вып. 3	211
<i>Тайсина Э.А.</i> Мнение – Знание – Вера: философское эссе	Том XXI, Вып. 3	51
<i>Хань Юй.</i> Нравственный образ веры в философии истории славянофилов как объект анализа в русском духовно-академическом теизме	Том XXI, Вып. 3	93
<i>Чернявина Ю.А.</i> Образ веры в философских учениях представителей «Южинского кружка»	Том XXI, Вып. 3	105

Психология

<i>Антонова А.И.</i> Проблема жизнестойкости: аналитический обзор психологических исследований	Том XXI, Вып. 4	70
<i>Анчукова Н.И., Масленникова К.А.</i> Самоотношение и self-система личности в контексте проблемы личностных ресурсов переживания стресса	Том XXI, Вып. 4	81
<i>Бадалян Ю.В., Зенина С.Р.</i> Психологическая компетентность педагога: структура, содержание, факторы развития	Том XXI, Вып. 4	146
<i>Березовская С.М.</i> Оценка политической личности на основе интегративной теории Теодора Миллона	Том XXI, Вып. 4	49
<i>Болванович С.А.</i> Проблема формирования психоэмоциональных и когнитивных оснований жизнестойкости субъекта в перинатальный период его жизни	Том XXI, Вып. 4	104
<i>Браженская Н.Е.</i> Развитие семейных ценностей студентов в цифровую эпоху	Том XXI, Вып. 4	120
<i>Будрина Е.Г.</i> Когнитивный стиль полезависимость/полenezависимость в старшем подростковом возрасте: сравнение показателей на интервале 20 лет	Том XXI, Вып. 4	56
<i>Воробьева И.А.</i> Использование арт-терапии для диагностики состояния тоски	Том XXI, Вып. 4	63
<i>Воробьева К.И., Кулеш Е.В.</i> Этническая идентичность подростков из числа коренных малочисленных народов Хабаровского края (на примере нанайского этноса)	Том XXI, Вып. 2	33
<i>Вторушина Ю.С.</i> Психологический конструкт «образ мира» как универсальный инструмент изучения восточноазиатской этнической группы	Том XXI, Вып. 4	44
<i>Галактионов И.В., Гребенник И.Д.</i> Половые и гендерные особенности Я-концепции и самоотношения в старшем подростковом возрасте	Том XXI, Вып. 4	98
<i>Гончарова Е.В., Путинцева Е.И.</i> Индивидуально-личностные предикторы эскапизма пользователей социальных сетей	Том XXI, Вып. 4	114
<i>Григорьева Н.Г., Шустрова А.А.</i> Ответственность как актуальный личностный ресурс современного молодого человека	Том XXI, Вып. 4	87
<i>Донкан И.М., Таранец Р.Ю.</i> Технология психологического консультирования участников образовательного процесса в вузе	Том XXI, Вып. 2	132
<i>Ермакова Е.С.</i> Профессиональное выгорание и личностные характеристики педагогов дошкольного образования	Том XXI, Вып. 4	153

Раздел	Номер	Стр.
<i>Зангиров В.Г.</i> Феномен детства: этнопсихологический ракурс	Том XXI, Вып. 2	113
<i>Зенина С.Р., Бадалян Ю.В.</i> Удовлетворенность трудом как фактор субъективного благополучия менеджеров	Том XXI, Вып. 4	183
<i>Злобина О.Г., Карякин Р.В.</i> Влияние цифровых технологий обучения на личность студентов технических специальностей	Том XXI, Вып. 4	132
<i>Кулеш Е.В.</i> Самоорганизация педагога в условиях межкультурного взаимодействия полиэтнического региона	Том XXI, Вып. 4	169
<i>Кулеш Е.В., Веденина В.К.</i> Межкультурная адаптация молодежи из числа коренных малочисленных народов Хабаровского края	Том XXI, Вып. 2	41
<i>Каменева-Любавская Е.Н., Борзова Т.В., Борзова А.С.</i> Миграционные настроения и мотивы потенциальных абитуриентов Дальневосточного федерального округа	Том XXI, Вып. 2	23
<i>Комарова В.В., Леженина А.А., Леженина А.Д.</i> Социально-психологические факторы закрепления и удержания молодёжи на Дальнем Востоке России	Том XXI, Вып. 4	196
<i>Кора Н.А.</i> Преподавательская профессия в Китае: мотивы профессиональной деятельности и удовлетворенность трудом	Том XXI, Вып. 4	161
<i>Леженина А.А., Ишмухаметова А.Д.</i> Личностные ресурсы противодействия профессиональному выгоранию сотрудников наркоконтроля	Том XXI, Вып. 4	176
<i>Маховская О.И.</i> Феномен материнской агрессии в контексте цифровой социализации	Том XXI, Вып. 4	124
<i>Никитина А.А.</i> Переживание смысла деятельности у педагогов высшей школы с разным уровнем профессиональной востребованности личности	Том XXI, Вып. 4	138
<i>Павлова Е.В.</i> Вовлеченность личности в пространство жизнеосуществления: общая характеристика проблемного поля исследования	Том XXI, Вып. 4	36
<i>Пилипенко Т.С., Чепиков Е.В.</i> Субъектные характеристики феномена самопринятия	Том XXI, Вып. 4	76
<i>Резанова Н.В., Помченко М.А., Валентина Ю.А.</i> Взаимосвязь эмоционального выгорания с субъективным благополучием личности педагогов (на примере педагогических работников сельских школ Дальнего Востока)	Том XXI, Вып. 4	210
<i>Стрижицкая О.Ю., Стрельников Г.И.</i> Проактивный подход к старению: взгляд Восток – Запад	Том XXI, Вып. 4	22
<i>Сухарев А.В.</i> Дошкольное образование в эпоху постмодерна: проблема психологии мультикультуранности	Том XXI, Вып. 2	98
<i>Харчевникова Е.В., Нефёдова В.В.</i> Стратегии когнитивной регуляции эмоций у психологов с разным типом проявления жизнестойкости	Том XXI, Вып. 4	93
<i>Яссман В.П.</i> Роль ранних детских воспоминаний в становлении этнокультурной идентичности	Том XXI, Вып. 2	104
Филология		
<i>Алешинская Е.В.</i> Русский вариант английского языка в дискурсе популярной музыки	Том XXI, Вып. 1	23
<i>Амзаракова И.П., Кульпина Л.Ю.</i> Разговорная речь сквозь призму языковой вариативности: лингвистический и лингвометодический аспекты	Том XXI, Вып. 1	132

Раздел	Номер	Стр.
<i>Антонова А.М.</i> Заимствование русизмов в оригинальном англоязычном описании русской культуры	Том XXI, Вып. 1	29
<i>Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В.</i> Имена собственные в языке, переводе и переводе культуры	Том XXI, Вып. 1	225
<i>Булавина Н.А.</i> Бирманский (мьянманский) вариант английского языка: краткий обзор существующих исследований	Том XXI, Вып. 1	37
<i>Взоров М.А.</i> Поэзия Эзры Паунда в вариантах перевода на русский язык: стихотворение "A girl" как пример переводной множественности	Том XXI, Вып. 1	206
<i>Волкова Т.А.</i> Системность и вариативность модели и стратегии перевода	Том XXI, Вып. 1	211
<i>Герасименко И.В.</i> Вариативность стратегий британского политического дискурса в выступлениях Терезы Мэй	Том XXI, Вып. 1	154
<i>Кабахидзе Е.Л.</i> Соотношение вербального и визуального кодов в политической метафоре (на материале моно- и полимодальных текстов политических карикатур)	Том XXI, Вып. 1	171
<i>Кириллова О.О.</i> Ирландское влияние на австралийский вариант английского языка и культуру	Том XXI, Вып. 1	43
<i>Козлов Д.В.</i> Мультикультурный английский язык Лондона в языковом континууме Британии	Том XXI, Вып. 1	61
<i>Кондратенко Е.П.</i> Корпусное исследование функционирования фразовых глаголов в вариантах английского языка	Том XXI, Вып. 1	102
<i>Лазарцева А.А.</i> Факторы, влияющие на формирование колористических фразеологизмов (на материале вариантов английского языка Внутреннего, Внешнего и Расширяющегося кругов)	Том XXI, Вып. 1	96
<i>Лебедева Е.С.</i> Реакция искусственного интеллекта на восприятие вариантов английского языка (на примере художественной литературы)	Том XXI, Вып. 1	18
<i>Лебедева И.Л., Выдрин А.А.</i> Вариативность в произведениях Гари Штейнгарта: трудности перевода	Том XXI, Вып. 1	233
<i>Максименко О.И., Беляков М.В.</i> Сдвиги коммуникативной нормы как продуцент вариативности в англоязычном сегменте интернета	Том XXI, Вып. 1	123
<i>Мальшева Н.В., Ефимова М.Е.</i> Передача прагматического потенциала в выступлениях экоактивистов (в оригинале и переводе)	Том XXI, Вып. 1	164
<i>Никитина М.А.</i> Интерпретация метафор заголовка экономических текстов в прессе	Том XXI, Вып. 1	181
<i>Никитина М.С.</i> Корреляция вариантов полинационального испанского языка в странах Латинской Америки	Том XXI, Вып. 1	76
<i>Павлова Я.А.</i> Лексическая синонимия в ситуациях юридического дискурса с позиций лингвистической синергии	Том XXI, Вып. 1	109
<i>Пак С.М.</i> Фактор языковой вариативности в функционально-семантической оценке лексических единиц	Том XXI, Вып. 1	148
<i>Полубиченко Л.В.</i> Язык для специальных целей: рациональное, эмоциональное и интуитивное в научном познании (на примере английского языка биологов)	Том XXI, Вып. 1	185
<i>Прошина З.Г.</i> Локальные варианты и глобальные тенденции английского языка	Том XXI, Вып. 1	13

Раздел	Номер	Стр.
<i>Прошина У.М.</i> Австрализмы в современных словарях английского языка, корпусах и системах искусственного интеллекта	Том XXI, Вып. 1	52
<i>Ривлина А.А.</i> Англо-русская языковая игра в интернете: письменное использование нарочитого гибридного руслиша	Том XXI, Вып. 1	117
<i>Садченко В.Т.</i> Этнолингвистический ландшафт Хабаровского края: к проекту создания топонимического словаря	Том XXI, Вып. 3	196
<i>Садченко В.Т., Хоу Сюэли.</i> Характеристика семантической структуры глаголов речи в русских говорах Приамурья: аспектологический подход	Том XXI, Вып. 1	83
<i>Су Цзянь.</i> Таксономия паремий в китайском языковедении: структурно-семантические и лингвопрагматические аспекты	Том XXI, Вып. 1	254
<i>Темирова Д.А.</i> Специфика использования дискурсивных маркеров в текстах SMS-сообщений на сингапурском варианте английского языка	Том XXI, Вып. 1	193
<i>Торопова Л.С., Караванова Е.К.</i> К вопросу о транскультурной вариативности интерпретации концепта Barbie в современном англоговорящем китайском языковом сообществе	Том XXI, Вып. 1	199
<i>Чемоданова С.М.В.</i> Вариативность номинаций в английских переводах Николая Котара русских сказок и былин в сборниках «In a Certain Kingdom»	Том XXI, Вып. 1	219
<i>Чжан Лю.</i> Сравнительный анализ лексико-семантического поля «связь» и «关系» (гуаньси) в русской и китайской лингвокультурах	Том XXI, Вып. 1	92
<i>Щербина С.Ю.</i> Диалект в немецком анекдоте	Том XXI, Вып. 1	141
<i>Ширлина Е.Н.</i> Англицизмы в австрийском варианте немецкого языка	Том XXI, Вып. 1	67
<i>Шушарина Г.А., Петрунина Ж.В.</i> Влияние политики «мягкой силы» на языковой сдвиг в обществе	Том XXI, Вып. 1	159
Социология, политология		
<i>Ким А.С.</i> «Молодые» и «старые» диаспоры как феномены этнической миграции в Дальневосточном регионе	Том XXI, Вып. 2	185
<i>Ким А.С., Свирид Д.И.</i> Социально-экономические аспекты раннего предупреждения социальной напряжённости на Дальневосточных территориях (на примере Хабаровского края)	Том XXI, Вып. 4	191
<i>Тимошенко В.Н., Паламар В.Н.</i> Отказ от политики самообороны и реакция стран Азиатско-Тихоокеанского региона на усиление Японии	Том XXI, Вып. 4	217
<i>Фалеева Е.В., Тумилевич Е.Н., Фалеев М.Д.</i> Использование технологии блокчейн в управлении организациями Дальнего Востока России	Том XXI, Вып. 4	223
История, культурология		
<i>Анисимов А.Л., Зинятова М.Н.</i> Помощь полиции иностранцам, нелегально оказавшимся на побережье Тихого океана в середине XIX века, и позиция Министерства внутренних дел Российской империи по этому вопросу	Том XXI, Вып. 2	178
<i>Березницкий С.В.</i> Этнография детства и этнокультурная идентичность тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов	Том XXI, Вып. 2	47
<i>Иванова Е.М.</i> Познавательный мир детства в межэтническом пространстве	Том XXI, Вып. 2	11

Раздел	Номер	Стр.
<i>Курбанова Л.М.</i> Сказочный туризм – перспективное направление изучения региональной этнографии	Том XXI, Вып. 2	53
<i>Малакшанова В.Б.</i> Традиционная игрушка эвенков (по материалам коллекций Российского этнографического музея и Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова)	Том XXI, Вып. 2	59
<i>Маниковская М.А.</i> Власть поэтического слова Людмилы Миланич	Том XXI, Вып. 2	191
<i>Марков С.М.</i> Философский путеводитель в мир детства Л. Ферри и А. Конт-Спонвиля, или Методология этнографии детства	Том XXI, Вып. 2	65
<i>Матвеева Е.В.</i> Научный анализ и педагогическое сопровождение проекта по культурной антропологии детства	Том XXI, Вып. 2	73
<i>Осипова М.В.</i> Айнский фольклор как средство этнокультурного и социально-нравственного воспитания детей	Том XXI, Вып. 2	78
<i>Титорева Г.Т.</i> Охотничий промысел эвенков Приохотья: историческая ретроспектива	Том XXI, Вып. 3	190
<i>Чимитдоржиев Ж.Ж., Линник П.С.</i> Биоэтнологический взгляд на детское питание коренных этносов Дальнего Востока	Том XXI, Вып. 2	87
Педагогика		
<i>Ахмыловская Л.А.</i> Историческая личность в контексте профессионально-ориентированного изучения иностранного языка: Идзумо но Окуни	Том XXI, Вып. 1	247
<i>Гареева И.А., Литвинцева С.А.</i> Наставничество как фактор профессиональной социализации специалистов здравоохранения	Том XXI, Вып. 2	126
<i>Злобина О.Г., Никитина М.А.</i> Возможности применения ресурсов искусственного интеллекта в формировании иноязычной компетенции	Том XXI, Вып. 3	182
<i>Кортелев К.В., Сердюков Ю.М., Кортелев В.В., Сердюков М.Ю.</i> Интеграция элементов виртуальной реальности и искусственного интеллекта в образовательное пространство учащихся с ограниченными возможностями здоровья по зрению в школах Хабаровского края	Том XXI, Вып. 1	240
<i>Кузнецова Е.И.</i> Цифровые компетенции как фактор цифрового доверия	Том XXI, Вып. 2	143
<i>Маринич Л.Ф., Прыткова Ж.И.</i> Изучение терминологии как форма мотивации к исследовательской деятельности студентов в контексте дисциплины ELSP в Дальневосточном государственном университете путей сообщения	Том XXI, Вып. 2	199
<i>Никифорова О.А.</i> Путь лидера: развитие профессиональных компетенций в студенческих проектах	Том XXI, Вып. 2	149
<i>Пляскин А.К., Агранат Ю.В.</i> Роль образовательного партнерства в модели формирования компетенций студентов	Том XXI, Вып. 4	203
<i>Савин С.Д., Третьякова И.Д.</i> Стимулы и препятствия экологически ориентированного поведения студенческой молодежи	Том XXI, Вып. 2	155
<i>Стасюк Е.В.</i> Развитие образования и науки на Дальнем Востоке России как фактор закрепления молодежи в регионе (на примере Хабаровского края)	Том XXI, Вып. 3	203
<i>Тюрина Ю.А., Усачева Е.А.</i> Методика организации деловой игры	Том XXI, Вып. 2	163

Раздел	Номер	Стр.
<i>Тюрина Ю.А., Антончева О.А., Ляшко С.В.</i> Надпрофессиональные компетенции в представлениях студентов вузов	Том XXI, Вып. 2	119
<i>Усачева Е.А., Пятышева М.В.</i> Матричная оценка качества деятельности образовательной организации как инструмент стратегического управления	Том XXI, Вып. 3	169
<i>Шалина О.И., Шеина А.Ю.</i> Формирование цифровых компетенций: подготовка кадров для новой экономики	Том XXI, Вып. 3	176
<i>Шеина А.Ю., Тулупьева Т.В., Лихтин А.А.</i> Подходы к формированию компетенций государственных и муниципальных служащих в условиях цифровой трансформации и современного образования	Том XXI, Вып. 2	172

Критика и библиография

<i>Иконникова Е.А.</i> Поэтика метапрозы русских писателей начала XX века: взгляд из Китая (рецензия на монографию Лю Мяовэня «Поэтика метапрозы 1920–1930-х годов (В.Б. Шкловский И В.А. Каверин)»)	Том XXI, Вып. 1	259
<i>Сысоева О.А.</i> Литература Хабаровского края и ее учебный потенциал (рецензия на монографию О.Н. Александровой-Осокиной и Хуана Цзяня «Лирика Петра Комарова»)	Том XXI, Вып. 1	262

ARTICLE INDEX (2024)

Section	Number	Pages
Philosophy		
<i>Bolvanovich S.A., Rudetsky O.A.</i> Formation of a Predisposition to Trust in the Perinatal Period of Human Life	Vol. XXI, Issue 3	81
<i>Chernyavina Ju.A.</i> The Image of Faith in the Philosophical Teachings of the Representatives of the Yuzhinsky Circle	Vol. XXI, Issue 3	105
<i>Du Wanyue, Guo Lishuang.</i> Objectification of Being and Objectification of God: Critique of Ontology in the Philosophy of N.A. Berdyaev	Vol. XXI, Issue 3	118
<i>Dyakonova T.I.</i> Formation of a Model of Theistic Rationalism at the Moscow Theological Academy: Contribution of V.D. Kudryavtsev-Platonov	Vol. XXI, Issue 3	141
<i>Emelyanova M.S.</i> The Way, Truth and Faith in the Stories by F.M. Dostoevsky «The Dream of a Funny Man» and A.P. Chekhov «On the Way»	Vol. XXI, Issue 3	98
<i>Grudin V.P.</i> The Perception of the Fundamental Principles of Philosophy and the Principle of Synthetism in the Intellectual Heritage of V.N. Karpov	Vol. XXI, Issue 3	135
<i>Han Yu.</i> Moral Image of Faith in the Philosophy of the History of Slavophiles as an Object of Analysis in Russian Spiritual and Academic Theism	Vol. XXI, Issue 3	93
<i>Korolev A.D.</i> They Don't Need to be Trusted	Vol. XXI, Issue 3	46
<i>Korolev A.D.</i> The Pitfalls of Our Time (New Reality and Infantile Consciousness)	Vol. XXI, Issue 4	31
<i>Li Ping.</i> Epistemic Foundations of the Philosophy of Spiritual Experience of Slavophilism and Pochvennichestvo	Vol. XXI, Issue 3	159
<i>Livshits R.L.</i> Trust Abused as a Social Problem	Vol. XXI, Issue 3	34
<i>Manikovskaya M.A.</i> The Communicative Reason Potential as the Basis for Faith in the Future of Human Existence	Vol. XXI, Issue 3	62
<i>Manikovskaya M.A.</i> The Idea of Personality: the Essence of Its Mode of Existence	Vol. XXI, Issue 4	14
<i>Martishina N.I.</i> Faith and Logic	Vol. XXI, Issue 3	10
<i>Moiseenko E.E.</i> The Nature of Morality in the Spiritual and Academic Philosophy of the 19th Century in the Context of Criticism of Nietzscheanism	Vol. XXI, Issue 3	164
<i>Nekrytaya O.N.</i> Features of the Philosophical Reception of Family and Marriage in Spiritual and Academic Science of the Late 19th and Early 20th Centuries (Based on the Example of the Kazan School of Orthodox Theism)	Vol. XXI, Issue 3	124
<i>Novikova N.V.</i> The Principle of Free Will in Ethics of I. Kant as an Object of Criticism in Orthodox Academic Theism	Vol. XXI, Issue 3	130
<i>Pavlov D.A.</i> The issue of the Relationship Between Faith and Reason Within the Context of the Spiritual and Academic Philosophy of Religion	Vol. XXI, Issue 3	88
<i>Pishun S.V., Geng Haitian.</i> "The Law of Three Stages" by Auguste Comte as an Object of Criticism in Orthodox Academic Theism of the Late XIX – Early XX Centuries	Vol. XXI, Issue 3	112
<i>Podkorytova V.A., Serdyukov Yu.M., Guskova A.O.</i> Psycholinguistic Mechanisms of Manipulation and Deception in a Virtual Environment	Vol. XXI, Issue 3	68

Section	Number	Pages
<i>Serdyukov Y.M.</i> Archaic Sources of Faith in "Another World"	Vol. XXI, Issue 3	17
<i>Tajsina E.A.</i> Opinion – Knowledge – Faith: Philosophical Essay	Vol. XXI, Issue 3	51
<i>Volkova A.A.</i> On the Four Stages of Knowledge of God in Ancient Russian Work «Sensible Palea» in the Context of the Influence of Byzantine Patristic Thought	Vol. XXI, Issue 3	148
<i>Wan Changsong, Geng Haitian.</i> Sun Mutian's Contribution to the Study of the History of Soviet Philosophy of Science and Technology	Vol. XXI, Issue 3	211
Psychology		
<i>Anchukova N.I., Maslennikova K.A.</i> Self-Attitude and Self-System of Personality in the Context of the Problem of Personal Resources for Experiencing Stress	Vol. XXI, Issue 4	81
<i>Antonova A.I.</i> The Problem of Resilience: an Analytical Review of Psychological Research	Vol. XXI, Issue 4	70
<i>Badalyan Yu.V., Zenina S.R.</i> Psychological Competence of a Teacher: Structure, Content, Factors of Development	Vol. XXI, Issue 4	146
<i>Berezovskaya S.M.</i> Assessment of a Political Personality Based on Theodore Millon's Integrative Theory	Vol. XXI, Issue 4	49
<i>Bolvanovich S.A.</i> The Problem of Forming Psycho-Emotional and Cognitive Foundations of Resilience in the Perinatal Period	Vol. XXI, Issue 4	104
<i>Brazhenskaya N.E.</i> Development of Students' Family Values in the Digital Age	Vol. XXI, Issue 4	120
<i>Budrina E.G.</i> Cognitive Style of Field Dependence/Independence in Late Adolescence: a Comparison of Indicators Over a 20-year Period	Vol. XXI, Issue 4	56
<i>Donkan I.M., Taranets R.Yu.</i> Technology of Psychological Counselling of Participants of the Educational Process in University	Vol. XXI, Issue 2	132
<i>Ermakova E.S.</i> Professional Burnout and Personal Characteristics of Preschool Teachers	Vol. XXI, Issue 4	153
<i>Galaktionov I.V., Grebennik I.D.</i> Sexual and Gender Features of Self-Concept and Self-Attitude in Senior Adolescence	Vol. XXI, Issue 4	98
<i>Goncharova E.V., Putintseva E.I.</i> Individual-Personal Predictors of Social Media Users' Escapism	Vol. XXI, Issue 4	114
<i>Grigoryeva N.G., Shustrova A.A.</i> Responsibility as an Actual Personal Resource of a Modern Young Person	Vol. XXI, Issue 4	87
<i>Harchevnikova E.V., Nefedova V.V.</i> Cognitive Emotion Regulation Strategies Among Psychologists With Different Types of Manifestations of Resilience	Vol. XXI, Issue 4	93
<i>Kameneva-Liubavskaja E.N., Borzova T.V., Borzova A.S.</i> Migration Sentiments and Motives of Potential Applicants in the Far Eastern Federal district	Vol. XXI, Issue 2	23
<i>Komarova V.V., Lezhenina A.A., Lezhenina A.D.</i> Social and Psychological Factors for Retaining Youth in the Russian Far East	Vol. XXI, Issue 4	196
<i>Kora N.A.</i> Teaching Profession in China: Motives for Professional Activity and Job Satisfaction	Vol. XXI, Issue 4	161
<i>Kulesh E.V.</i> Teachers' Self-Organization in the Context of Intercultural Interaction in a Multi-Ethnic Region	Vol. XXI, Issue 4	169
<i>Kulesh E.V., Vedenina V.K.</i> Intercultural Adaptation of Young People from Among the Indigenous Peoples of the Khabarovsk Territory	Vol. XXI, Issue 2	41

Section	Number	Pages
<i>Lezhenina A.A., Ishmukhametova A.D.</i> Personnel Resources to Counter the Professional Burnout of Drug Control Officers	Vol. XXI, Issue 4	176
<i>Makhovskaya O.I.</i> The Phenomenon of Mothers' Aggression in Digital Socialization	Vol. XXI, Issue 4	124
<i>Nikitina A.A.</i> Experience of the Meaning of Activity Among Lecturer at the Higher School With Different Levels of Professional Relevance	Vol. XXI, Issue 4	138
<i>Pavlova E.V.</i> Involvement of the Individual in the Space of Life-Realization: General Characteristics of the Problematic Field of Research	Vol. XXI, Issue 4	36
<i>Pilipenko T.S., Chepikov E.V.</i> Subjective Characteristics of the Phenomenon of Self-Acceptance	Vol. XXI, Issue 4	76
<i>Rezanova N.V., Pomchenko M.A., Akhmolina V.U.</i> The Relationship Between Emotional Burnout and the Subjective Well-Being of Teachers (on the Example of Teaching Staff in Rural Schools in the Far East)	Vol. XXI, Issue 4	210
<i>Strizhitskaya O.Yu., Strelnikov G.I.</i> Proactive Approach to Aging: East – West Perspective	Vol. XXI, Issue 4	22
<i>Sukharev A.V.</i> Preschool Education in the Postmodern Era: the Problem of Multicultural Psychology	Vol. XXI, Issue 2	98
<i>Vorobeva I.A.</i> The Implementation of Art Therapy to Diagnose the State of Anguish	Vol. XXI, Issue 4	63
<i>Vorobyova K.I., Kulesh E.V.</i> Ethnic Identity of Adolescents From the Indigenous Peoples of the Khabarovsk Territory (Based on the Example of the Nanai Ethnos)	Vol. XXI, Issue 2	33
<i>Vtorushina Yu.S.</i> The Psychological Construct "The Image of the World" as a Universal Tool for Studying the East Asian Ethnic Group	Vol. XXI, Issue 4	44
<i>Yassman V.P.</i> Role of Early Childhood Memories in the Formation of Ethnocultural Identity	Vol. XXI, Issue 2	104
<i>Zangiurov V.G.</i> The Phenomenon of Childhood: Ethnopsychological Perspective	Vol. XXI, Issue 2	113
<i>Zenina S.R., Badalyan Yu.V.</i> Job Satisfaction as a Factor of Subjective Well-Being of Employees	Vol. XXI, Issue 4	183
<i>Zlobina O.G., Karyakin R.V.</i> The Impact of Digital Technologies on Students of Technical Specialties	Vol. XXI, Issue 4	132
Philology		
<i>Aleshinskaya E.V.</i> Russian English in the Discourse of Popular Music	Vol. XXI, Issue 1	23
<i>Amzarakova I.P., Kulpina L.Yu.</i> Colloquial Speech in the Context of Language Variation: Linguistic and Linguodidactic Aspects	Vol. XXI, Issue 1	132
<i>Antonova A.M.</i> Russian Borrowings in Russian-Culture-Oriented English	Vol. XXI, Issue 1	29
<i>Beloglazova E.V., Kabakchi V.V.</i> Proper Names in Language, Translation, and Cultural Translation	Vol. XXI, Issue 1	225
<i>Bulavina N.A.</i> Burmese (Myanmar) English: a Brief Overview of Its Research	Vol. XXI, Issue 1	37
<i>Gerasimenko I.V.</i> Variability of Strategies in Theresa May's Speeches Representing the British Political Discourse	Vol. XXI, Issue 1	154

Section	Number	Pages
<i>Kabakhidze E.L.</i> Interrelation of Verbal and Non-Verbal Codes in Political Metaphor (Based on Mono- and Polymodal Texts of Political Caricatures)	Vol. XXI, Issue 1	171
<i>Kirillova O.O.</i> Irish Influence on Australian English and Culture	Vol. XXI, Issue 1	43
<i>Kondratenko E.P.</i> A Corpus Study of Phrasal Verbs Functioning in English Varieties	Vol. XXI, Issue 1	102
<i>Kozlov D.V.</i> Multicultural London English in the Linguistic Continuum of Britain	Vol. XXI, Issue 1	61
<i>Lazartseva A.A.</i> Factors Affecting the Formation of Color Phraseological Units (Based on English Varieties of the Inner, Outer and Expanding Circles)	Vol. XXI, Issue 1	96
<i>Lebedeva E.S.</i> Ai Reaction to World Englishes: a Study of Fiction	Vol. XXI, Issue 1	18
<i>Lebedeva I.L., Vydrin A.A.</i> Variation in Gary Shteyngart's Fiction: Lost in Translation	Vol. XXI, Issue 1	233
<i>Maksimenko O.I., Belyakov M.V.</i> Shifts in the Communicative Norm as a Producer of Variability in the English-Speaking Segment of the Internet	Vol. XXI, Issue 1	123
<i>Malysheva N.V., Efimova M.E.</i> Pragmatic Potential Reproduction in Eco-Activists' Speeches (in the Original and Translation)	Vol. XXI, Issue 1	164
<i>Nikitina M.A.</i> Interpretation of Metaphors in the Headlines of Economic Text in the Press	Vol. XXI, Issue 1	181
<i>Nikitina M.S.</i> Correlation of Varieties of the Spanish Polynational Language in Latin American Countries	Vol. XXI, Issue 1	76
<i>Pak S.M.</i> The Factor of Language Variability in Functional Semantic Assessment of Language Units	Vol. XXI, Issue 1	148
<i>Pavlova Y.A.</i> Lexical Synonymy in the Situations of Legal Discourse From a Linguistic Synergy Perspective	Vol. XXI, Issue 1	106
<i>Polubichenko L.V.</i> Language for Specific Purposes: Rational, Emotional and Intuitive in Scientific Cognition (the Case of English for Biologists)	Vol. XXI, Issue 1	185
<i>Proshina U.M.</i> Australian English in Online Dictionaries, Corpora and ai Chatbots	Vol. XXI, Issue 1	52
<i>Proshina Z.G.</i> Local Varieties and Global Trends of English	Vol. XXI, Issue 1	13
<i>Rivlina A.A.</i> English-Russian Language Play on the Internet: Mock Ruslish Written Performances	Vol. XXI, Issue 1	117
<i>Sadchenko V.T.</i> Ethnolinguistic Landscape of the Khabarovsk Territory: Towards the Project of Creating a Toponymic Dictionary	Vol. XXI, Issue 3	196
<i>Sadchenko V.T., Hou Xueli.</i> Characteristics of the Semantic Structure of Speech Verbs in the Russian Dialects of the Amur Region: an Aspectological Approach	Vol. XXI, Issue 1	83
<i>Shcherbina S.Yu.</i> Dialekt in German Jokes	Vol. XXI, Issue 1	141
<i>Shirlina E.N.</i> English Loanwords in the Austrian Variety of the German Language	Vol. XXI, Issue 1	67
<i>Shusharina G.A., Petrunina Zh.V.</i> The Impact of «Soft Power» Policy on Language Shift in Society	Vol. XXI, Issue 1	159

Section	Number	Pages
<i>Su Jiayan.</i> Taxonomy of Paremiias in Chinese Linguistics: Structural-Semantic and Linguapragmatic Aspects	Vol. XXI, Issue 1	254
<i>Tchemodanova S.M.V.</i> Naming Variation in English Translations of Russian Fairy Tales and Byliny Translated by Nicholas Kotar in the Collections in a Certain Kingdom	Vol. XXI, Issue 1	219
<i>Temirova Dzh.A.</i> The Specifics of Discourse Marker Usage in SMS Texted in Singapore English	Vol. XXI, Issue 1	193
<i>Toropova L.S., Karavanova E.K.</i> On Transcultural Variability of the Barbie Concept Interpretation in the Modern English-Speaking Chinese Language Community	Vol. XXI, Issue 1	199
<i>Volkova T.A.</i> Translation Model and Translation Strategy: Systematic and Variational Approach	Vol. XXI, Issue 1	211
<i>Vzorov M.A.</i> The Poetry of Ezra Pound in Russian Translations: the Poem "A Girl" as Translation Multiplicity	Vol. XXI, Issue 1	206
<i>Zhang Liu.</i> Comparative Analysis of the Lexico-Semantic Field of «Связь» and «关系» (Guanxi) in Russian and Chinese Linguacultures	Vol. XXI, Issue 1	92
Sociology, Political Science		
<i>Faleeva E.V., Tumilevich E.N., Faleev M.D.</i> Using Blockchain Technology in Managing Organizations in the Far East	Vol. XXI, Issue 4	223
<i>Kim A.S.</i> "Young" and "Old" Diasporas as Phenomena of Ethnic Migration in the Far Eastern Region	Vol. XXI, Issue 2	185
<i>Kim A.S., Svirid D.I.</i> Socio-Economic Aspects of Early Warning of Social Tension in the Far Eastern Territories (Using the Example of the Khabarovsk Territory)	Vol. XXI, Issue 4	191
<i>Timoshenko V.N., Palamar V.N.</i> Reaction of APAC Countries to the Strengthening of Japan	Vol. XXI, Issue 4	217
History, Cultural Studies		
<i>Anisimov A.L., Zinyatova M.N.</i> Police Assistance to Foreigners Illegally Stranded on the Pacific Coast in the Middle of the 19th Century and the Position of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire on this Issue	Vol. XXI, Issue 2	178
<i>Bereznitsky S.V.</i> Ethnography of Childhood and Ethnocultural Identity of Tunguso-Manchurians and Paleoasians	Vol. XXI, Issue 2	47
<i>Chimitdorzhiev Zh.Zh., Linnik P.S.</i> Bio-Ethnological View of Baby Food Indigenous Ethnos of the Far East	Vol. XXI, Issue 2	87
<i>Ivanova E.M.</i> Cognitive World of Childhood in Interethnic Space	Vol. XXI, Issue 2	11
<i>Kurbanova L.M.</i> Fairy Tale Tourism as a Promising Direction in the Study of Regional Ethnography	Vol. XXI, Issue 2	53
<i>Malakshanova V.B.</i> Traditional Toy of Evenks (on Materials of Collections of the Russian Museum of Ethnography and Khabarovsk Krai Museum Named After N.I. Grodekov)	Vol. XXI, Issue 2	59
<i>Manikovskaya M.A.</i> The Power of the Poetic Word of Lyudmila Milanich	Vol. XXI, Issue 2	191
<i>Markov S.M.</i> A Philosophical Guide to the World of Childhood by L. Ferri and A. Comte-Sponville, or the Methodology of Ethnography of Childhood	Vol. XXI, Issue 2	65
<i>Matveeva E.V.</i> Scientific and Pedagogical Support of Project on Cultural Anthropology of Childhood	Vol. XXI, Issue 2	73
<i>Osipova M.V.</i> Ainu Folklore as a Means of Ethnocultural and Socio-Moral Education of Children	Vol. XXI, Issue 2	78

Section	Number	Pages
<i>Titoreva G.T.</i> Hunting Trade of the Evens in Priokhotye: Historical Retrospective	Vol. XXI, Issue 3	190
Education		
<i>Akhmylovskaya L.A.</i> Historical Person in the Context of Professionally Oriented Foreign Language Learning: Izumo no Okuni	Vol. XXI, Issue 1	247
<i>Gareeva I.A., Litvintseva S.A.</i> Mentoring as a Factor in the Professional Socialization of Healthcare Professionals	Vol. XXI, Issue 2	126
<i>Kortelev K.V., Serdyukov Yu.M., Kortelev V.V., Serdyukov M.Yu.</i> Integration of Virtual Reality and Artificial Intelligence Technologies Into the Education of Students With Visual Disabilities in Schools of Khabarovsk Krai	Vol. XXI, Issue 1	241
<i>Kuznetsova E.I.</i> Digital Competencies as a Factor of Digital Trust	Vol. XXI, Issue 2	143
<i>Marinich L.Ph., Prytkova Zh.I.</i> Mastering Terminology as a Motivation Model for Students' Research Activity Within the Framework of the EISP in the Far Eastern State Transport University	Vol. XXI, Issue 2	199
<i>Nikiforova O.A.</i> Leadership Development: Professional Competencies in Student Projects	Vol. XXI, Issue 2	149
<i>Plyaskin A.K., Agranat Yu.V.</i> The Role of Educational Partnerships in Increasing the Competence of Students	Vol. XXI, Issue 4	203
<i>Savin S.D., Tretyakova I.D.</i> Stimuli and Barriers to Ecologically Oriented Behavior of Student Youth	Vol. XXI, Issue 2	155
<i>Shalina O.I., Sheina A.Yu.</i> Building Digital Competencies: Personnel Training for the New Economy	Vol. XXI, Issue 3	176
<i>Sheina A.Yu., Tulupyeva T.V., Likhtin A.A.</i> Approaches to Forming the Competencies of State and Municipal Employees in the Conditions of Digital Transformation and Modern Education	Vol. XXI, Issue 2	172
<i>Stasyuk E.V.</i> Development of Education and Science in the Russian Far East as a Factor in Retaining the Youth in the Region (using the example of Khabarovsk region)	Vol. XXI, Issue 3	203
<i>Tyurina Yu.A., Antoncheva O.A., Lyashko S.V.</i> Supra-Professional Competencies in the Perceptions of University Students	Vol. XXI, Issue 2	119
<i>Tyurina Yu.A., Usacheva E.A.</i> The Methodology of business game design	Vol. XXI, Issue 2	163
<i>Usacheva E.A., Pyatysheva M.V.</i> Matrix Quality Analysis of the Educational Organization's Activities as a Strategic Management Tool	Vol. XXI, Issue 3	169
<i>Zlobina O.G., Nikitina M.A.</i> The Application of the Artificial Intelligence Resources in the Development of the Foreign Language Competence	Vol. XXI, Issue 3	182
Critique and Bibliography		
<i>Ikonnikova E.A.</i> The Poetics of the Metaprose of Russian Writers of the Early Twentieth Century: a View From China (Review of Liu Xiao Wen's Monograph "The Poetics of Metaprose of the 1920s-1930s (V.B. Shklovsky and V.A. Kaverin)")	Vol. XXI, Issue 1	259
<i>Sysoeva O.A.</i> Literature of the Khabarovsk Territory and Its Educational Potential (Review of the Monograph by O.N. Alexandrova-Osokina and Huang Jiang «P. Komarov's Lyrics»)	Vol. XXI, Issue 1	262

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Том XXI

Выпуск 4, 2024

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*

Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2024 г. Поз. 12.8. Подписано в печать 19.12.2024 г. Дата выхода в свет 25.12.2024 г.

Усл. печ. л. 28,1. Зак. 176. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50 экз.). Цена 450 р.

Отпечатано в издательстве ДВГУПС.

Адрес издательства и типографии: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.